ВЕСТНИК МІТУ ВЕСТНИК ВЕТНИК ВЕСТНИК ВЕТНИК В

СЕРИЯ 3

Nº 22 / 2023

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Серия основана в 1998 году

Редакционная коллегия: А. Л. Подгайский (*ответственный редактор*), Н. П. Баранов, А. М. Захаров, А. Н. Кушнеревич, С. Е. Новиков, В. Н. Усоский

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Вестник Минского государственного лингвистического университета

Научно-теоретический ежегодник

Серия 3

ИСТОРИЯ, ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ Выходит один раз в год

Nº 22 / 2023

СОДЕРЖАНИЕ

История

Вуглік І. Р. Вялікае Княства Літоўскае як грамадская сістэма	5
Грабянчук І. В., Цымбал А. Г. «Вобраз ворага» ў ідэалагічным	
і інфармацыйным супрацьстаянні напярэдадні і падчас	
зімовай вайны 1939–1940 гг	11
Новікаў С. Я. Гісторыя Мінскага іняза: асноўныя этапы развіцця	
(да 75-гадовага юбілею)	19
<i>Усоский В. Н.</i> Меркантилизм как исторический этап	
развития экономики Западной Европы	55
<i>Цымбал А. Г.</i> Польская гістарычная палітыка ў XX–XXI стст.:	
эвалюцыя і вядучыя дыскурсы	67
A	
Философия и социология	
Баранов Н. П. К сущности военного конфликта	
между Россией и Украиной	78
Завадская Е. А., Ружицкая В. Ю. Коммуникативные стратегии	
трансгуманизма, продвигаемые продукцией киностудии Marvel	87
<i>Майборода Д. В.</i> Религиозная философия языка и коммуникации	
Салтанович И. П. Социальные медиа – социальные сети:	
от глобального к локальному	109
Севостьянова Н. Г. «Глаголы жизни вечной»	
в самобытной русской философии	117
b earloodiffier py eeron white ee will in the second with the	
Степанова Т. Л. Апология гедонизма как проявление кризиса	
	128
Степанова Т. Л. Апология гедонизма как проявление кризиса	

Экономика

история

Вуглік Ігар Рыгоравіч Кандыдат гістарычных навук, дацэнт Інстытут сучасных ведаў імя А. М. Шырокава Uglikigor@gmail.com

ВЯЛІКАЕ КНЯСТВА ЛІТОЎСКАЕ ЯК ГРАМАДСКАЯ СІСТЭМА

В статье рассматривается системно-структурная организация общества Великого Княжества Литовского. В основе теоретического подхода лежит принцип бинарных оппозиций с медиатором между ними, который дезавуирует деструктивную борьбу дихотомий. Изучаются социальная, политическая, экономическая, религиозная, художественная системы Княжества. Делается вывод об открытом, горизонтальном характере системной общественный организации, основанной на гибком соотношении бинарных оппозиций и медиатора, что обеспечивало позитивный характер реализации личностных, общественных интенций.

Ключевые слова: культура этноса; белорусская культура, бинарные оппозиции, медиатор, историко-культурный стиль.

Сярод тэарэтычных падыходаў да вывучэння гісторыка-культурных працэсаў адным з плённых з'яўляецца сістэмны, структурны, які грунтуецца на падыходзе да аб'екта даследавання як згуртаванага ўнутранымі сувязямі кансорцыума, што існуе ў пэўным сінхронным вымярэнні. Сістэмная арганізацыя - істотны кампанент усялякага сацыяльна-культурнага ўтварэння, больш таго, структура (кампанентны каркас сістэмнага высокатаксанамічнага ўтварэння) - фундаментальная характарыстыка культуры, таго, што бароніць ад небяспечных энтрапійных (дэструкцыйна-хаатачных) працэсаў. У дадзеным выпадку пад сістэмай будзе разумецца кампактна арганізаванае семантычна злучанае сацыяльна-культурнае ўтварэнне, а пад структурай яго кампазітны каркас. У даследаванні будзе выкарыстоўвацца апрабіраваны ў культурнай антрапалогіі сістэмна-структурны метад К. Леві-Строса, заснаваны на бінарных апазіцыях і медыятарах, якія амартызуюць супрацьстаянне апазіцый, не дазваляюць перамагчы адной з іх, што можа прывесці да заняпаду сістэмы [1]. Сістэмна-структурны падыход да вывучэння культуры часоў Вялікага Княства Літоўскага выкарыстоўваўся ў даследаваннях аўтара дадзенай работы [2; 3].

Вялікае Княства Літоўскае – арганічны сацыяльна-культурны феномен, які меў збалансаваную, з бінарнымі апазіцыямі і медыятарамі, сістэму жыццядзейнасці, канчаткова ўсталяваную ў XVI ст. і тыпалагічна належаўшаю да цывілізацыі пераважна заходняга тыпу [3]. У культурнай гісторыі краіны вялікая роля адводзілася апазіцыям усход / захад і традыцыя / навацыя, супрацьстаянне якіх мікшыравалася праз наяўнасць разнастайных

медыятараў [2, с. 50–52]. У сацыяльным плане грамадская сістэма трымалася на гнуткіх узаемаадносінах элементах складанай сацыяльнай структуры феадальнага грамадства. Фармальна класу дваран (шляхты, магнатэрыі) бінарна апазіцыяніравала сялянства, медыятарам быў горад і часткова мястэчка. Насамрэч пануючым слаям – шляхце і каталіцкаму духавенству, – бінарна супрацьстаялі гараджане і праваслаўны, пратэстанцкі, часткова ўніяцкі клір. Гістарычна беларускае сялянства не адыгрывала, у адрозненні ад шэрагу развітых еўрапейскіх краін, значнай ролі ў палітычных, канфесійных канфліктах і, дзякуючы сваёй пасіўнасці, аб'ектыўна выконвала ролю медыятыўнага стрымальніка апазіцыйнага напружання.

Бінарная структура прадугледжвае наяўнасць раўнаважных апазіцыйных утварэнняў, і тут у культуры Княства паступова пашыраўся дысбаланс, які прывёў у выніку да трагічнага, дэструкцыйнага заняпаду сістэмы. Гаворка ідзе аб дыхатаміі шляхты і гараджан і паступовай перавазе першай, што ішло насуперак кардынальнаму шляху развіцця тагачаснага еўрапейскага грамадства да буржуазнага ладу. У сярэдзіне XVII ст. ў гарадах Княства жыло каля 370 000 чалавек, 8,2% насельніцтва; у другой палове XVIII ст. на беларускіх землях Княства ў 39 гарадах і каля 360 мястэчках жыло каля 250 000 чалавек, каля 11% жыхароў [4. с. 545]. Як бачна, колькасць гарадскога насельніцтва значна скарацілася; акрамя гэтага, мяшчане доўгі час былі пазбаўлены праў зямельнай уласнасці – толькі ў 1775 г. закон сейма дазволіў мяшчанам валодаць населенымі землямі з правамі спадчыннасці.

Заняпад беларускіх гарадоў пасля Паўночнай вайны, ранейшых узброеных канфліктаў, заканадаўчае стрымліванне шляхецкім урадам буржуазных рэформ выклікалі замаруджванне развіцця "трэцяга саслоўя", рынкавых капіталістычных адносін, стварэння моцнай буржуазна-дэмакратычнай апазіцыі шляхце і феадальным парадкам. Слабы ўзровень "капіталізацыі" магнатаў, шляхты, іх марудны пераход да капіталістычных форм вытворчасці, слабое выкарыстанне грашовых, іншых матэрыяльных сродкаў для стварэння буржуазнай прамысловасці, банкаў, бірж, як гэта было ў Еўропе, абумовіў дамінаванне ў грамадстве адной частцы апазіцыі – шляхецкай, што выклікала заняпад сістэмы.

Палітычная сістэма Вялікага Княства Літоўскага вылучалася гнуткім балансам супрацьваг, дзе ўлада Вялікага князя (караля) была заканадаўча абмежаваная, а дзейнасць паноў-рады кантралявалася Соймам. У бінарным вымярэнні паміж грамадствам і выканаўчай уладай (Вялікі князь, паны-рада) стаяў заканадаўчы орган – Сойм, дзе залогам плюралізму была свабодная дзейнасць фракцыйных групіровак, абвяшчэнне канфедэрацый.

У адрозненне ад іншых еўрапейскіх краін, дзе палітычны ўплыў дваранства быў абмежаваны абсалютызмам каралеўскай улады (Францыя, Іспанія, Прусія, іншыя), парламентам (Англія, Галандыя (Нілэрланды), сеньярыямі

(італьянскія рэспублікі – Венецыянская, Генуэзская, Фларэнтыйская, іншыя), у Рэчы Паспалітай і Княстве не існавала моцнай палітычнай супрацьвагі магнацка-шляхецкаму панаванню. Бінарнасць закона, парадка – і палітычных свабод, якія медыятыўна павінны было падтрымліваць заканадаўства, атрымалі істотны хіл у бок шляхецкіх свабод, што выклікала лагічную дэструкцыю грамадска-палітычнага жыцця, дзяржаўнай сістэмы.

Істотным медыятарам паміж самаўладствам і ўладай закона былі Статут, разгалінаваная судовая сістэма і адпаведнае заканадаўства. Пры ўсіх хібах судовай сістэмы – значнай колькасці відаў судоў, адсутнасці належнай уніфікацыі, дастаткова вялікіх грошах, які патрабаваў ад удзельнікаў судовы працэс, – суд забяспечваў прававую трываласць грамадства. Судовыя дакументы ўтрымліваюць вялікую колькасць матэрыялаў аб самых розных па цяжкасці ўчынкаў – ад крадзежу шапцы ў карчме – да забойстваў падчас "наездаў", што сведчыць ад існаванні асноў прававога грамадства.

Структурная бінарнасць эканамічнай сістэмы грунтавалася на раўнавазе прыватнай і дзяржаўнай уласнасці на зямлю; медыятыўную ролю адыгрывалі разнастайныя віды "трыманняў" дзяржаўнай, прыватнай зямлі і маёмасці. Прыватнымі былі зямля, населеныя пункты, сродкі вытворчасці, прычым, прыватная ўласнасць валодала істотнай вагай, што характэрна для еўрапейскай цывілізацыйнай супольнасці. Так, згодна з дадзенымі 1790 г., на беларускіх землях пераважала прыватная ўласнасць на сялянскія гаспадаркі – 65 % (269 972 дыма), дзяржаве належала 24,6 %, царкве – 10,4 %, прычым, на заходніх землях прыватная ўласнасць значна пераважала [5, с. 65–66]. Прыватная ўласнасць распаўсюджвалася і на гарады, мястэчкі. У другой палове XVII–XVIII ст. на беларускіх землях быў 51 горад, з іх 25 – прыватнаўласніцкія, у 70-х–90-х гг. XVIII в. – 39 гарадоў, з іх 12 – прыватных [6, с. 39–38].

Эканамічная мадэль грамадства была рынкавай, адчыненай, у Беларусь везліся тавары еўрапейскіх краін, Расіі (Масковіі), сярэдняга, далёкага Ўсходу. У сваю чаргу, беларускія тавары таксама мелі шырокі рынкавы спрос. Так, знешнегандлёвыя сувязі феадальных гаспадарак Усходняй Беларусі актыўна развіваліся ў чатырох накірунках: Расія, Украіна, партовыя гарады Польшчы (Гданьск, Вроцлаў, Крулявец), і таксама Рыга [7, с. 190–216].

Палітыка-эконамічнуюмадэль Вялікага Княства Літоўскагаможнаназваць гарызантальнай, бо яна, у адрозненні ад горызантальнай абсалюцістскай, заснавана на сістэмным узаемадзеянні гарызантальных элементаў – цэнтраў палітычных, сацыяльных, эканамічных уплываў, якімі на беларускіх землях былі ўладанні магнатаў. Гэта тычылася і гарадоў з іх рознай формай уласнасці і мазаічнай культурай, дзе самы выбітнай, еўрапейскі горад – сталічная Вільня – не адыгрываў вызначальную ролю ў лёсе краіны, як гэта было ў Францыі – з Парыжам, у Англіі – з Лонданам, Італіі – з Рымам (у меншай ступені),

Аўстрыі – з Венай. Княства было пазбаўлена істотнай для шэрагу еўрапейскіх краін фатальнай для дзяржавы ролі лёсу сталіцы. Так, нават заняцце войскамі Івана IV сталіцы Вільні не выклікала дзяржаўнай катастрофы.

Рэлігійная сітуацыя таксама адрознівалася сістэмнай ўстойлівасцю. Раўнавага канфесійнай сітуацыі грунтавалася на наяўнасці медыятыўных канфесій паміж каталіцызмам і праваслаўем. Спачатку гэта была рэфармацыя (пратэстантызм), якая, па сутнасці, заклала асновы істотнай рысы грамадскай свядомасці, этнапсіхалогіі беларусаў - талерантнасці. Падаецца, што гэтая ментальная асаблівасць усталявалася менавіта ў XVI ст. (хаця яе вытокі у паважлівых адносінах да праваслаўных вернікаў Вялікіх князёў) пад уплывам лаяльных паводзін рэфарматараў і адпаведных адносін да іх з боку прадстаўнікоў іншых канфесій. Рэлігійныя войны, якія суправаджалі пашырэння рэфарматарства ў Еўропе (Германія, Чэхія, Францыя, жорсткія канфлікты ў Англіі) абмінулі Беларусь. Землі Вялікага Княства Літоўскага зрабіліся ў Рэчы Паспалітай не толькі ідэйным, але і міграцыйным цэнтрам новай канфесіі для шляхты [8, с. 131]. Канфесійнае становішча ў краіне з XVI ст. традыцыйна было полем гарачых дыскусій, у другой палове XVII-XVIII ст. яны набылі найбольш агрэсіўны характар у кантэксце праблемы: адна дзяржава (Рэч Паспалітая) – адна вера (каталіцызм). У гэты час медыятыўную ролю (паміж каталікамі з аднаго боку і праваслаўнымі і пратэстантамі - з другога) адыгрывала ўніяцтва, якое вызнавала абсалютная большасць беларускіх сялян, частка гараджан. Нязначныя па памерах канфлікты на рэлігійнай глебе адбываліся ў гарадах у асноўным паміж пратэстантамі і каталікамі, у сельскай мясцовасці буйных сутычак на канфесійнай аснове амаль не было. Дысбаланс у рэлігійную сітуацыю ўносілі знешнія ўплывы - казацкія, маскоўскія ўзброеныя напады, а таксама пракаталіцкая палітыка Кароны.

Культура беларускіх зямель часоў Княства была аб'яднана стылістыкай візантыйскай культуры, раманскага ўплыву, готыкі, рэнесанса, метакультурнага барока, затым ракако, класіцызма. Інтэлектуальная думка стойка ўтрымлівала асновы рэнесанснага свабодамыслення. З XV ст. у мастацтве пачала пераважаць еўрапейская стылістыка, аднак яна ўтрымлівала сувязі з бінарным усходнім мастацтвам, у першаю чаргу, у галіне рэлігійнай культуры. Гэтае ўзаемадзеянне стварыла медыятыўныя элементы, самымі знакавымі, гістарычна каштоўнымі з якіх былі: існаванне беларускай іканапіснай школы, барочнага партрэта ў характэрных варыяцыях (элементы іканапіснасці, гародзенская, мінская школы), драўлянай сакральнай разьбы, мадыфікаванага праваслаўнага дойлідства, арыгінальнага якаснага дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва.

Існуе пэўная сувязь паміж стракатай феадальнай структурай грамадства Княства і стылістыкай барока [9, с. 24–38]. Культура барока, культуралагічным сімвалам якой з'яўляецца фуга (паліфанія, як сродак арганізацыі музыкі

і культуры) (О. Шпенглер), уяўляе сабой сінтэз мастацтваў, наяўнасць высокага і нізкага ў стылістыцы, прадугледжвае адначасовае існаванне некалькіх мастацкіх тэм, што адпавядала агульнай сістэматыцы культуры краіны. Барочнае суіснаванне адначасова некалькіх "матываў", кампазітаў, дыхатамічныя рацыяналізм і ірацыянальнасць, імкненне да сакральнага вышэйшага і дробязная пачуццёвасць, захапленне асалодай жыцця, тэатральнасць існавання і яго сапраўдны трагізм як асэнсаванне непазбежнага скону, рэлігійны містыцызм і дэкартаўскі рацыяналізм – усё гэта аб'ядноўвалася ў постаці тагачаснага чалавека, яго асобе. Дваісты характар мела і культура часоў Асветніцтва, ракако і класіцызма – яна злучала пастулаты розуму, адукацыі з заклікамі распаўсюджанай тагачаснай ідэалагемы Ж. Ж. Русо вяртання да прыроды, а таксама рафінаванай пачуццёвасцю стыля ракако.

У цэлым Вялікае Княства Літоўскае ўяўляла згуртаваны грамадскі кансорцыум са сваёй выразнай тыпалагічная стылістыкай, – гэта было адчыненае, гарызантальнае грамадства з структурнай сістэмай бінарных супрацьвагаў і медыятарамі. Вялікае Княства Літоўскае ўтварыла кампазітны сінтэз гнуткіх у гарызантальным і вертыкальным вымярэннях сістэм, іх структурная арганізацыя прадугледжвала забеспячэнне існавання арганізма, нават, у выніку адказу функцыянавання некалькіх блокаў. Пры калапсе заканадаўчай улады – Сойма ў выніку злоўжывання правілам "Liberum veto", – працягвалі дзейнічаць ваеводскія, павятовыя, судовыя ўстановы; праблемы гарадоў і адміністрацыйных адзінак дзяржаўнай маёмасці не перашкаджалі развіццю прыватнаўласніцкім уладанням, эканамічнаму ўздыму прыватных гарадоў, мануфактур гэтага ж перыяду (Слуцк, Налібокі, Урэчча).

Аб адчыненым характары беларускага грамадства сведчыла геапалітычная, культурная арыентацыя краіны, якая была шматвектарнай: захад (Польшча, Францыя, Італія, Германія, Галандыя), усход (Персія), поўдзень (Турцыя, балканскія славянскія культуры,) поўнач (Расія, Швецыя) [10].

Грамадская сістэма, культура Княства без пагрозы ўласнай дэструкцыі былі адчынены для імпарту ідэй, матэрыяльных тавараў і актыўна экспартавалі іх. На беларускіх землях былі ўспрыняты, адаптаваны стылёвыя ідэйнамастацкія канцэпты ад рэнесанса да Асветніцтва, што сведчыць аб плённасці мясцовай культурнай глебы. Тут жылі і працавалі ў XVII–XVIII ст. каля 500 (па розных падліках) выбітных дзеячаў еўрапейскай навукі (філасофіі, астраноміі, батанікі, іншых), архітэктары, скульптуры, выяўленчага мастацтва, музыкі, балета, дэкаратыўна-прыкладнога мастацтва, прамысловых тэхналогій. Мясцовая моладзь атрымлівала адукацыю ў еўрапейскіх універсітэтах (Кракаўскім, Пражскім, а таксама італьянскіх, французскіх, нямецкіх, англійскіх, галандскіх), каб потым выкарыстоўваць атрыманыя веды на радзіме (паказальна, што выпадкаў эміграцыі было няшмат, і яны тычыліся ў асноўным шлюбаў).

Адчынены тып грамадства – досыць якасны і складаны палітычны, эканамічны, культурны арганізм. Яго існаванне прадугледжвае наяўнасць моцнага аўтэнтычнага патэнцыялу, які дазволіць захаваць дзяржаўную, культурную, грамадскую сістэму, супольнасць. Перавага адкрытай сістэмы – у яе падпітцы новымі рэаліямі іншых этнасаў і культур, узбагачэнні навацыямі, якія робяць існаванне сістэмы насычаным, плённым для этнакультурнага, палітычнага, эканамічнага развіцця. Хіл адкрытага грамадства – у магчымасці размывання структурнага каркасу навацыйнымі плынямі, страце ўстойлівых сістэмных кампанентаў сваёй аўтэнтыкі. Нягледзячы на ваенную пагрозу, знешнія небяспекі, да канца існавання Вялікае Княства Літоўскае захавала гэту адчыненасць і гэта бадай, самы станоўчы кампанент яго існавання.

Можна сказаць, што адчыненая, гарызантальная сістэмная мадэль Княства была спрыяльнай для жыцця, рэалізацыі творчага патэнцыялу асобы, што з'яўляецца асноўным крытэрыям развітога грамадства.

ЛІТАРАТУРА

- 1. *Леви-Стросс, К.* Структурная антропология / К. Леви-Стросс. М. : Гл. ред. вост. лит., 1985. 536 с.
- 2. Углик, И. Г. Цивилизационные параметры общества белорусских земель XVII– XVIII вв. / И. Г. Углик // Вести ин-та совр. знаний. 2015. № 4. С. 77–81.
- 3. Углик, И. Г. Структурный подход к исследованию культуры Беларуси XVII– XVIII вв. / И. Г. Углик // Вести ин-та совр. знаний. 2014. № 2. С. 49–53.
- 4. Вялікае Княства Літоўскае : энцыклапедыя : у 2 т. Мінск : Беларус. энцыкл., 2005. Т. 1: Абаленскі Кадэнцыя. 688 с.
- 5. *Козловский, П. Г.* Землевладение и землепользование в Белоруссии в XVIII первой половине XIX в. Минск : Наука и техника, 1982. 206 с.
- 6. *Грицкевич, А. П.* Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. (социальноэкономическое исследование истории городов) // А. П. Грицкевич. – Минск: Наука и техника, 1975. – 248 с.
- 7. *Мелешко, В. И.* Очерки аграрной истории Восточной Белоруссии (вторая половина XVII–XVIII в.) / В. И. Мелешко. Минск : Наука и техника, 1975. 248 с.
- 8. *Tazbir, J.* Reformacja w Polsce. Szkice o ludziach i doktrjnie / J. Tazbir. Warszawa : Książka i Wiedza. 1993. 264 c.
- 9. *Лазука, Б. А.* Беларускае барока. : гісторыка-тэарэтычныя праблемы стылю / Б. А. Лазука. Мінск : Беларусь, 2001. 144 с.
- 10. Углик, И. Г. Основные направления трансляции культурной информации на землях Беларуси / И. Г. Углик // Евразия и евразийство: история, политика, социум, образование, культура: сб. науч. ст. // Материалы Евразийского науч. форума, СПб., 22–23 нояб. 2012 г. / общ. науч. ред. М. Ю. Спириной. СПб.: МИЭП, 2012.– Ч. 1. С. 264–275.

Поступила в редакцию 03.04.2023

Грабянчук Ігар Васільевіч

кандыдат гістарычных наук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук

Цымбал Аляксандр Георгіевіч

кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт Мінск, Беларусь ivgr7@mail.ru

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт Мінск, Беларусь aleksander.g.t@gmail.com

«ВОБРАЗ ВОРАГА» Ў ІДЭАЛАГІЧНЫМ І ІНФАРМАЦЫЙНЫМ СУПРАЦЬСТАЯННІ НАПЯРЭДАДНІ І ПАДЧАС ЗІМОВАЙ ВАЙНЫ 1939–1940 ГГ.

Статья посвящена изучению конструированию образа врага в советской и финляндской пропаганде в период зимней войны 1939–1940 гг. Показаны основные методы и средства используемые в пропагандистском дискурсе. Проведен анализ основных нарративов в инормационно-пропагандистском противостоянии сторон. Авторы приходят к выводу, что если в советской пропаганде доминировали классовые мотивы, то в финской на первом плане были патриотические и националистические нарративы.

Ключевые слова: зимняя война; пропаганда; образ врага; информационное противостояние.

Уводзіны

Шырокае выкарыстанне прапаганды і маніпулявання грамадскай свядомасцю заўсёды актыўна ўплывалі на камунікатыўную прастору вайны, але ў XX ст. інфармацыйна-псіхалагічнае супрацьстаянне выйшла на першы план у канфліктах.

Пад прапагандай мы будзем разумець адкрытае мэтанакіраванае распаўсюджванне пэўных ідэй, каштоўнасцей, поглядаў, аргументаў, фактаў, норм, праграм паводзін і іншых звестак для фарміравання грамадскай думкі, поглядаў, эмоцый ці іншых мэт, якія праследуюцца прапагандыстамі. Розныя віды прапаганды могуць навязваць людзям тыя ці іншыя перакананні для распальвання сацыяльнай ці нацыянальнай варожасці, эскалацыі сацыяльных канфліктаў, абвастрэння супярэчнасцей у грамадстве, абуджэння нізінных інстынктаў у людзей, што дазваляе навязаць масе выгадныя прапагандысту перакананні і стэрэатыпы і тым самым згуртаваць іх вакол сябе. Адной з характэрных рыс негатыўнай прапаганды з'яўляецца тэхналогія стварэння «вобраза ворага» – гранічна спрошчанага, схематызаванага і міфалагізаванага ўспрымання саперніка на аснове этнічных, палітычных, ідэалагічных і іншых стэрэатыпаў. Падчас вайны «вобраз ворага» набывае ўласцівасці ідэалагемы, што непазбежна стварае падвойныя стандарты ў ацэнцы сваіх і чужых дзеянняў - кожны з бакоў узброенага супрацьстаяння апраўдвае сябе і абвінавачвае ва ўсіх грахах саперніка [1, с. 4–7].

У прапагандысцкім дыскурсе вялікую ролю адыгрывае гісторыя, зварот да гістарычнай памяці народа. Гістарычная памяць – гэта мэтанакіравана сканструяваны адносна ўстойлівы набор узаемазвязаных калектыўных уяўленняў аб мінулым той ці іншай групы, кадыфікаваны і стандартызаваны ў грамадскіх, культурных, палітычных дыскурсах, стэрэатыпах, міфах, сімвалах і камемаратыўных практыках.

Метадалагічнай асновай артыкула таксама з'яўляецца актуальны ў сучаснай навуцы падыход гістарычнай імагалогіі (ад лац. іmago – вобраз) – міждысцыплінарны накірунак, які паўстаў на сумежжы гісторыі, культуралогіі, літаратуразнаўства, этналогіі, сацыяльнай і гістарычнай псіхалогіі. Імагалогія выступае як накірунак гістарычнай антрапалогіі. У працэсе гістарычнага ўзаемадзеяння народаў і культур ў грамадскай і індывідуальнай свядомасці паўстаюць вобразы «іншых», або «чужых» – іншых культур, народаў, краін і г.д. Гістарычная імагалогія вывучае праблемы фарміравання і існавання нацыянальных і іншакультурных вобразаў у свядомасці сацыяльных і этнічных супольнасцей, асобных індывідаў і груп. У сферу даследаванняў імагалогіі таксама адносяцца сацыяльныя, этнічныя, знешнепалітычныя, культурныя, геаграфічныя стэрэатыпы і вобразы [2, с. 126].

Вобраз Фінляндыі ў савецкай прапагандзе

Прапагандысцкая кампанія ў СССР з мэтай маральна-псіхалагічнай мабілізацыі насельніцтва пры падрыхтоўцы да вайны была маштабнай і масіраванай. Асаблівую ролю ў ёй адыгрывала газета «Праўда» – друкаваны орган Цэнтральнага Камітэта Усесаюзнай Камуністычнай партыі (бальшавікоў).

Асноўныя афіцыйныя мэты савецкай прапаганды, скіраванай супраць Фінляндыі, былі наступнымі:

- 1. Выкрыць фінскіх «падпальшчыкаў вайны», якія не імкнуцца да ўстанаўлення трывалых і добрасуседскіх адносін з СССР.
- 2. Растлумачыць мэты магчымай вайны і адначасова міралюбную знешнюю палітыку СССР.

«Праўда» і іншыя газеты старанна стваралі вобраз «савецкага салдатавызваліцеля» і надавалі фінскім войскам «белагвардзейскі выгляд». Папярэдняя тэрміналогія пра «фінскіх фашыстаў» сышла з савецкага прапагандыскага лексікону ў сувязі са зменай характару савецка-германскіх адносін пасля падпісання сумна вядомага пакта Молатава-Рыбентропа 23 жніўня 1939 г. Прапагандысцкімі штампамі сталі такія выразы, як «бела-Фінляндыя» (менавіта ў такімарфаграфічнымрэжыме сустракаецца гэта паняцце на старонках «Праўды»), «фінская белагвардзейшчына», «белафінскія бандыты» і г.д. [3, с. 80].

У савецкай прапагандзе вобраз ворага ў асобе «бела-Фінляндыі» культываваўся для дзвюх мэтавых аўдыторый. Першая – гэта савецкія вайскоўцы, якіх рыхтавалі да «вызваленчага» паходу ў Фінляндыю. Другой групай было савецкае грамадства ў цэлым («шырокія народныя масы»). У адпаведнасці з гэтым выбіраліся тыя або іншыя метады і сродкі ўздзеяння на аўдыторыю.

Хісткасць юрыдычных і маральных падстаў лічыць вайну з Фінляндыяй справядлівай для СССР не магла не адбіцца на настроях савецкіх войскаў. Дыяпазон меркаванняў у іх быў вельмі шырокі – ад сумневаў у слушнасці дзеянняў савецкага ўраду да адкрыта цынічнай пазіцыі, згодна з якой «моцны заўсёды мае рацыю».

У данясенні Палітупраўлення Ленінградскай ваеннай акругі начальніку Палітупраўлення Чырвонай арміі Л. З. Мехлісу ад 1 лістапада 1939 г. прыводзяцца канкрэтныя прыклады розных настрояў сярод савецкіх вайскоўцаў. Так, чырвонаармеец 323-га артылерыйскага палка Чыхараў казаў: «Финляндия не приняла мирных предложений СССР и этим самым дала понять, что не хочет дружбы. Мы, если понадобится, продвинем границу от Ленинграда не только на десятки, но и на сотни километров» (тут і далей цытаты падаюцца на мове арыгіналу ці апублікаванага перакладу). Іншы вайсковец выказаў думку, якая выклікала занепакоенасць у яго ідэалагічнага начальства: «Младший командир 54-го отд. зен. артдива Полин в беседе заявил: «Зачем СССР настаивать на требованиях в переговорах с Финляндией в отношении территории, ведь Финляндии тоже нужна эта территория. 20 лет она не обстреливала, а если и будет обстреливать, то постреляет и перестанет. Мы ведь японцам не отдали высоты Заозерной. Не являются ли наши требования агрессивными?» [4, с. 136].

Наколькі моцнае ўздзеянне прапаганда рабіла на савецкіх людзей сведчаць шматлікія факты пра тое, што нават сутыкнуўшыся з рэальнай сілай праціўніка і з цяжкімі стратамі, чырвонаармейцы захоўвалі ўпэўненасць у перамозе, у значнай ступені абапіраючыся на стэрэатып аб суадносінах сіл вялікай дзяржавы і маленькай краіны: «...не надо падать духом, все равно победа будет за нами и «козявке» слона не победить» [4, с. 136-138].

Тэма ўзаемаадносін СССР і Фінляндыі пачала рэгулярна з'яўляцца ў газеце «Праўда» напрыканцы кастрычніка – пачатку лістапада 1939 г. Першыя публікацыі мелі стрыманую танальнасць, распавядалі пра краіну ў цэлым, яе праблемы ў эканамічнай і сацыяльнай сферах, класавую барацьбу [5]. Падобныя інфармацыйна-аналітычныя матэрыялы публікавалі і іншыя газеты, напрыклад, «Звязда», «Чырвоная змена» ў Беларусі.

Па меры таго, як савецка-фінляндскія перамовы аб змяненні дзяржаўнай мяжы паміж дзвюма краінамі заходзілі ў тупік, тон публікацый савецкай прэсы станавіўся ўсё больш варожым і агрэсіўным. Часта гучалі абвінавачванні фінскіх уладаў у антысавецкіх настроях [6; 7]. Тэма «бела-Фінляндыі» пачынае перамяшчацца з апошніх палос савецкіх газет на першыя, паступова займаючы на іх дамінуючае становішча напярэдадні вайны. Вось некалькі найбольш характэрных загалоўкаў: «Наглая провокация финляндской военщины», «Уничтожим врага, если он не образумится!», «Не позволим финской военщине держать Ленинград под угрозой!» і г.д. Яны падмацоўваліся

гучнымі сцвярджэннямі аб савецкай ваеннай магутнасці: «Страна Советов непобедима!», «Красная Армия – несокрушимая сила!». Можна таксама прыгадаць і тэхналогію «расчалавечвання ворага» ў адносінах да прэм'ерміністра Фінляндыі Айма Каяндэра [8].

Як напярэдадні савецка-фінляндскай вайны, так і ў першыя яе дні, найважнейшым інфармацыйным блокам у «Праўдзе», іншых цэнтральных і рэгіянальных газетах выступалі рэзалюцыі мітынгаў, якія праходзілі на розных прамысловых прадпрыемствах і ва ўстановах па ўсяму Савецкаму Саюзу. Гэты блок выконваў задачы правільнай эмацыйнай афарбоўкі падзей з пункту гледжання пануючай ідэалогіі, надання рашэнням цэнтра агульнанароднай падтрымкі. З пачаткам ваенных дзеянняў эмацыйны напал загалоўкаў у «Праўдзе» значна ўзрос: «Стереть с лица земли зарвавшихся финских бандитов!»; «Единодушное требование советского народа – нанести сокрушительный уничтожающий удар финским поджигателям войны»; «Не просунуть финским свиньям свое рыло в советский огород!».

Не адставалі ад яе і іншыя газеты. Напрыклад, у газеце «Звязда» за 30 лістапада 1939 г. былі змешчаныя нататкі вядомых беларускіх дзеячаў літаратуры і мастацтва – М. Лынькова, П. Броўкі, З. Бядулі, Л. Ржэцкай. Галоўная мэта гэтых публікацый заключалася ў тым, што сваім аўтарытэтам гэтыя добра вядомыя ў БССР людзі павінны былі падмацаваць правільнасць прынятага савецкім урадам рашэння аб вайне з «бела-Фінляндыяй». Назва нататкі П. Броўкі адлюстроўвала агульную танальнасць на дадзеную тэму: «Белафінская бандыцкая зграя загіне пад рашучым і моцным ударам слаўных сыноў Рабоча-Сялянскай Чырвонай Арміі!». Заўважым, што падобных публікацый вядомых прадстаўнікоў расійскай інтэлігенцыі на старонках «Праўды» не было. Яны публікаваліся ў іншых газетах. Можна, напрыклад, узгадаць верш А. Твардоўскага «Мы еще ждем» [9, с. 29].

Такім чынам, напярэдадні падзей, якія прывялі да развязвання адкрытых баявых дзеянняў, у масавай свядомасці савецкіх грамадзян быў сфармаваны, па-першае, вобраз Фінляндыі, па-ранейшаму расколатай сацыяльнымі супярэчнасцямі на два лагеры як найважнейшае наступства грамадзянскай вайны ў Фінляндыі ў 1918 г. Па-другое, вобраз ворага замацоўваецца за вузкай праслойкай «фінляндскай ваеншчыны», капіталістаў-эксплуататараў і г.д. Яны, у сваю чаргу, займаюцца прыгнётам простага фінскага народа, прычым па ўказцы «сваіх заходніх гаспадароў». Усе гэтыя тэзісы абапіраліся на натуральныя для той эпохі ўстаноўкі: салідарнасць працоўных, намінальнае права народаў на самавызначэнне (у сувязі з тэзісам аб імкненні фінскага народа да сяброўства з СССР).

Вобраз СССР у фінскай прапагандзе

3-за геаграфічнай блізкасці і гісторыі Расія ці пазней Савецкі Саюз заўсёды лічыліся галоўнай праблемай бяспекі ў Фінляндыі. Гістарычная памяць фінаў

адносна ўзаемадзеяння з Расійскай імперыя таксама часта была траўматычнай. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі і ўдзелу Савецкай Расіі ў Грамадзянскай вайне ў Фінляндыі ў 1918 г. гэтыя адносіны паміж краінамі сталі яшчэ больш праблематычнымі. СССР разглядаўся адзінай пагрозай незалежнасці Фінляндыі як па нацыянальных, так і па палітычных прычынах. Многія фіны абапіраючыся на гістарычны вопыт лічылі як дадзенае, што ўсе расійскія ўрады, незалежна ад іх палітычных поглядаў, будуць імкнуцца вярнуць Фінляндыю проста таму, што Расія была вялікай дзяржавай [10, с. 62].

Зімовая вайна ў Фінляндыі ў пэўным сэнсе была марай любога прапагандыста, якому прызначалася падтрымліваць баявы дух тылу. Задача, з-за палітычных і гістарычных прычын, была дастаткова лёгкай з-за дзеянняў самога СССР і агульнай сітуацыі. Пасля таго, як тыл зразумеў, што барацьба не безнадзейная, падтрымліваць патрыятычны дух нацыі было адносна лёгка. Нават фінскаму камуністу было цяжка паверыць, што фінскія лідары былі настолькі дурныя, каб справакаваць вайну, у якой 3,5 мільёна фінаў змагаліся б ў адзіночку супраць 180-мільённага ворага. У выніку практычна немагчыма было сумнявацца ў афіцыйная пазіцыі, паводле якой Фінляндыя была ахвярай, якая змагалася супраць несправакаванай, злавеснай атакі [10, с. 57].

Характэрна, што нават у 1930-я гг. шэраг палітычных дзеячаў Фінляндыі лічылі вайну малаверагоднай. Напрыклад, Р. Рыці, прэм'ер-міністр падчас Зімовай вайны, у пачатку 1930-х г. лічыў, што вайны не будзе, таму было б бессэнсоўна выдаткоўваць вялікія сумы на ўзбраенне. Прэм'ер-міністр у 1937–1939 гг. А.К. Каяндэр віншаваў краіну з тым, што яна не купляла зброю, якая была б відавочна састарэлай. Толькі перад пачаткам Другой сусветнай вайны вядучы сацыял-дэмакрат, міністр замежных спраў падчас Зімовай вайны, В. Танер пісаў, што ён не верыць, што будзе яшчэ адна вайна, таму што свет проста не можа стаць такім вар'ятам. Аднак нават такія людзі разглядалі напад СССР на Фінляндыю цалкам магчымым [10, с. 57–58].

У перыяд Зімовай вайны 1939–1940 гадоў фінская прапаганда актыўна выкарыстоўвала вобраз ворага для мабілізацыі нацыянальнай свядомасці і фармаванні адзінага фронту супраць Савецкага Саюза.

Для стварэння вобраза ворага ў фінскай прапагандзе выкарыстоўваліся розныя метады і сродкі. Вялікая ўвага надавалася друкаваным і аўдыёвізуальным сродкам масавай інфармацыі, такім як газеты, часопісы, радыё і кіно. Яны выкарыстоўваліся для распаўсюджвання прапагандысцкіх матэрыялаў і мабілізацыі грамадскай думкі.

Так, на старонках нацыяналістычнага выдання *Uusi Suomi* рускія і асабліва афіцэры Чырвонай Арміі стыгматызаваліся як рабаўнікі і разбуральнікі, нацыя хлусаў, хітрых здраднікаў. На думку газеты самым страшным іх грахом была поўная бездапаможнасць і пакорлівасць, з якой яны сустрэлі бальшавіцкую ўладу [10, с. 69].

Асобная ўвага надавалася так званаму «Тэрыёкскаму ўраду». Стварэнне Масквой канкурыруючага ўраду не падзяліла фінаў. Урад Тэрыёкі не стаў сігналам да пачатку рэвалюцыі, але стаў своеасаблівым «фактарам здрадніцтва»: ён пераканаў практычна ўсіх фінаў, што вайна ідзе не толькі аб змяненні граніцы, але і аб пытанні незалежнасці і свабоды нацыі. Слабы спіс прозвішчаў урада Тэрыёкі не змог пераканаць нават мясцовых камуністаў. Толькі «прэм'ер-міністр» марыянеткавага ўрада Ота Віле Куусінен, адзін з двух ацалелых членаў урада Чырвонай Фінляндыі 1918 года, быў вядомай асобай у Фінляндыі [10, с. 79].

Фінская прапаганда адлюстроўвала вайну як абарону радзімы ад жорсткіх і бязлітасных захопнікаў, якія злучаюць камуністычны рэжым з традыцыйным рускім вялікадзяржаўем. Апеляцыя да гістарычнай памяці фінскага народу была важным элементам ваеннай прапаганды. Так, ў песні «Не, Молатаў!» кіраўнік савецкага ўрада параўноўваўся з царскім генералгубернатарам Фінляндыі Мікалаем Бобрыкавым, вядомым сваёй палітыкай русіфікацыі і барацьбы з аўтаноміяй Фінляндыі [11].

Фінская прэса прадстаўляла СССР і Расію як спрадвечнага ворага, бязбожную камуністычную сістэму, згадвала фінскіх драгун, што загінулі пад Палтавай і павінны зараз паўстаць як армія прывідаў і далучыцца да барацьбы [12, с. 388]. Праводзіліся гістарычныя паралелі з перыядам фінскай гісторыі вядомым як «вялікае ліхалецце» 1713–1721 гг., калі падчас Паўночнай вайны тэрыторыя Фінляндыі была занята рускімі войскамі. Апынуўшыся ў сітуацыі знешняй агрэсіі вайна прадстаўлялася як гераічная барацьба Давіда супраць Галіяфа [12, с. 387–392].

Асобным кірункам прапаганды з'яўлялася Чырвоная Армія. Фіны выкарыстоўвалі ўлёткі, прамовы па гукаўзмацняльніках і плакаты на нічыйнай зямлі. Большасць фінскіх улётак зроблена фінскімі афіцэрамі, якія вывучалі рускую мову ў дарэвалюцыйнай Расіі або ў Расійскай імператарскай арміі. Нярэдка яны пісалі на дарэформеннай рускай мове, што выглядала чырвонаармейцам дзіўна і, магчыма, толькі ўзмацняла недавер, бо савецкая контрпрапаганда сцвярджала, што ўсе ўлёткі зроблены рускімі эмігрантамі, якія ваявалі супраць бальшавікоў у грамадзянскую вайну.

Некаторыя фінскія ўлёткі асуджалі Сталіна і заахвочвалі чырвонаармейцаў зрынуць уладу Сталіна; іншыя спрабавалі пераканаць чырвонаармейцаў, што Сталін не хоча вайны і што вайну пачалі амбіцыйныя генералы з Ленінградскай ваеннай акругі, каб атрымаць павышэнне. Яшчэ на адзін цікавы аспект адносна персоны І. Сталіна ўказвае сучасная фінская даследчыца С. Вунш. Калі СССР напрыканцы студзеня 1940 г. заявіў аб гатоўнасці весці перамовы аб міры з фінскім урадам, Інфармацыйны цэнтр Дзяржаўнага савета Фінляндыі разаслаў інструкцыю для рэдакцый газет, у якой «лічылася пажаданым», каб Сталіна асабіста не закраналі ў публікацыях і карыкатурах. Неабходнасць такога кроку тлумачылася тым, што поспех перамоваў у першую чаргу залежыць ад

волі савецкага правадыра, таму не трэба яго лішні раз раздражняць. Аднак гэту дырэктыву фактычна выконвалі толькі цэнтральныя газеты: «Поскольку словесные формулировки не были запрещены полностью при затрагивании указанной темы, то в провинциальной прессе персона Сталина обсуждалась в весьма цветистых выражениях, особенно в фельетонах, вплоть до конца войны [12, с. 413].

Значную частку займала прапаганда палону. Улёткі абяцалі сытае і спакойнае жыццё («Через плен – к свободе. У финнов тепло и сытно»). Амаль усе фінскія ўлёткі заклікалі чырвонаармейцаў забіваць сваіх палітрукоў і пераходзіць на фінскі бок. Менавіта палітрукі прадстаўляліся амаль як галоўныя ворагі звычайнага салдата, якія гналі яго на смерць («Политрук хуже врага – он стреляет тебе в спину!» «Политрук – герой Союза, а у тебя пустое пузо!») [13].

Зімовая вайна з'яўлялася адзіным эпізодам Другой сусветнай вайны калі прапаганда імкнулася не толькі запужаць, але і купіць праціўніка. У многіх фінскіх улётках чырвонаармейцам паведамлялася, што ім заплацяць за зброю – ад рэвальвера да танка ці самалёта, калі яны здадуць яе фінскай арміі [14]. Некаторыя фінскія ўлёткі паказвалі генералаў Чырвонай Арміі ў вельмі негатыўным святле. Фінскія ўлёткі таксама звярталіся да пачуццяў чырвонаармейцаў і тлумачылі ім, што фіны ваююць за свае дамы і свае сем'і на сваёй зямлі.

Асаблівасцю ўлётак у Зімовую вайну з'яўляецца тое, што яны друкаваліся на паперы яркага колеру – аранжавай, ружовай, блакітнай, фіялетавай, бо павінны былі быць бачныя на снезе.

Маршал Манэргейм адзначаў у сваіх мемуарах, што фінская прапаганда была безвыніковай: «Чырвонаармейцы былі амаль цалкам неўспрымальныя да нашай прапаганды» [15]. Расійскі даследчык прапаганды ў часы вайны А. А. Іваноў сцвярджае, што фінляндская прапаганда аказалася больш эфектыўна, бо заклікі абараняць свой дом былі для салдата бліжэй і зразумелыя, чым прапагандысцкія фармулёўкі аб пагрозе Савецкаму Саюзу з боку Фінляндыі [10, с. 44].

Такім чынам, напрыканцы 1939 г. савецкая прэса пачала актыўную падрыхтоўку свядомасці савецкага чытача да гіпатэтычнага сілавога вырашэння канфлікту, які звязваўся з цяжкасцямі, якія ўзніклі ў ходзе перагавораў паміж урадамі Фінляндыі і Савецкага Саюза. Вобраз Фінляндыі, створаны ў гэты перыяд, дазволіў рэзка вывесці антыфінляндскую прапаганду на новы ўзровень. Прыёмы і рыторыка газетных артыкулаў і нататак, якія выкарыстоўваліся ў прэсе, адназначна ўскладалі віну за развязаную вайну на Фінляндыю.

Непасрэдную прапаганду ста пяці ваенных дзён можна ахарактарызаваць натуральным імкненнем да ідэалізацыі дзеянняў свайго войска, дэманстрацыі салідарнасці з палітыкай савецкай дзяржавы з боку працоўнага фінскага

народа, культурных і палітычных дзеячаў краін Заходняй і Паўночнай Еўропы. У сваю чаргу, вобраз ворага ў фінскай прапагандзе ў перыяд Зімовай вайны 1939–1940 гг. адыгрываў важную ролю ў фармаванні нацыянальнай ідэнтычнасці фінаў і мабілізацыі грамадскай думкі на абарону дзяржавы. Калі ў савецкай прапагандзе дамінавалі класавыя матывы, то ў фінскай на першае месца выйшлі патрыятычныя і нацыяналістычныя лозунгі. Фінская прапаганда заклікала змагацца супраць бальшавіцкай агрэсіі, але акцэнт рабіла не на класавым характары вайны, а на нацыянальным.

ЛІТАРАТУРА

- 1. Иванов, А. А. Коммуникативное пространство войны: пропаганда и общественные настроения: учеб.-метод. пособие / А. А. Иванов. СПб., 2017. 72 с.
- 2. *Поршнева, О. С.* Историческая имагология в современной российской историографии / О. С. Поршнева // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII–XXI вв. : материалы XII Всерос. науч. конф., Екатеринбург, 4–5 дек., 2014 г.: в 2 т. Екатеринбург: УрФУ, 2014. Т. 1. С. 126–129.
- 3. *Авилкин, А. М.* Основные аспекты развития отечественной историографии советско-финляндской войны 1939–1940 гг. / А. М. Авилкин // Вестн. Воен. ун-та. 2010. № 2. С. 78–83.
- 4. *Сенявская, Е. С.* Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сенявская. М.: РОССПЭН, 2006. 288 с.
- 5. Положение в Финляндии // Правда. 1939. 13 нояб. С. 5.
- 6. Антисоветская кампания в Финляндии // Правда. 1939. 24 нояб. С. 5.
- 7. Разгул антисоветской кампании в Финляндии // Сов. Бел. 1939. 24 нояб. С. 4.
- 8. Шут гороховый на посту премьера // Правда. 1939. 26 нояб. С. 1.
- 9. Принимай нас, Суоми-красавица! «Освободительный» поход в Финляндию в 1939—1940 гг. : сб. док. и фотоматериалов. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб. : Издательство «Остров», 2004. 290 с.
- 10. *Vares, V.* Childlike Masses Against True Men Of Valour: The Comical Image Of The Russians In Finland During The Finnish-Soviet Winter War (1939-1940) / V. Vares // Enemy Images in War Propaganda. 2012. C. 57–88.
- 11. Heт, Moлoтoв! // Heninen.net [Электронны рэсурс]. 2023. Рэжым доступу: http:// heninen.net/njet/index.html. Дата доступу: 02.04.2023.
- 12. *Вунш, С.* «Красная угроза». Образ СССР в финской прессе. 1939 1940 / С. Вунш; пер. с фин. СПб. : Европейский дом, 2011. 462 с.
- 13. «Нет, Молотов!» финская пропаганда во время Второй Мировой войны // Военное обозрение [Электронны рэсурс]. 2023. Рэжым доступу: https://topwar.ru/28446-finskie-listovki-dlya-sovetskih-soldat.html. Дата доступу: 02.04.2023.
- 14. Финны летчикам-красноармейцам // Арзамас [Электронны рэсурс]. 2023. Рэжым доступу: https://arzamas.academy/micro/propaganda/3. Дата доступу: 02.04.2023.
- 15. Propaganda in the Winter War // The Winter War of Finland and Russia. Fire and Ice [Электронны рэсурс]. 2023. Рэжым доступу: https://media.wfyi.org/fireandice/history/propaganda.htm. Дата доступу: 02.04.2023.

Новікаў Сяргей Яўгеньевіч

кандыдат гістарычных навук, заг. кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт siarhnovikau@gmail.com

75-годдзю МДЛУ прысвячаецца

ГІСТОРЫЯ МІНСКАГА ІНЯЗА: АСНОЎНЫЯ ЭТАПЫ РАЗВІЦЦЯ (да 75-гадовага юбілею)

Уартыкулераскрываюцца асноўныя этапы ўзнікнення, станаўлення і развіцця ўстановы вышэйшай адукацыі — Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў (МДПІЗМ), з 1993 г. — Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта (МДЛУ). Паказаны найбольш яркія старонкі гісторыі дзейнасці рэктарскага корпуса. Дзякуючы невычэрпнаму наватарству, глыбокаму прафесіяналізму і высокай асабістай адказнасці кіраўнікі разам з шматлікім прафесарска-выкладчыцкім складам здолелі стварыць адзін з лепшых і самых вядомых лінгвістычных універсітэтаў у СНД, Еўропе і свеце.

Ключавы словы: 75-гадовы юбілей; Мінскі іняз; МДЛУ; этапы развіцця; рэктарскі корпус; прафесарска-выкладчыцкі склад; студэнты.

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт мае багатую гісторыю, якая непарыўна звязана з падрыхтоўкай настаўнікаў замежных моў для сярэдніх школ, выкладчыкаў вышэйшых і сярэдніх спецыяльных навучальных устаноў, а таксама перакладчыкаў. Свае вытокі ён пачынае ў гады першай пасляваеннай пяцігодкі, калі ў адпаведнасці з ўрадавымі пастановамі ў 1948 г. у Беларускай ССР упершыню быў адкрыты Мінскі дзяржаўны педагагічны інстытут замежных моў (МДПІЗМ), створаны на базе факультэта замежных моў МДПІ імя А. М. Горкага.

За тры чвэрці існавання Мінскі іняз – МДЛУ падрыхтаваў звыш 40 тысяч настаўнікаў замежных моў і дзесяці тысяч перакладчыкаў-рэферэнтаў і спецыялістаў па міжнародных камунікацыях. Сярод выпускнікоў дзясяткі сусветна выдатных вучоных, дзяржаўных дзеячаў і заслужаных настаўнікаў Беларусі.

Стварэнне, станаўленне і развіццё ВНУ шчыльна звязана з дзейнасцю рэктараў, першым з якіх быў кандыдат эканамічных навук дацэнт Жаўрыд Міхаіл Фядотавіч (1948–1960). У далейшым установу адукацыі ўзначальвалі Фрол Парфір'евіч Шмыгаў (1960–1970), Ніна Геогргіеўна Краснова (1970–1990), Уладзімір Васільевіч Макараў (1990–1995) і Наталля Пятроўна Баранава (1990–2020). З 2020 года пасаду рэктара займае кандыдат педагагічных навук дацэнт Наталля Яўгеньеўна Лапцева [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 11]. Яны разам з прафесарска-выкладчыцкім і адміністрацыйна-гаспадарчым складам работнікаў забяспечвалі развіццё айчыннай замежнай лінгвістыкі.

Інстытут быў створаны ў адпаведнасці з Пастановай СМ СССР № 3485 ад 4 кастрычніка 1947 г. У рамках яе выканання на ўзроўні ўраду БССР прымаюцца – пастанова СМ БССР ад 26 лістапада 1947 г. № 1686 і загад МА БССР ад 25 жніўня 1948 г. № 199 Як самастойная ВНУ ён пачаў функцыянаваць з 1 верасня 1948 г. у складзе 3-х факультэтаў – англійскай, нямецкай і французскай моў і 8 кафедраў. У адпаведнасці з загадам Міністра асветы Беларускай ССР П. В. Саевіча ад 25 жніўня 1948 г. было ўстаноўлена, што заняткі на I курсе пачнуцца 1 кастрычніка, тады як на старшых курсах з 1 верасня 1948 г. Заняткі павінны былі праводзіцца ў другую змену ў памяшканні школы № 13 па вул. Пушкіна, 35, дзе ў першую змену навучаліся студэнты педагагічнага інстытута імя А. М. Горкага. Для забеспячэння вучэбнага працэсу на працу ў новаствораны інстытут пераводзілася 26 навуковых работнікаў Мінскага дзяржпедінстытута імя М. Горкага, сярод якіх: А. А. Лізурчык, А. Я. Скір, Н. Ц. Вайтовіч (па сумяшчальніцтве), Г. Л. Цырульнікаву, М. Р. Матусевіча, А. П. Шлопака, М. С. Мінц, Д. І. Платнер, В. А. Соркіну, І. Я. Ліўшыца, А. І. Фёдараву, М. С. Штэйнгольца, С. І. Рахліну, М. І. Арэшкаву, Ф. Б. Столаву, М. Р. Эрэнштэйна, Р. Г. Бурскіну, Ц. З. Каплан, Г. А. Юркевіч, С. В. Сідзерскую, Э. А. Макаева, І. І. Тамілуну, Я. І. Парэцкага, К. П. Комаву, Н. А. Крыўцову, Г. І. Загрыва.

Паводле загаду Міністэрства вышэйшай адукацыі СССР ад 21 красавіка 1949 г. № 476 і Міністэрства асветы БССР ад 29 красавіка 1949 г. № 68 у інстытуце адкрыта завочнае аддзяленне.

У інстытуце быў арганізаваны Савет і створаны неабходныя структурныя падраздзяленні - рэктарат, вучэбная частка, навуковая частка, аддзел кадраў, бухгалтэрыя, канцылярыя, аддзел забеспячэння, гаспадарчая частка, бібліятэка. Намеснік дырэктара па навучальнай працы адначасова сумяшчаў пасаду дырэктара па навуцы. Прычым, гэта практыка захоўвалася да сярэдзіны лістапада 1964 г., калі штатны расклад адміністратыўна-кіруючага персаналу МДПІЗМ зацвярджаўся Міністэрствам вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі БССР, уводзілася адразу дзве пасады: прарэктара на вучэбнай і прарэктара па навуковай працы. Што азначала, што першым выконваючым абавязкі намесніка дырэктара з'яўляўся старшы выкладчык А. П. Шлопак, які адначасова з'яўляўся загадчыкам кафедры англійскай мовы. Праз год на гэту пасаду быў прызначаны кандыдат гістарычных навук Ф. П. Шмыгаў, які прапрацаваў да 1952 г. Потым гэту пасаду займаў таксама кандыдат гістарычных навук А. А. Сарокін. Кіраўніцтва факультэтамі ажыццяўлялася двума дэканамі з дэканатамі факультэтаў англійскай і нямецкай моў. Факультэт французскай мовы ў сувязі са сваёй малалікасцю не меў дэканата, таму кіраўніцтва вялося дэканам англійскай мовы.

У першы 1948–1949 навучальны год заняткі ў інстытуце праходзілі ў другую змену ў будынку школы № 13 (вул. Пушкіна, д. 35) разам з студэнтамі МДПІ імя А. М. Горкага. Вучэбна-вытворчая база інстытута была надзвычай вузкай, таму ўвесь час прыходзілася працаваць у крайне цяжкіх умовах.

Амаль 10 гадоў спатрэбілася інстытуту для стварэння ўласнай матэрыяльна-тэхнічнай базы. Спачатку студэнты факультэта нямецкай мовы вучыліся ў інтэрнаце, уведзеным у эксплуатацыю па Омскім завулку з 1 верасня 1955 г. Заняткі ішлі ў іншых школах горада, у адным з будынкаў БПІ (праспект Сталіна, 79)¹. Затым, у 1957–1958 вучэбным годзе інстытут размяшчаўся ў будынку былога педагагічнага вучылішча па вуліцы Захарава, 59, дзе часова арандаваліся два паверхі (першы паверх займала Рэспубліканская школа павышэння кваліфікацыі настаўнікаў).

У чэрвені 1958 г. прымаецца ў эксплуатацыю першы (на цяперашні час галоўны. – С. Н.) вучэбны корпус інстытута на вуліцы Захарава, 21. У ліпені інстытут перайшоў на новыя вучэбныя і адміністрацыйныя плошчы. Аднак адразу ж стала відавочным, што аўдыторнага фонду для заняткаў не хапала, таму яны праводзіліся ў 2 змены. У новым корпусе інстытута не было чытальнай залы і бібліятэкі, кніжны фонд, які на той момант складаў 165 тысяч адзінак кніг і часопісаў, з якіх колькасць кніг дасягнула лічбу ў 129 500 адзінак (у 1948 г. у фондах бібліятэкі было 3855 экзэмпляраў, перададзеных бібліятэкай МДПІ імя Горкага).

З першага навучальнага года кіраўніцтва інстытута бачыла асноўнымі задачамі сваёй дзейнасці падрыхтоўку высокаадукаваных спецыялістаў па замежных мовах (настаўнікаў сярэдніх школ, выкладчыкаў вышэйшых і сярэдніх навучальных устаноў, рэферэнтаў, перакладчыкаў для работы ў розных установах); выкананне навукова-даследчых работ у вобласці філалогіі, педагогікі, псіхалогіі, гісторыі КПСС, палітэканоміі, філасофіі; стварэнне падручнікаў і вучэбна-метадычных дапаможнікаў; фарміраванне навукова-педагагічных кадраў; павышэнне кваліфікацыі спецыялістаў па замежных мовах, якія працуюць у сістэме народнай адукацыі і г.д. Развіццё інстытута звязвалі з арганізацыяй сістэматычных, планавых камандзіровак навуковых работнікаў у Маскву і Ленінград з мэтай павышэння тэарэтычнага і метадычнага ўзроўню, авалодвання вопытам перадавых інстытутаў Савецкага Саюза.

На 1948–49 вучэбны год Міністэрствам вышэйшай адукацыі СССР для інстытута быў зацверджаны штат у 47 адзінак прафесарска-выкладчыцкага складу. Як адзначалася ў справаздачы аб рабоце інстытута за першы навучальны год, з 5 кафедраў інстытута толькі 2 узначальвалі кандыдаты навук, тады як астатнія – старшыя выкладчыкі, пры гэты па замежных мовах інстытут не валодаў навуковымі супрацоўнікамі, якія б мелі вучоную сту-

¹ На цяперашні час гэта адзін з вучэбных будынкаў Беларускага нацыянальнага тэхнічнага ўніверсітэта, у якім вядуцца заняткі па ваеннай падрыхтоўцы студэнтаў гэтай установы адукацыі.

пень і вучонае званне. Нягледзячы на празмерныя цяжкасці ў арганізацыі і забеспячэнні вучэбнага працэсу, першы навучальны год у інстытуце прынёс пэўныя станоўчыя вынікі. На І курс у 1948 г. былі залічаны 158 студэнтаў, у тым ліку на факультэт англійскай мовы – 88, на факультэт нямецкай мовы – 40 і на факультэт французскай мовы – 40 студэнтаў. Усяго ў інстытуце на пачатак вучэбнага года навучалася 408 студэнтаў, а на канец года – 364 [8, Арк. 6], з якіх на факультэце англійскай мовы – 204 студэнты, на факультэце нямецкай мовы – 86 і на факультэце французскай мовы – 74. У чэрвені 1949 г. факультэты зрабілі свой першы выпуск спецыялістаў па замежных мовах у колькасці 43 чалавек, з якіх выкладчыкаў англійскай мовы – 24, нямецкай мовы – 9 і французскай мовы – 10. Чатыры выпускнікі былі пакінуты для работы ў інстытуце ў якасці асістэнтаў.

Праз год пасля адкрыцця інстытута на І курс прынялі 165 студэнтаў, з якіх толькі 24 юнакі, 2 члены і кандыдаты ў члены КПСС, 108 камсамольцаў, 55 беспартыйных. Карціну па нацыянальнай прыналежнасці вызначалі наступныя звесткі: беларусаў – 94, рускіх – 36, украінцаў – 9, яўрэяў – 15, прадстаўнікоў іншых нацыянальнасцей – 11. Па сацыяльнай прыналежнасці большасць прадстаўляла дзяцей служачых – 79, кожны чацвёрты, ці 42 студэнты паходзілі з сямей рабочых, калгаснікаў было 15, сялян-аднаасобнікаў – 29. З заходніх абласцей БССР студэнтамі сталі 39 чалавек, 126 паходзілі з усходніх раёнаў і абласцей Беларусі. Сярод студэнтаў значыўся 1 інвалід Вялікай Айчыннай вайны, 7 былі ўзнагароджаны ардэнамі і медалямі.

У пераліку характарыстык значыліся вельмі адметныя пытанні аб тым, чым студэнты займаліся ў гады Вялікай Айчыннай вайны або ў час германскай акупацыі тэрыторыі рэспублікі. Вынікае, што 7 студэнтаў служылі ў Савецкай Арміі, 2 было ў партызанах, 69 знаходзіліся ў тыле, але больш за ўсё – 87 студэнтаў ці больш паловы ўсяго набору ў час вайны пражывалі на акупаванай тэрыторыі Беларусі. Такіх студэнтаў было роўна палову ад агульнай колькасці студэнтаў І–ІV курсаў, хто праз год пасля адкрыцця быў у складзе студэнтаў інстытута: на акупаванай тэрыторыі пражываў 231 студэнт ці 50,1 % ад спісачнага складу студэнтаў.

Не менш важнай адметнасцю колькаснай характарыстыкі студэнтаў з'яўлялася нацыянальнае паходжанне: роўна 20% усіх студэнтаў складалі яўрэйскія юнакі і дзяўчаты, што было крыху меншым за агульную колькасці рускіх. Але разгляд разам гэтых дзвюх груп студэнтаў паказваюць, што яны практычна не саступалі агульнай колькасці беларусаў, якіх, сярод тых, хто пачаў навучацца ў інстытуце 1 верасня 1949 г., была амаль палова ці 48,6%.

У пачатку 1950-х гадоў перад дырэкцыяй Мінскага іняза заставалася адна з самых важных задач – архітэктурнай забудовы тэрыторыі, выдзеленай для ВНУ. У чэрвені 1952 г. у ўпраўленне па справах архітэктуры г. Мінска інстытута «Мінгарпраект» паступае планавае заданне на праектаванне

вучэбнага корпуса па вул. Захарава, падрыхтаваны з улікам тагачасных перспектыў інстытута. Паводле задання, зацверджанага Міністрам асветы І. М. Ільюшыным, вучэбны корпус планаваўся для навучання 1200 чалавек у адну змену на чатырох факультэтах, адпаведна: на факультэце англійскай мовы – 400 студэнтаў, французскай мовы – 200, іспанскай – 100, нямецкай мовы – 500 студэнтаў.

У верасні начальнік упраўлены па справах архітэктуры г. Мінска зацвярджае архітэктурна-планавае заданне, адпаведна якому: 1) узгоднена вулічная прывязка вучэбнага корпуса ў раёне чырвоных ліній вуліц Захарава, Омскага і Вайсковага завулкаў; 2) удакладнялася месцазнаходжанне будучага інтэрната і прылеглага жылога дома па Омскім завулку; 3) узгаднялася вышыня будучых будынкаў не менш за 4–5 паверхаў; 4) у новым будынку інстытуцкага інтэрната прадугледжвалася адкрыццё сталовай на 100 пасадачных месцаў і цырульні; 5) уносілася прапанова аб вынясенні на ўзгадненне ва Упраўленні па справах архітэктуры г. Мінска трох важных дакументаў: а) Генплана зямельнага ўчастка з упарадкаваннем і азеляненнем, б) праектаў будынкаў, в) Генеральнай калькуляцыі. Спецыяльна адзначым, што аўтарам распрацаванага праекта з'яўляўся добра вядомы на той час вядучы архітэктар горада Мінска Г. У. Заборскі – адзін з распрацоўшчыкаў плана па сталічнай забудове, у тым ліку па планіроўцы забудовы жылых дамоў у раёне помніка Перамогі на Круглай плошчы ў г. Мінску.

З 1954 г. выкананне «планавага задання» па ўзвядзенні вучэбнага корпуса інстытута апынулася пад кантролем Беларускага дзяржаўнага праектнага інстытута «Дзяржбуда» БССР. У тлумачальнай запісцы, падрыхтаванай да праектнага задання інстытута архітэктарам Г. У. Заборскім, падкрэсліваецца, што зямельны ўчастак для будынка інстытута адведзены ў гарадскім квартале паміж Омскім і Вайсковым завулкамі, куды паводле архітэктурна-планіровачнага задання будуць выходзіць бакавыя фасады інстытута. На адведзеным участку з боку Омскага завулка вядзецца будаўніцтва інтэрната, а таксама запланавана ўвядзенне валейбольнай пляцоўкі, высадка дрэў, стрыжаных кустоў, дарожак, клумбаў, газонаў і г.д. Вакол участка запланавана металічная агароджа, замацаваная ў спецыяльных цагляных слупках. З боку вул. Захарава да цэнтральнага ўвахода галоўнага фасаду вядзе парадная вонкавая лесвіца, аформленая п'едэсталамі і скульптурамі. Перад будынкам з боку вул. Захарава на адлегласці 18 м ад агароджы прадугледжана гарызантальная пляцоўка, якая стварае спрыяльныя ўмовы для работы інстытута і выкарыстоўваецца як месца для адпачынку студэнтаў: на ёй размяшчаецца партэрная зеляніна і куставыя насаджэнні.

У сярэдзіне 1950-х гадоў кіраўніцтву інстытута ўдалося завяршыць будаўніцтва і ўвесці ў строй будынак першага інтэрната па Омскім завулку, дзе на двух верхніх паверхах пражывалі студэнты. Два першыя паверхі да

ўвядзення вучэбнага корпусу спачатку выкарыстоўваліся ў якасці працоўных памяшканняў для дэканатаў і вучэбныя аўдыторыі. Да 10-годовага юбілею інстытута яго калектыў атрымаў галоўны падарунак – вучэбны корпус па вул. Захарава, які з таго часу стаў галоўным будынкам вучэбнага кампуса Мінскага іняза.

З моманту адкрыцця інстытута агульная колькасць студэнтаў павялічылася больш, чым удвая. Так, на 30 чэрвеня 1957 г. на 4 курсах моўнай навучальнай установы навучаліся 849 студэнтаў, з іх на І курсе – 161, на ІІ курсе – 169, на ІІІ курсе – 278 і на ІV курсе – 241. Па колькасці студэнтаў самым вялікім з'яўляўся факультэт нямецкай мовы, дзе навучалася амаль палова ўсіх студэнтаў – 417. Звыш трэці складалі студэнты факультэта англійскай мовы. На факультэце французскай мовы навучалася 124 студэнты.

Вучэбны працэс у інстытуце ў першы год яго існавання забяспечвалі кафедры: асноў марксізму-ленінізму ў складзе 6 выкладчыкаў (загадваў кафедрай дацэнт Ф. Р. Міхалап); кафедра англійскай мовы ў складзе 13 выкладчыкаў (загадчык – старшы выкладчык А. П. Шлопак, які выконваў абавязкі намесніка дырэктара па навуковай і вучэбнай рабоце; старшы выкладчык А. С. Марціросава выконвала абавязкі дэкана факультэта англійскай мовы); кафедра нямецкай мовы ў складзе 8 выкладчыкаў (Ф. Б. Столава занімала пасаду загадчыка кафедры; старшы выкладчык М. Р. Эрэнштэйн з'яўляўся дэканам факультэта; кафедра французскай мовы ў складзе 9 выкладчыкаў (абавязкі загадчыка кафедры і дэкана факультэта выконвала І. І. Таміліна); кафедра педагогікі ў складзе 4 выкладчыкаў (загадчык кафедры – дацэнт П. П. Дзема); кафедра літаратуры ў складзе 3 выкладчыкаў (загадчык кафедры – дацэнт У. С. Лазавецкі); кафедра мовазнаўства у складзе 2 выкладчыкаў; кафедра фізічнага выхавання ў складзе старшага выкладчыка і лабаранта. На 1 верасня 1958 г. у інстытуце працавалі 129 выкладчыкаў прафесарска-выкладчыцкага складу, у тым ліку 107 штатных супрацоўнікаў. Пры гэтым на кафедрах замежных моў было толькі 6 спецыялістаў з вучонымі званнямі і ступенямі (П. А. Гарэлік, З. Н. Левіт, Т. К. Рушава, Н. К. Салаўёва, В. І. Тур, Н. А. Чэкмазава).

З першага года існавання інстытута кіраўніцтва звязвала яго развіццё з выкананнем планаў па навукова-даследчай рабоце. Піянерамі ў працы над дысертацыямі ў інстытуце былі старшыя выкладчыкі Н. К. Салаўева (кафедра англійскай мовы), Д. С. Берман (кафедра нямецкай мовы) і Ф. Б. Столава (кафедра нямецкай мовы) і М. Ф. Жаўрыд (кафедра палітэканоміі). У красавіку 1954 г. ім была паспяхова абаронена кандыдацкая дысертацыя, у 1956 г. атрымана вучонае званне дацэнта. Вынікі даследавання дайшлі да шырокай чытацкай аўдыторыі ў аўтарскай манаграфіі «Белорусское стекло» (Мінск, 1965).

3 1 верасня 1956 г. інстытут перайшоў на 5-гадовы тэрмін навучання. У юбілейным 1958 г. быў праведзены першы выпуск студэнтаў, падрыхтаваных па дзвюх спецыяльнасцях, замежная мова і руская мова і літаратура ці беларуская мова і літаратура.

1960-я гады ў гісторыі Мінскага іняза трывала звязаны з дзейнасцю рэктара — Фрола Парфіравіча Шмыгава. За той час былі закладзены, пабудаваны і ўведзены ў строй 2 вучэбных корпусы, пачалася падрыхтоўка настаўнікаў іспанскай мовы і перакладчыкаў-рэферэнтаў. Колькасць кафедраў і студэнтаў павялічылася больш, чым у тры. Адкрыў дзверы новы інтэрнат і распачыналася будаўніцтва яшчэ аднаго, пачала сваю дзейнасць аспірантура, быў упершыню створаны Рэдакцыйна-выдавецкі савет інстытута і многа іншага. Як вынікае з названых фактаў, за адно дзесяцігоддзе сваёй дзейнасці на пасадзе рэктара, Шмагаву ўдалося значна палепшыць падмурак педагагічнай адукацыі ў БССР, значна ўзбагацілася сфера развіцця лінгвістычнай навукі ў краіне. У характарыстыцы на Ф. П. Шмыгава ў сувязі з прадстаўленнем у ВАК СССР хадайніцтва аб прысваенні яму вучонага звання прафесара, адзначалася, што дзякуючы ініцыятыве рэктара, інстытут пераўтварыўся ў адну з буйнейшых у краіне вучэбных устаноў свайго профілю.

З красавіка па 29 жніўня 1949 г. працягваў працаваць на папярэднім месцы працы ў МЗС БССР на пасадзе загадчыка палітычным аддзелам. У канцы жніўня ЦК КП(б)Б падтрымаў хадайніцтва Ф. П. Шмыгава аб вызваленні ад працы ў Міністэрстве знешніх спраў БССР і накіраванні на працу ў Мінскі дзяржаўны педагагічны інстытут замежных моў у якасці намесніка дырэктара інстытута па вучэбнай і навуковай рабоце і выкладчыка кафедры асноў марксізму-ленінізму. У красавіку 1952 г. прызначаны прарэктарам БДУ імя У. І. Леніна па навуковай рабоце.

У адпаведнасці з загадам Міністра асветы БССР ад 27 жніўня 1949 г. Ф. П. Шмыгаў прызначаўся намеснікам дырэктарам па вучэбнай і навуковай частцы МДПІЗМ. У сакавіку 1951 г. рашэннем ВАК СССР ён быў зацверджаны ў вучоным званні дацэнта па кафедры асноў марксізму-ленінізму. На пасадзе намесніка дырэктара Ф. П. Шмыгаў працаваў да красавіка 1952 г., калі ў адпаведнасці з загадам № 211/к ад 15.04.1952 г. вызваляўся ад абавязкаў намесніка дырэктара па вучэбнай і навуковай рабоце Мінскага педагагічнага інстытуты замежных моў і пераводзіўся на пасаду прарэктара БДУ імя Леніна. Праз 9 гадоў увосень 1961 года ён зноў вяртаецца ў Мінскі іняз, але на гэты раз у якасці рэктара вышэйшай навучальнай установы.

Галоўным для рэктара Ф. П. Шмыгава на новай пасадзе заставаўся клопат аб пашырэнні матэрыяльнай базы інстытута, у першую чаргу будаўніцтве новых вучэбных карпусоў і інтэрнатаў для студэнтаў. Так, пры наборы 300 студэнтаў на І курс у 1961 г. атрымлівалася, што ў 1961/62 навучальным годзе на стацыянары павінна займацца 117 груп, на завочным – 34, у той час

як вучэбны корпус, адкрыты тры гады назад, мае толькі 33 аўдыторыі для групавога навучання студэнтаў. Таму заняткі ішлі ў тры змены: у першую займаліся студэнты факультэтаў нямецкай і французскай моў, у другую – факультэта англійскай мовы, у трэцяю – падрыхтоўчыя курсы. Недастаткова малым апынуўся першы інтэрнат, разлічаны толькі на 400 чалавек, тады як на дзённым аддзяленні колькасці студэнтаў складала 968 чалавек. Па штатным раскладзе на 1961 г. разам з 464 студэнтамі завочнага аддзялення агульная колькасць дасягала 1500 чалавек.

У пачатку 1963 г. пачалося будаўніцтва другога вучэбнага корпуса. агульнай плошчай 3700 м². Ён быў уведзены ў эксплуатацыю ў верасні 1964 года. Калі ў 1963/64 навучальным годзе на аднаго студэнта прыходзілася 0,78 м², дык у 1964/65 – 2,2 м². Студэнты інстытута атрымалі магчымасць займацца на вучэбных плошчах уласнага інстытута ў параўнанні з тым, што да гэтага часу заняткі праводзіліся на арэндных плошчах у шасці месцах горада. Адкрыццё новых факультэтаў і аддзяленняў прывяло да хуткага росту набору студэнтаў і зноў азначаліся цяжкасці з забеспячэннем вучэбнымі аўдыторыямі. Таму, па рашэнні рэктарата інстытута пад вучэбныя аўдыторыі было абсталявана 15 пакояў першага паверха інтэрната па Омскаму завулку. У 1964/65 навучальным годзе 250 студэнтаў інстытута пражывалі ў інтэрнатах іншых вну Мінска (100 чалавек у БГУ па вул. Дзімірова, 150 чалавек у інтэрнаце БПІ па вул. Я. Коласа). Штомесячна 278 чалавек пражывалі на прыватных кватэрах, якія аплачваў інстытут.

У гэтай сувязі рэктарат трымаў пад пастаянным кантролем дадзенае пытанне і не раз звяртаўся да Міністэрства вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі БССР з просьбай аб своечасовым пачатку будаўніцтва новага вучэбнага корпуса па Вайсковым завулку, намечанага на 1965 г., а таксама новага інтэрната для студэнтаў.

Пачатае ў 1965/66 навучальным годзе будаўніцтва новага вучэбнага корпуса па Вайсковым завулку было здадзена ў эксплуатацыю амаль праз год, у лістападзе 1966 г. Вучэбная плошча трох карпусоў дасягнула 8379 м². У 1966/67 навучальным годзе рабочая плошча на аднаго студэнта склала 3,2 м², тады як праз год зменшылася да 2,88 м². Створаная з пачатку 1960-х гадоў матэрыяльна-тэхнічная база дазволіла інстытуту за дзесяцігоддзе павялічыць колькасць студэнтаў дзённага навучання больш, чым утрая. Калі ў 1961/62 навучальным годзе на стацыянары налічвалася 990 студэнтаў, дык на 1 студзеня 1970 г. іх колькасць вырасла да 3260 чалавек. На вячэрнім аддзяленні навучалася 386 студэнтаў, на завочным – 397 чалавек. У канцы 1960-х пачалося будаўніцтва чацвёртага корпуса інстытута, дзе планавалася пабудаваць актавую і фізкультурную залы.

1 верасня 1965 г. інстытут атрымаў новы корпус інтэрната на 630 месцаў па вул. Слясарнай. Калі на 1.07.1965 г. у інтэрнатах пражывалі 700 студэнтаў,

дык праз год гэта лічба вырасла да 887 чалавек. Калі ў 1964/65 навучальным годзе фактычны працэнт забяспечанасці студэнтаў стацыянара складаў 28,8%, дык пасля ўвядзення новых плошчаў інтэрната – 51,6%. З увядзеннем у верасні 1965 г. новага корпуса інтэрната інстытут мае 2 корпусы на 1080 месцаў.

Аднак галоўную задачу рэктарат бачыў у забяспечанасці навуковапедагагічнымі кадрамі штатнага складу інстытута. Так, на 1 ліпеня 1961 г. у інстытуце на прафесарска-выкладчыцкіх пасадах працавалі 98 чалавек, з якіх 58 жанчын і 40 мужчын; з якіх 36 членаў КПСС, 6 – членаў ВЛКСМ і 56 – беспартыйных; дацэнтаў і кандыдатаў навук – 16, старшых выкладчыкаў – 57, выкладчыкаў і асістэнтаў – 25 чалавек. Па нацыянальным складзе: беларусаў – 43, рускіх – 37, яўрэяў – 14, украінцаў – 3 і 1 прадстаўнік іншай нацыянальнасці. Са стажам да 5 гадоў – 5 чалавек, да 10 – 46, звыш 10 гадоў – 47 чалавек.

На 1.07.1961 г. у інстытуце было 880 студэнтаў, з якіх на І курсе 276, на другім – 191, на трэцім – 145, на чацвёртым – 137, на пятым – 131 студэнт. Па факультэтах гэта карціны бала наступнай: на факультэце англійскай мовы ўсяго было 349 студэнтаў, з іх: на першым курсе – 131, на другім – 86, на трэцім – 61, на чацвёртым – 47, на пятым – 24; з іх хлопцаў 51, дзяўчат – 298; беларусаў – 205, рускіх – 115, яўрэяў – 13, украінцаў – 8, палякаў – 7, іншых – 1; па сацыяльным паходжанні: з рабочых – 82, служачых – 194, іншых – 21. На факультэце французскай мовы было 149 студэнтаў, з іх хлопцаў - 6, дзяўчат - 143; з якіх членаў ВЛКСМ 145, беспартыйных - 4; беларусаў – 96, рускіх – 40, украінцаў – 7, яўрэяў – 4, палякаў – 2; па паходжанні: са служачых - 78, рабочых - 51, сялян - 20. На факультэце нямецкай мовы было ўсяго 335 студэнтаў, з іх хлопцаў - 69, дзяўчат - 266; з якіх членаў УКП (б) – 3, членаў ВЛКСМ – 321, беспартыйных – 11; беларусаў – 252, рускіх – 55, палякаў – 7, яўрэяў – 7, украінцаў – 13, іншых – 1; з рабочых – 69, служачых – 126, сялян – 138, іншых – 2. Па выніках летняй сесіі 1960/61 навучальнага года паспяховасць складала 91,4%.

У 1961/62 навучальным годзе ў інстытуце вучэбны працэс забяспечвалі 10 кафедраў, у тым ліку: гісторыі КПСС, палітэканоміі і філасофіі, лексікалогіі і фанетыкі англійскай мовы, граматыкі і гісторыі англійскай мовы, лексікалогіі і фанетыкі нямецкай мовы, граматыкі і гісторыі нямецкай мовы, французскай мовы, рускай і беларускай мовы і літаратуры, педагогікі і псіхалогіі, фізічнага выхавання і спорту. Фактычна на кафедрах не працавала ні аднаго прафесара і толькі 5 дацэнтаў, хаця па штатным раскладзе павінны было быць 2 прафесара і 12 дацэнтаў. Са 100,5 адзінак штатных выкладчыкаў замежных моў толькі 8 маюць вучоную ступень і званне, кандыдаты навук і дацэнты. За 8 гадоў (на 1.01.1970) колькасць штатных выкладчыкаў вырасла са 130 да 550, пры гэтым колькасць ПВС са ступенямі і званнямі – з 18 да 108 чалавек. Калі ў 1961/62 навучальным годзе ў інстытуце было 5 кафедраў замежных моў і на

іх працавалі толькі 5 кандыдатаў навук, дык на пачатак 1970 г. у інстытуце налічвалася 21 кафедра замежных моў, на якіх працуюць 65 выкладчыкаў са ступенямі званнямі, у тым ліку 3 штатных прафесара і доктара навук.

Не менш важным з'яўляўся ўзроставы склад выкладчыкаў інстытута, што набыло асаблівае значэнне ў сярэдзіне 1960-х гадоў. Так, з 265 выкладчыкаў толькі кожны дзясяты быў ва ўзросце ад 50 гадоў і вышэй, тады як абсалютная большасць прафесарска-выкладчыцкага складу мела ўзрост да 49 гадоў. З іх па нацыянальнай прыналежнасці: беларусаў – 117, рускіх – 110 чалавек, яўрэяў – 22, украінцаў – 13, іншых – 3. З агульнай колькасці ПВС да ліку жанчын адносілася 64,9 % загадчыкаў кафедрамі, дацэнтаў, старшых выкладчыкаў, асістэнтаў і выкладчыкаў.

У 1961/62 навучальным годзе працягвалася падрыхтоўка спецыялістаў па двух замежных мовах з тэрмінам навучання 5 гадоў. У гэтым жа годзе ў якасці другой спецыяльнасці была ўведзена іспанская мова, у 1965/66 – італьянская. У 1962 г. у інстытуце быў адкрыты прыём на аддзяленне іспанскай мовы з 5-гадовым тэрмінам навучання, якое праз чатыры гады набыло статус факультэта. У 1962 г. было адкрыта і вячэрняе аддзяленне. Тэрмін навучання на вячэрнім аддзяленні – 5 гадоў. Падрыхтоўка спецыялістаў ажыццяўлялася па адной замежнай мове: англійскай, нямецкай ці французскай. З 1963 г. на дзённым аддзяленні былі ўстаноўлены 2 тэрміны навучання – пяцігадовы і чатырохгадовы. У 1964 г. адкрыта перакладчыцкае аддзяленне на 1 і 2 курсах факультэтаў нямецкай, англійскай і французскай моў. Пачалася падрыхтоўка перакладчыкаў-рэферэнтаў па дзвюх замежных мовах. Назіралася тэндэнцыя сталага росту студэнтаў на ўсіх формах навучання: калі на 1 верасня 1948 г. іх было 362 чалавека, на 1.09.1959 г. – 1160 чалавек, дык на 1.01.1967 – 3137 чалавек.

Міністэрства вышэйшай і сярэдняй спецыяльнай адукацыі СССР прыняло пастанову з 1 верасня 1962 г. адкрыць аспірантуру па германскіх і раманскіх мовах і па методыцы выкладання замежных моў пры Мінскім інязе. Падрыхтоўка вялася па германскай і раманскай філалогіі і тэорыі мовазнаўства. У першы год на германскія мовы былі прыняты 4 чалавека, у 1963 г. – 5, у 1964 г. – 2; на раманскія, адпаведна, 1 чалавек у 1962 г., 1 – у 1962 г. і 2 – у 1964 г. Па тэорыі мовазнаўства прынялі ў 1964 г. 2 чалавекі. У 1964/65 навучальным годзе навучалася ўсяго 17 чалавек. Першы выпуск аспірантаў адбываўся ў 1965 г., калі аспірантуру скончылі 4 чалавекі, у 1966 г. – таксама 4 чалавекі. З 1965 г. інстытут атрымаў права абараны кандыдацкіх дысертацый па заходнееўрапейскіх мовах спачатку на Аб'яднаным міжвузаўскім вучоным Савеце па гуманітарных дысцыплінах, а потым на Вучоным Савеце па філалагічных навуках пры БДУ імя У. І. Леніна. На 1.01.1967 г. у аспірантуры навучаліся 25 чалавек. Агульны працэнт абароны дысертацый складаў 50 %.

Усяго ў другой палове 1960-х гадоў абаранілі кандыдацкія дысертацыі 35 аспірантаў і выкладчыкаў інстытута, з іх 24 чалавекі – у апошнія 3 гады. Да таго ж былі абаронены 2 доктарскія – 3. Н. Левіт і Г. Я. Панкрац. На працягу 1969/70 навучальнага года да абароны падрыхтаваны 2 доктарскіх і 13 кандыдацкіх.

Рэктарат надаваў вялікую ўвагу павышэнню кваліфікацыі выкладчыкаў, якое праводзілася як шляхам залічэння ў гадавую аспірантуру (6 чалавек у 1969/70 годзе), прымацавання ў якасці саіскальнікаў да кафедраў (11 чалавек), перавод маладых выкладчыкаў на пасады стажораў-даследчыкаў (5 чалавек), перавода дацэнтаў на пасады старшых навуковых супрацоўнікаў (4 чалавекі), так і шляхам накіравання выкладчыкаў на факультэт павышэння кваліфікацыі пры Маскоўскім педінстытуце замежных моў імя М. Тарэза (калі ў 1968/69 навучальным годзе ў мэтавую і гадавую аспірантуру былі накіраваны 8, дык у 1969/70 – 10 чалавек), шэсць выкладчыкаў там жа павышалі кваліфікацыю, такая ж колькасць выкладчыкаў павышалі кваліфікацыю па грамадскіх навуках. Апроч таго, для 9 чалавек былі арганізаваны стажыроўкі ў іншыя гарады краіны, 17 выкладчыкаў закончылі вышэйшыя двухгадовыя педагагічныя курсы ў Маскве і Ленінградзе.

У 1969/70 навучальным годзе балі таксама арганізаваны стажыроўкі выкладчыкаў у краіны, мова якіх выкладалася ў інстытуце. На стажыроўку выехалі 24 выкладчыкі, у тым ліку: у ГДР – 7 на срок ад 10 да 12 месяцаў, 2 чалавекі – на 2 месяцы, Аўстрыю – 2 чалавекі на месяц, у ЗША – 5 чалавек на 3 месяцы, у Англію – 1 чалавек на 9 месяцаў, у Францыю – 3 чалавека на 10 месяцаў і 4 чалавека на 2 месяцы.

3 верасня 1960 г. у інстытуце былі арганізаваны і працавалі двухгадовыя курсы замежных моў для спецыялістаў, якія накіроўваліся за мяжу. У 1969/70 навучальным годзе на курсах навучаліся 93 чалавека.

3 1966 г. інстытут шырока выкарыстоўвае ў навучальным годзе тэлебачанне, абсталяваўшы ў галоўным корпусе тэлевізійную ўстаноўку замкнёнай сістэмы (без выхаду ў эфір) і ўсталяваўшы 14 шырокаэкранных тэлевізараў у аўдыторыях. У 1967/68 навучальным годзе зманціравана і пачала выкарыстоўвацца ў вучэбным працэсе фанетычная аўдыёвізуальная ўстаноўка "Седамель" французскай вытворчасці. Яна складаецца са стала выкладчыка са спецыяльным магнітафонам, прайгравальнікаў з пультам упраўлення на 24 рабочыя месцы, 24 кабін з уманціраванымі ў іх індывідуальнымі двух канальнымі магнітафонамі, магнітафонных запісаў на англійскай, французскай, нямецкай, іспанскай мовах, падручнікаў і дыяфільмаў.

У інстытуце створана фанетычная лабараторыя вуснай мовы, куды ўваходзяць студыі запісу, 3 залы праслухоўвання (на 28, 52 і 153 месцаў) для самастойнай работы студэнтаў, 2 кабінакласы, спецыяльныя аўдыторыі, абсталяваныя магнітафонамі і рэгулятарамі гуку, кабінет з 24 кабінамі аўдыё-

візуальнай устаноўкі "Седамель", кабінет сінхроннага перакладу з 200 апаратамі "Сімултон", прыстасаваных для адначасовага перакладу і магчымасці пачуць пераклад на пяці мовах, 2 залы на 20–24 месцы, адзін для работы з фільмамі, другі – с дыяфільмамі. У навучальным працэсе выкарыстоўваецца больш за 200 магнітафонаў; клас праграмнага навучання, укамплектаваны 15-ю машынамі для навучання "Мінчанка"; навукова-даследчая лабараторыя вуснай мовы; лабараторыя вучэбнага кіно, 2 вялікія кіназалы. Адкрылася зала сінхроннага перакладу, якую за падачы рэктара Мінскага іняза называлі "малой залай ААН". У 1970 г. у інстытуце была ўсталявана вылічальная машына "Мінск–22", эксплуатацыя якой запатрабавала плошчу ў 120 м².

Станоўчай прыкметай выканання НДР у 1960-я гады становіцца тэндэнцыя па аб'яднанні намаганняў супрацоўнікаў інстытута вакол важных праблем мовазнаўства і методыкі навучання замежным мовам. З гэтага пункту гледжання ўяўлялі асаблівы інтарэс вынікі даследаванняў, якія праводзяцца ў творчай групе "Статыстыка мовы" на чале з прафесарам Р. Г. Піятроўскім (г. Ленінград), накіраваным па рашэнні Прэзідыума АН СССР у інстытут для аказання дапамогі ў правядзенні навуковых даследаванняў. Група працавала ў шчыльным кантакце з мовазнаўцамі Расіі (Ленінград), Дагестану, Казахстана і Малдавіі. Работы вяліся шырокім фронтам, галоўная ўвага была накіравана на даследаванне статыстычнага размеркавання словаформ і словазлучэнняў і інфарматыўнай вагі гэтых лінгвістычных адзінак як паасобку, так і ў сукупнасці; адначасова статыстычна ацэньваліся розныя прыёмы аўтаматычнага вызначэння значэння лінгвістычных адзінак і, у прыватнасці, вырашалася задача адрознення амонімаў. Пачыналіся работы па аўтаматычным аналізе моўных тэкстаў на аснове статыстычных даных. Калектыў групы шырока выкарыстоўваў вылічальную тэхніку не толькі для ацэнкі верагоднасці і матэматычнага аналізу лінгвістычных даных, але і вызначэння размеркавання лінгвістычных адзінак у тэксце.

У 1970 г. супрацоўнікі інстытута абаранілі 9 кандыдацкіх дысертацый па грамадскіх навуках, рамана-германскім мовазнаўстве і літаратуразнаўстве, методыкі выкладання замежных моў. Акрамя, таго падрыхтавана да абароны 6 кандыдацкіх і 3 доктарскія дысертацыі. Усяго за гады восьмай пяцігодкі ў інстытуце абаронены 40 дысертацый, з іх 39 кандыдацкіх і адна доктарская, адпаведна: у 1966 – 5, 1967 – 11, 1968 – 8, 1969 – 7 і ў 1970 – 9 абароненых дысертацый.

Адпаведна загаду № 21 рэктара ад 31 студзеня 1966 г. быў створаны Рэдакцыйна-выдавецкі савет інстытута на чале з прарэктарам на навуковай рабоце, дацэнтам, кандыдатам філалагічных навук У. В. Макаравым; намеснікам старшыні была прызначана кандыдат філалагічных навук дацэнт В. І. Тур. Усяго ў склад савета ўвайшлі 11 чалавек, з якіх 6 загадчыкаў кафедрамі. 2 выконваючых абавязкі загадчыкаў і адзін дацэнт, кандыдат педагагічных

навук. У 1969 г. быў зацверджаны новы склад Рэдакцыйна-выдавецкага савета агульнай колькасцю 12 чалавек, куды ўваходзілі 2 прарэктары, 2 дэканы, 6 загадчыкаў кафедрамі, 2 прафесары і адзін дацэнт.

У сярэдзіне 1960-х гадоў у складзе выкладчыкаў інстытута працавалі 70 чалавек, хто ў перыяд Вялікай Айчыннай вайны праходзіў службу ў радах Чырвонай Арміі, аказваў супраціўленне на акупаванай тэрыторыі ў партызанскіх атрадах і ў падполлі, у тым ліку: выкладчыкаў – 51 чалавек; адміністрацыйна-тэхнічных работнікаў – 19 чалавек, 27 чалавек знаходзіліся ў партызанскіх атрадах і на падпольнай рабоце. Узнагароджана ардэнамі і медалямі ў перыяд вайны 58 чалавек, паранена ў баях – 15.

Апроч гэтай катэгорыі ветэранаў архіўныя дакументы ўтрымліваюць шматлікія звесткі аб студэнтах 4–5 курсаў інстытута, рэкамендаваных "для перакладу" ў краіны Азіі, Амерыкі і Афрыкі. Так, пачынаючы з 1962 г., у розныя краіны былі камандзіраваны: Інданезія – 13 чалавек, Індыя з 1963 па 1970 г. – 40 чалавек; Бірма – 1963 г. штогод па аднаму чалавеку; Малі (1963–1965) – 10 чалавек; Пакістан (з 1964 г.) – адзінкавыя накіраванні; Камбоджа (1964–1965) – 10 чалавек; Алжыр – (1964–1970) – 91 чалавек; Сірыя (з 1965) – адзінкавыя накіраванні штогод; Егіпет – накіраванні пачаліся з лістапада 1965 г.; Гвінея – (з 1966) – 18 чалавек; Афганістан – (з 1966); Эфіопія – з 1965 г.; Самалі – з 1966 г.; Куба – з 1967 г. У 1968 г. з'яўляюцца новыя напрамкі? Танзанія, Марока, В'етнам, у 1970 г. – Чад, Камерун, Іран.

Гісторыя Мінскага іняза з канца лістапада 1970 да сярэдзіны красавіка 1990 г. была трывала звязана з дзейнасцю трэцяга рэктара – Ніны Георгіеўны Красновай, якая на момант прызначэнне на гэту адказную пасаду валодала каштоўным вопытам адміністрацыйнай работы, арганізацыі і кіравання вялікімі калектывамі, паколькі на працягу звыш 15 гадоў працавала на розных пасадах у ЦК ЛКСМБ і ЦК КП Беларусі [8].

У адпаведнасці з загадам міністра вышэйшай і сярэдняй адукацыі Беларускай ССР № 513-К ад 24 лістапада 1970 г. кандыдат гістарычных навук Н. Г. Краснова прызначана рэктарам Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў. З першых дзён працы ў інстытуце яна актыўна займалася пытаннямі матэрыяльна-тэхнічнага развіцця інстытута пад пільнай увагай новага кіраўніка завяршаецца будаўніцтва спартыўнага комплексу і актавай залы інстытута, узводзіцца трынаццаціпавярховы студэнцкі інтэрнат, ажыццяўляецца дызайнерскае афармленне вестыбюляў інстытута, пачала эксплуатавацца лабараторыя дыафільмавання з устаноўкай дакуматара фірмы "Карл-Цэйс Йена", праведзена мадэрнізацыя кінапраектнага комплексу, адбыўся мантаж кнігапад'ёмніка па дастаўцы кніг з кнігасховішча ў чытальныя залы на другім паверсе і інш. Сярод асабліва важных задач, якія паўсталі перад кіраўніцтвам інстытуты ў пачатку 1980-х гадоў, значыліся будаўніцтва

студэнцкай сталовай на 450 месцаў, рэканструкцыя студэнцкага інтэрната № 1 па Омскаму завулку [цяпер вуліца Румянцава. – *С. Н.*] пад вучэбны корпус з надбудовай пятага паверха і ўсталяваннем перахода з карпусам "А" і інш.

У 1971 г. быў уведзены ў строй спартыўны комплекс інстытута: тры спартыўных залы і манеж, а таксама актавая зала на 800 чалавек, памяшканне для факультэта грамадскіх прафесій, і пачалося будаўніцтва шматпавярховага студэнцкага інтэрната на 1180 месцаў. Інстытут набыў навейшыя тэхнічныя сродкі для правядзення вучэбнага працэсу; для заняткаў па фанетыцы з'явіліся кабінеты з чэхаславацкім і японскім абсталяваннем. Атрымана французская спецыяльная аўдыёнаглядная ўстаноўка фірмы "Цыдамель", створана лекцыйная аўтаматазываная аўдыторыя з 11 сістэмамі кіравання. Інстытут набыў вылічальную машыну ЕС 1020. ЭВМ шырока выкарыстоўвалася кафедрай стуктурна-прыкладной і матэматычнай лінгвістыкі ў вучэбнай і навуковай рабоце.

Асноўную ўвагу рэктар з першых дзён дзейнасці надавала стварэнню неабходных умоў для паспяховай арганізацыі выкладання дысцыпліны. У 1970/71 навучальным годзе інстытут перайшоў на новы вучэбны план, паводле якога былі праведзены змены па спецыяльных дысцыплінах с пункту погляду размежавання практычнага вывучэння мовы і тэорыі мовы. Сярод дысцыплін асаблівае значэнне надавалася практычнай фанетыцы і практычнай граматыцы, на якія адводзілася звыш 2500 гадзін. Гэта давала магчымасць студэнту авалодаць практычнымі навыкамі па замежнай мове. На вывучэние другой замежнай мовы адводзілася 770 гадзін. Акрамя таго, студэнты вывучалі методыку выкладання замежных моў, гісторыю мовы, тэарэтычную фанетыку і тэарэтычную граматыку, лексікалогію, гісторыі літаратуры краіны вывучаемай мовы, краіназнаўства, латынь, уводзіны ў мовазнаўства, стылістыку, тэорыю і практыку перакладу, параўнаўчую тыпалогію роднай і замежнай моў і шэраг іншых дысцыплін, тым больш, што выкладаўся спецыяльны цыкл дысцыплін па педагогіцы і псіхалогіі, грамадска-палітычных дысцыплінах, беларускай і рускай мовам, літаратуры. Выпускнікі інстытута атрымлівалі ўсебаковае гуманітарную адукацыю.

Ва ўмовах пераходу да ўсеагульнай сярэдняй адукацыі ў СССР значна ўзрасталі патрабаванні да падрыхтоўкі настаўнікаў замежных моў, абумоўленыя перспектывамі развіцця народнай адукацыі на аснове рашэнняў XXIV з'езда КПСС. У гэтай сувязі кіраўніцтвам інстытута ў канцы 1972 г. былі падрыхтаваны прапановы па асноўных напрамках падрыхтоўкі спецыялістаў з вышэйшай адукацыяй – настаўнікаў замежных моў, замацаваныя ў плане развіцця МДПІЗМ да 1990 года.

Галоўнай задачай заставалася рацыяналізацыя і інтэнсіфікацыя спосабаў навучання замежным мовам на аснове ўліку навейшых дасягненняў дыдактыкі, лінгвістыкі, псіхалогіі, кібернетыкі, методыкі і шырокага ўкаранення і

эфектыўнага прымянення тэхнічных сродкаў і праграмнага навучання, распрацоўкі новых, эфектыўных метадаў навучання, якія развіваюць інтэлект і творчыя здольнасці студэнтаў, дазваляюць ім хутка адаптавацца да канкрэтных умоў навучання. Вырашэнне пастаўленых задач прадугледжвала: 1) тэхнічнае забеспячэнне вучэбных кабінетаў і лабараторый інстытута замежных моў; 2) распрацоўка новых, больш эфектыўных метадаў і прыёмаў навучання з улікам інтэнсіўнага выкарыстання сучасных аўдыёнаглядных тэхнічных сродкаў; 3) правядзенне неабходных псіхолага-фізіолага-метадычных даследаванняў па выяўленню параўнальнай эфектыўнасці розных відаў ТСН, навуковаму абгрунтаванню найбольш рацыянальных метадаў і прыёмаў з імі; 4) стварэнне спецыяльна распрацаваных і эксперыментальны правераных вучэбных матэрыялаў, пабудаваных на аснове розных крыніц інфармацыі для аўдыторнай і самастойнай работы студэнтаў.

Адпаведна перспектыўнаму плану ў інстытуце прадугледжвалася развіццё навуковых даследаванняў, тэматыка якіх трывала звязвалася з навуковай, вучэбнай і выхаваўчай дзейнасцю калектыву інстытута: у першую чаргу ў вобласці выкарыстання тэхнічных сродкаў у навучанні замежным мовам, у тым ліку метадаў і прыёмаў навучання асобных такіх аспектаў, як вуснае маўленне, пісьмо, пытанні праграмавання і самапраграміравання і г.д.; далейшай распрацоўкі пытанняў эксперыментальнага вывучэння працэсаў перакладу, псіхалагічнага зместу і значэння правілаў пры засваенні замежнай мовы, грамадскай актыўнасці студэнтаў у пазакласнай выхаваўчай працы і г.д.; правядзення комплексных даследаванняў па актуальных пытаннях тэарэтычна і эксперыментальнай фанетыкі раманскіх і германскіх моў у іх суадносінах з пытаннямі фанетыкі славянскіх моў (рускай і беларускай) і інш.

Вырашэнне асноўных задач у рамках распрацаванага перспектыўнага плана развіцця інстытута пачалося з вырашэння пытанняў па кадравым забеспячэнні кафедраў высокакваліфікаванымі спецыялістамі і вучэбнадапаможным персаналам, які меў дастатковы стаж і вопыт работы ў вну. Назіраўся паступовы і даволі істотны рост выкладчыкаў з вучонымі ступенямі і званнямі дактароў навук, прафесараў, кандыдатаў навук і дацэнтаў. Так, у канцы 70-х з агульнай колькасці 543 штатных выкладчыкаў навуковыя ступені і званні мела 186 ці 34,4% ад агульнай колькасці асоб прафесарскавыкладчыцкага складу, у тым ліку 1,5 % дактароў і прафесараў. Пасады дэканаў займалі 85,5 % кандыдатаў і дацэнтаў, прычым усе кіраўнікі факультэтаў былі ва ўзросце да 60 гадоў; сярод загадчыкаў кафедрамі са званнямі і ступенямі, у тым ліку дактароў навук, прафесараў былі 91,4%, усе да 60 гадоў. Па факультэтах гэты паказчык выглядаў наступным чынам: англійскай мовы -41,1%; нямецкай мовы - 50,9%; французскай мовы - 56,2%; іспанскай мовы – 25%, перакладчыцкі факультэт – 33,0%. Па кафедрах грамадскіх навук адпаведна: гісторыі КПСС - 58,3 %; філасофіі - 71,4 %; палітэканоміі - 62,5 %, навуковага камунізму - 50,0%.

Шмат увагі Краснова Н. Г. надае арганізацыі навукова-даследчай работы, асаблівыя намаганні накіроўвае на павышэнне прафесійнага ўзроўню прафесарска-выкладчыцкага складу ВНУ, пры гэтым вялікую ўвагу надае падрыхтоўцы кадраў вышэйшай навуковай кваліфікацыі. Рэктарат пастаянна трымаў пад кантролем пытанне аб адкрыцці ў інстытуце Савета па абароне кандыдацкіх дысертацый. У 1971 г. у аспірантуры інстытута вялася падрыхтоўка на наступных спецыяльнасцях: германскія мовы; раманскія мовы; структурная, прыкладная і матэматычная лінгвістыка; методыка выкладання замежных моў; дзіцячая і педагагічная псіхалогія. Адкрытая ў 1962 г. аспірантура паспяхова рыхтавала кадры вышэйшай кваліфікацыі, аднак адсутнасць да 1972 г. у інстытуце Савета па абароне не давала ім магчымасці своечасовай абароны. На той час у рэспубліцы быў адзіны Савет па абароне дысертацый па раманскіх і германскім мовам працаваў – у БДУ.

Між тым, у 1971 г. супрацоўнікі інстытута абаранілі 1 доктарскую і 8 кандыдацкіх работ, у тым ліку: Л. М. Скрэліна – доктарская дысертацыі па раманскіх мовах; кандыдацкія дысертацыі па германскіх і раманскіх мовах абаранілі А. І. Букаеў, Л. А. Сухарава, І. І. Панова, Я. М. Воўшын, Л. І. Апатава, В. А. Сцяпанаў; П. В. Дзядзюля – па гістарычных навуках [7, Арк. 105]. Гэта дазволіла павысіць адносныя паказчыкі, якія меў інстытут на 1 студзеня 1971 г., калі сярод 605 штатных выкладчыкаў дактароў было толькі 3 (0,5%), кандыдатаў навук і дацэнтаў – 102 (17%), без вучоных ступеняў і званняў – 500 (82,6%).

У 1971 г. інстытуцкую НДР забяспечвалі 509 выкладчыкаў і 784 студэнты. Пасля адкрыцця ў 1972 г. Савета па абароне кандыдацкіх дысертацый па германскіх і раманскіх мовах у наступным годзе ў інстытуце было абаронены 20 кандыдацкіх і доктарскіх дысертацый, сярод якіх 2 доктарскія [8, Арк. 44]. Пры гэтым 1 доктарская і 3 кандыдацкіх дысертацыі былі абаронены на кафедры граматыкі і гісторыі нямецкай мовы, дзе працавалі 16 выкладчыкаў кафедры. Да таго, у тым жа годзе 1 доктарская і 6 кандыдацкіх дысертацыйных даследаванняў былі рэкамендаваны да абароны. Была завершана падрыхтоўка доктарскага дысертацыйнага даследавання дацэнтам кафедры агульнага мовазнаўства і літаратуры В. І. Тур, абаранілі 2 кандыдацкія дысертацыі на кафедры гісторыі КПСС – выкладчык А. А. Віхраў і старшы выкладчык Э. А. Ліпецкі і інш.

Разгляд статыстычных даных, выяўленых сярод архіўных крыніц аб навукова-даследчай дзейнасці калектыву інстытута, пераконвае ў тым, што за гады рэктарства Н. Г. Красновай не толькі склалася, але і замацавалася станоўчая тэндэнцыя павелічэння колькасці абароненых дысертацый і колькасці студэнцкіх навуковых работ. Гэтаму садзейнічалі метады самастойнай работы аспірантаў у ходзе падрыхтоўкі і завяршэння дысертацыйных даследаванняў, а таксама вопыт дзейнасці вучоных, накіраваных у МДПІЗМ

і іншых вну рэспублікі на падрыхтоўку спецыялістаў вышэйшай кваліфікацыі. Аб сумесных выніках сведчаць даныя аб дынаміцы падрыхтоўкі дактароў і кандыдатаў навук у сярэдзіне і другой палове 1970-х гадоў, калі ў інстытуце быў адкрыты Савет па абароне доктарскіх дысертацый. Напрыклад, з 1975 г. па 1980 г. працэнт выкладчыкаў з вучонымі ступенямі і званнямі вырас з 24,7 да 36,0%. Адносны паказчык колькасці дактароў і прафесараў вырас з 0,8 у 1975 г. да 1,5 – у 1980 г.; кандыдатаў навук з 23,1 да 34,5%. В 1975 г. студэнты інстытута за ўдзел у рэспубліканскім туры конкурсу (улік работ толькі І катэгорыі) атрымалі 58 грамат, тады як у 1979 г. – 91. У наступным годзе гэты паказчык быў крыху меншым у сувязі з тым, што значаная колькасць студэнтаў былі занята ў падрыхтоўцы сярод студэнтаў інстытута гідаў-перакладчыкаў для правядзення летніх Алімпійскіх гульняў у Маскве ў 1980 г.

У кастрычніку 1974 г. у інстытуце адкрываецца навукова-даследчая лабараторыя "Актыўныя метады навучання замежным мовам у вну і школе", якая вырашала наступныя задачы: а) укараненне ў практыку найбольш эфектыўных метадаў навучання; б) правядзенне тэарэтычных даследаванняў і эксперыментальнай праверкі новых, актыўных метадаў навучання; в) удасканальванне навукова-метадычнай падрыхтоўкі прафесарска-выкладчыцкага складу інстытута; г) прыцягненне да навукова-даследчай работы выкладчыкаў і студэнтаў, а таксама настаўнікаў замежных моў гарадскіх і сельскіх школ; д) вядзенне сістэматычнай прапаганды актыўных і новых метадаў навучання замежным мовам у вну і школах рэспублікі. Гэту работу вялі секцыі па паскораным, праблемным і дыферэнцаваным навучанні замежных моў. Кіраўніцтва лабараторыяй ажыццяўляў савет на чале з дацэнтам І. Ф. Камковым.

Цэлы комплекс мерапрыемстваў, праведзены вучонымі МДПІЗМ у розных сферах лінгвістычнай навукі, уключна даследаванні на стыку навук, даў свой станоўчы вынік. Так, у 1990 г. аспірантуру інстытута закончылі 27 чалавек, з якіх 12 прадставілі завершаныя работы ў спецыялізаваны Савет па абароне. Абаранілі дысертацыі за часам знаходжання ў аспірантуры 4 чалавекі. З выкладчыкаў інстытута навучаліся 5 чалавек, 4 з якіх закончылі аспірантуру з прадстаўленнем дысертацыі да абароны. Значна вырас навуковы патэнцыял інстытута ў 1989 г., калі на працягу года былі абаронены 3 доктарскіх (А. А. Метлюк, М. В. Шарамета, М. І. Лешчанка) і 15 кандыдацкіх дысертацый. У выніку ў інстытуце значна вырасла доля абароненых выкладчыкаў. Так, з 555 выкладчыкаў былі дактарамі і прафесарамі – 10, кандыдатамі і дацэнтамі - 239 (43,0%). Найбольш поўна ўкамплектаваны кадрамі вышэйшай кваліфікацыі кафедры граматыкі і гісторыі французскай мовы, а таксама тэорыі, эксперыментальнай фанетыкі і стылістыкі англійскай мовы. Ніжэй сярэдняга паказчыка маюць 14 з 34 кафедраў інстытута. За 1990 г. было абаронены 24 дысертацыі, з іх 7 выкладчыкамі інстытута.

У адукацыйным працэсе ўпершыню пачынае выкарыстоўвацца камп'ютарная тэхніка. У адпаведнасці з загадам Міністэрства вышэйшай адукацыі БССР у 1975 г. у інстытуце з мэтай паляпшэння арганізацыі і правядзення вучэбна-выхаваўчай і навукова-метадычнай работы адкрывалася кафедра структурнай і прыкладной лінгвістыкі.

У 1970–1971 навучальным годзе ў інстытуце адпаведна пастанове ЦК КПСС і СМ СССР ад 20 жніўня 1969 г. "Аб арганізацыі падрыхтоўчых аддзяленняў пры вышэйшых навучальных установах" адкрываецца падрыхтоўчае аддзяленне, на якім на дзённай форме займаліся 75 слухачоў і 25 навучаліся без адрыву ад вытворчасці. Аддзяленне рыхтавала слухачоў для паступлення на адзін з 4-х факультэтаў: англійскай, французскай, нямецкай і іспанскай моў. Паколькі ў першы год работы ад абітурыентаў, якія вывучалі ў школе іспанскую ці французскія мовы, паступіла абмежаваная колькасць заяў, тры групы былі ўкамплектаваны тымі, хто вывучаў у школе нямецкую ці англійскую мовы. Гэтыя групы працавалі па праграме пачынаючых, вывучаючы французскую ці іспанскую мову з азоў. Уся работа на аддзяленні была накіравана на падрыхтоўку слухачоў з рабочых, калгаснікаў і дэмабілізаваных з радоў Савецкай Арміі. Так, сярод залічаных на аддзяленне 18 слухачоў былі з сельскай мясцовасці, 31 – дэмабілізаваны і 51 – з рабочых. Сярод слухачоў дзённага аддзялення 12 былі членамі і кандыдатамі ў члены КПСС. Выпускныя экзамены паказалі, што большасць слухачоў добра справіліся з вучэбнымі праграмамі, 34 слухачоў паказалі добрыя і выдатныя веды, здавальняючыя ацэнкі атрымалі толькі 25% слухачоў.

Аналіз кантынгенту студэнтаў за 1970-я гады паказвае, што іх колькасць у інстытуце вырасла амаль у 1,6 разы, пры гэтым у 2 разы па дзённай форме навучання. Колькасць студэнтаў у 1978–1979 навучальным годзе дасягнула лічбы ў 3332 чалавекі, пры гэтым на дзённым аддзяленні займалася 2966 чалавек. Параўнаўчы аналіз даных сведчыць, што у 1960-я гады ў інстытуце лічбы выраслі больш чым у 3 рызы ўвогуле, у той жа час на дзённай форме навучання – больш чым у 3,6 разы. У 70-я гады працягвалася павелічэнне лічбавых паказчыкаў, галоўным чынам за кошт прыёму першакурснікаў і ўвядзення вячэрняга аддзялення [5, Арк. 3; 18, Арк. 105].

Уяўляе інтарэс аналіз сацыяльнага становішча студэнцкага кантынгенту інстытута. Так, у пачатку 80-х гадоў на дзённай форме на факультэтах англійскай французскай, нямецкай і іспанскай моў навучалася 2525 студэнтаў, з якіх з сямей рабочых – 1071 студэнт, калгаснікаў – 325, служачых – 1129; па нацыянальным складзе карціна выглядала наступным чынам: беларусаў – 1565, рускіх – 733, палякаў – 111, украінцаў – 83, яўрэяў – 18, татар – 4, латышоў – 3, чувашоў – 2, грэкаў, венграў, балгараў і іспанцаў – па адным, іншых – 115 студэнтаў.

З мэтай падрыхтоўкі ваенных перакладчыкаў у сярэдзіне 70-х гадоў у інстытуце адкрываецца ваенная кафедра, якую адрознівалі ад падобных структур у іншых вну краіны тое, што ўсе выкладчыкі валодалі замежнымі мовамі. Спатрэбілася зусім няшмат часу для таго, каб кафедра заняла сваё месца ў вучэбнай і выхаваўчай падрыхтоўцы студэнтаў інстытута.

Аб павелічэнне колькасці студэнтаў у інстытуце ў пэўным сэнсе сведчыць і адкрыццё падрыхтоўчага аддзялення для замежных грамадзян, створанага на базе МДПІЗМ у адпаведнасці з загадам Міністэрства вышэйшых навучальных устаноў БССР № 512 ад 12 кастрычніка 1979 г. У першы навучальны год слухачамі аддзялення быў залічаны 51 студэнт з 11 краін свету, у тым ліку: Амана, Ганы, Гвінеі-Бісаў, Іарданіі, Ірака, Еменскай Арабскай Рэспублікі. Кеніі, Малі, Лівана, Сенегала, Сірыі. Выконваючым абавязкі загадчыка падрыхтоўчага аддзялення былі ўскладзены на У. І. Базарава. Замежныя слухачы размяшчаліся ў інтэрнаце № 1 па завулку Омскі, 12.

У 1980–1981 навучальным годзе на падрыхтоўчым факультэце для замежных грамадзян былі залічана 109 студэнтаў, з якімі працавалі 23 выкладчыкі кафедры, у тым ліку загадчык кафедры рускай мовы, кандыдат філалагічных навук, дацэнт М. П. Кавалёў. Вучэбна-метадычную работу праводзілі дзве метадычныя секцыі: першая была скіравана на фарміраванне ў студэнтаў моўных навыкаў і ўменняў работы з лексіка-граматычнымі матэрыяламі; другая на фарміраванне моўных навыкаў і ўменняў на матэрыяле па гісторыі СССР, рускай і савецкай літаратуры, эканамічнай геаграфіі СССР.

1980-ы год у гісторыі інстытута быў адзначаны тым, што ў сувязі з падрыхтоўкай летніх Алімпійскіх гульняў у Маскве загада рэктара ў інстытуце быў створаны Алімпійскі штаб. Мэтай яго стварэння з'яўлялася паляпшэнне падрыхтоўкі гідаў-перакладчыкаў. Штаб узначаліў прарэктар па вучэбнай рабоце М. А. Хазяеў. Пры штабе створаны секцыі, у тым ліку: арганізацыйная ў складзе 9 чалавек; лекцыйна-прапагандысцкая ў складзе 6 чалавек; метадычная ў складзе 7 чалавек.

У цэнтры ўвагі кіраўніцтва і грамадскіх арганізацый інстытута пастаянна знаходзіліся пытанні арганізацыі і правядзення комплекснай выхаваўчай работы, накіраванай на фарміраванне навуковага светапогляду, героіка-патрыятычнае і інтэрнацыянальнае выхаванне моладзі. Якраз у гэтай сферы найбольш яскрава праявіўся арганізацыйны талент Н. Г. Красновай. У інстытуце ствараюцца "універсітэты" культуры і прававых ведаў, клубы выхаднога дня і інтэрнацыянальнай дружбы, праводзяцца цыклы лекцый, сустрэчы, размовы за "круглым" сталом, вядуцца вусныя журналы і ладзяцца завочныя вандроўкі ў краіны вывучаемай мовы, сустрэчы з цікавым людзьмі, выпускнікамі інстытута, арганізоўваюцца экскурсіі за межы рэспублікі, турыстычныя паходы, эстафеты, дні паэзіі і шмат іншага.

Актыўна працаваў факультэт грамадскіх прафесій, дзе заняткі вяліся на трох аддзяленнях: а) грамадска-палітычным; б) псіхолага-педагагічным; в) мастацкім. У 1980–1981 навучальным годзе на факультэце з агульнай колькасці 2525 студэнтаў дзённай формы навучалася 1804 студэнты, у тым ліку: 461 — на грамадска-палітычным аддзяленні; 995 — на псіхолага-педагагічным і 348 — на мастацкім. Заняткі праводзіліся па 17 спецыяльнасцях. Рыхтаваліся лектары, прапагандысты, рэферэнты па праблемах міжнароднага руху, палітычныя каментатары (лектар-міжнароднікі), журналісты, фотакарэспандэнты, рэжысёры, харэографы, дырыжоры, інструктары па спорце, спецыялісты па бальных танцах і г.д.

У працоўным семестры 1981 г. у інстытуце было створана 11 будаўнічых атрадаў, якія працавалі ў Цюменскай вобласці, Малдаўскай ССР, Карэліі і ў Беларусі з удзелам 354 студэнтаў.

У пераліку падзей, да якіх мела непасрэднае дачыненне рэктар інстытута, у першыя гады рэктарства апынулася 25-гаддзе стварэння інстытута. З гэтай нагоды ў інстытуце адкрыўся музей. Пры ім працавала група студэнтаў старшых курсаў, якія штогод праводзілі экскурсіі для першакурснікаў, гасцей, прадстаўнікоў замежных дэлегацый. Як вынік, кожны студэнт быў добра знаёмы з гісторыяй педагагічнай установы. З нагоды святкавання такой даты ў пачатку кастрычніка 1973 г. было праведзена ўрачыстае пасяджэнне Савета інстытута з удзелам каля 800 чалавек, у тым ліку прадстаўнікоў іншых навучальных устаноў, прадпрыемстваў і арганізацый г. Мінска і рэспублікі. З уступным словам выступіла рэктар інстытута Н. Г. Краснова, потым былі агучаны звыш 20 прывітальных слоў ад грамадскіх арганізацый і вну рэспублікі, уручаны вітальныя адрасы і памятныя падарункі. Пасля заключнага слова, з якім выступіла рэктар інстытута, быў прадэманстраваны кінафільм аб інстытуце пад назвай "Заўсёды ў пошуку".

Гісторыя Мінскага іняза на мяжы 1980/90-х і ў першай палове апошняга дзесяцігоддзя XX стагоддзя была трывала звязана з дзейнасцю чацвёртага рэктара – Уладзіміра Васільевіча Макарава, які да моманту прызначэння на гэту адказную пасаду назапасіў даволі багаты вопыт навуковай, адміністрацыйнай і выхаваўчай работы, працуючы на працягу амаль чатырох дзесяцігоддзяў на розных пасадах ва ўстановах вышэйшай адукацыі ў РСФСР, Малдавіі і БССР, а таксама прадстаўляючы апошнюю ў якасці пастаяннага прадстаўніка пры ЮНЭСКА – Арганізацыі аб'яднаных нацый па пытаннях адукацыі, навукі і культуры.

Прыход У. В. Макарава на пасаду рэктара адбыўся на рубяжы 1980/ 90-х гадоў, калі намеціўся адыход ад савецкай сістэмы адукацыі і ў рамках агульнадзяржаўнай палітыкі пачыналася фарміраванне ўніверсітэцкай сістэмы вышэйшай адукацыі ў суверэннай Беларусі. Рэарганізацыя інстытута ў лінгвістычны ўніверсітэт – адна з цэнтральных задач, вырашэннем якой быў заклапочаны рэктар з першых дзён працы на гэтай адказнай пасадзе.

Аднак першым крокам на гэтым шляху стала прыняцце Статута МДПІЗМ, які быў зацверджаны Саветам інстытута 28 снежня 1990 г. Паводле першага раздзела "Агульныя палажэнні", з'яўляючыся структурным звяном сістэмы народнай адукацыі БССР, мінскі ін'яз павінен быў у бліжэйшыя гады пераўтварыцца ў цэнтр педагагічнай падрыхтоўкі па замежных мовах, філалагічнай адукацыі, навукі і культуры. Кіруючымі органамі замацоўваліся два саветы: вучоны і "вялікі" (агульнаўніверсітэцкія). У склад апошняга ўваходзіў 101 чалавек, уключна рэктар. Для разгляду асноўных пытанняў навукова-педагагічнайдзейнасці інстытутапрырэктары і падягостаршынствам ствараўся вучоны савет, якія фарміраваўся тайным галасаваннем на сходах працоўных калектываў, у тым ліку студэнтаў, у складзе 50 чалавек. Тэрмін яго паўнамоцтваў доўжыўся 5 гадоў.

Укараненне працоўным калектывам палажэнняў, зацверджаных новым Статутам, было звязана з працэсам агульнадзяржаўнага рэфармавання сістэмы вышэйшай адукацыі, асновай якой станавіўся ўніверсітэт. Гэта пытанне стала фактычна адным з цэнтральных для абмеркавання на пасяджэннях вучонага савета інстытута на працягу першай паловы 1991 г.

15 сакавіка адбылося ў пэўным сэнсе гістарычнае пасяджэнне вучонага савета інстытута, на якім разглядалася пытанне "Ад інстытута замежных моў да лінгвістычнага ўніверсітэта". З дакладам па гэтым пытанні выступіла рэктар Маскоўскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта прафесар І. І. Халеева. Але яго абмеркаванне на той момант не прывяло да канкрэтных рашэнняў, датычных новай назвы. У маі месяцы рэктар інстытута зноў звяртае ўвагу на неабходнасць вырашэння двух неадкладных пытанняў. Першага – аб статусе навучальнай установы (лінгвістычнага, гуманітарнага, або гуманітарна-лінгвістычнага ўніверсітэта); другога – аб двухступеньчатай адукацыі. Пастанова зацвердзіла наступныя рашэнні: 1) рэктару ад імя вучонага савета хадайнічаць перад Міністэрствам народнай адукацыі БССР аб прысуджэнні інстытуту статуса ўніверсітэта; 2) рэктарату даручалася вызначыцца з назвай будучага ўніверсітэта і абмеркаваць яе на чарговым пасяджэнні Савета інстытута; 3) ухвалялася ўвядзенне двухступеньчатай мадэлі арганізацыі вучэбнага працэсу: першая ступень – бакалаўр, другая – магістр.

Канчатковае рашэнне па пытанні аб рэарганізацыі Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў у "Беларускі лінгвістычны ўніверсітэт" прыняў вучоны савет 27 чэрвеня 1991 г. На ім прагучалі аргументы на карысць неабходнасці стварэння адметнай навукова-навучальнай, культурна-краіна-

знаўчай і выхаваўчай установы ў нацыянальнай сістэме лінгвістычнай адукацыі суверэннай Беларусі. Больш, чым праз 2 гады, ў кастрычніку 1993 г. Мінскі дзяржаўны педагагічны інстытут замежных моў быў перайменаваны ў Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт¹.

Аснову рэарганізацыі і перспектыву развіцця будучага ўніверсітэта кіраўніцтва інстытута бачыла ва ўмацаванні штату ППС за кошт вучоны са навуковымі ступенямі і вучонымі званнямі. Калі ў канцы 1980-х у інстытуце працавалі 43 % прафесараў і дактароў, кандыдатаў і дацэнтаў [6, С. 223], дык на 10.01.1995 г. іх доля ў штатным раскладзе з 540 адзінак павялічылася да 46,8 %. У аспірантуры навучалася 52 чалавекі на вочнай форме і 18 – завочна, сярод якіх 22 выкладчыкі і супрацоўнікі інстытута. У спецыялізаваным савеце па абароне кандыдацкіх дысертацый за 1990 г. былі абаронены 24 дысертацыі, з іх 7 выкладчыкамі інстытута.

Над завяршэннем навуковых тэм у 1990 г. працавала 496 выкладчыкаў, 80 аспірантаў, 1420 студэнтаў і 9 штатных супрацоўнікаў. У рамках гаспадарчых дагавораў былі задзейнічаны 72 выкладчыкі (2 доктара і 39 кандыдатаў навук), 5 аспірантаў і 48 студэнтаў. На Рэспубліканскі конкурс было прадстаўлена 49 студэнцкіх работ, з іх дыпломамі Міністэрства народнай адукацыі БССР узнагароджаны 10 студэнтаў, яшчэ 4 студэнты атрымалі спецыяльныя дыпломы, 33 работы рэкамендаваны для ўдзелу ва Ўсесаюзным конкурсе. Дыпломамі Міністэрства адзначаны навуковыя кіраўнікі Т. М. Суша, С. І. Маісеенка, Ю. Л. Шкляр, М. І. Чэхаўскіх.

В 1990 г. у інстытуце было апублікавана 35 работ, 166 артыкулаў, з якіх 56 у форме дэпаніравання. Агульны аб'ем друкаванай прадукцыі ў інстытуце склаў 388 друк. аркушаў. У адпаведнасці з "Планам навукова-даследчай работы на 1993 год", падрыхтаваным прарэктарам па навуковай працы А. Я. Міхневічам, разгледжаным на пасяджэнні Вучонай рады МДПІЗМ 25 чэрвеня 1993 г.

З мэтай удасканалення вучэбна-выхаваўчага работы і павышэння яе якасці ў працэсе падрыхтоўкі спецыялістаў на парадак дня работы рэктарата, факультэтаў і кафедраў інстытута стала пытанне аб выкладанні вучэбных дысцыплін на беларускай мове. На кафедры педагогікі на снежаньскім пасяджэнні 1990 г. у якасці пастановы прымаецца рашэнне аб далучэнні большай часткі выкладчыкаў кафедры да правядзення ў будучым заняткаў на беларускай мове. Кафедра гісторыі і паліталогіі на лістападаўскім пасяджэнні 1992 г. абмяркоўвае пытанне "Аб мерапрыемствах па паскарэнні

¹ У адпаведнасці з загадам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь № 309 ад 22.10.1993 г. і на аснове пастановы Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь № 700 ад 13.10.1993 г. "Аб перайменаванні Мінскага дзяржаўнага педагагічнага інстытута замежных моў" МДПІЗМ з 13.10.1993 г. быў перайменаваны ў Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт (скарочана МДЛУ). Пастанову падпісаў Старшыня Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь В. Ф. Кебіч.

беларусізацыі ў інстытуце і на кафедры" і прымае пастанову б распрацоўцы плана беларусізацыі кафедры і праходжанні кожным выкладчыкам планавай падрыхтоўкі на курсах для ПВС інстытута з мэтай павышэння ўзроўню выкладання беларускай мовай.

Аб актуальнасці вырашэння задачы па беларусізацыі ва ўсіх структурных падраздзяленнях інстытута сведчыць факт абмеркавання гэтага пытання на чэрвеньскім пасяджэнні Савета інстытута. Разглядаючы вынікі выканання загада рэктара ад 21 снежня 1991 г. "Аб праверцы ходу беларусізацыі ў інстытуце", камісія на чале з загадчыкам кафедры беларускай мовы і літаратуры А. С. Сакалоўскай прыйшла да высновы аб наяўнасці ў інстытуце неабходных магчымасцей для пераўтварэння ВНУ з постсавецкай дэнацыяналізаванай навучальнай установы ў беларускую, якая зможа рыхтаваць спецыялістаў міжнароднага ўзроўню для Беларусі. Падстава для гэтага, як адзначалася на пасяджэнні, – наяўнасць высокакваліфікаваных выкладчыкаў і зацікаўленых актыўных студэнтаў.

Да ліку важнейшых задач адносілася падрыхтоўка замежных грамадзян, якія навучаліся на падрыхтоўчым факультэце, дзе на 1 кастрычніка 1990 г. навучаліся 93 студэнты з 28 краін свету, у тым ліку з Афганістана, Балівіі, Індыі, Рэспублікі Емен, Лівана, Мадагаскара, Марока, Палесціны, Руанды, Сірыі, Самалі, Сацыялістычнай Рэспублікі В'етнама, Судана, Сьера-Леонэ, Туніса, Уганды, Чада, Шры-Ланкі, Эквадора і Эфіопіі і інш. На 10 лістапада колькасць студэнтаў павялічылася да 167 чалавек, тады як у 1980/1981 навучальным годзе на падрыхтоўчы факультэт для замежных грамадзян навучаліся 109 студэнтаў.

Пачатак 1991/92 навучальнага года паставіў на парадак дня пытанне аб вызначэнні будучага статуса грамадскіх навук у інстытуце. Так, на пасяджэнні Савета 18.09.1991 г. было прынята рашэнне аб скасаванні кафедраў філасофіі, палітычнай эканоміі, палітычнай гісторыі і паліталогіі ў канцы першага семестра (у студзені 1992 г.). Пастанова па гэтым пытанні таксама прадугледжвала заснаванне ў лютым 1992 г. новых кафедраў: а) філасофіі, б) эканамічных навук, в) гісторыі. У адпаведнасці з загадам рэктара ад 14 верасня 1993 г. № 13а была праведзена работа па фарміраванні новай кафедры — міжнародных адносін, у склад якой былі выкладчыкі кафедраў гісторыі і паліталогіі, філасофіі, у тым ліку: прафесар У. С. Баброўскі — в.а. кафедры; дацэнты — Б. Я. Мігас, Я. В. Матусевіч, Б. І. Загорскі, А. М. Захараў. У чэрвені 1994 г. для навучання замежным мовам быў створаны факультэт заходнееўрапейскіх моў (з 2001 г. — факультэт міжкультурных камунікацый), дэканам якога прызначылі дацэнта кафедры паліталогіі і міжнародных адносін А. М. Захарава.

Ва ўмовах пераходу на двухступеньчатую сістэму падрыхтоўкі ва ўніверсітэце, які ўсё больш значнай ступені прымерваў на сябе ролю не толькі

базавай, але і галаўной установы па падрыхтоўцы спецыялістаў па замежных мовах, рэктарат надаваў шмат увагі вучэбна-метадычнай рабоце, павышэнню якасці выкладання, увядзенню новых методык і выкарыстання інавацыйных тэхналогій, у тым ліку праз спадарожнікавага тэлебачання [18, с. 171]. З мэтай аб'яднання намаганняў у вырашэнні розных праблем і актуальных пытанняў вучэбнага і метадычнага кшталту ў верасні 1994 г. Саветам універсітэта прымаецца рашэнне аб распрацоўцы палажэння і аднаўленні работы вучэбнаметадычнага савета, які ўзначаліла П. М. Бабінская.

У новых умовах рэктарат шукаў шляхі па ўдасканаленні выхаваўчай работы з моладдзю. Гэта было асабліва актуальным ва ўмовах, калі з аднаго боку ў грамадскім жыцці краіны і ВНУ назіраўся адыход ад дзейнасці такіх традыцыйных структур, як партыя і камсамол, а з другога – на першы план для моладзі выступалі адмоўныя наступствы паглыблення сацыяльна-эканамічнага крызісу. У тых умовах кіраўніцтва ўніверсітэта імкнулася знайсці правільныя рашэнні, каб дапамагчы кожнаму звузіць да мінімуму разрыў паміж грамадскім усведамленнем і практычнымі паводзінамі студэнтаў.

Рэарганізацыя ВНУ ставіла на парадак дня пытанні пашырэння платных паслуг для тых, хто мае жаданне ўдасканаліць ці вывучыць замежную мову. Для гэтага ў лістападзе 1991 г. у інстытуце быў адкрыты "Вячэрні факультэт замежных моў", дзе праз тры гады навучаліся 470 слухачоў, для якіх былі створаны 47 аўдыторных груп, дзе з розным узроўнем мовы і адукацыі навучаліся слухачы ад школьніка да пенсіянера.

Пошук дадатковых крыніц фінансавання і імкненне ўключыць ўніверсітэт у сістэму міжнародных сувязяў і міжкультурных камунікацый прывяло кіраўніцтва адукацыйнай установы да пераканання аб неабходнасці стварэння факультэта заходнееўрапейскіх моў. Адзіным адрозненнем набору на факультэт было тое, што навучанне вялося выключна на платнай аснове. Да ўсяго, студэнтаў прывабліваў тэрмін навучання – 4 гады. Шматабяцаючымі з'яўляліся і назвы профільных спецыялізацый: эканоміка і кіраванне; інфармацыйныя тэхналогіі. Выпускнікі станавіліся перакладчыкамі рэферэнтамі ў сваёй спецыялізацыі. Першы набор на 1994/95 навучальны год быў праведзены на 3 моўныя аддзяленні – англійскай, нямецкай і французскай моў, на якія набралі 148 студэнтаў (12 груп). Як адзначаў дэкан факультэта А. М. Захараў на пасяджэнні савета ў кастрычніку 1994 г., конкурс на англійскае аддзяленне складаў 5 чалавек на месца.

26 мая 1995 г. Савет універсітэта прымае рашэнне аб стварэнні на базе ўніверсітэта Рэспубліканскага часопіса па праблемах выкладання замежных моў пад назвай "Лінгва: замежныя мовы ў Беларусі". У складзе рэдакцыйнага савета былі зацверджана: У. В. Макараў – галоўны рэдактар: адказны сакратар – Т. П. Лявонцьева; членамі рэдакцыйнага савета – А. Я. Міхневіч; Н. П. Баранава, А. М. Сцяпанава, А. А. Вейзэ, П. М. Бабінская, А. Ф. Будзько, Т. У. Панова, В. А. Судленкова, І. А. Рабчынская.

Асабліва важным рубяжом новага этапу развіцця ўніверсітэта стала зацвярджэнне Статута МДЛУ, падрыхтаванага камісіяй на чале з рэктарам. Дакумент, прадстаўлены ў беларускамоўным варыянце прарэктарам па вучэбнай рабоце Н. П. Баранавай, быў зацверджаны на сумесным пасяджэнні вучонага і вялікага саветаў 23 снежня 1994 г.

Аб высокім узроўні дзейнасці калектыву сведчылі вынікі міжнароднай аўдытарскай экспертызы па ўдзелу МДЛУ ў сумесным з ЮНЕСКА праекце праграмы "Выкладанне замежных моў". У пачатку 1995 г. на пасяджэнні Савета ўніверсітэта былі агучаны ацэнкі, парады і рэкамендацыі афіцыйнага эксперта ЮНЕСКА Р. Рэнара, праведзенай двума гадамі раней: "МДЛУ – вучэбная ўстанова, дзе веданне замежнай мовы пастаўлена на высокім узроўні, у некаторы выпадках пераўзыходзяць веды студэнтаў еўрапейскіх краін".

У другім выпадку ў службовай біяграфіі Н. П. Баранавай адбываюцца змены нават не ўніверсітэцкага, а дзяржаўнага значэння. Так, з 1 мая 1994 г. яна пачынае выконваць абавязкі прарэктара па вучэбнай працы. Крыху больш чым праз месяц, 6 чэрвеня 1994 г., рэктар універсітэта У. В. Макараў аддае загад аб прызначэнні яе на пасаду прарэктара па вучэбнай працы.

Роўна праз год пасля правядзення выбараў на пашыраным пасяджэнні савета ўніверсітэта Н. П. Баранава выбіраецца ў лік прэтэндэнтаў на пасаду рэктара. 10 ліпеня 1995 г. Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь у асобе міністра В. І. Стражава прызначае яе рэктарам установы вышэйшай адукацыі «Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт».

У сярэдзіне 1990-х гадоў структуру ўніверсітэта складалі 7 факультэтаў, у тым ліку, традыцыйныя: англійскай, іспанскай, нямецкай, французскай моў і перакладчыцкага факультэта, факультэта рускай мовы для замежных грамадзян, факультэта павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі выкладчыкаў замежных моў, які праз больш чым два дзясяткі гадоў вырасце да ўзроўню самастойнага інстытута, а таксама два новыя. Адзін з іх – спецыяльны факультэт кіруючых работнікаў і спецыялістаў народнай гаспадаркі Рэспублікі Беларусь пачынае дзейнасць з 1994 г. У гэтым жа годзе быў створаны яшчэ адзін акадэмічны факультэт - факультэт заходнееўрапейскіх моў, на які ў першы 1994/95 навучальны год паступілі 148 студэнтаў, з якіх: на англійскую мову - 97 студэнтаў, на французскую - 26 і нямецкую -25 студэнтаў). Адзначым, што ў 2001 г. ён быў рэарганізаваны ў факультэт міжкультурных камунікацый з падрыхтоўкай спецыялістаў па наступных напрамках: "Лінгвістычнае забеспячэнне міжкультурных камунікацый" са спецыялізацыямі - знешнеэканамічнае сувязі, сувязі з грамадскасцю, інфармацыйнае абслугоўванне, міжнародны турызм, знешнепалітычныя адносіны (існавала да 2020 г.).

У МДЛУ ў 1996 г. працавалі вячэрнія і завочных курсы, праз год пачалася падрыхтоўка магістраў навук. У 1998/99 навучальным годзе на 40 кафедрах

(з іх 19 агульнаадукацыйных) працавала 675 выкладчыкаў, у тым ліку 68 прафесараў і дактароў навук, 209 дацэнтаў і кандыдатаў навук, займалася 7,8 тыс. студэнтаў, у т.л. 255 з краін далёкага замежжа. Для іх ПВС забяспечваў выкладанне амаль двух дзясяткаў замежных моў, у тым ліку: англійскай, арабскай, венгерскай, іспанскай, італьянскай, іўрыту, кітайскай, нямецкай, нідэрландскай, польскай, персідскай, турэцкай, французскай, шведскай, японскай, а таксама рускай і беларускай як замежных моў і інш. На цяперашні час іх вырасла на 7 моў і дасягнула 23 моў.

Першыя два гады з'явіліся вельмі важным перыядам для 45-гадовага рэктара. Як пазней адзначала Н. П. Баранава, з аднаго боку, перад кіраўніком установы вышэйшай адукацыі стаяў функцыянальны абавязак па забеспячэнні дэмакратычных прынцыпаў кіравання ў вучэбнай установе, замацаваных Уставам МДЛУ, прынятым у новай рэдакцыі ў 1994 г. З другога боку, ў той час адбывалася нараджэнне новай беларускай сістэмы адукацыі, фарміраванне якой праходзіла ў складаных умовах пераходу ад савецкай сістэмы да прынцыпова новай мадэлі адукацыі, пабудаванай з улікам інтэграцыйных працэсаў не толькі ў краінах СНД, але і на агульнаеўрапейскай прасторы.

Адной з першых структурных задач, якія кіраўніцтва ўніверсітэта вырашала ў пачатку новага 1995/1996 навучальнага года, з'яўлялася рэарганізацыя факультэта павышэння кваліфікацыі і адкрыцця на яго аснове факультэта павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў (ФППК). Паводле Палажэння, створанага ў адпаведнасці з загадам Міністэрства адукацыі і навукі Рэспублікі Беларусь ад 3 мая 1995 г., новая ўніверсітэцкая структура павінна была каардынаваць дзеянні вучэбных устаноў павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў па прафесійным навучанні замежным мовам незалежна аб іх ведамаснай падначаленасці. Факультэт з'яўляўся структурным падраздзяленнем МДЛУ, які ажыццяўляў вучэбную і навуковаметадычную работу па павышэнні кваліфікацыі выкладчыкаў замежных моў вышэйшых і сярэдніх спецыяльных вучэбных устаноў, настаўнікаў замежных моў вучэбных устаноў новага тыпу (гімназій, ліцэяў, каледжаў), кіраўнікоў кабінетаў замежных моў інстытутаў павышэння кваліфікацыі настаўнікаў, а таксама перападрыхтоўку педагагічных кадраў для выкладання замежных моў.

У канцы 90-х гадоў універсітэт каардынаваў навуковую і вучэбнаметадычную работу факультэтаў і аддзяленняў замежных моў дзевяці ВНУ і сямі педагагічных каледжаў рэспублікі. Найбольш паспяхова развіваліся вучэбна-навукова-метадычныя комплексы з Полацкім і Гродзенскім універсітэтамі, Баранавіцкім каледжам (які атрымаў статус вышэйшага), з Рэчыцкім каледжам, Мінскім педагагічным каледжам № 2, з лінгвагуманітарным каледжам на базе СШ № 24 г. Мінска.

У парадку дня працы ўніверсітэта ў пачатку XXI стагоддзя сталі пытанні не толькі мадэрнізацыі зместу адукацыйнага працэсу, але і стварэння больш эфектыўных умоў для яго арганізацыйнага забеспячэння, у тым ліку шляхам увядзення новых аўдыторных плошчаў. Так, у 2003 г. універсітэт завяршыў адбудову пераходу паміж вучэбнымі карпусамі "А" і "Д". Праект, пра які думалі і марылі інязаўцы не адно дзесяцігоддзе, быў паспяхова завершаны дзякуючы арганізацыйным намаганням кіраўніцтва ўніверсітэта на чале з рэктарам Н. П. Баранавай і прарэктарам па гаспадарчай частцы М. І. Тарасевічам. Увядзенне перахода-ўстаўкі дазволіла атрымаць новыя дадатковы плошчы. Так, напрыклад, архітэктурная забудова дазваляла увесці ў вучэбны працэс аўдыторыю, а таксама адкрыць сумесную вучэбную лабараторыю МДЛУ-ЭПАМ СИСТЕМЗ, Аўстрыйскую бібліятэку, аддзел рэдкай кнігі бібліятэкі ўніверсітэта і залу факультэта міжкультурных камунікацый.

У пераліку важных здабыткаў двух новых дзесяцігоддзяў неабходна назваць атрыманне ўніверсітэтам двух новых студэнцкіх інтэрнатаў, якія размяшчаліся сярод іншых забудоў на тэрыторыі гэтак званай студэнцкай вёскі ў раёне вуліц Чурлёніса і праспекта Дзяржынскага. Як вядома, напярэдадні ІІ Еўрапейскіх гульняў на тэрыторыі вёскі былі ўведзены ў строй 8 інтэрнатаў, частка якіх выкарыстоўвалася для размяшчэння ўдзельнікаў гэтых гульняў у беларускай сталіцы з 21 па 30 чэрвеня 2019 г. У гэтай сувязі неабходна адзначыць, што сярод адказных задач міжнароднага значэння, якія выконваў калектыў універсітэта, з'яўлялася падрыхтоўка валанцёраў у якасці перакладчыкаў для ўдзелу ў гульнях.

У пачатку новага дзесяцігоддзя ў пераліку прыярытэтных значылася прафесійная кааперацыя з установамі, якія забяспечваюць атрыманне сярэдняй спецыяльнай адукацыі. Так, па рашэнні Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь № 747 ад 28.06.2004 г. педагагічны каледж, створаны ў 1993 г. на базе Мінскага педагагічнага вучылішча № 2, быў уведзены ў склад МДЛУ. Пры разглядзе на пасяджэнні Савета ўніверсітэта 24 верасня 2004 г. пытання аб функцыянаванні педагагічнага каледжа ў структуры ўніверсітэта было прынята рашэнне пра яго ўключэнне ў якасці адасобленага структурнага падраздзялення з перспектывай трансфармацыі ў лінгвагуманітарны каледж, які будзе рыхтаваць сакратароў-рэферэнтаў з сярэдняй спецыяльнай адукацыяй. Праз два гады паводле загада Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь ад 10.04.2006 г. № 215 гэта пытанне было канчаткова вырашана з адкрыццём «Лінгвагуманітарнага каледжа УА МДЛУ» як філіяла ўніверсітэта. Праз 6 гадоў на парадку дня паглыблення праграмы супрацоўніцтва стаяла пытанне аб стварэнні ў лінгвагуманітарным каледжы навуковай лабараторыі педагагічнага майстэрства з удзелам кафедраў методыкі выкладання замежных моў, педагогікі і псіхалогіі.

У той жа час адбылася ліквідацыя Магілёўскага філіяла ўніверсітэта, створанага ў 1993 г. у адпаведнасці з загадам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь № 310 ад 26.10.1993 г. з мэтай падрыхтоўкі кадраў настаўнікаў замежных моў для сельскіх школ Магілёўскай вобласці. Пры ліквідацыі філіяла адзначалася, што цягам 12 гадоў існавання філіял вёў навучанне студэнтаў, якія былі залічаны па мэтавым наборы на аснове дагавора паміж МДЛУ і ўпраўленнем адукацыі Магілёўскага аблвыканкама і грамадзянамі на першым курсе па дзённай форме навучання. Пасля паспяховага заканчэння першага курса студэнты пераводзіліся на II курс завочнага аддзялення ўніверсітэта і ўладкоўваліся на работу ў школы Магілёўскай вобласці. У сувязі са змяненнем сітуацыі з педагагічнымі кадрамі ў рэспубліцы кіраўніцтвам універсітэта быў накіраваны запыт на імя начальніка ўпраўлення адукацыі Магілёўскага аблвыканкама аб мэтазгоднасці далейшага функцыянавання і атрымана згода на закрыццё філіяла. Па пасяджэнні савета ўніверсітэта 2.06.2005 г. была прынята пастанова аб ліквідацыі Магілёўскага філіяла МДЛУ ў адпаведнасці з Палажэннем аб філіяле навучальнай установы.

Апроч таго, сярэдзіна нулявых гадоў з'явілася важным рубяжом для стварэння асобных структурных адзінак універсітэта. Так, паводле распрацаваных у красавіку 2006 г. «Прыярытэтных задач дзейнасці МДЛУ ў 2006–2010 гг.» у пералік асноўных напрамкаў патрапілі змены ў структуры ўніверсітэта, у тым ліку: стварэнне Інстытута павышэння кваліфікацыі, узбуйненне факультэтаў і вырашэнне лёсу педагагічнага каледжа [12, Арк. 42–43].

Праз два гады, ў адпаведнасці з зацверджанымі асноўнымі напрамкамі па правядзенні змен у структуры, быў створаны Інстытут павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў. Базай для яго стварэння сталі раней дзеючыя факультэты і кафедры, у тым ліку: спецыяльны факультэт па перападрыхтоўцы кіруючых работнікаў і спецыялістаў галін эканомікі і сацыяльнай сферы Рэспублікі Беларусь, а таксама факультэт павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кадраў (ФППК) і кафедра трэцяй замежнай мовы. Галоўнай задачай інстытута з'яўлялася павышэнне кваліфікацыі выкладчыкаў філалагічных і лінгвістычных дысцыплін, настаўнікаў замежных моў сярэдніх і сярэдніх спецыяльных вучэбных устаноў, метадыстаў абласных ІПК, кіраўнікоў раённых метадычных аб'яднанняў. У інстытуце ажыццяўлялася перападрыхтоўка спецыялістаў з прысваеннем кваліфікацыі перакладчык-рэферэнт і выкладчык замежнай мовы. На двух факультэтах Інстытута больш за 2 тысячы слухачоў штогод вывучалі замежныя мовы для прафесійных і асабістых мэт, павышалі кваліфікацыю, праходзілі стажыроўку і перападрыхтоўку.

У наступным дзесяцігоддзі ва ўніверсітэце была працягнута работа, звязаныя з унясеннем змен у структуру універсітэта, у тым ліку на факультэцкім і кафедральным узроўнях. Так, на парадак дня было вынесена пытанне аб

стварэнні факультэта раманскіх моў, адкрыцці факультэта кітайскай мовы і культуры, а таксама аптымізацыі кафедральнай структуры. У першым выпадку было аднагалосна прынята рашэнне аб стварэнні з 1 студзеня 2018 г. факультэта кітайскай мовы і культуры; у другім – аднагалоснае рашэнне аб аб'яданні факультэтаў французскай і іспанскай моў і стварэнні з 1.01.2018 г. факультэта раманскіх моў, а таксама аб аптымізацыі кафедры паліталогіі і міжнародных адносін у складзе кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму. У канцы снежня на чарговым пасяджэнні Савета ўніверсітэта па прапанове рэктара Н. П. Барановай былі ўзгоднены кандыдатуры на пасады дэканаў факультэта раманскіх моў і факультэта кітайскай мовы і культуры. На аснове аднагалоснай падтрымкі ўсімі прысутнымі членамі Савета на пасады дэкана факультэта раманскіх моў быў рэкамендаваны В. А. Паўлоўскі, на пасаду дэкана факультэта кітайскай мовы і культуры С. Я. Алейнік.

Паводле новай рэдакцыі Статута МДЛУ, зацверджанага ў Міністэрстве адукацыі Рэспублікі Беларусь 11 чэрвеня 2001 г., адной з галоўнай сфер дзейнасці ўстановы вышэйшай адукацыі з'яўлялася адукацыйная, скіраваная на задавальненне патрэб студэнцкай моладзі ў інтэлектуальным, культурным, фізічным, маральным развіцці цераз атрыманне вышэйшай адукацыі [16, Арк. 3]. Гэты напрамак цягам двух дзясяткаў гадоў пад кіраўніцтвам рэктарата забяспечвалі прарэктары па вучэбнай рабоце П. М. Бабінская і А. П. Бяценя.

Сярэдзіна нулявых гадоў стала для ўніверсітэта важным рубяжом захавання назапашаных традыцый у падрыхтоўцы спецыялістаў з замежнымі мовамі. Сітуацыя асабліва ўскладнілася, калі ў канцы кастрычніка 2005 г. на парадку дня работы савета ўніверсітэта абмяркоўвалася пытанне «Аб пераходзе ВНУ на падрыхтоўку спецыялістаў ва ўмовах двухузроўневай вышэйшай адукацыі». На пасяджэнні былі агучаны вынікі апытання студэнтаў універсітэта аб магчымасці атрымання адукацыі шляхам пераходу на чатырохгадовае навучанне. Быў атрыманы пераканаўчы вынік – 88% студэнтаў выказаліся за захаванне пяцігадовага тэрміна навучання. У выніку на пасяджэнні савет падтрымаў аднагалосна пастанову аб немэтазгоднасці падачы заяўкі ў Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы аб арганізацыі чатырохгадовага тэрміна навучання па асноўных напрамках прафесійнай падрыхтоўкі спецыялістаў ва ўніверсітэце.

У пачатку дзясятых гадоў Міністэрствам адукацыі зацвярджаецца Канцэпцыя аптымізацыі зместу, структуры і аб'ёма сацыяльна-гуманітарных дысцыплін ва ўстановах вышэйшай адукацыі Рэспублікі Беларусь (2012 г.), паводле якой забяспечвалася арганізацыя адукацыйнага працэсу з мэтай вывучэння цыкла сацыяльна-гуманітарных дысцыплін. У адпаведнасці з асноўнымі палажэннямі канцэпцыі ўводзіліся абавязковыя вучэбныя дысцыпліны "Філасофія", "Эканоміка", "Паліталогія" і "Гісторыя", якія з'яўляліся дзяржаўным кампанентам, і спецыялізаваныя дысцыпліны (не

менш чым дзве па кожнай абавязковай дысцыпліне) на выбар студэнтаў, якія выкладаліся ў рамках абавязковых дысцыплін, але лічыліся кампанентам установы адукацыі.

У канцы нулявых гадоў перад кіраўніцтвам універсітэта паўстала важная задача па стварэнні падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў у сувязі з пераходам на новыя адукацыйныя стандарты. У рэчышчы гэтага быў праведзены аналіз наяўнай вучэбнай літаратуры, якая ўтварае вучэбную базу для выкладання вучэбных дысцыплін на кафедрах універсітэта. Камісія на чале прарэктарам па вучэбнай працы П. М. Бабінскай падрыхтавала праграму распрацоўкі падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў на 2009–2012 гады, з якой вынікала, што на кафедрах, дзе пачалі забяспечваць выкладанне вучэбных дысцыпліны ў адпаведнасці з патрабаваннямі пераходу на новыя адукацыйныя стандарты, існуе вострая патрэба ў падрыхтоўцы 58% вучэбных дапаможнікаў. У пераліку важных фактараў было адзначана павелічэнне ролі самастойнай работы студэнтаў, для больш эфектыўнай арганізацыі работы якіх неабходна распрацоўваць і выдаваць новыя вучэбныя выданні. У ўхваленай на пасяджэнні Савета ўніверсітэта Праграме былі зацверджаны 319 пазіцый вучэбных выданняў, якія планавалася падрыхтаваць на працягу чатырох гадоў з 2009 па 2012 г., з іх у першы год – 164, у другі – 73, у трэці – 49 і чацвёрты – 33 назвы вучэбных выданняў. Самая вялікая колькасць з іх была заяўлена дзвюма кафедрамі, адпаведна інтэнсіўнага навучання замежным мовам – 23 і тэорыі і практыкі перакладу (нямецкая мова) - 21 вучэбнае выданне. Як вынік, ва ўніверсітэце не толькі вядзецца сістэматычная распрацоўка падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў, у тым ліку ЭУМК, але і паспяхова працуюць аўтарскія калектывы па стварэнні нацыянальных падручнікаў па замежных мовах для школ рэспублікі.

Лінгвістычны ўніверсітэт у гэтыя гады стаў яшчэ больш вядомым далёка за межамі Беларусі дзякуючы пашырэнню навуковых кантактаў паміж профільнымі спецыялістамі, а таксама дзякуючы актыўнаму ўдзелу ў навуковай і навукова-даследчай дзейнасці прафесарска-выкладчыцкага складу. Вырашэнне гэтай важнай задачы цягам гэтага часу забяспечвалі прарэктары А. В. Зубаў, А. М. Гарлатаў і Л. А. Тарасевіч.

Не меншае значэнне сярод інавацый развіцця ўніверсітэта можна лічыць распрацоўку праграмы аб стварэнні і развіцці інавацыйнай навуковаадукацыйнай і навукова-вытворчай структуры – лінгвапарка. Паводле канцэпцыі, падрыхтаванай у 2013 годзе, лінгвапарк павінен уключаць навукова-адукацыйныя падраздзяленні МДЛУ, яго даследчыя і навуковапрактычныя цэнтры, якія ажыццяўляюць распрацоўку і забяспечваюць укараненне інавацыйнага лінгвістычнага прадукту ў розныя сферы дзейнасці ў краіне і за яе межамі. Пачаткам такой дзейнасці стала адкрыццё цэнтра дыстанцыйнага навучання і лабараторыі перакладчыцкага майстэрства.

Сам па сабе лінгвапарк – гэта новая структура, таму шматлікія напрамкі яго дзейнасці пакуль яшчэ з'яўляюцца эксперыментальнымі. Але для кіраўніцтва ўніверсітэта было відавочным, што вырашэнне пастаўленай задачы створыць базу для адкрыцця комплексу навукова-адукацыйных і навукова-вытворчых цэнтраў і лабараторый і ўкаранення і выкарыстання ў навучальным працэсе навуковых дасягненняў айчынных вучоных у дзейнасці лінгвапарку.

У адпаведнасці з канцэпцыяй, у складзе лінгвапарку прадугледжвалася стварэнне: Цэнтра апрацоўкі інавацыйных дыдактычных матэрыялаў, Цэнтра перакладчыцкіх паслуг, Цэнтра дыстанцыйнага навучання, лексікаграфічны Цэнтра, Цэнтра РR-тэхналогій і іміджалогіі, Цэнтра камп'ютарнага дызайну і рэкламы, Цэнтра моўнага суправаджэння турыстычных паслуг, Цэнтра тэсціравання і сертыфікацыі, Цэнтра моўнай падтрымкі веб-сайтаў, лабараторыя перакладчыцкага майстэрства, сінтэзу мовы, параўнальнай лінгвакультуралогіі і этнаграфіі і інш. Толькі за 2017–2018 гг. Лінгвапарк прапанаваў паслуг на суму больш за 16,4 тысяч рублёў.

Універсітэт быў добра вядомы сярод навуковай грамадскасці Беларусі і за яе межамі славіцца сваімі шасцю навуковымі школамі: выкладання замежных моў (Н. П. Баранава, А. Ф. Будзько, Н. В. Дземчанка, І. М. Анрэасян, І. Г. Каласоўская, Н. Я. Лапцева, А. П. Паніматка, Т. П. Лявонцьева, М. Г. Гец і інш.); арганізацыі тэкстаў (А. В. Зубаў); фанетычная школа (Н. С. Еўчык, А. Б. Карнеўская); дыскурсалогіі, лінгвапрагматыкі і лінгвакультуралогіі (Т. П. Карпіловіч, А. Г. Задворная, Н. Ю. Паўлоўская); лексічнай семантыкі (З. А. Харытончык, Л. М. Лешчова, А. Г. Лукашанец); псіхалогіі мовы (М. Ц. Ярчак). Вядучыя вучоныя ўніверсітэта вялі даследаванні ў вобласці семантыкі, семіётыкі, прагматыкі, па тэорыі дыскурсу, замежнай літаратуры, замежнай педагогіцы, методыцы выкладання замежных моў, псіхалогіі навучання мова. За 2014–2018 гг. было зладжана 181 міжнародная навуковая ці навукова-практычная канферэнцыя з удзелам замежных вучоных з дзясяткаў краін.

Фундаментальныя даследаванні выраслі ўдвая, пошукавыя – у 3,5 разы; за пяць гадоў ва ўніверсітэце было абаронена 50 кандыдацкіх і 6 доктарскіх дысертацый. Рэктарат універсітэта надаваў пастаянную ўвагу і прымаў дзейсныя меры па захаванні і памнажэнні навукова-педагагічна патэнцыялу вышэйшайкваліфікацыі. На 1 студзеня 2001 г. колькасць навукова-педагагічных кадраў складала 682 чалавекі, з якіх дактароў навук – 17, кандыдатаў навук – 181. Усяго ў першы год новага веку 16 супрацоўнікамі ўніверсітэта былі абаронены дысертацыі, у тым ліку: 2 доктарскія (Н. С. Еўчык і А. Г. Задворная) і 14 кандыдацкіх работ. На 31 снежня 2003 г. кадравы навуковы патэнцыял ВНУ вызначалі наступныя лічбы: усяго колькасць штатнага прафесарскавыкладчыцкага складала 707 чалавек, з якіх 218 чалавек мелі ступені доктара (21) і кандыдата (197) навук, што складала 30,85 ад агульнай колькасці выкладчыкаў універсітэта.

Адпаведна даведцы аб стане навукова-даследчай работы ў МДЛУ за 2014–2018 гг., супрацоўнікамі ўніверсітэта выдадзена 144 зборнікі навуковых прац і матэрыялаў канферэнцый, 46 манаграфій, 90 падручнікаў з грыфам Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, звыш 600 вучэбна-метадычных дапаможнікаў (гл. табліцу 2), а таксама абаронена 38 кандыдацкіх і 4 доктарскія дысертацыі. На базе ўніверсітэта праведзена звыш 180 навуковых канферэнцый, семінараў і круглых сталоў. Толькі ў 2019 г. у ўніверсітэце прайшлі абароны 16 дысертацый на саісканне ступені кандыдата навук. Па стане на 1 студзеня 2020 г. штат ПВС складаў 625 чалавек, з якіх 25 прафесараў і дактароў навук, 229 дацэнтаў і кандыдатаў навук.

Вынікі навуковых даследаванняў, у тым ліку фундаментальных, шырэй выкарыстоўваліся ў навучанні студэнтаў. Так, штогод расла колькасць навукова-даследчых распрацовак, якія знайшлі ўкараненне ў вучэбным працэсе: калі ў 2014 г. іх было толькі 6, праз год стала 36, дык праз 5 гадоў колькасць укаранёных распрацовак вырасла да 46 адзінак. Агульная ж колькасць за гэты час склала 132 распрацоўкі, падрыхтаваныя выкладчыкамі ўніверсітэта.

Вялікую ўвагу кіраўніцтва ўніверсітэта надавала таксама гуманітарным аспектам развіцця будучага спецыяліста як непасрэднага суб'екта не толькі адукацыйнага, але і выхаваўчага працэсаў. За гэта напрамак працы адказвалі прарэктары па вучэбна-выхаваўчай працы А. М. Рашчынская, І. І. Рыжыкава, У. М. Пашкевіч.

Важна адзначыць, што факт завяршэння комплекснай праграмы ўніверсітэта стаў прадметам абмеркавання на пасяджэнні Савета 26.11.2010 г. Падводзячы вынікі яе выканання, старшыня пасяджэння Н. П. Баранава адзначыла, што праграма, аснову якой складалі тры прыярытэты, ў цэлым выканана. Да ліку прыярытэтаў былі аднесены: 1) мадэрнізацыя ўнутранай сеткі ўніверсітэта, якая стала адпавядаць сучасным параметрам; 2) забеспячэнне ўстановы неабходнай колькасцю камп'ютарнай тэхнікі; 3) падрыхтоўка кадраў для работы з новай тэхнікай. Да ліку актуальных было аднесена задача аб эфектыўнасці выкарыстання камп'ютарнай класаў як выкладчыкамі, так і студэнтамі. Яе рашэнне лягло ў аснову рашэння савета аб распрацоўцы «Трэцяй комплекснай праграмы інфарматызацыі ўніверсітэта на 2011–2015 гады».

У сярэдзіне нулявых гадоў асаблівую ўвагу кіраўніцтва ўніверсітэта надавала пашырэнню кантактаў з замежнымі краінамі з мэтай заключэння доўгатэрміновых дагавораў аб супрацоўніцтве. Так, на верасень 2009 г. аб такім супрацоўніцтве сведчылі 75 дагавораў і 21 міжнародны адукацыйны праект, падпісанымі з замежнымі партнёрамі, у тым ліку: Савет Еўропы, Еўрапейскі цэнтр сучасных замежных моў, ЮНЕСКА, міжнародная асацыяцыя перакладу і інш. У якасці асобнага прыярытэтнага напрамку вызначылася прыцягненне на розныя формы навучання замежных студэнтаў. Калі на перакладчыцкім

факультэце лічба замежных студэнтаў у 2009–2010 навучальным годзе складала 253 чалавека і вырасла за апошнія 5 гадоў больш, чым удвая, дык на факультэце рускай мовы для замежных грамадзян за гэты ж час колькасць навучэнцаў дасягнула лічбы ў 420 студэнтаў, якія прыехалі на навучанне рускай мове з 34 краін свету. Усяго за пяцігадовы перыяд на факультэце навучалася 1414 замежных грамадзян з 57 краін, у тым ліку: Азербайджана, Аргенціны, Бельгіі, Вялікабрытаніі, Венесуэлы, В'етнам, Грузіі, Ізраіля, Ірак, Іспаніі, Італіі, Емена, Казахстана, Лівія, Канады, КНР, Лівана, Літвы, Марока, Польшчы, Расіі, Туркменістана, Украіны, Фінляндыі, ФРГ, Швейцарыі і іншых краін свету.

Пачатак кастрычніка 2011 г. стаў паваротным у жыцці ўніверсітэта ў сувязі з тым, што ў установе быў адкрыты Інстытут Канфуцыя. Асаблівае значэнне і настрой урачыстасці адкрыццю гэтай установы ў МДЛУ надаў візіт у ўніверсітэт 18 верасня 2011 г. высокай урадавай дэлегацыі Кітая на чале з Старшынёй Пастаяннага камітэта Усякітайскага сходу народных прадстаўнікоў спадаром У Банга. Прыбыццё высокай дэлегацыі азначала ні што іншае, як пачатак урачыстай цырымоніі адкрыцця Інстытута Канфуцыя прадстаўнікамі кітайскага боку. Нагадаем, што на той момант ва ўніверсітэце 237 студэнтаў вывучалі кітайскую мову. З іх 71 студэнт - як першую замежную мову, 146 – як другую замежную мову. Апроч таго, 20 чалавек з ліку дзяржаўных служачых і бізнесменаў вывучалі кітайскую мову на факультэце замежных моў для кіруючых работнікаў і спецыялістаў, 12 - на вячэрніх курсах. У ўніверсітэце на момант адкрыцця Інстытута Канфуцыя кітайская мова вывучалася на перакладчыцкім факультэце, факультэце англійскай мовы і міжкультурных камунікацый. Важнае мець на ўвазе, што першы Інстытут Канфуцыя быў адкрыты ў 2004 г. у сталіцы Рэспублікі Карэя Сеуле. Праз сем гадоў геаграфія гэтай установы пашырылася на 104 краіны, пры гэтым адкрыты ў МДЛУ Інстытут Канфуцыя быў 354 па ўліку.

У пералік галоўных задач Інстытута Канфуцыя ўваходзяць: 1) павышэнне эфектыўнасці і якасці падрыхтоўкі настаўнікаў кітайскай мовы; 2) павышэнне якасці навучання кітайскай мове ў школах рэспублікі; 3) павышэнне якасці падрыхтоўкі перакладчыкаў і спецыялістаў па міжкультурных камунікацыях; 4) вучэбна-метадычнае забеспячэнне выкладання кітайскай мовы ў сістэме дадатковай адукацыі дарослых; 5) правядзенне навукова-метадычных і навукова-практычных канферэнцый; падрыхтоўка і выданне нацыянальных падручнікаў і вучэбна-метадычных матэрыялаў для выкладання кітайскай мовы на ўсіх узроўнях адукацыі. Як было адзначана на пасяджэнні Савета ўніверсітэта, адкрыццё Інстытута Канфуцыя ў МДЛУ ўнясе значны ўклад у далейшае распаўсюджанне культуры дзвюх краін і іх народаў.

У гэтым кантэксце не было выпадковым рашэнне аб далейшым павышэнні якасці выкладання кітайскай мовы ва ўніверсітэце. На дасягненне гэтага было

накіраванне рашэнне савета, у якім сярод першачарговых задач значыліся: 1) рэгулярнае павышэнне прафесійнага ўзроўню выкладчыкаў кітайскай мовы шляхам стажыровак у КНР і пашырэння супрацоўніцтва з выкладчыцкім складам Інстытута Канфуцыя ў МДЛУ; 2) актывізацыя распрацоўкі вучэбных дапаможнікаў і дыдактычных матэрыялаў па дысцыплінах кітайскай мовы выкладчыкамі кафедры ўсходніх моў ў супрацоўніцтве з Інстытутам Канфуцыя і максімальным выкарыстанні яго магчымасцей у адукацыйным працэсе па кітайскай мове.

У праграме інавацыйнага развіцця ўніверсітэта ў другім дзесяцігоддзі новага тысячагоддзя значылася стварэння філіялаў кафедраў універсітэта пры адукацыйных установах сістэмы сярэдняй адукацыі. Філіялы кафедры, якія планавалася стварыць па-за межамі ўстановы вышэйшай адукацыі, разглядаліся структурным падраздзяленням кафедры. Галоўныя задачы філіялаў – сістэматычная работа па паглыбленні і абагульненні псіхолагапедагагічных, метадычных, спецыяльных ведаў студэнтаў у працэсе мэтанакіраванага педагагічнага ўзаемадзеянняў з настаўнікамі, вучнямі гімназіі, асваенне студэнтамі сістэмы прафесійнай вучэбнай дзейнасці і пазааўдыторнай работы, вывучэнне студэнтамі перадавога вопыту па навучанні замежным мовам, арганізацыя практычнага засваення студэнтамі сучасных методык, ажыццяўлення інавацыйна-педагагічнай дзейнасці і г.д.

Функцыі філіялаў кафедры: прымаюць удзел у кіраўніцтве вучэбнавытворчай і вытворчай практыкай, навукова-даследчай работай студэнтаў, курсавога і дыпломнага праектавання; у распрацоўцы пытанняў метадычнага забеспячэння адукацыйнага працэсу па профілю кафедры; праводзіць профарыентацыйную работу; рыхтуюць і прыцягваюць педагогаў гімназій і да педагагічнай дзейнасці ў філіяле кафедры, ствараюць інфармацыйную базу новых педагагічных тэхналогій па сваім профілі. У склад філіялаў кафедраў уваходзяць выкладчыкі, аспіранты, магістранты адпаведных кафедраў, а таксама вядучыя спецыялісты гімназіі. Як вынік, на пасяджэнні 29.06.2012 г. савет універсітэта прыняў рашэнне аб стварэнні філіялаў: кафедры методыкі выкладання замежных моў у гімназіі № 30 г. Мінска, кафедры педагогікі ў гімназіі № 5 г. Мінска, СШ № 182, гімназіі № 2 г. Оршы, педагогікі і методыкі вышэйшай школы, кафедры ўсходніх моў на базе дзяржаўнай установы адукацыі "Гімназія № 12 г. Мінска". На цяперашні час створаны 10 філіялаў універсітэцкіх кафедраў на базе школ, гімназій і іншых устаноў адукацыі г. Мінска.

У гэты перыяд кіраўніцтва ўніверсітэта рабіла шмат захадаў дзеля ўваходжання ў Еўрапейскую прастору вышэйшай адукацыі. Так, у верасні 2015 г. Савет універсітэта абмеркаваў пытанне аб першачарговых задачах адукацыйнай установы па ўдзеле ў мерапрыемствах, звязаных з распрацоўкай Дарожнай карты развіцця сістэмы вышэйшай адукацыі на аснове прынцыпаў

і мэтаў Балонскага працэсу ў 2015–2018 гг. У дакладзе, з якім выступіла прарэктар па вучэбнай працы А. П. Бяценя, былі вызначаны галоўныя напрамкі дзейнасці ўніверсітэта, звязаныя з распрацоўкай рамак кваліфікацыі, забеспячэння якасці адукацыі, прызнанне кваліфікацый, інструменты забеспячэння празрыстасці і адкрытасці, міжнароднай мабільнасці і інтэрнацыяналізацыі вышэйшай адукацыі, атрымання адукацыі цягам усяго жыцця і сацыяльнага вымярэння вышэйшай адукацыі, паказваючы фундаментальныя каштоўнасці Еўрапейскай прасторы вышэйшай адукацыі.

У мінулыя гады ўніверсітэт актыўна развіваў міжнароднае супрацоўніцтва, набыў заслужаны аўтарытэт у міжнародных арганізацыях і сярод універсітэтаў-партнёраў. Як вынік, падпісанне звыш 130 дагавораў аб супрацоўніцтве ў абласцях адукацыі і навуковых даследаванняў з замежнымі ўстановамі адукацыі з больш чым 30 краін. МДЛУ з'яўляецца актыўным членам некалькіх прэстыжных міжнародных арганізацый, сярод якіх Міжнароднай асацыяцыі ўніверсітэтаў, якія ажыццяўляюць падрыхтоўку прафесіянальных перакладчыкаў (CUITI), Асацыяцыя ўстаноў вышэйшай адукацыі, акрэдытаваных пры ААН (якія падпісалі Мемарандум аб узаемадзеянні з ААН), Сусветнай асацыяцыяй універсітэтаў замежных моў (GAFSU), Кансорцыум гуманітарных універсітэтаў дзяржаў-членаў ШОС і інш.

Выпускнікі ўніверсітэта працуюць у больш чым 40 краінах свету: у міжнародных арганізацыях – ААН, ЮНЕСКА, МАГАТЭ, Сусветным банку, а таксама ў розных дзяржаўных установах, пачынаючы ад Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусі, урадавых міністэрстваў, НДІ, розных устаноў адукацыі, замежных амбасад і прадстаўніцтваў краіны за яе межамі – да буйных ІТ-кампаній, аддзелаў міжнародных сувязяў, PR-агенцтвах, турыстычных фірмаў, радыё і тэлебачання, рэдакцый газет і часопісаў і інш.

На цяперашні час лінгвістычны ўніверсітэт – вядучая навучальная ўстанова па падрыхтоўцы высокакваліфікаваных настаўнікаў і выкладчыкаў замежных моў, перакладчыкаў, спецыялістаў па міжкультурных камунікацыях.

У 75-я ўгодкі з даты ўзнікнення МДЛУ з'яўляецца адным з лепшых і самым вядомым лінгвістычным універсітэтам у Рэспубліцы Беларусь, СНД. Еўропе і свеце.

ЛІТАРАТУРА

- 1. *Баранова, Н. П.* Языковая политика и образование в Республике Беларусь (конец XX начало XXI века) / Н. П. Баранова // 20 лет содружеству (культурно-цивилизационный очерк) : сб. лекций, научных работ молодых ученых, аспирантов и студентов победителей конкурса в честь 20-летия СНГ. М. : ИПК МГЛУ, 2012. С. 402–428.
- 2. *Новікаў, С. Я.* Ля вытокаў стварэння МДЛУ / С. Я. Новікаў // Вестн. МГЛУ. Сер. 3. 2012. № 11. С. 219–223.
- 3. *Новікаў, С. Я.* "Малая зала" Мінскага іняза / С. Я. Новікаў // Вестн. МГЛУ. Сер. 3. 2013. № 12. С. 230–240.

- 4. *Новікаў, С. Я.* Кузня лінгвістычных кадраў вышэйшай кваліфікацыі / С. Я. Новікаў // Вестн. МГЛУ. Сер. 3. 2014. № 13. С. 219–227.
- 5. *Новікаў, С. Я.* Ад Мінскага іняза да лінгвістычнага ўніверсітэта / С. Я. Новікаў // Вестн. МГЛУ. Сер. 3. 2015. 14. С. 208–216.
- 6. *Новікаў, С. Я.* Ад дубовых крэслаў да інтэрактыўных дошак: архітэктурная гісторыя МДЛУ / С. Я. Новікаў // Вестн. МГЛУ. Сер. 3, История, философия, социология, экономика, культурология, политология. 2017. № 16. С. 177– 186.
- 7. *Новікаў, С. Я.* "Залаты век" МДЛУ / С. Я. Новікаў // Вестн. МГЛУ. Сер. 3, История, философия, социология, экономика, культурология, политология. 2022. № 21. С. 190–211.
- 8. *Краснова, Н. Г.* Страницы моей жизни / Н. Г. Краснова. Минск : Издат. центр БГУ, 2012. 95 с.
- 9. *Кузнецова-Тимонова, А. В.* Выпускники и преподаватели Минского государственного лингвистического университета в войнах и военных конфликтах 1960–1980 гг. (на материале Нац. архива РБ) / А. В. Кузнецова-Тимонова // Вестн. Полоцкого гос. ун-та. Гуманит. науки. Сер. А, Истор. науки. 2021. № 9. С. 64–67.
- 10. *Кузнецова-Тимонова. А. В.* От Германии к Эфиопии: о работе выпускников и преподавателей МГПИИЯ в качестве военных переводчиков (1950–1990 гг.)/А. В. Кузнецова-Тимонова // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: праграма 21-й Міжнар. навук. канф., Мінск, 1 крас. 2022 г. Мінск: МДЛУ, 2022. 10 с.
- 11. Якубёнок, Л. М. Истоки, становление и перспективы развития факультета немецкого языка МГЛУ / Л. М. Якубёнок, В. А. Шевцова // Германистика и лингводидактика в Московском и Минском гос. лингвист. ун-тах: истоки, развитие, перспективы : коллективная монография / И. А. Краева [и др.].; под ред. А. И. Горожанова [и др.]. Казань: Бук, 2022. С. 57–87.

Поступила в редакцию 27.03.2023

Усоский Владимир Николаевич

доктор экономических наук, профессор кафедры экономических наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь vladimirusosky@gmail.com

МЕРКАНТИЛИЗМ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

В статье исследован исторический этап становления и развития национальных государств Западной Европы, которые в доиндустриальную эпоху торгового капитализма (XV–XVIII) проводили политику меркантилизма. Выявлена роль, привилегированных торговых, производственных и банковских монополий, искусственно взращиваемых европейскими государствами. Представлены этапы становления и упадка монополий, которым на смену пришли производственные и торговые фирмы конкурентной экономики эпохи индустриализации.

K лючевые слова: доиндустриальная эпоха торгового капитализма (XV-XVIII); теория и государственная политика меркантилизма; привилегированные торговые, производственные и банковские монополии эпохи меркантилизма.

В традиционном докапиталистическом аграрном обществе доминировало натуральное хозяйство. Рынок в системе феодального натурального хозяйства существовал как спорадическое образование. Он находился в неразвитом состоянии, так как был подчинен доминантным социальным, религиозным, политическим целям солидарного общества. Основными социальными силами феодального общества, которые определяли и задавали природу рынка, были три сословия. Духовенство католической Церкви, возглавляемое первосвященником Рима, было влиятельным институтом духовной власти. Монархический институт светской государственной власти опирался на дворянское сословие. К «третьему» сословию причисляли себя торговцы, промышленники и банкиры, жившие в средневековых городах. Здесь были сосредоточены социальные слои, работавшие в университетах и изучавшие философию, свободные искусства и науки (медицина, право, астрономия, математика, механика, алхимия).

Феодальное натуральное хозяйство представляло собой три структурных уровня межсубъектных отношений. К высшему уровню рынка, субъекты которого обслуживали духовные и светские власти, относился торговый и ростовщический капитал. Ф. Бродель писал: «Во всяком случае, проблема ставится не в одних лишь этих, экономических категориях (притом ведь предложение и спрос далеко не «чисто» экономические, но это уже иной вопрос). По всей очевидности, ее следует ставить и в категориях могущества (выделено мною – УВН)» [1, с. 164]. Эрнандо де Сото отмечает: «Французский историк

Фернан Бродель считал великой тайной то, что на заре своего развития капитализм на Западе, как и сегодня, в некоторых районах мира, служит интересам только привилегированного меньшинства» [2, с. 73].

Позднее в эпоху Великих географических открытий феодальное общество (XV–XVI) вступило на стадию «меркантилизма». Открытие и освоение новых владений великих держав способствовало ускорению первоначального капиталистического накопления. Процессы динамики развития общества контролировала элита, состоящая из представителей первого и второго сословий. В верхних слоях избранного меньшинства стали появляться состоятельные люди из промышленного, торгового и ростовщического слоев, принадлежащих «третьему» сословию. Ростовщический и торговый капитал, обслуживая духовные и светские власти феодального Запада, был закрытой структурой от непривилегированного общества, «третьего сословия» служит специфическим стеклянным колпаком (bell jar), отделял капитал от гигантского массива натурального и товарного хозяйства крестьян и ремесленников.

Являясь неотъемлемым элементом привилегированного общества избранного меньшинства, капитал пытался совершить «сальто мортале», пристраиваясь на запятки «золотой кареты», в которой ехала власть. Капитал нес высокие издержки от необходимости приспособления и вживания, рискуя свалиться с кареты в любой момент. Между властями и капиталом не могло возникнуть ясных и предсказуемых отношений, построенных на принципе универсального права, основанием которого является признание незыблемости прав священной частной собственности. Власть, раздававшая привилегии частному капиталу, противопоставляла себя всему остальному непривилегированному обществу, частью которого мог опять стать капитал, ранее получавший по капризам властей привилегии, которые могли быть точно также отозваны.

Хорошим примером успеха семьи разбогатевших ткачей может служить история дома Фуггеров, которые создали мощную торговую империю. Ее родоначальником был простой ткач из Аугсбурга, который торговал льном и бумазеей – смесью льна и хлопка. Якоб Фуггер Старший (1408–1469), приняв эстафету из рук своего отца, продолжал удачно развивать семейный бизнес. Он приступил к торговле различными продуктами – одеждой, шелком, шерстью и специями. Его сыновья, среди которых особенно выделялся Якоб II Богатый (1459–1525) владели 3500 ткацкими станками и торговали тканями, которые покупали из многих стран мира. Молодой Якоб занялся международной торговлей в Венеции, ощутив там вкус ее специфической привлекательности от постоянного риска. Перспективы и результаты бизнеса сильно зависели от изменчивых политических интересах государств и монархов.

В 1494 г. братья Фуггеры приступили к добыче меди, которую продавали на Ближний Восток и в Индию. История взлета и сокрушительного падения

семьи Фуггеров оказалась тесно связана с интересами императорского дома Габсбургов. Покровительство императора позволило Фуггерам получить привилегированное право беспошлинно торговать медью, направляя грузы из Венгрии через Вену и Регенсбург в Венецию. Император Максимилиан в 1496 г. передал Фуггерам рудники в Тироле, принадлежавшие его конкурентам, в счет кредита, который император не смог вернуть бизнесмену. Дом Фуггеров значительно потеснил на рынке Ганзейский союз, получив в 1500 г. полную монополию на торговлю медью в Северной Европе.

Фуггеры финансировали избрание испанского короля Карла I императором Священной Римской империи германской нации, который после выборов на имперском конгрессе в 1519 г. стал императором Карлом V. [3, с. 112–114]. Фуггеры активно занимались банковской деятельностью, осуществляли обслуживание финансовых интересов императора, Римского папы, духовенства Северной Европы, Польши и Венгрии. Торговый дом занимался также продажей индульгенций. «Оборот Фуггеров в пять раз превышал оборот флорентийской семьи Медичи в их лучшие времена... Постепенное падение империи Фуггеров началось после смерти Антона Фуггера (1493-1560), у которого не оказалось достойного наследника в семье, а также вследствие бесконечной череды войн против турок, протестантов и англичан, которые вел император Филипп II, взошедший на трон после Карла V. Они оказали свое влияние на государственное банкротство Испании в 1575 г. и уничтожение испанской армады англичанами в 1588 г. Долги правящей династии Габсбургов к семье Фуггеров в размере 8 миллионов золотых гульденов, которые так и не удалось взыскать, а также увеличение собственной задолженности привели к тому, что значительная часть имущества Фуггеров перешла во владение банков Генуи» [3, с. 114].

Приведенный пример иллюстрирует яркую историю взлета и падения семьи Фуггеров, которых власти на определенное время одарили привилегиями. История бизнеса дома Фуггеров отражает попытку интеграции отдельных богатых людей «третьего сословия» во властную иерархию, где принимаются стратегические решения. Ф. Бродель выделяет высшую иерархию власти и противостоящую ему структурные уровни натуральной и рыночной экономики, где работают мелкие и средние хозяйства. Историк писал: «...к доиндустриальной модели следует добавить третий сектор, нижний «этаж» «неэкономики», своего рода гумусный слой, где вырастают корни рынка, но, не пронизывают всей его массы. Этот нижний «этаж» остается огромным. Выше него, в зоне по преимуществу рыночной экономики, множились горизонтальные связи между разными рынками. Некий автоматизм обычно соединял там спрос, предложение и цену. Наконец, рядом с этим слоем, или, вернее, над ним, зона «противорынка» представляла царство изворотливости и права

сильного. Именно там и располагается зона капитализма по преимуществу, как вчера, так и сегодня, как до промышленной революции, так и после нее (выделено мною – *У.В.Н.*)» [1, с. 220].

Богатые люди «третьего сословия» пробравшиеся в иерархию элиты общества пытались выстраивать отношения с представителями привилегированных сословий. Главная цель состояла в формировании клановой олигархии сильными мира сего. Эта цель носила долгосрочной характер и частный капитал шел к ней с большим напряжением и издержками. Нувориши были пришлыми чужаками в благородной среде высшего общества. Капиталисты покупали дворянские звания, роднились с благородными, стремясь разными способами интегрироваться во властную иерархию. Нуворишам понадобилось много времени для адаптации и интеграции там, что воплощалось в образовании временных соглашений между заинтересованными сторонами.

Когда Фуггеры финансировали выборы своего кандидата на престол императора Священной Римской империи германской нации, они находились в подчиненном положении в иерархии. Договоренности бизнеса с властью часто распадались по причине спонтанности действия властей в иерархии непредсказуемо функционирующей системы политических пристрастий множества борющихся сил, которые имели разнонаправленные интересы, конкурируя на высшем уровне. Их сиюминутные расчеты постоянно менялись.

Привилегированный капитал стремился к тому, чтобы высосать ресурсы из тех сфер общества, с которыми он соприкасался, иссушая эксплуатируемые им объекты, деформируя ценности общества. К среднему структурному уровню феодальной экономики относились производители и торговцы, организованные в ремесленные цеха и гильдии в городах. Низший уровень был представлен производителями и мелкими торговцами, которые вели спонтанные мелкооптовые и розничные продажи остатков сельскохозяйственной продукции и продукции деревенского ремесла на рынках и ярмарках.

Рынок выполнял вспомогательные функции и являлся своеобразным декоративным дополнением самообеспечивающего натурального хозяйства, которое контролировали господствующая иерархия общества. Система экономических отношений складывалась под мощным воздействием социальных, религиозных, политических целей солидарного общества, которое было организовано по корпоративным принципам. Сходство рабовладельческого и феодального обществ, где функционировал докапиталистический ростовщический и торговый капитал состояла в том, что капитал, находясь под «стеклянным колпаком» (bell jar) рассматривал внешнюю среду как комплекс инородных объектов, которые он подвергал репрессии, подавлению и эксплуатации. Капитал, был герметизирован и локализован. Это было условием формирования политики меркантилизма как системы государственной поддержки искусственно создаваемых монопольных структур.

Городское хозяйство было представлено привилегированными городскими цехами ремесленников, которые производили свои изделия под заказ, а не на массовый рынок. Массовые рынки начинали формироваться купцами на организованных ими средневековых региональных ярмарках Европы и в сфере торговли на дальние расстояния (средиземноморская торговля, торговля с Индией и Китаем). В городах образовывались торговые компании купцов, объединенных в гильдии, поставлявшие на региональные рынки оптовые партии товаров, которые были куплены ими у ремесленников, феодалов и крестьян. Массовый рынок начал формироваться под воздействием Великих географических открытий с последней четверти XV в. Были разведаны морские пути вокруг Африки в Индию. Путешествие Колумба в Америку открыло двери для поиска Эльдорадо испанскими конкистадорами, что привело к тому, что золото и серебро хлынули из Америки, Африки и Азии на рынок Европы.

Переполнение рынков драгоценными металлами подняло рыночные цены на товары и услуги подтолкнуло европейских мыслителей к формулировке идеи о том, что накопление составляет основу богатства нации. Меркантилисты пришли к выводу, что источником богатства является положительное сальдо торгового баланса страны. Государство должно стимулировать накопление золота и серебра частными лицами. В практической плоскости меркантилизм формировался как экономическое учение утверждающее, что источник богатства заключается в деньгах, которые воплощаются в драгоценных металлах (full-bodied money). Ввиду прекрасной сохраняемости Благородные металлы имели свойства, позволяющие использовать их в функции денег. Они были однородны, легко узнаваемы, не разрушаемы, делимы (портативны) люди накапливали их для сохранения ценности и обмена. Драгоценные металлы успешно выполняли пять функций денег: 1) меры ценности; 2) средства обращения; 3) сохранения и накопления ценности; 4) кредитных денег; 5) международных денег.

Меркантилизм зародился в странах Западной Европы в период Великих географических открытий (XV–XVI), когда великие европейские государства приступили к хищническому освоению природных и людских богатств Африки, Азии и Америки. Испания и Португалия заключили 7 июня 1494 г. Тордесильясский договор о разделе сфер влияния мира по демаркационной линии, которая проходила через северный и южный полюса Земли и пересекала Атлантический океан по «папскому» меридиану 49°32'56". Моря и земли к востоку от этой черты отходили к королевству Португалия, а к западу – личной унии Кастилии и Арагона, которые объединились в дальнейшем в королевство Испания. Договор был заключен в городе Тордесильяс, Кастилия и Леон. Римский папа Юлий II выступил в качестве дипломатического посред-

ника в процессе согласования интересов великих держав. Он одобрил Тордесильясский договор своей буллой в 1506 г. Тем самым глава католической Церкви скрепил договор между Испанией и Португалией авторитетом своей духовной власти.

В период позднего феодализма и зарождения протокапиталистического уклада (XV–XVIII вв.) в Западной Европе происходило формирование экономических, технологических, социальных, политических и идеологических предпосылок для перехода к экономике, базирующейся не на земле и принудительном труде крестьян, как основных факторах производства, а на капитале находящихся в частной собственности и наемном труде.

До начала промышленного переворота в Англии в конце XVIII в. производительность труда в мануфактурной промышленности была на порядок ниже производительности труда в сельском хозяйстве. В Англии в это время чистый продукт на одного занятого в промышленности составлял 9 фунтов стерлингов, а в сельском хозяйстве – 18,3 фунтов стерлингов в год [4, с. 147]. К. Маркс писал: «В общем следует признать, что при примитивном, докапиталистическом способе производства земледелие было производительнее, чем промышленность, так как природа здесь участвует в работе человека как машина и организм, в то время как в промышленности силы природы еще почти целиком замещаются рабочей силой» [5, с. 115].

На жизнь традиционного античного и средневекового общества значительное влияние оказывают периодически вспыхивающие эпидемии (холера, «черная» смерть, моровая язва). Негативную роль играло слабое развитие гигиены и медицины. Войны вели к увеличению смертности не менее чем вспышки массовых эпидемических болезней, вызванных инфекцией и разложением трупов людей и животных. Спад производства, наступающий ввиду массового вымирания населения, оказывал существенное влияние на продуктивность экономики и выживаемость людей. Например, в середине VI века Византийскую империю поразила пандемия чумы во время правления императора Юстиниана. Она бушевала около 50 лет и была столь сильна, что поставила империю на грань гибели. Вторая мощная вспышка «бубонной» чумы произошла в середине XIV века (1346–1353). Она была принесена из Восточной и Центральной Азии и «выкосила» по разным оценкам историков от 30 % до 60 % населения Европы (75–200 млн человек).

В условиях исторического развития традиционных обществ принцип «игры с нулевой суммой», когда выигрыш одного субъекта означает проигрыш другого субъекта дает возможность объяснить низкий уровень благосостояния и личного потребления населения. В основании закономерности лежит невысокий уровень производительности труда и низкая доля основного капитала в издержках производства продукции.

Теория и практика меркантилизма исходит из предположения о том, что экономика функционирует по принципу «игры с нулевой суммой», т.е. проигрыш одного субъекта товарно-денежного обмена соответствует выигрышу его контрагента по сделке. Меркантилисты рассматривают экономические отношения между людьми в сопоставлении с моделью работы механических часов, где все элементы механизма (пружины, винты) являются специфическим аналогом людей в обществе, обменивающихся товарами на рынке. Однако все части часового механизма не имеют присущего человеку свободы выбора, поэтому они выполняют одну единственную функцию в механизме. Самоочевидно то, что элементы часов не могут выполнять других функций. Жестко детерминированная модель часового механизма относится к классу однозначно действующих автоматических механизмов, лишенных свойств живого организма и непредсказуемой динамики развития. Модель часового механизма совершенно не обоснованно представляется в концепции меркантилизма в качестве аналога для конструирования механико-математической модели для анализа общества (экономики).

Неадекватно понимая сущность модели часов, механицисты проецируют ее характеристики на общество (экономику), которые по своей природе представляют сложно организованные живые органические системы, обладающие, в отличие от мертвого часового механизма, свойствами спонтанной самоорганизации. Ввиду неадекватности методологии ретрансляции (опрокидывания) модели примитивных часов на сложные системы общества (экономики) меркантилизм запускает механизм механико-математической редукции для деформирования теории, логики и методологии науки. Неадекватное применение механико-математической редукции в обществе (экономике) делает принудительно совместимыми сложные системы с простыми, хотя они по своей природе диаметрально противоположны.

В традиционной экономике принцип «игры с нулевой суммой» в какой-то степени помогает объяснить работу экономики, в которой люди занимаются, как правило, ручным трудом, применяют преимущественно ручные орудия труда, используют простейшие механизмы для получения энергии ветра (ветряная мельница) и энергии падающей воды (мельница на реке). Люди еще не создали продвинутой техники (паровых машин). В такой экономике человек обладает неразвитыми трудовыми навыками, отличается низким уровнем производительности труда, имеет минимальный производственный капитал. На экономику подобного типа большое влияние оказывают природные факторы, обильность природных ресурсов, которые втягивают люди в процесс производственного и личного потребления. Например, строительство морского флота зависело от наличия в стране строевого леса, развитой ткацкой отрасли для производства парусов, сельскохозяйственных предприятий по выращиванию льна и конопли для производства пеньки (грубое лубяное

волокно, полученное из стеблей конопли), канатов, веревок, гарпунных линей для охоты на китов. Важным было развитие металлургической и пороховой промышленности для производства пушек, ружей и боеприпасов.

В Новое время (XVII–XVIII) меркантилизм, как теория и практика проведения экономической политики страны, бурно расцвел в великих державах Испании, Португалии, Голландии, Франции, Англии, которые вели между собой ожесточенные войны с целью захвата богатых природными и людскими ресурсами территорий колоний. Происходило становление институтов национальной государственности, расширялись национальные рынки, для увеличения потенциала которых требовалось развитие интенсивных международных морских коммуникаций и проведение политики территориальной экспансии. Во всех странах были созданы привилегированные торговые (Ост-Индские и Вест-Индские компании), производственные (национальные мануфактуры) и банковские (Банк Англии, Банк Швеции) монополии. Они стали ключевыми субъектами в системе морской и территориальной экспансии государств, получая от них эксклюзивные привилегии для ведения экономической деятельности.

Политика меркантилизма базируется на неуклонном осуществлении интересов микроэкономики монопольных структур, которые искусственно выращиваются государством. Последнее оказывает системную протекцию промышленникам, купцам, банкирам, осуществляющим воспроизводство капитала. Эта политика способствовала процессу первоначального капиталистического накопления, который интенсифицировался в эпоху Великих географических открытий. Государство оказывает прямую поддержку определенным группам интересов частного капитала, раздавая привилегии в сферах производства, торговли и банковского дела. В метрополии страны стимулируется создание монополий, получающих эксклюзивные привилегии от государства для эксплуатации территорий и населения колоний.

Ф. Бродель писал: «Делаемое Ф. Дж. Фишером различие между земледелием, которое тормозится предложением, и промышленностью, которую тормозит спрос, – кратчайшая формула, довольно удачно описывающая экономики Старого порядка. В этих условиях, я боюсь, как бы закон Сэя в том, что касается дореволюционных веков, не оказался еще менее действителен, чем даже в применении к нашему ХХ в. Впрочем, мануфактуристы XVIII в. открывали свои крупные предприятия только на субсидиях, при беспроцентных займах и при монопольных правах, которые им предоставлялись заранее. Можно подумать – злоупотребляющие привилегиями предприниматели! А ведь в таких изумительных условиях успеха добивались не все, далеко не все» [1, с. 172].

Важным в развитии меркантилистской системы было предоставление государством эксклюзивного права на эмиссию банкнот определенного но-

минала привилегированным частным монополиям банкиров. Последние предоставляли государству кредиты на льготных условиях, оплачивали долги государства или финансировали его расходы (строительство кораблей, морские и сухопутные экспедиции, военные действия). Государство передавало монополиям, у которых взяло большие ссуды на откуп сбор налогов, позволяя им эксплуатировать ресурсы колонизованных территорий. Например: «Бартоломеус Вельзер получил от Карла V в обеспечение займа управление провинцией Каракас. В 1548 г. испанские власти насильственно завладели этой провинцией, а сам Вельзер был казнен» [1, с. 176].

В XIX в. европейские страны создают национальные финансовые и банковские системы. Была сформирована государственная система для сбора налогов и осуществления бюджетных расходов, а также выстроена двухуровневая банковская система. Эти процессы были обусловлены формированием конкурентных микроэкономических структур рыночной экономики в отраслях легкой и тяжелой промышленности. Они последовательно вытесняли производственные, торговые и банковские монополии частных лиц, которые грузом своих привилегий, как веригами, висели на государстве, оказывая сильное воздействие на деятельность органов власти. Рост отдачи факторов производства вызывал увеличение доходов наемных работников. Это увеличивало массовый спрос в городах на рабочую силу, что расширяло производственные возможности заводов и фабрик, стимулировало рыночную конкуренцию.

Начало созданию частных банковских монополий эпохи меркантилизма было положено в Англии в 1694 г. корпорацией (партнерством) крупных финансистов, которым удалось «выбить» у правительства привилегии на ведение частного банковского бизнеса. Был дан старт формированию национальной системы финансового посредничества. Привилегированная банковская корпорация частных лиц (Governor and Company of the Bank of England), кредитовавшая правительство, получила от него право на эмиссию банкнот - кредитного инструмента, выпущенного под учет коммерческих векселей фирм, а не как результат депозитных операций вкладчиков (схема Паттерсона). Так был создан Банк Англии, имевший двойственную природу. С одной стороны, он был частным коммерческим банком, обслуживающим частный бизнес, а с другой, выполнял некоторые функции Центрального банка страны. Это произошло потому, что реставрированная после смерти лидера революции О. Кромвеля королевская власть Карла II и Вильгельма III оказалась не способной отвечать по долговым обязательствам и приостановила выплаты. Для разрешения проблем частные банкиры дали правительству кредит, оказав помощь в оплате долгов королевской власти. За это были дарованы привилегии в денежно-кредитной сфере.

Банк Англии отдал весь свой капитал в 1,2 млн. фунтов стерлингов в кредит государству под 8% годовых в обмен на облигации государственного займа. Банк Англии обязывался предоставлять правительству финансовые услуги и получил право эмитировать банкноты на сумму собственного капитала. Эмиссия банкнот производилась под учет коммерческих векселей фирм, так как собственный резервные деньги из драгоценных металлов были отданы за государства. По закону 1709 г. выгоды Банка Англии, как кредитора правительства, заключались в привилегированном праве на эмиссию векселей до востребования и векселей со сроком оплаты менее полугода, что было запрещено акционерным банкам, созданным семью и более партнерами [6, с. 39]. Между 1694 г. и началом XIX в. правительство последовательно возобновляло Банку Англии лицензию семь раз, что требовало от Банка увеличения капитала, которым он кредитовал правительство, покупая долговые государственные облигации, и, получая право на эмиссию банкнот. В 1764 г. за возобновление лицензии Банк Англии выплатил правительству вознаграждение в размере 110 тыс. фунтов [6, с. 40].

Банковская эмиссия осуществлялась в обмен под возможности создания фирмой-заемщиком в будущем добавленной ценности, которую они создадут в том случае, если успешно осуществят бизнес-проекты. Фирма должна зарабатывать достаточный размер валового дохода, из которого она могла, оплатив свои полные производственные и сбытовые расходы, быть способной гасить долги перед банком (основную сумму долга и проценты). Если платежеспособный заемщик покрывает банку ссудную задолженность, то это свидетельствует о создании им добавленной ценности сверх полученной им суммы кредита стороны клиента и соответственно создания кредитных денег банком.

Банк Англии, обменивая свои золотые и серебряные резервы, передаваемые в казначейство, получает взамен от государственные облигации. Это означает, что Банк Англии получает возможность погашать свои долги за счет налогов, которые казначейство изымает у налогоплательщиков. Государственные облигации дают возможность покрывать изъятые резервы Банк Англии на за счет получения доходов от взимания налогов. Банк Англии, эмитируя банкноты в обращение и выполняя свои обязательства перед правительством и экономикой, получал выгоды и нес издержки.

К потенциальным выгодам Банка Англии относится присвоение эмиссионного дохода сеньоража (seigniorage), которым обкладывается любой держатель банкнот. Иногда возникала ситуация, когда банкнотная эмиссия не в полной мере была обеспечена резервами из драгметаллов. В этом случае возникала проблема с обеспеченностью денег достаточным уровнем добавленной ценности. Сеньораж возникает как разница между номиналом банкнот и их золотым и серебряным покрытием. Если величина сеньоража больше добавленной ценности, созданной фирмами и банками в экономике, то возникает превышение расходов над доходами, что проявляется в уровне инфляции. Этот феномен иногда называют инфляционным налогом.

Эмиссия банкнот Банком Англии под учет коммерческих векселей носила фидуциарный характер, т.е. не была обеспечена золотыми и серебряными резервами в полной мере. Банк передавал правительству свои банкноты в обмен на государственные облигации, которые давали гарантию покрытия банкнот величиной изымаемых налогов. В соответствии с этим, Банк Англии был обязан поддерживать размен банкнот на золото и серебро, обслуживая частных вкладчиков, от которых привлекал золото и серебро через депозитные операции. Посредством частичного резервирования Банк обеспечивал эмиссию банкнот.

В период затяжных военных конфликтов, которые вела Англия, требовавших значительного чрезвычайного финансирования военных расходов, происходил отток золота и серебра из экономики для оплаты военных расходов. Поэтому условия обмена банкнот Банка Англии на золото и серебро ухудшались.

Банк Англии обладал привилегией ограниченной ответственности по своим обязательствам, т.е. частная собственность членов корпорации не могла быть использована для компенсации за причиненный Банком ущерб экономике. С 1751 г. Банку было доверено управление государственным долгом [6, с. 40]. Он обслуживал счета правительства, вел доходные и расходные статьи бюджета. Однако издержки Банка Англии были велики. На обслуживание внешнего и внутреннего долгов правительства, не собиравшего достаточных налоговых поступлений, у Банка Англии не всегда хватало резервов. Правительство часто обращалось за помощью в Банк Англии с требованием выдать ему большие суммы кредитов в форме золотых и серебряных денег. Как правило, правительство просило предоставления кредитов на льготных условиях. Выданные кредиты очень часто оказывались просроченными и даже невозвратными. При недостатке у правительства доходов Банку Англии приходила на помощь возможность получать доходы от монополии на эмиссию банкнот (сеньораж).

Укрепление привилегированного положения Банка Англии на денежном рынке постепенно привело к тому, что мелкие частные банки в Лондоне к 1780 г. прекратили конкурировать с ним в сфере банкнотной эмиссии. Банк Англии контролировал крупные платежи по оптовым поставкам продукции и расширял свое влияние на розничный рынок. Правительство разрешило в 1795 г. Банку Англии эмиссию банкнот в экономику номиналом в 5 фунтов стерлингов, а в 1797 г. 1 и 2 фунтов стерлингов [6, с. 42]. Обслуживая частный

бизнес, Банк Англии все глубже «погружался» в розницу. Частные банки стали хранить в Банке Англии свои резервы, что превращало его в Центральный банк страны.

Радикальные изменения в природе микроэкономики конкурентных фирм, которые стали массовым явлением на рынке, позволило великим державам перейти к реализации экономической политики фритредерства, которую обосновывала классическая школа политической экономии А. Смита и Д. Рикардо.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Бродель*, Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель. М. : Прогресс, 1988. Т. 2 : Игры обмена. 632 с.
- 2. *Сото.* Э. де. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Э. де Сото. − М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2001. − 272 с.
- 3. *Ханс-Йорк, Б.* История торговли в истории искусства / Бауэр и Бернд Ханс-Йорк. М.: Интер-эксперт, 2007. 272 с.
- 4. Γ иббинс, Γ . Промышленная история Англии / Γ . Гиббинс. СПб. : Склад изданий О. Н. Поповой, 1898. 240 с.
- 5. *Маркс, К.* Теории прибавочной стоимости : в 4 ч. / К. Маркс. М. : Политиздат, 1978. Ч. 2. 703 с.
- 6. Смит, В. Происхождение Центральных банков / В. Смит. Тверь : Ин-т. нац. модели экономики. 288 с.

Поступила в редакцию 12.04.2023

Цымбал Аляксандр Георгіевіч дацэнт, кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі і сацыяльных навук

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт г. Мінск, Беларусь aleksander.g.t@gmail.com

ПОЛЬСКАЯ ГІСТАРЫЧНАЯ ПАЛІТЫКА Ў XX-XXI СТСТ.: ЭВАЛЮЦЫЯ І ВЯДУЧЫЯ ДЫСКУРСЫ

Статья посвящена изучению эволюции польской исторической политики в XX-XXI вв. с акцентом на доминирующие дискурсы. Хронологически статья охватывает время от межвоенного периода до наших дней и показывает каким образом различные исторические дискурсы использовались для формирования польской идентичности, политической лояльности и легитимизации власти.

Ключевые слова: историческая политика; исторический дискурс; исторический нарратив; национальная идентичность; политическая лояльность.

Уводзіны

У апошнія гады праблема палітычнага выкарыстання гісторыі становіцца ўсё больш значнай. Гістарычныя наратывы, якія падтрымліваюцца дзяржавай і фарміруюць гістарычны дыскурс, выкарыстоўваюцца для стварэння пачуцця нацыянальнай ідэнтычнасці і ўмацавання палітычнай лаяльнасці Крах «вялікіх ідэалогій», панаваўшых у ХХ ст., абумовіў пошук новых сэнсаў і каштоўнасных арыентацый. Калі няма сэнсу ў будучыні, яго пачынаюць шукаць у мінулым. Гісторыя становіцца галоўнай дысцыплінай [1]. Выразным прыкладам інструменталізацыі гісторыі з'яўляецца Польшча, дзе гістарычная палітыка выклікае бурныя грамадскія дыскусіі на працягу дзесяцігоддзяў.

Артыкул прысвечаны агляду польскай гістарычнай палітыкі, прасочвае яе эвалюцыю і вядучыя гістарычныя дыскурсы ад перыяду перад Другой сусветнай вайной да нашых дзён. Даследуючы ролю гісторыі ў фармаванні польскай нацыянальнай ідэнтычнасці, мы можам лепш зразумець, якім чынам дзяржаўныя гістарычныя наратывы ўплываюць на палітычную лаяльнасць. Аналіз польскай гістарычнай палітыкі дае магчымасць разгледзець складаныя ўзаемасувязі паміж гістарычным дыскурсам, ідэнтычнасцю і палітычнай уладай, і вылучыць дыскусіі, якія працягваюцца вакол выкарыстання гісторыі для фарміравання нацыянальнай свядомасці.

Паняційны апарат і гістарыяграфія праблемы

Паняцце гістарычнай палітыкі датычыцца спосабу канструявання, інтэрпрэтацыі і выкарыстання гістарычнай памяці, як мэтанакіраванага канструкта калектыўных уяўленняў аб мінулым [2, с. 19]. Па сваёй сутнасці польская гістарычная палітыка імкнецца сфармаваць калектыўную гіста-

¹ Исследование выполнено при поддержке БРФФИ в рамках проекта №Г23ИП-021.

рычную памяць пра гісторыю Польшчы, якая адпавядае культурным, палітычным і сацыяльным каштоўнасцям нацыі, як іх бачылі тыя ці іншыя палітычныя сілы ў розныя гістарычныя перыяды.

Гістарычны дыскурс – гэта шырокае паняцце, якое адносіцца да розных спосабаў зносін аб мінулым і інтэрпрэтацыі гістарычных падзей. Гэта своеасаблівы дыялог паміж рознымі групамі і індывідуумамі, у тым ліку гісторыкамі, палітыкамі, грамадскасцю, СМІ і іншымі ўдзельнікамі.

Гістарычны дыскурс звязаны з палітычнымі і сацыяльнымі канфліктамі, якія прыводзяць да канкурэнцыі за права інтэрпрэтаваць мінулае. Ён можа змяняцца з цягам часу, адлюстроўваючы новыя інтэрпрэтацыі гістарычных фактаў і зменлівыя палітычныя і сацыяльныя ўмовы. Гістарычны дыскурс дапамагае фармаваць уяўленні аб мінулым, вызначаць нацыянальную ідэнтычнасць, а таксама ўплываць на прыняцце рашэнняў у сучаснасці.

Аналіз польскай гістарычнай палітыкі і гістарычных дыскурсаў мае першараднае значэнне для разумення гістарыяграфічных падыходаў і ацэнак польскай гісторыі, сучасных палітычных працэсаў і грамадства. Гістарычная палітыка зведала значныя трансфармацыі на працягу гісторыі Польшчы, рэагуючы на змены палітычнага клімату краіны, геапалітычнай сітуацыі і культурных каштоўнасцей. Яна была сфарміравана шматлікімі фактарамі, уключаючы ўнутрыпалітычную барацьбу, знешні ціск і ўплыў розных сацыяльных груп.

Праблематыцы гістарычнай палітыкі, у тым ліку ў Польшчы, на сённяшні дзень прысвечана значная колькасць публікацый. У самой Польшчы былі рэалізаваны даследчыя праекты, прысвечаныя вывучэнню ўплыву гістарычнай палітыкі, фармаванню новай палітычнай ідэнтычнасці ў перыяд сістэмнага транзіту на прыкладзе Польшчы, Чылі, Іспаніі, Грузіі, Паўднёвай Афрыцы і Эстоніі. Навукоўцы аналізавалі ступень выкарыстання наратываў памяці ў перыяд сістэмнай трансфармацыі і фарміравання мадэлі гістарычнай палітыкі [3].

Комплекснае ўяўленне аб гістарычнай палітыцы дае праца Р. Хведарука, у якой разглядаюцца як тэарэтычныя аспекты праблемы, так і рэалізацыя гістарычнай палітыкі ў Польшчы і іншых краінах [4]. Дыскусіі адносна гістарычнай палітыкі Польшчы разглядаюцца ў шэрагу манаграфій і калектыўных работ [5; 6]. Аналіз публічных дыскусій аб гісторыі прадстаўлены ў рабоце Р. Трабы [7]. У сваім даследаванні Траба цікавіцца праблемай таго, як мінулае ўплывае на сучаснасць і якія наступствы гэта мае для польскай нацыянальнай ідэнтычнасці. Аўтар спасылаецца на тэорыю памяці і забыцця, тлумачыць механізмы фарміравання калектыўнай памяці і важнасць памяці для палітыкі і нацыянальнай ідэнтычнасці. Аспект знешняй гістарычнай палітыкі Польшчы раскрыты ў рабоце Б. Ачэпка [8].

Асаблівы падыход да праблемы гістарычнай палітыкі прадстаўлены ў даследаванні М. Лучэўскага [9]. Аўтар прапануе аналізаваць гістарычную палітыку Польшчы, Расіі і Германіі праз прызму паняцця «маральны капітал». Пад дадзеным паняццем разумеецца наратыў, які надае маральны статус або маральную каштоўнасць. Гісторыя, такім чынам, стварае маральны падмурак ідэнтычнасці праз падтрымку геройскіх традыцый у Расіі, памяць аб ахвярах у Польшчы ці, як у выпадку Германіі, рашучае адмаўленне злачынстваў мінулых рэжымаў.

Варта згадаць і даследаванне В. Бера [10], ў якім ён прапануе сацыялагічны аналіз польскай гістарыяграфіі найноўшай гісторыі, разглядаючы стварэнне польскай гісторыі, як тыпу публічнай палітыкі. На аснове багатага эмпірычнага матэрыялу і з выкарыстаннем шматлікіх метадаў даследавання, у першую чаргу сацыялогіі палёў П'ера Бурдзьё, аўтар даказвае, што гістарычная палітыка мела месца, хоць і ажыццяўлялася крыху іншымі метадамі, як у перыяд Народнай Польшчы, так і пасля падзення камунізму. У такім ракурсе гісторыкі, якіх ён даследуе, выступаюць таксама як суаўтары гістарычнай палітыкі, уцягнутыя ў працэсы інструменталізацыі гісторыі, якую В. Бер сістэматычна вывучае з пункту гледжання адносін паміж сацыяльнымі палямі.

Гістарычная палітыка ўзнікае разам з сучаснымі нацыянальнымі дзяржавамі. Гісторыя, сістэма адукацыі, сродкі масавай інфармацыі і іншыя інстытуты становяцца інструментамі фармавання і прасоўвання ідэй нацыянальнага і дзяржаўнага адзінства. У гістарычнай палітыцы Польшчы ў XX–XXI ст. можна вылучыць некалькі перыядаў. Першы – міжваенны перыяд ад адраджэння польскай дзяржаўнасці ў 1918 годзе. Другі – перыяд сацыялістычнага кірунку развіцця ў часы ПНР. Трэці – перыяд сістэмнай трансфармацыі і дэмакратызацыі пасля 1989 года. Чацвёрты – правы паварот у гістарычнай палітыцы ў сярэдзіне 2000-х гг. з прыходам да ўлады партыі «Права і справядлівасць».

Гістарычная палітыка Польшчы ў міжваенны перыяд

Гістарычная палітыка Польшчы ў міжваенны перыяд была сфарміравана барацьбой краіны за незалежнасць пасля падзелаў Рэчы Паспалітай і задачамі інтэграваць асобныя рэгіёны і нацыянальныя меншасці. Палітыка была накіравана на стварэнне наратыву, які падкрэсліваў бы гераічныя ўчынкі, культурныя дасягненні, гістарычную традыцыю і кантынуітэт дзяржаўнасці Рэчы Паспалітай.

Адной з ключавых фігур у фарміраванні гістарычнай палітыкі Польшчы ў міжваенны перыяд быў Ю. Пілсудскі, ваенны і дзяржаўны дзеяч, які адыграў вырашальную ролю ў руху за незалежнасць краіны. Санацыйны лагер пад кіраўніцтвам Пілсудскага ў гістарычнай палітыцы Польшчы рабіў акцэнт на барацьбе краіны за незалежнасць, падкрэсліваючы гераічныя ўчынкі яе лідараў і ахвяры народа. Палітыка таксама завастрыла ўвагу на культурных дасягненнях краіны, ушаноўвала яе літаратуру, мастацтва і музыку.

Вялікую ролю адыгрывалі палітычныя міфы паўстанцаў 1863–1864 гг., Юзафа Пілсудскага, генерала Юзафа Халлера, Ігнацыя Падэрэўскага ці Рамана Дмоўскага [11; 12; 13].

Аднак гістарычная палітыка Польшчы не пазбегла супярэчнасцей. З боку левых сіл і нацыянальных меншасцей гучала крытыка за акцэнт на польскім нацыяналізме і маргіналізацыі груп меншасцей. Дзяржаўных гістарычны дыскурс адлюстроўваў палітыку нацыянальнай асіміляцыі, а ў канцы 1930-х гг. моцна гучалі і антысеміцкія нарматывы [14]. Польскія нацыянальныя дэмакраты пераконвалі, што яўрэі нібыта заўсёды імкнуліся знішчыць польскія хрысціянскія традыцыі. У аснове дзяржаўнай палітыкі ляжала выразна эксклюзіўнае і этнацэнтрычнае бачанне польскай ідэнтычнасці, а гістарычны дыскурс павінен быў спрыяць абгрунтаванню польскіх правоў і асіміляцыі Заходняй Беларусі і Заходняй Украіны ў складзе міжваеннай Польшчы.

Гістарычная палітыка Польскай Народнай Рэспублікі

Пасля Другой сусветнай вайны Польшча трапіла пад савецкі кантроль і стала сацыялістычнай дзяржавай. Адпаведныя змены адбыліся і ў гістарычнай палітыцы. Навязаная звонку марксісцка-ленінская інтэрпрэтацыя гісторыі падкрэслівала класавую барацьбу, маргіналізавала нацыянальную тэматыку і павінна была спрыяць легітымізацыі ўлады Польскай аб'яднанай рабочай партыі [15, s. 13].

У перыяд ПНР гістарычная палітыка імкнулася прадставіць гісторыю Польшчы як барацьбу паміж сацыяльнымі класамі, падкрэсліваючы ролю рабочых і сялян у развіцці краіны. Такі падыход прыніжаў ролю шляхецкіх элітаў, нацыянальных і патрыятычных тэм, якія лічыліся несумяшчальнымі з камуністычнай ідэалогіяй. Акцэнт рабіўся на «сацыялістычнае сяброўства народаў», а вострыя тэмы агульнага мінулага ці польскай прысутнасці на Ўсходзе цэнзурыраваліся.

Нормай стала крытычная ацэнка нацыянальнай палітыкі польскіх уладаў у 1920–30-я гг., што ўзгаднялася з агульнай партыйна-палітычнай лініяй на разрыў са спадчынай міжваеннай Польшчы і крытыкай Пілсудскага. Гістарычны дыскурс падпарадкоўваўся палітычнай кан'юнктуры і выбудоўваўся ў духу сацыялістычнага будаўніцтва і выкрывання імперыялістычных планаў Пілсудскага. Беларуская тэма ўсплывала ў рамках вывучэння камуністычнага руху ў Польшчы, што ўмацоўвала вобраз беларуса-камуніста.

Сацыялістычная гістарычная палітыка таксама спрабавала падарваць ролю рэлігіі ў польскай гісторыі, падкрэсліваючы ролю свецкіх і сацыялістычных рухаў у фармаванні палітычнага і культурнага ландшафту краіны. Такі падыход быў часткай больш шырокай кампаніі па прапагандзе атэізму і падрыву ўплыву Каталіцкага Касцёла ў польскім грамадстве [15, s. 14–36].

Нягледзячы на гэтыя намаганні, гістарычная палітыка Польшчы пад савецкім кантролем была адзначана напружанасцю і супярэчнасцямі.

Сацыялістычны нарматыў у значнай ступені толькі фармальна прымаўся польскімі гісторыкамі. Альтэрнатыўную, нацыянальную версію гісторыі працягвалі прасоўваць інстытуты і дзеячы польскай эміграцыі. Каталіцкі Касцёл таксама адыграў вырашальную ролю ў фарміраванні гістарычнага наратыву Польшчы, забяспечваючы крыніцу пераемнасці і ідэнтычнасці перад абліччам савецкай цэнзуры.

Змены ў гістарычнай палітыцы пасля 1989 г.

У 1970-я і 1980-я гады Польшча перажыла шэраг сацыяльных і палітычных хваляванняў, кульмінацыяй якіх стаў адыход ад улады ПАРП. У 1989 г. Сістэмныя трансфармацыі прынеслі істотныя змены ў гістарычную палітыку, якія спрыялі пераасэнсаванню нацыянальнай ідэнтычнасці і вяртанню гісторыі з дыскурсу камуністычнай эпохі. Гэты працэс прадугледжваў пераацэнку мінулага краіны і новы акцэнт на нацыянальных і патрыятычных сюжэтах.

Адной з найбольш значных змен гэтага перыяду стаў зрух да больш крытычнага і адкрытага падыходу да мінулага краіны. Пачаліся грамадскія дыскусіі на раней табуяваныя тэмы, такія як роля палякаў у Халакосце і злачынствы акупантаў супраць польскага народа. Гэта прывяло да з'яўлення больш разнастайных гістарычных падыходаў і прызнання складанага мінулага Польшчы.

Дадзены перыяд характарызаваўся інстытуцыяналізацыяй гістарычнай палітыкі. У 1998 годзе польскі ўрад стварыў Інстытут нацыянальнай памяці (ІПН), дзяржаўную ўстанову, якая займаецца расследаваннем злачынстваў, учыненых як нацысцкім, так і камуністычным рэжымамі. Яна таксама адказвае за збор і архіваванне гістарычных дакументаў [16, s. 222–226; 17, с. 47–48]. Нягледзячы на тое, што грамадскасць у цэлым вітала стварэнне ІПН, некаторыя крытыкі сцвярджалі, што гэта палітычны інструмент, які выкарыстоўваецца ўрадам для выбарачнага пераследу сваіх апанентаў і прапаганды пэўнай версіі гісторыі. Дыскусія аб ролі і незалежнасці ІПН стала цэнтральнай праблемай польскай гістарычнай палітыкі.

Адбывалася пераацэнка гістарычных нарматываў. У перыяд пасля 1989 г. у Польшчы адбыліся змены ў падыходах з большым акцэнтам на раней маргіналізаваныя групы, напрыклад яўрэі і нацыянальныя меншасці. Гэта прывяло да дэбатаў аб тым, як інтэграваць новыя наратывы ў больш шырокі нацыянальны гістарычны метанаратыў, і як асвятляць ролю палякаў у калабарацыі або гвалце.

Крытычны падыход да ўласнай гісторыі, зварот да пытанняў супрацоўніцтва з акупантамі ў гады Другой сусветнай вайны і польскага антысемітызму найбольш знайшоў адлюстрованне ў справе ўдзелу палякаў у яўрэйскім пагрому ў в. Едвабне, ў 1941 г. у Беластоцкай вобласці БССР. Пачатак дыскусіі дала кніга Я. Т. Гроса «Суседзі», прысвечанай дадзенай падзеі [17].

Падобны падыход да гістарычнай палітыкі пабудаваны на крытычных ацэнках і акцэнце на праблемных і негатыўных аспектах ўласнай гісторыі права-кансерватыўныя палітычныя сілы акрэслілі «педагогікай ганьбы» [18, s. 339–340].

На працягу 1990-х і пачатку 2000-х гг. ішлі спрэчкі наконт таго, як ушаноўваць пэўныя гістарычныя падзеі, такія як Варшаўскае паўстанне 1944 года і Катынскі расстрэл. Дыскусіі часта адлюстроўвалі больш глыбокія палітычныя і ідэалагічныя падзелы ўнутры польскага грамадства.

Польская гістарычная палітыка ў гэты перыяд таксама вызначалася міжнароднымі адносінамі. У 1990-я гг. Польшча імкнулася дыстанцыравацца ад савецкай спадчыны і інтэгравацца ў заходнія інстытуты, такія як НАТА і Еўрапейскі саюз. Што прывяло да дэбатаў наконт таго, як прэзентаваць польскую гісторыю у варыянце прымальным для заходніх партнёраў, захоўваючы пры гэтым выразную нацыянальную ідэнтычнасць.

У цэлым гістарычную палітыку ў Польшчы з 1989 г. да сярэдзіны 2000-х гг. можна ахарактарызаваць як перыяд пераходу да больш адкрытага і крытычнага падыходу да мінулага краіны.

Польская гістарычная палітыка з сярэдзіны 2000-х гг.

У сярэдзіне 2000-х гг. адбываюцца пераломныя моманты ў польскай гістарычнай палітыцы. З прыходам да ўлады «Права і справядлівасці» (ПіС) – кансерватыўна-нацыяналістычнай палітычнай партыі – адной з галоўных мэт становіцца змена гістарычнай палітыкі краіны, якая, на думку партыйных лідараў, была сфарміравана ліберальным і постмадэрнісцкім светапоглядам, што прыніжала нацыянальную ідэнтычнасць і гістарычныя дасягненні Польшчы. Лідары ПіС разглядалі гісторыю як вырашальны фактар у фарміраванні калектыўнай ідэнтычнасці краіны і пабудовы моцнага пачуцця нацыянальнага гонару і адзінства. У выніку партыя ініцыявала шэраг рэформаў у галіне гістарычнай палітыкі, накіраваных на пашырэнне патрыятычнага і пазітыўнага вобразу польскай мінуўшчыны [19].

Замест «педагогікі ганьбы» і «крытычнага патрыятызму» ў гістарычнай палітыцы ПіС прапаноўвала «педагогіку гонару» [18, s. 339], што прадугледжвала гларыфікацыю польскага антынацысцкага і антыкамуністычнага супраціву, Каталіцкай царквы і нацыянальных сімвалаў, разам з тым адмову ад таго, што ПіС бачыла як левы ўхіл у гістарычнай палітыкі. Новы падыход падкрэсліваў важнасць вылучэння пазітыўных аспектаў гісторыі Польшчы, у тым ліку яе ўкладу ў заходнюю хрысціянскую цывілізацыю і абарону Еўропы ад захопнікаў.

Сярод асноўных кірункаў гістарычнай палітыкі ПіС можна адзначыць наступныя:

1. Роля Каталіцкага Касцёла: урад ПіС імкнуўся павысіць ролю Каталіцкага Касцёла ў польскай гісторыі і грамадстве.

- 2. Прапаганда польскага гераізму і ахвярнасці: ідэя Польшчы як гераічнай і ахвярнай нацыі, асабліва ў кантэксце Другой сусветнай вайны. Гэта ўключае ў сябе акцэнт на Варшаўскім паўстанні, як сімвалы нацыянальнага супраціву, ушанаванне памяці польскіх ахвяр нацысцкага і савецкага прыгнёту і аспрэчванне абвіненняў ва ўдзеле палякаў у Халакосце.
- 3. Абарона нацыянальнага суверэнітэту: адбываецца «сек'юрытызацыя» гісторыі, нацыянальная ідэнтычнасць разглядаецца як поле супрацьстаяння. В сувязі з гэтым ПіС разглядае гістарычную палітыку як сродак абароны польскага нацыянальнага суверэнітэту ад меркаваных пагроз з боку знешніх сіл. Гэта ўключае ў сябе аспрэчванне крытыкі з боку ЕС, так і прапаганду ідэі моцнай, незалежнай Польшчы, як абаронцы еўрапейскай цывілізацыі і традыцыйных хрысціянскіх каштоўнасцей.
- 4. Крытыка камуністычнай эпохі: урад ПіС імкнуўся прыцягнуць увагу да злачынстваў, учыненых камуністычным рэжымам у Польшчы, у тым ліку да пераследу палітычных дысідэнтаў, цэнзуры СМІ і парушэнняў правоў чалавека. Гэта ўключае ў сябе прасоўванне ідэі Польшчы як ахвяры савецкай агрэсіі і падкрэсліванне важнасці нацыянальнага суверэнітэту і незалежнасці.
- 5. Абарона нацыянальнай спадчыны: ПіС прыняў меры для аховы і захавання аб'ектаў і помнікаў нацыянальнай спадчыны, у тым ліку гістарычных будынкаў, цэркваў і мемарыялаў, што прадугледжвала павялічанае фінансаванне рэстаўрацыйных праектаў і больш жорсткія правілы забудовы ў раёнах гістарычнага значэння. Актыўна праводзілася мемарыялізацыя польскіх ахвяр і за межамі Польшчы.

Адным з найбольш супярэчлівых аспектаў гістарычнай палітыкі ПіС была спроба рэфармаваць ІПН. ПіС імкнулася павялічыць паўнамоцтвы ІПН у пытанні пераследу за непажаданыя інтэрпрэтацыі польска-яўрэйскіх адносін у гады Другой сусветнай вайны. Крытыкі сцвярджалі, што гэта была спроба выкарыстаць ІПН для прасоўвання нацыяналістычнай праграмы і прыніжэння польскага саўдзелу ў злачынствах ваеннага часу [20]. Усё часцей пачыналі гучаць абвінавачванні ў ператварэнні ІПН у своеасаблівую «гістарычную паліцыю» [21].

Яшчэ адной праблемай з'яўляецца неабходнасць уключыць гістарычны вопыт меншасцей у нацыянальны наратыў. Польшча – разнастайная краіна са складанай гісторыяй, але ў гістарычным апавяданні часта дамінаваў досвед этнічнай польскай большасці. Гэта прывяло да маргіналізацыі і сцірання вопыту іншых груп, такіх як яўрэі, украінцы і беларусы, якія таксама ўнеслі свой уклад у гісторыю і краіны.

У сучаснай польскай гістарычнай палітыцы адным з найбольш дыскусійных пытанняў стала прапаганда «выклятых жаўнераў» (польск. «żołnierze wyklęci») – тэрмін, які выкарыстоўваецца для апісання антыкамуністычнага супраціву ў Польшчы пасля Другой сусветнай вайны. Нацыяналістычная

інтэрпрэтацыя гісторыі і стварэнне міфу «выклятых салдат» прывяла да канфліктаў унутры Польшчы, як напрыклад, адносна постаці Рамуальда «Райса» Бурага, адказнага за масавыя забойствы беларускага праваслаўнага насельніцтва ў 1946 г. [22].

Міжнародная рэакцыя на польскую гістарычную палітыку

Польская гістарычная палітыка не толькі аказала значны ўплыў на польскае грамадства, але таксама выклікала рэакцыю міжнароднай супольнасці.

Падыход ПіС да палітычнага выкарыстання гісторыі сустрэла крытыку з боку міжнародных арганізацый, навукоўцаў і ўрадаў, якія абвінавацілі Польшчу ў прасоўванні вузкай, нацыяналістычнай інтэрпрэтацыі гісторыі, якая ігнаруе досвед меншасцей і альтэрнатыўныя перспектывы. У прыватнасці, жорсткай крытыцы сустрэлі спробы ўрада адмовіць саўдзел палякаў у Халакосце і абмежаваць акадэмічную свабоду.

Еўрапейскі саюз, напрыклад, выказаў занепакоенасць намаганнямі польскага ўрада абмежаваць акадэмічную свабоду і прапагандаваць нацыяналістычную інтэрпрэтацыю гісторыі.

Рэзкую крытыку польская гістарычная палітыка выклікае ў Ізраілю. Рашэнне польскага ўрада крыміналізаваць абвінавачванні ў саўдзеле палякаў у Халакосце прывяло да напружанасці ў адносінах з Ізраілем, які абвінаваціў Польшчу ў спробе абяліць гісторыю [23].

Падобным чынам Мемарыяльны музей Халакоста ЗША выказаў занепакоенасць намаганнямі польскага ўрада абмежаваць акадэмічную свабоду і прынізіць саўдзел палякаў у Халакосце. Музей сцвярджаў, што такія намаганні прапагандуюць скажонае ўяўленне пра гісторыю [23].

Крытыка польскай гістарычнай палітыкі гучыць і з Германіі, якая выказвала занепакоенасць спробамі польскага ўрада прасоўваць вузкае, нацыяналістычнае тлумачэнне гісторыі, сцвярджаючы, што такія намаганні пагражаюць падарваць працэсы прымірэння паміж дзвюма краінамі. Абвастрылі адносіны з Германіяй і польскія патрабаванні кампенсацыі за панесеныя страты ў гады нацысцкай акупацыі [24].

Застаюцца супярэчнасці і з Расіяй адносна Катынскага расстрэлу, ускладання адказнасці на Польшчу за пачатак Другой сусветнай вайны, праблемы захавання мемарыялаў і інш. Гераізацыя польскага пасляваеннага антыкамуністычнага супраціву таксама выклікае рэзкую рэакцыю з боку Беларусі [25].

Сучасная польская гістарычная палітыка была пазначана супярэчнасцямі вакол польска-ўкраінскіх адносін. Адным з ключавых пытанняў стала інтэрпрэтацыя гістарычных падзей, такіх як Валынская трагедыя, якая адбылася падчас Другой сусветнай вайны і прывяла да гібелі дзясяткаў тысяч польскіх мірных жыхароў на тэрыторыі цяперашняй Заходняй Украіны. Падзея стала крыніцай напружанасці паміж дзвюма краінамі і стала прадметам канкурэнцыі гістарычных наратываў.

Сучасная польская гістарычная палітыка выклікала крытыку з боку міжнародных арганізацый, навукоўцаў і іншых дзяржаў, якія абвінавачваюць Польшчу ў прапагандзе вузка нацыяналістычнай інтэрпрэтацыі гісторыі, якая ігнаруе вопыт нацыянальных меншасцей і альтэрнатыўныя перспектывы. Гэтая палітыка абвастрыла адносіны Польшчы з суседзямі і міжнароднай супольнасцю і выклікала заклапочанасць адносна прыхільнасці краіны да дэмакратыі і вяршэнству закона. Перад полькай гістарычнай палітыкай застаецца выклік, пошук спосабу збалансаваць патрабаванні гістарычнай справядлівасці, інклюзіўнасці і наладжвання адносін з міжнароднай супольнасцю.

Заключэнне

Варта адзначыць, што польская гістарычная палітыка істотна эвалюцыянавала на працягу XX і XXI ст., адлюстроўваючы зменлівыя палітычныя і ідэалагічныя плыні часу. Ад эпохі перад Другой сусветнай вайной да камуністычнага перыяду і нашых дзён выкарыстоўваліся розныя гістарычныя дыскурсы для фарміравання польскай нацыянальнай ідэнтычнасці і палітычнай лаяльнасці. Пры сучасным урадзе партыі «Права і справядлівасць» гістарычная палітыка набыла больш нацыяналістычнае і кансерватыўнае адценне.

Міжнародная рэакцыя на польскую гістарычную палітыку была неадназначнай: некаторыя краіны і арганізацыі выказвалі занепакоенасць рэвізіянісцкімі тэндэнцыямі і нацыяналістычнай рыторыкай, а іншыя падтрымлівалі намаганні па абароне нацыянальнай спадчыны і ліквідацыі гістарычнай несправядлівасці.

Увогуле, эвалюцыя польскай гістарычнай палітыкі – гэта працяглы працэс, і перспектывы залежаць ад розных фактараў, у тым ліку палітычных, эканамічных і сацыяльных падзей у Польшчы і за мяжой. Працяг вывучэння і аналізу польскай гістарычнай палітыкі неабходным, каб цалкам зразумець яе ўплыў на польскае грамадства і месца ў больш шырокім сусветным кантэксце.

ЛІТАРАТУРА

- 1. The world is fixated on the past // The Economist [Электронны рэсурс]. 2018. Рэжым доступу: https://www.economist.com/leaders/2018/12/22/the-world-is-fixated-on-the-past. Дата доступу: 26.03.2020.
- 2. *Касьянов, Г.* Украина и соседи : историческая политика. 1987-2018 / Г. Касьянов. «НЛО», 2019. 282 с.
- 3. Polityka pamięci i kształtowanie tożsamości politycznej w czasie tranzycji postautorytarnej : studia przypadku / J. Marszałek-Kawa [i inni]. Warszawa : Difin, 2016. T. 1. 268 s.
- 4. Chwedoruk, R. Polityka historyczna / R. Chwedoruk. Warszawa: PWN, 2018. 384 s.

- 5. Pamięć i polityka historyczna : doświadczenia Polski i jej sąsiadów / pod red. S. M. Nowinowskiego [i inni]. Łódź : Inst. Pamięci Narodowej. Komisja Ścigania Zbrodni przeciwko Narodowi Polskiemu, 2008.– 398 s.
- 6. Historycy i politycy : polityka pamięci w III RP / pod red. P. Skibińskiego, T. Wiścickiego i M. Wysockiego ; Muzeum Historii Polski. Warszawa : Wydawnictwo DiG : Muzeum Historii Polski, 2011. 259 s.
- 7. *Traba, R.* Przeszłość w teraźniejszości : polskie spory o historię na początku XXI wieku / R. Traba. Poznań : Wydawnictwo Poznańskie, 2009. 325 s.
- 8. *Ociepka, B.* Zagraniczna polityka historyczna: Polska między Niemcami a Rosją. Historia w dyplomacji publicznej / B. Ociepka. Warszawa: Wydawnictwo naukowe SCHOLAR, 2015. S. 212–229.
- 9. *Łuczewski, M.* Kapitał moralny : polityki historyczne w późnej nowoczesności / M. Łuczewski. Kraków : Ośrodek Myśli Politycznej, 2017. 431 s.
- 10. *Behr, V.* Powojenna historiografia polska jako pole walki : studium z socjologii wiedzy i polityki / V. Behr ; przekł. J. Lembas, P. Szczur. Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego WUW, 2021. 409 s
- 11. W Senacie historycy dyskutowali o polityce historycznej II Rzeczypospolitej // Dzieje. pl Portał historyczny [Электронны рэсурс]. 2023. Рэжым доступу: https://dzieje.pl/rozmaitosci/w-senacie-historycy-dyskutowali-o-polityce-historycznej-ii-rzeczypospolitej. Дата доступу: 29.03.2023.
- 12. *Giertych, M.* Mit Piłsudskiego / M. Giertych. Warszawa : Wydawnictwo Giertych, 2017. 184 s.
- 13. *Cichoracki, P.* "Z nami jest On": kult Marszałka Józefa Piłsudskiego w Wojsku Polskim w latach 1926-1939 / P. Cichoracki. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Ossolineum, 2001. 151 s.
- 14. Walczak, K. Antysemityzm w II RP: jaka rzeczywiście była jego skala? / K. Walczak / Histmag. org [Электронны рэсурс]. 2011. Рэжым доступу: https://histmag.org/Antysemityzm-w-II-RP-jaka-rzeczywiscie-byla-jego-skala-23505. Дата доступу: 31.03.2023.
- 15. *Dudek, A.* Wybrane czynniki historyczne wpływające na politykę władz PRL / A. Dudek // Polityka czy propaganda: PRL wobec historii / red. P. Skibiński, T. Wiścicki, M. Wysocki. Warszawa: Muzeum Historii Polski, 2009. S. 13–36.
- 16. *Reczek, R.* Rola Instytutu Pamięci Narodowej w procesie przywracania pamięci / R. Reczek // Środkowoeuropejskie Studia Polityczne. 2015. № 3. S. 221–237.
- 17. *Траба, Р.* Польские споры об истории в XXI веке / Р. Траба // Pro et contra. 2009. № 3–4. С. 43–65.
- 18. *Gross, J. T.* Sąsiedzi: historia zagłady żydowskiego miasteczka / J. T. Gross. Sejny: Fundacja Pogranicze, 2008. 161 s.
- 19. *Ponczek, E.* Mityzacja pamięci zbiorowej a sprawowanie władzy politycznej w sytuacji uobecniania się konfliktu / E. Ponczek // Transformacje. − 2017. − № 92/93. − S. 333–348.
- 20. *Leszczyński, A.* PiS zdemolował polską historię. Kult bohaterstwa i męczeństwa przysłonił wszystko // A. Leszczyński // Oko.press [Электронны рэсурс]. 2023. Рэжым доступу: https://oko.press/pis-zdemolowal-polska-historie. Дата доступу: 31.03.2023.
- 21. Amerykańskie Holocaust Memorial Museum krytykuje zmiany w ustawie o IPN. "Są dalece niewystarczające" // Onet wiadomości [Электронны рэсурс]. 2023. Рэжым доступу: https://wiadomości.onet.pl/swiat/amerykanskie-holocaust-memorial-museum-krytykuje-zmiany-w-ustawie-o-ipn-sa-dalece/dqpfz1t?utm_source=wiadomości.onet.pl_viasg_wiadomości&utm_medium=referal&utm_campaign=leo_automatic&srcc=undefined&utm_v=2. Дата доступу: 31.03.2023.

- 22. *Majmurek, J.* IPN-u nie da się tak po prostu znieść ustawą // J. Majmurek // Krytyka polityczna [Электронны рэсурс]. 2021. Рэжым доступу: https://krytykapolityczna.pl/kraj/majmurek-czy-likwidowac-ipn-polityka-historyczna/. Дата доступу: 31.03.2023.
- 23. Zdanowicz, A. Projekt Nasza Pamięć upamiętnia ofiary zbrodni sprzed 73 lat dokonanej przez oddział Romualda Rajsa ps. Bury / A. Zdanowicz // Onet wiadomości [Электронны рэсурс]. 2023. Рэжым доступу: https://hajnowka.naszemiasto.pl/projekt-nasza-pamiec-upamietnia-ofiary-zbrodni-sprzed-73/ar/c1-5006572. Дата доступу: 31.03.2023.
- 24. *Kociszewski, J.* Izrael: presja na Polskę w sprawie ustawy o IPN była skuteczna / J. Kociszewski // Wiadomości.pl [Электронны рэсурс]. 2018. Рэжым доступу: https://wiadomości.wp.pl/izrael-presja-na-polske-w-sprawie-ustawy-o-ipn-byla-skuteczna-6267276372629121a. Дата доступу: 31.03.2023.
- 25. *Bielecki, J.* Niemcy byli gotowi na gesty wobec Polski. Spór o reparacje to uniemożliwia // J. Bielecki, M. Szułdrzyński // RP.pl [Электронны рэсурс]. 2022. Рэжым доступу: https://www.rp.pl/dyplomacja/art36989651-niemcy-byli-gotowi-na-gesty-wobec-polski-spor-o-reparacje-to-uniemozliwia. Дата доступу: 31.03.2023.
- 26. МИД Беларуси осудил намерения провести акцию памяти в честь так называемых проклятых солдат в польской Гайновке // RP.pl [Электронны рэсурс]. 2021. Рэжым доступу: https://www.tvr.by/news/obshchestvo/mid_belarusi_osudil_namereniya_provesti_aktsiyu_pamyati_v_chest_tak_nazyvaemykh_proklyatykh_soldat_v/. Дата доступу: 31.03.2023.

Поступила в редакцию 05.04.2023

ФИЛОСОФИЯ И ЛОГИКА

Баранов Николай Павлович кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и социальных наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь nikbar@gmail.com

К СУЩНОСТИ ВОЕННОГО КОНФЛИКТА МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ

Война в человеческом обществе – война целых народов, и притом народов цивилизованных, всегда вытекает из политического состояния и вызывается лишь политическими мотивами.

Карл Клаузевиц [1]

Война не возникает внезапно, война ... есть конфликт крупных интересов, который разрешается кровопролитием; лишь в последнем ее отличие от других конфликтов.

Карл Клаузевиц [1]

Статья посвящена философскому анализу военного конфликта между Россией и Украиной (точнее, военному конфликту на территории Украины между Россией и коллективным Западом), его причин, политических целей противоборствующих сторон и проявляющихся влияний на тенденции современного мирового развития. Осмысливая обобщаемые общедоступные данные СМИ, основываясь на глубинных исторических отношениях политически разделенных братских народов России и Украины, автор обосновывает неизбежность продвижения их к миру. Обосновывается также необходимость недопущения дальнейшего «испытания» прочности мира военными средствами в условиях радикальных изменений человечеством мирового порядка в связи с нарастающей угрозой третьей мировой войны.

Ключевые слова: война; военный конфликт; локальные конфликты (войны); специальная военная операция; агрессия; оборонительная война; причинное основание вооруженного конфликта; геополитические интересы; однополярный мир; бесполярный/многополярный мир.

«Спецоперация России на Украине» ... «Военная спецоперация России на Украине» ... «Ранним утром 24 февраля 2022 года президент России Владимир Путин сообщил о начале специальной военной операции на территории ЛНР и ДНР. Решение принято в ответ на обращение глав республик с просьбой о помощи в отражении агрессии со стороны Украины, которая стремится к силовому разрешению конфликта в Донбассе» ... «По заявлению главы Российского государства, эта мера стала вынужденной и является самообороной, которая не противоречит Уставу ООН. При этом в планы России не входит оккупация украинской территории – речь идет о защите Донецкой и Луганской народных республик в рамках подписанных ранее договоров о дружбе

и сотрудничестве» ... «Президент Украины Владимир Зеленский заявил о разрыве дипотношений с Россией» ... «24 февраля российские войска вошли на территорию Украины» ... «В Украине введен режим военного положения» ...

Такими тревожными заголовками и шокирующим контентом запестрили с 24 февраля 2022 года сайты и информационные сообщения новостных каналов отечественных и зарубежных СМИ.

Ежедневные онлайн-трансляции, посвященные специальной военной операции и событиям вокруг нее, сообщения военных корреспондентов, эксклюзивные репортажи из фронтовых зон и обстреливаемых городов, трансляции интерактивных карт боевых действий, брифингов авторитетных государственных и общественных представителей, анализ и прогнозы ведущих экспертов – стали главными новостями в жизни стран и народов мира.

Так война снова сурово напомнила о себе человечеству XXI в., «подзабывшему» трагические годы и последствия Второй мировой войны.

Не станем схоластически рассуждать, насколько специальная военная операция является полномасштабной войной или локальным конфликтом все возрастающей степени интенсивности и эскалации. Философ-народ правомерно именует данное событие войной, безошибочно характеризуя ее суть как продолжение (по Клаузевицу) политики вооруженными средствами.

Да, как ни назови, но все еще не принимаемый разумом локальный вооруженный конфликт между Россией и Украиной – это война. Очередная «горячая точка» тревог для мирового сообщества... Для нас – разрываемая взрывами, пылающая русская земля, точнее, кровавая рана в самом сердце Руси... Далеко не внезапно, не по «исторической агрессивности» и «кровожадности» России разгоревшаяся война, грозящая перерасти в войну мировую.

Данный конфликт тяжело переживается всеми народами и России и Украины.

Но является ли Россия (при всей поверхностной очевидности наблюдаемых военно-политических событий), незамедлительно объявленная своим извечным недоброжелателем Западом *страной-агрессором*¹, действительным виновником данной локальной войны и агрессором? Правомерно также думать – является ли таковым виновником и *агрессором* Украина? Почему же, в силу каких причин, по чьему содействию, братья-русичи одной исторической стороны Руси пошли *с мечем* на братьев-русичей (да и на них ли?..) другой ее стороны?

Неопровержимо убедительный ответ на эти экзистенциально определяющие вопросы новейшей истории России и Украины, дальнейшего существо-

¹ Невольно задумываешься о том, каким был бы активно ведущийся Западом «пересмотр» истории II мировой войны в случае принятия СССР превентивных вооруженных мер против фашистской Германии до 22 июня 1941 года...

вания и развития наших народов по объективной «логике этногенеза» (Л. Гумилев) – глубинно единого народа, может дать только история в философском осмыслении деяний Великой Святой Руси, матерью городов которой, основополагающим центром становления православной христианской духовности и славянской культуры с начала I тысячелетия явился Киев, а выросшая на ее основе Московская Русь стала затем объединителем Руси с соседними народами Азии¹.

Для нас историческое наследие Киевской Руси и достижения Руси Московской закономерно слиты воедино.

Возможно именно поэтому, вопреки реалиям войны и чуждым интересам Запада, на основе «естественного мироощущения народами своего единства» (Л. Гумилев) народы России и Украины упорно сохраняют и защищают свою неразрывность и братскость для будущего своих потомков.

Утверждению нашего убеждения в адекватности (истинности) понимания происходящего поможет также осмысление конкретных причин данного конфликта, согласно диалектике, – всего его причинного основания.

Возвращаемый в современную духовную жизнь Руси один из ее выдающихся мыслителей – И. Ильин, отмечал, что во все времена исторического, отнюдь не безконфликтного как во внутриполитической, так и внешнеполитической жизни, становления российской государственности России было более свойственно миролюбие по отношению к соседним народам, а не экспансия и воинственность.

«Живя и творя на своем языке, русский народ, как надлежит большому культурному народу, щедро делился своими дарами со своими замиренными соседями, вчувствовался в их жизнь, вслушивался в их самобытность, учился у них, воспевал их в своей поэзии, перенимал их искусство, их песни, их танцы и их одежды и простосердечно и искренно считал их своими братьями» [2]. Убедительное подтверждение тому – исторически сложившаяся уникальная многонациональная общность народов России, уникальность России как государства. В полной мере это относится и к украинскому народу, с которым творилась великая история России и Украины.

Что касается взаимоотношений с западными европейскими народами (по известной средневековой – с 395 г. – «линии культурного раздела Рима

¹ Самой историей, жизнью народов и научно (выдающимися историками российской государственности В. Татищевым, В. Ключевским, Н. Карамзиным, Л. Гумилевым и др.) с Несторовых времен летописания обосновано, что Киевская Русь и Московская Русь являются историческими творцами Руси/России. Древняя Киевская Русь стала объединителем восточнославянских народов, Московская Русь объединила Русь с соседствующими народами Азии.

Наши предки великоросы в XV–XVII вв. смешались с татарами Волги, Дона, с бурятами, монголами, тюрками, которые восприняли русскую культуру. Русские землепроходцы прошли без сопротивления от Урала через Сибирь до Тихого океана. Россия вышла к Аляске и начала освоение северных берегов Америки и Алеутских островов, где жили эскимосы и алеуты.

и Византии»), то «на самом деле не русских тянуло завоевывать Европу, а европейцы разных государств мечтали (вслед за шведским королем Густавом Альфредом!) отодвинуть Россию в Азию и отнять у нее "передние" европейские земли» [3, с. 232]. «Нам не дано предвидеть будущего, – подчеркивал мыслитель, – но мы не имеем никаких оснований считать, что русские границы замирены, … и что нам не грозят новые оборонительные войны» [3, с. 235].

«Все без исключения войны, которые вели русские, были оборонительными. Россия – всегда жертва "континентальной блокады" со стороны Европы. Россия не делает ничего дурного. Зло – лишь то, что делают России» [4], – это не цитата из методички «Раша тудей» или Первого канала. Идея политической непогрешимости России также принадлежит философу И. Ильину (высланному из СССР на «философском пароходе» 29 сентября 1922 г.), и она была сформулирована задолго до начала российского вторжения в современную Украину.

Разумеется, объективные (а на их основе и субъективные) причины происходящего военного конфликта между Россией и современной Украиной, в который целенаправленно с начала XXI в. активно, искусными технологиями продвижения и защиты так называемой «настоящей демократии» втягивал и втянул наши страны современный коллективный Запад – глубоки и конкретны. Данная война нужна только коллективному Западу и всецело отвечает только его, как всегда корыстным интересам.

Реально все понимают, что происходит в современном мире.

В XX в. властелины западного мира утратили свое колониальное владычество. С состоявшимся крушением колониальной системы в истории человечества практически завершилась колониальная эпоха. Усилия Запада по сохранению своего господства восстановлением влияния в странах так называемого «третьего мира» в форме прикрытого неоколониализма также терпят поражение за поражением. В цивилизационный процесс XXI в. все шире и активнее вступают новые народы, обретающие зрелость, самостоятельность и свое видение справедливого устроения современного миропорядка в мировом сообшестве.

Для XX в. была характерна также борьба двух систем, представляющих альтернативные модели универсального социального развития – капиталистическую и коммунистическую. После краха системы мирового социализма на смену конфликту двух глобальных систем грядет «столкновение цивилизаций» (С. Хантингтон), консолидированных на основе культурно-исторической и религиозной общности геополитических блоков.

На рубеже XXI в. особенно обострилось противостояние коллективного Запада с новыми лидерами цивилизационного процесса – прежде всего с Китаем и возрождающейся после распада СССР его преемницей Россией, а также другими набирающими цивилизационную мощь странами.

В этих объективных условиях закономерного развития мирового процесса открыто провозглашенной Западом целью является осуществление развала России (интерпретируемое как окончательное завершение развала Советского Союза), недопущение восстановления ею своего могущества как главной угрозы сохранению прежнего миропорядка с гегемонией США.

Соответственно, ответные действия России – это самозащита от создаваемых Западом угроз. После объединения Германии (1990 г.) и роспуска Организации Варшавского Договора (1991 г.) – военного противовеса соцстран НАТО¹ (основному военно-политическому блоку коллективного Запада) Россия 30 лет пыталась договориться с Западом о нерасширении НАТО на восток и сталкивалась с обманом, попытками давления и шантажа. В результате – военная машина НАТО вплотную приблизилась к границам России.

К сожалению, начиная с 2014 г. мир наблюдал, как страны НАТО во главе с США вкладывали деньги в милитаризацию Украины, методично осваивали ее территорию, превращая в военный плацдарм против России. За эти годы США оказали Киеву военную помощь на миллиарды долларов². Военным освоением Украины и черноморского региона Штаты и их союзники создали реальную угрозу безопасности РФ и стратегической стабильности в регионе и мире.

«23 декабря в ходе большой пресс-конференции президент России Владимир Путин заявил, что не Москва ставит ракеты у границ США. Он напомнил, что прошли уже пять волн расширения НАТО на Восток. Путин указал, что размещение элементов противоракетной обороны США вблизи российских границ вызывает беспокойство. Если эта инфраструктура появится на Украине, то подлетное время ракет до Москвы сократится до 7–10 минут. В тот же день глава российского МИДа Лавров отметил, что дальнейшее продвижение НАТО к российским границам будет расценено как пересечение "красной линии", подчеркнув, что Россия искренне хочет не допустить негативного развития событий по тем сценариям, которые рисует ряд стратегов альянса» [5].

 $^{^1}$ В настоящее время все страны, бывшие союзниками СССР по Варшавскому Договору, являются членами НАТО. В соответствии со своими экспансионистскими планами Запад стал активно втягивать в НАТО и Украину, превращая ее в «Антироссию» и плацдарм противодействия России.

² Американская военная и экономическая помощь является одним из инструментов глобального управления миром и механизмом привлечения союзников. В частности, на постсоветском пространстве приоритетным и главным получателем американской военной и экономической помощи является Украина. Только с 2000 по 2017 г. Украина получила от США военной помощи на сумму \$ 1,57 млрд. Пик военной помощи Украине со стороны США на период конфликта пришелся на 2016 год. Помимо военной, США из своего бюджета осуществляют предоставление экономической и гуманитарной помощи Украине. За 17 лет с 2000 г. она составила около \$ 2,9 млрд. Подробнее: https://eadaily.com/ru/news/2017/06/16/amerikanskaya-pomoshch-ukraine-szhimaetsya-zadacha-ee-militarizacii-ne-stavitsya

Полагаю объективно очевидным и ясным для людей анализирующих, кто является зачинщиком и действительным виновником происходящей локальной войны России с коллективным Западом на территории Украины. Ведь кто не согласится с общепризнанными историческими фактами, что столетней давности сараевский выстрел 28 июня 1914 г. сербского студента Гаврилы Принципа, обрушивший тогдашний мир в Первую мировую войну, не является ее причиной, ее детерминирующей основой? Равно как и провокационный Глейвицкий инцидент 31 августа 1939 г. остается всего лишь поводом, а не причиной Второй мировой войны.

Не будет лишним также напомнить, что локальные конфликты (войны)¹ весьма частое явление в современном мире. Они стали активно применяемым инструментарием политики Запада в продвижении своих интересов в мировом сообществе. Количество локальных войн, военных конфликтов, произошедших после Второй мировой войны, огромно. Некоторые исследователи насчитывают их до 500, имевших место в различных частях земного шара. Причины их весьма разнообразны - религиозные противостояния, территориальные споры, региональные экономические проблемы, идеологические и политические противоречия и многое другое. Локальные конфликты чрезвычайно опасны, они затрагивают интересы не только их непосредственных участников, но и тех государств, которые, находясь в стороне от конфликта, имеют экономические, дипломатические, военные, идеологические и иные тактические и стратегические интересы на данной территории. Кроме того, государство уже давно утратило монополию на ведение войны. В локальных конфликтах современности активно участвуют новые субъекты войны - псевдогосударственные и частные акторы (частные военные компании).

Несмотря на территориальную ограниченность локальной войны как «малой» войны, она, как правило, несет серьезные социально-политические последствия для государств и групп людей, которые принимают в ней участие. В военный конфликт России и Украины (точнее, в свою войну с Россией на территории нынешней Украины) Запад смог втянуть 52 страны. Ситуация осложняется тем, что война сопровождается взрывным ростом организованной преступности и развитием теневой экономики (которая подменяет собой

¹ Локальная война (от лат. Localis 'местный') – военные действия между двумя и более государствами, ограниченные по политическим целям интересами участвующих в военных (боевых) действиях между государствами, а по территории – небольшим географическим регионом, как правило, находящимся в границах одной из противоборствующих сторон. Иногда в качестве синонимов употребляются понятия ограниченная война, малая война и конфликт низкой интенсивности. В 1960 г. термин был официально применен в военной доктрине США, рассматривающей его как любой конфликт в рамках одного театра военных действий. Позже понятие локальная война появилось и в военной доктрине СССР, которая причисляла к ним военные действия между отдельными государствами или государствами и народами борющимися за независимость, а также гражданские войны. Согласно военной доктрине Российской Федерации от 2000 г., локальная война является наименьшей по масштабам современной войной [6].

легальные экономические отношения на территории, охваченной конфликтом), дезорганизацией и разрушением налаженных народами актуальных для цивилизационного процесса экономических, политических и культурных отношений. Кроме того, негативной особенностью современных локальных конфликтов является то, что в среднем около 80% убитых и раненых приходится на мирное гражданское население.

Исторический опыт показывает, что в основе практически всех международных войн и конфликтов лежат экономические (территориальные) интересы ведущих мировых государств. В настоящее время в условиях сокращения объема природных запасов и изменения климата экономически развитые державы стремятся получить доступ к энергетическим ресурсам других стран всеми методами как без применения военной силы, так и силовым способом. Таковыми, по своей сути, на рубеже XXI в. являлись развязанные коллективным Западом вооруженные конфликты на Балканах, в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Йемене, подготавливавшийся конфликт в Венесуэле¹.

Вашингтон сегодня единолично выступает заказчиком и организатором всех военных конфликтов, страны Запада продолжают позиционировать себя в качестве главных «архитекторов» системы международных отношений, а США – единственной «сверхдержавой» в мире. Это положение отражено в обновленной стратегии национальной безопасности США. Проводимый Белым домом курс на «системное сдерживание» России и Китая обусловлен именно стратегическим стремлением США любой ценой сохранить свои лидирующие геополитические и экономические позиции, не допустить становления новых центров силы.

Соответственно, происходящее в Украине раскрывает свою суть только в геополитическом контексте. «Существует не просто украинский кризис, нужно смотреть не на российско-украинские отношения и даже не на отношения в треугольнике Россия – Украина – Европа. Это гораздо более сложная модель – это великая война континентов. В начале 90-х годов, когда доминировала либеральная идея, геополитику и идею противостояния континентов осмеивали, а сегодня ни одному вменяемому аналитику не придет в голову отрицать законы геополитики. То, что сейчас происходит на Украине, – это борьба однополярного мира, воплощенного в американской гегемонии, против России, которая заключает в себе неуклонно растущую волю к построению многополярного мира. Это битва США за сохранение мировой доминации» [7, с. 9].

¹ Ситуация в Венесуэле, когда в середине января 2019 г. власти США официально объявили действующего президента Николаса Мадуро «диктатором, узурпировавшим власть» и признали лидера оппозиции президентом страны, также могла развернуться по сценарию военного переворота. Напомним, что Венесуэла располагает крупнейшими в мире запасами нефти – 300 млрд баррелей. Это больше, чем совокупные запасы России, США, Кувейта, Катара и Мексики.

На карту поставлена судьба России, победа или поражение России в битве с ее экзистенциальным врагом (атлантизмом, глобальной финансовой олигархией, Западом), судьба Русского Мира, Большой России, а Россия может быть либо великой, либо никакой. И конечно же за величие народ всегда во все века платит очень большую цену, проливая подчас целые моря крови. И за Новороссию наш народ заплатил уже огромную цену. На Донбассе, защищая Русский Мир, погибли десятки тысяч людей.

Наблюдая и переживая трагедию Украины последних лет, известный российский геополитик, философ, политолог, социолог и общественный деятель, лидер Международного Евразийского движения А. Дугин в «Геополитическом дневнике – Украина: моя война» осуществил многосторонний исторический анализ, уникальное геополитическое и политологическое осмысление основных этапов кризиса Украинского государства, дал пронзительные исторические и психологические характеристики главных действующих лиц современной драмы Украины и России. Как пламенный русский патриот-евразиец, он убедительно обосновал неизбежность воссоединения всего Русского Мира и возрождения Евразийской цивилизации, становления Новороссии как самостоятельного социально-политического образования – либо в виде независимого государства, либо как части возрождаемой Великой России.

В Посвящении всем павшим в Новороссии за Русский Мир и Великую Россию – мужчинам, женщинам, детям и старикам – А. Дугин отметил, что «кровь не напрасна, когда она пролита за пробуждение Народа к возвращению в историю» [7, с. 5].

Объективно и закономерно современный мир становится иным. Мировое сообщество качнулось от Запада. Идет активное формирование «архитектуры» бесполярного/многополярного мира. Народы концентрируют свои жизнеопределяющие интересы уже вокруг новых полюсов как центров экономической, политической, культурной и духовной силы. И Россия в этой войне цивилизаций пытается вернуть Украину, понимая, что без нее евразийская цивилизация будет неполной. Мир замер. И правильно сделал. В эти минуты определяется ход мировой истории.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Клаузевиц, К.* О войне [Электронный ресурс] / К. Клаузевиц. Режим доступа: https://mybook.ru/author/karl-fon-klauzevic/citations/. Дата доступа: 25.01.2023.
- 2. *Ильин, И. А.* Россия есть живой организм [Электронный ресурс] / И. А. Ильин. Режим доступа: https://eksmo.ru/interview/15-tsitat-iz-knig-ivana-aleksandrovicha-ilina-ID5514919/. Дата доступа: 25.01.2023.
- 3. *Ксенофонтов, В. В.* Философские взгляды И. А. Ильина на мир и войну: сущность и специфика / В. В. Ксенофонтов // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 3. С. 230–237.

- 4. *Тишевский, С.* Иван Ильин. Любимый философ Путина и война [Электронный ресурс] / С. Тишевский. Режим доступа: https:// severreal.org/a/ivan-ilin-lyubimyy-filosof-putina. Дата доступа: 25.01.2023.
- 5. МИД указал на превращение Украины в военный плацдарм НАТО против России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://iz.ru/1269044/2021-12-24/. Дата доступа: 25.01.2023.
- 6. Локальная война [Электронный ресурс] : интернет-энциклопедия «Википедия». Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki. Дата доступа: 25.01.2023.
- 7. *Дугин, А. Г.* Украина: моя война. Геополитический дневник / А. Г. Дугин. М. : Центрполиграф, 2015. 47 с.

Поступила в редакцию 30.01.2023

Завадская Елена Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации

Ружицкая Валерия Юрьевна

магистр филологических наук преподаватель кафедры теории и практики английской речи Минский государственный лингвистический университет
Мински Болоруа

Минск, Беларусь eazavadskaya@gmail.com

Минский государственный лингвистический

университет Минск, Беларусь

lera.ruzhitskaya@gmail.com

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ТРАНСГУМАНИЗМА, ПРОДВИГАЕМЫЕ ПРОДУКЦИЕЙ КИНОСТУДИИ MARVEL

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии, используемые для продвижения идей трансгуманизма посредством кинематографа. Выделяются четыре коммуникативные стратегии: коммуникативная стратегия, облегчающая физические страдания; коммуникативная стратегия, улучшающая физические характеристики; коммуникативная стратегия, продлевающая жизнь; коммуникативная стратегия, создающая нового человека. На примере продукции киностудии Marvel анализируется их воплощение через основных персонажей киновселенной. Описываются результаты анкетирования по восприятию трансгуманистических идей среди белорусской молодежи (2 фокус-группы).

Ключевые слова: коммуникативная стратегия; трансгуманизм; этическая концепция; коммуникативная стратегия, облегчающая физические страдания; коммуникативная стратегия, улучшающая физические характеристики; коммуникативная стратегия, продлевающая жизнь; коммуникативная стратегия, создающая нового человека; фокус-группа.

На сегодняшний день в лингвистике существует большое количество определений коммуникативной стратегии, которые можно разделить на группы в соответствии с когнитивным, прагматическим, психологическим подходами. Однако наиболее целесообразным представляется рассматривать данное явление как сложный лингвистический феномен, возникший в результате взаимодействия вышеперечисленных подходов. Коммуникативная стратегия определяет коммуникативное поведение адресанта и реализуется посредством совокупности речевых ходов (тактик), репрезентируемых комплексом вербальных и невербальных средств [1, с. 201].

В связи с этим в лингвистике наблюдается также столкновение терминов коммуникативная стратегия и речевая стратегия. Часть лингвистов предлагают считать их синонимичными и никаким образом не разграничивать, однако остальные, вслед за Т. А. ван Дейком, полагают, что понятие коммуникативной стратегии является первичным, более общим, так как включает в себя не только вербальные, но и невербальные приемы. Так, исследователь выделяет паралингвистический уровень, куда входят жесты, мимика, кинесика,

любой физический контакт собеседников. В то же время речевая стратегия подразумевает совокупность исключительно словесных приемов и средств, выраженных формально [2].

В целом, коммуникативные стратегии, представляя собой комплекс вербальных и невербальных действий, предназначенных для решения конкретной коммуникативной задачи, реализуются посредством ряда коммуникативных тактик.

Немецкий социолог Н. Луман в своих исследованиях рассматривает коммуникативные стратегии в кино и видеопроизводстве и утверждает, что в современном обществе в сфере кинематографа происходит создание реальности, которая дублирует подлинную реальность, а также наблюдается тенденция к замещению непосредственного, всегда чреватого неизвестностью опыта восприятия «медийными» формами выстраивания или достраивания картины мира [3].

Настоящее исследование описывает коммуникативные стратегии трансгуманизма на примере продукции киностудии Marvel.

Следует понимать, что понятие трансгуманизма изменяется с развитием науки и техники, уточняется исследователями в различных областях человеческих знаний.

Исходя из этого, мы определяем *трансгуманизм* как устремленную в будущее этическую концепцию, декларирующую перспективу и необходимость продолжения эволюции человека, направленную на преодоление естественных телесных ограничений человеческого вида и управляемую самим человеком с помощью внедрения результатов научно-технологической области знаний, а также связанное с этой концепцией интеллектуальное общественное движение.

В процессе изучения концепции трансгуманизма следует иметь в виду, что практическая репрезентация ее идей все еще не находит отражение в реальности в полном объеме, а лишь описывается в идеях и утверждениях ученых о будущем человечества в различных сферах жизни, базируясь на уже имеющихся открытиях и достижениях в научно-технической сфере.

На современном этапе можно выделить 4 коммуникативные стратегии, репрезентирующие трансгуманистические идеи:

- 1. Коммуникативная стратегия трансгуманизма, облегчающая физические страдания. Она заключается в реализации главной цели трансгуманизма на современном этапе, а именно уменьшение боли, с помощью медицинских препаратов, предназначенных для подавления и устранения физической и эмоциональной боли, а также тревоги и страха.
- 2. Коммуникативная стратегия трансгуманизма, улучшающая физические характеристики. Ее суть состоит в установлении имплантов, экзоскелетов и бионических протезов по медицинским показаниям и/или по собственному желанию.

- 3. Коммуникативная стратегия трансгуманизма, продлевающая жизнь, реализуется в идеях биохакинга, оцифровки воспоминаний и создании цифровой копии человека, развитии крионики.
- 4. Коммуникативная стратегия трансгуманизма, создающая нового человека, заключается в переходе из человека в постчеловека на различных социальных уровнях.

Продвижение данных коммуникативных стратегий трансгуманизма представлено в основном продукте киностудии Marvel как одном из способов распространения трансгуманистических идей на современом этапе. Подобный способ предоставляет возможность формирования эстетического компонента концепции трансгуманизма у большого количества людей, что, в свою очередь увеличивает количество последователей данной концепции.

Киностудия Marvel представляет собой американскую кино- и телекомпанию, которая является частью The Walt Disney Company. Основным продуктом киностудии является производство фильмов кинематографической вселенной Marvel, основанных на персонажах, которые появляются в публикациях комиксов Marvel [4].

Под фильмами киновселенной Marvel следует понимать серию фильмов о супергероях, прототипы которых появляются в комиксах Marvel. Согласно замыслу данной вселенной, все персонажи и события фильмов самостоятельны, при этом связаны между собой, так как находятся в одной реальности, являющейся отражением существующей реальности. Производство фильмов началось в 2007 года. С момента своего создания киностудия выпустила 28 фильмов, при этом она находится в состоянии производства новых фильмов. Следует отметить, что данная кинематографическая вселенная является самой кассовой за все время существования кинематографа, собрав в мировом прокате более 26 млрд долларов [5].

Большая часть персонажей киновселенной Marvel была придумана с 1960 по 2000 г. в период популярности научно-фантастического жанра в литературе и кинематографе, вызванного развитием научно-технического прогресса, его становлением и совершенствованием, а также проникновением идей трансгуманизма в сознание общества.

Киностудия Marvel чутко реагирует на происходящие изменения в обществе, что находит отражение в героизации персонажей женского пола (влияние феминистического движения) и представителей угнетенных меньшинств, в качестве компенсации за то, что такие люди не являются включенными в существующее общество. Таким образом, продукция Marvel транслирует основную идею трансгуманизма о принятии людей и постлюдей, чье физиологическое или ментальное состояние является отличным от нормы, принятой в обществе, как равных в правах и возможностях функционирования в обществе.

Все фильмы отражают действия альтернативной реальности на прототипе существующей, отсылая к адаптивным действиям, которые имели место в реальном мире. Главное отличие от существующей реальности заключается в степени развития технологий и их представления. Таким образом, зрителю предлагают взглянуть на общество при следующем уровне развития технологий, который будет представлен в ближайшем будущем, на то, какие проблемы будут волновать социум и на их пути решения. Структурно киновселенная разделена на фазы, в которых персонажи представлены по мере развития сюжета.

Для реализации коммуникативных стратегий, направленных на основные трансгуманистические идеи, создаются и используются различные персонажи.

Так, например, коммуникативная стратегия трансгуманизма, создающая нового человека представлена всеми персонажами, обладающими сверхспособностями в силу разных обстоятельств. К ним относятся Железный Человек, Человек Паук, Капитан Америка, Черная Вдова, Халк, Ванда Максимофф, Доктор Стрендж и др.

На примере персонажа Человека Паука (Питера Паркера), который будучи подростком подвергся укусу радиоактивного паука, вследствие чего приобрел суперспособности передвижения по стенам и прыгучести, можно проследить развитие персонажа из одинокого подростка во взрослого парня, который включен в общество: поступление в университет, формирование романтических и дружеских отношений, реализация мечты и профессиональная деятельность. Постоянное изучение и улучшение суперспособностей, а также взаимодействие с другими супергероями позволяет персонажу раскрываться с разных сторон, показывая разные аспекты личной жизни, которые влияют на формирование конгруэнтного имиджа персонажа.

Данный персонаж смог выжить и жить, принять себя как новую личность, а также совершить переход из состояния «человек» в состояние «постчеловек» без возможности вернуться обратно. При этом он является практическим отражением идеи трансгуманизма о принятии людей, отличных от нормы, устоявшейся в обществе.

Также коммуникативная стратегия создания нового человека продвигает создание киборга, т.е. человека неестественного происхождения в виде персонажа Вижн. Данный персонаж является синтетическим существом, который состоит из вибраниума, представлен в виде человека мужского пола, при этом его ментальная часть создана на основе разработки искусственного интеллекта Железным Человеком и Халком и активирована богом молний Тором.

Коммуникативная стратегия трансгуманизма, облегчающая физические страдания, заключается в персонаже Железного Человека. Персонаж реали-

зует данную стратегию в определенный период согласно развитию сюжета. Он смог выжить и жить с прототипом атомного реактора в груди, что послужило причиной создания модифицированного экзоскелета. Благодаря доступу к технологиям, Тони Старк (Железный Человек) смог усовершенствовать реактор для электромагнита в груди, чтобы использовать его в качестве источника питания для своего вооруженного костюма, то есть костюма-брони.

Следует отметить, что данная коммуникативная стратегия не реализуется в киновселенной большим количеством персонажей, так как качество жизни и уровень используемых технологий подразумевает отсутствие проблемы физических страданий в этой реальности, что представляет практическую реализацию концепции трансгуманизма.

К персонажам, реализующим коммуникативную стратегию, улучшающую физические характеристики, относятся все персонажи, использующие достижения научно-технического прогресса в своей деятельности, например Железный Человек, Человек Паук, Воитель, Сокол, Человек-Муравей и др.

Человек-муравей для осуществления своей деятельности использует костюм, который позволяет ему уменьшаться в размерах, а также усиливает его физические способности.

Сокол является ветераном военно-воздушных сил США, который летает с помощью реактивного ранца с сочлененными крыльями.

Воитель является генералом в Корпусе морской пехоты США. Он использует для осуществления своей деятельности костюм-броню, который является модифицированным экзоскелетом и обеспечивает суперсилу, физическую защиту, возможность летать, поднимать грузы до 90 тонн. В костюм также входит вооружение, питаемое реактором, способным излучать различные виды световой энергии, а шлем костюма служит устройством связи, оборудованием для сканирования и записывающим устройством, а также оснащен искусственным интеллектом, созданным Железным Человеком.

Коммуникативная стратегия, продлевающая жизнь, является самой разнообразно представленной в киновселенной Marvel. Она реализуется через пропаганду различных форм биохакинга:

1. Результат эксперимента с препаратами представлен персонажем Капитана Америки.

Капитан Америка – целенаправленно созданный патриотический персонаж, суперсолдат времен Второй мировой войны. Он не обладал никакими выдающимися талантами, был рядовым солдатом, который участвовал в эксперименте. В результате успешного испытания сыворотки суперсолдата герой приобрел суперсилу, выносливость и атлетизм, благодаря которым героически сражался с нацистами. Данный персонаж до сих пор считается самым сильным среди людей, сражающемся с богами, инопланетными существа-

ми и андроидами. Персонаж Капитана Америки олицетворяет патриотизм и верность, так как всегда носит форму, следует приказам и обладает моралью в сравнении с другими персонажами.

2. Результат физических тренировок представлен персонажем Черной Вдовы.

Черная Вдова – шпионка русского происхождения, которая получила свои способности в результате засекреченного военного эксперимента. С детства воспитывалась в секретной академии КГБ, которая включала в себя балетную школу под прикрытием. Подверглась стерилизации и обучению, вследствие чего стала первоклассной убийцей. Обладает усиленной иммунной системой, совершенной физической подготовкой, интеллектом, боевыми навыками и замедленным старением.

3. Результат генетических мутаций представлен персонажами Халка и Человека Паука.

Халк – персонаж обладает невероятной силой, которая увеличивается за счет чувства гнева. Ученый Брюс Беннер (Халк в состоянии покоя) – специалист в области биологии, химии, инженерии, ядерной физики, проводя эксперимент с гамма-излучениями, получил массивную дозу радиации. В результате эксперимент был признан неудачным, а Брюс Беннер при пульсе в 200 ударов в секунду или в экстренных ситуациях превращается в большое мускулистое существо с зеленой кожей. В таком состоянии обладает сверхчеловеческой силой и живучестью. Со временем Брюс Беннер научился контролировать приступы гнева и агрессии для трансформации в Халка, используя их при необходимости. Будучи в спокойном состоянии использует свои интеллектуальные способности для блага общества, развивая генную инженерию.

4. Результат медитаций и духовных практик представлены персонажами Доктора Стренджа и Ванды Максимофф.

Доктор Стрендж – в прошлом блестящий хирург, который в результате автокатастрофы не смог продолжать свою деятельность. В поисках исцеления начал изучать различные магические и боевые практики. Открыл для себя магию и стал Мастером магических искусств, использует свои суперспособности для защиты человечества. Данный персонаж был разработан с целью раскрытия темы магии и введения новых магических персонажей.

Ванда Максимофф – персонаж представлен женщиной, обладающей телекинезом и манипулированием энергией, участвует в преступных экспериментах, благодаря которым усиливает свои магические суперспособности.

Следует отметить, что данная стратегия может быть реализована с помощью персонажей божественного происхождения, олицетворяющих людей. Например, Тор – персонаж, который является богом грома, основан на скандинавской мифологии.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что киновселенная Marvel обращает особое внимание на продвижение трансгуманистических идей посредством коммуникативной стратегий, продлевающей жизнь.

Также следует отметить, что персонажи могут реализовывать несколько коммуникативных стратегий в разные периоды их появления во вселенной, тем самым доказывая, что интерференция технологической, медицинской, интеллектуальной и социальной сфер происходит не только в реальной жизни, но и в персонажах вселенной Marvel.

Чтобы узнать мнение белорусов о персонажах киновселенной Marvel, отражающих и продвигающих идеи трансгуманизма, были разработаны 2 анкеты – «Популярность персонажей киновселенной Marvel» и «Элементы трансгуманизма, используемые в настоящее время».

В анкетировании приняли участи 70 человек, которые были разделены на 2 фокус-группы. К первой группе относятся представители белорусской молодежи в возрасте 18–20 лет, получающие высшее образование, ко второй – в возрасте 22–25, получившие высшее образование.

Результаты анкетирования 1-й фокус-группы позволили сделать следующие выводы.

По анкете «Популярность персонажей киновселенной Marvel»:

- 1. Респонденты предпочитают персонажей второй и третьей фаз фильмов киновселенной Marvel, которые представляют людей и андроидов, обладающих магическими способностями, при этом данные представители включены в гражданское общество.
- 2. Молодое поколение не приемлет кровожадность, не готово к встрече с инопланетными существами, отвергает грубую нативную рекламу. Также отметим, что незначительная часть (11 %) молодежи положительно принимает все трансгуманистические разработки киновселенной Marvel.
- 3. Респоденты данной фокус-группы не приемлят чрезмерную веру в собственную правоту, контроль над другим человеком, не обладающим сверх-способностями, безответственное их применение. Также незначительное количество респондентов (13%) не испытывают никаких опасений, связанных с распространением идей трансгуманизма.
- 4. Наиболее важным для респондентов является наличие суперспособностей, которые позволяют почувствовать себя сказочным героем (суперсилы, перемещение в пространстве, магия).

По анкете «Элементы трансгуманизма, используемые в настоящее время» можно заключить следующее:

1. К традиционным способам улучшения человеческого организма (деятельность протезистов, ортопедов, глазопротезистов и др.) по медицинским показаниям респонденты в возрасте 18–25 лет относятся положительно.

- 2. Респонденты положительно относятся к улучшению человеческого тела без медицинских показаний. Можно предположить, что такой результат связан с результатом вмешательств, транслируемых в СМИ (феномен удачности результата вмешательства).
- 3. Мнения респондентов в вопросе изменения биологического пола несовершеннолетними разделились: отрицательно данный феномен воспринимают 52,6 %; 15,8 % не имеют на этот счет сформированного мнения, а 31,6 % относятся к такой идеи нейтрально (возможно, самоутверждаясь или находясь под влиянием глобальной толерантности).

Результаты анкетирования 2-й фокус-группы позволяют сделать следующие выводы.

По анкете «Популярность персонажей киновселенной Marvel»:

- 1. Респонденты отдают предпочтение персонажам, которые олицетворяют и являются людьми, обладающими выдающимися интеллектуальными способностями, физической подготовкой и обладающие денежными средствами, отражают идею трансгуманизма о возможности внедрения результатов научно-технической области знания в связи с жизненной необходимостью, а также принятие этих людей в общество на равных.
- 2. Люди постарше считают, что владение суперспособностями в первую очередь полезно лично обладателю: самозащита, познание себя и, на последнем месте, самопожертвование (смерть на пользу человечеству) и защита более слабых (мужество и решительность). Также необходимо отметить, что определенное количество респондентов (6%) считают, что жизнь ценна, потому что конечна, а также не поддерживают идею контроля над сознанием других людей.
- 3. Наиболее важным для респондентов является возможность обладать сверхинтеллектом и суперспособностями для реализации своих целей, а потом использовать их для решения насущных проблем человечества.

По анкете «Элементы трансгуманизма, используемые в настоящее время»:

- 1. К традиционным способам улучшения человеческого организма (деятельность протезистов, ортопедов, глазопротезистов и др.) по медицинским показаниям респонденты относятся положительно, как и респонденты первой фокус-группы.
- 2. Мнения респондентов по улучшению человеческого тела без медицинских показаний разделились: отрицательно (37%) и нейтрально (63%). Можно предположить, что данные показатели связаны скорее с результатами вмешательств, транслируемых в СМИ (феномен неудачности результата вмешательства).

3. Вопрос об изменении биологического пола несовершеннолетними подтверждает зрелость белорусской молодежи: респонденты, осознавая последствия такого вмешательства, воспринимают его негативно (100 %).

Таким образом, можно заключить, что коммуникативные стратегии трансгуманизма продвигаются кинематографом достаточно успешно. Популярность и привлекательность продукции киностудии Marvel облегчает принятие идей трансгуманизма для каждого последующего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Гавра, Д. П.* Основы теории коммуникации: стандарт третьего поколения : учеб. пособие / Д. П. Гавра. СПб. : Питер, 2011. 288 с.
- 2. *Дейк, Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петрова ; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М. : Прогресс, 1989. 310 с.
- 3. *Луман, Н.* Реальность масс-медиа / Н. Луман ; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2005. 256 с.
- 4. Movies MCU [Electronic resource]: Marvel, movies. Mode of access: https://www.marvel.com/movies. Date of access: 25.05.2022.
- 5. Unkind unwind [Electronic resource] / The Economist. Mode of access: https://www.economist.com/briefing/2011/03/17/unkind-unwind. Date of access: 10.04.2022.

Поступила в редакцию 03.10.2022

Майборода Дмитрий Владимирович кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и социальных наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь diim8avgust@gmail.com

РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ

Религиозная философия (в авраамической традиции) утверждает сутью общения связь человека с Богом, на этой основе формируется подлинное сообщество в противовес греховной разобщенной нерелигиозной массе. Религиозное общение трактуется как вертикальное (вышестоящие представляют Бога, осуществляют функцию руководства и олицетворяя дух благословения, а нижестоящие воплощают стремление к Богу, функцию подчинения и дух благодарности), распространена идея соглашения Бога с людьми. Религиозное отношение считается скрытым, требующим усилий для постижения и включения в него. Язык религии описывается как центрированный вокруг священных имен и формул, что задает возможность выражения в нем божественного послания и человеческой благодарности.

Ключевые слова: *религиозная философия*; *диалог с Богом*; *религиозное общение*; *религиозная общность*; *язык религии*.

В эпоху Просвещения и после него принято воспринимать религиозную философию лишь как некоторый анахронизм, спорадические проявления которого свидетельствуют о реакции на отрицательные стороны современного цивилизационного процесса. Однако в конце XX и начале XXI в. религиозное возрождение во многих странах стало приобретать столь большое значение, что концепция «Нового Средневековья» перестала восприниматься как просто экзотическая фантазия. Кроме того, стало понятным, что религиозная составляющая способствует устойчивости развития даже ряда обществ, которые являются символами секуляризации (ярчайшим примером тут выступает общество США, которое, с одной стороны, имеет реноме крайне агностического и даже атеистического, а с другой - по социологическим данным в большинстве своем предстает как общество религиозное, хоть и не монолитное и с выраженной секуляризацией, которая, однако, не достигает значений, свойственных ряду обществ, характеризуемых обратной тенденцией). В силу этого при рассмотрении современной ситуации с аналитикой общения и языка (культуры вообще) важно учитывать также и точку зрения религиозной философии.

Это исследование проводится в русле осмысления языка и коммуникации, а потому религиозно-философский подход анализируется тут как некоторый общий тип взглядов на эти предметы. Ясно, что конкретные исторические и современные концепции религиозной философии часто содержат

важные прояснения и вариации этого общего типа, однако в данном случае их рассмотрение не является самоцелью, как это имело бы место в историко-философском исследовании.

В то же время общий тип не может быть совершенно абстрагирован от конкретных подвидов, а поскольку то, что может называться «религиозной философией» часто сильно отличается в конкретных случаях, то важно выбрать общий ориентир анализа. Такой ориентир тут задают философские концепции, развитые в контексте авраамических религий (так называемых «религий Писания» – иудаизма, христианства и ислама) как в силу их распространенности и влиятельности, так и в силу культурной ангажированности самого данного исследования.

Упоминание индуизма, буддизма, зороастризма или других религиозных школ Востока в связи со сказанным может быть обосновано либо тем, что некоторые особенности религиозно-философской интерпретации языка и культуры проявляются в них ярче, либо обнаружением в них альтернативы, указывающей на поле характеристик интересующих нас тем вообще. Несомненно, сравнительное религиоведение может гораздо глубже прояснить сходства и различия в трактовках культуры и общения разных религиозных школ, но такое прояснение выходит за пределы задач настоящего исследования.

Следует также учитывать, что согласно религиозной философии, «Ни наука психология, ни какая-либо другая наука не в состоянии исследовать истинностное содержание веры в Бога» [1, с. 420]. Постичь веру можно только изнутри и весьма условно и ограниченно выразить это в религиозной философии, тогда как научный взгляд тут полностью искажает исследуемый предмет, подобно тому, как наличие детектора в двухщелевом опыте приводит к коллапсу волновой функции материи.

Религиозная философия в целом видит сущность всего происходящего в диалоге человека с Богом. Это может ассоциироваться с этимологией имени религия, поскольку оно в латинском языке восходит к глаголу связывать (ligare) с приставкой вновь (re-), то есть религия – восстановление утраченной ранее связи Бога с человеком. Это особенно важно для христианства, в котором декларируется, что Бог есть любовь (духовная – агапе, caritas), а следовательно – воссоздание изначальной связи с Богом само и является проявлением Бога. Тенденция видеть в Боге исток связи человека с Богом проявляется также в иудаизме и исламе.

Чрезмерно доверять этой этимологии не стоит, поскольку religare как целостная лексическая единица имеет значение 'привязывать' или 'обязывать', что скорее следует трактовать в значении принадлежности к некоторому сообществу верующих. Однако в религиозной философии оба этих смысла часто сочетаются, более конкретно – в форме идеи, что единство общества верующих обретается через возобновление связи с Богом, а связь с Богом подразумевает единение верующих.

Это представление выражается прежде всего в идее необходимости собрания для молитвы и богослужения. Например, в иудаизме это ярко проявляется в норме миньяна (необходимости для богослужения не менее, чем десяти евреев-мужчин старше 13 лет и 1 дня), в христианстве – в проповеди Иисуса Христа, что «где двое или трое собраны во имя Моё, там Я посреди них» (Мф 18:20)»), в исламе – в долге участия в «соборной молитве» («джума-намаз»). Это же представление – основа представления об избранном обществе как единстве верующих, состоящих в особом отношении к Богу (например, в христианстве так представляется церковь как единство верующих и клира, а в иудаизме избранное общество имеет выраженный этнический характер).

Формируемое для связи с Богом и связью с Богом сообщество считается в религиозной философии подлинным объединителем всех прочих социальных форм, которые вне этого объединения либо распадаются, либо соединяются репрессивно (а потому ложно и с негативными последствиями) какой-то светской идеей или конкретной личностью. Приобщение к религиозному обществу одухотворяет всякую другую группу, – художников, ученых, философов, рабочих, крестьян, и даже политиков и военных. Нередко в религиях такое причастие вообще считается необходимым, – нельзя просто так избегать участия в религиозных встречах и при этом оставаться полноценным членом избранного общества.

Выразительную модель противостояния истинной и ложной солидарности демонстрирует христианская концепция взаимоотношения церкви как «града Божьего» и государства и светского общества как «града земного». «Град Божий» – сообщество праведников, пророков и святых, взаимосвязанных отношениями с Богом, тогда как «град земной» – сообщество, создаваемое греховными устремлениями (похотью, гневом, жадностью и пр.), любовью к себе, противопоставляющей людей Богу и духовно разобщающей людей.

«Град Божий» не совпадает с исторически конкретным религиозным сообществом, поскольку в последнее проникают замаскированные грешники. В «граде земном» же могут декларироваться религиозные ценности, но это все равно ведет к дурным последствиям. Это хорошо показывает история Каина, которого Августин считал родоначальником «града земного». Каин убил своего брата, огорчившись, что Бог принял дары Авеля, но не Каина. Это огорчение – проявление гордыни и зависти Каина, а не его декларированной жертвоприношением открытости Богу. «Град Божий», восходящий к Авелю, находится под постоянными ударами «града земного», но в конечном счете по воле Бога победит, собрав праведников для «Царствия Божьего».

Существует также представление о том, что отношение к Богу объединяет все человечество. Это в религиях Писания обосновывается тем, что *Адам* переводится с древнееврейского как *человек*, и в Адаме как первоначале соединяется все человечество. Отдельный человек – только часть целокуп-

ного человека, человеческого рода. Каждый человек тем самым ответственен за всех людей, в том числе и за тех, кто отпадает от Бога и религиозного сообщества. В ряде случаев под влиянием этого представления и спасение трактуется как коллективное, охватывающее если не всех людей в целом, то, по крайней мере, некоторые сообщества.

Коллективистская трактовка доминировала и во многом остается сегодня превалирующей во всех религиях Писания. Однако есть иная традиция, проявлявшая себя и ранее, но достигшая большого распространения под влиянием протестантизма. В ней отношение человека с Богом индивидуально и непосредственно, что подразумевает и индивидуальное спасение. Каждый человек отвечает перед Богом сам, что не отрицает возможности помогать друг другу в духовном самосовершенствовании. В этой концепции священник – только помощник и учитель в таком общении, но не необходимый посредник.

В католичестве и православии, а также отчасти в исламе и иудаизме посредничество священников или праведников считается необходимым, что обосновывается особым характером отношений с Богом. Так, для общения с Богом необходима телесная и духовная чистота, что требует постоянных практик самосовершенствования, для которых у большинства людей не хватает времени, сил и образования. В этом – смысл религиозной специализации, выделения особой группы людей (священников, праведников или монашеских общин), отличающихся более глубоким погружением в религиозные практики.

И в индивидуалистской, и в коллективистской традиции общение между людьми – забота тех, кто ближе к Богу, о тех, кто отдалился от Бога. Ближайшими к Богу предстают патриархи, пророки, святые и священники, а потому они – наилучшие помощники в духовном совершенствовании. Но даже среди простых людей кто-то всегда ближе Богу, и на него потому следует равняться. В коллективистских традициях постулируется, что праведники и священники – необходимые представители человеческого общества для Бога и Бога – для сообщества. В отношении людей они часто уподобляются пастухам, а в отношении Бога – заступникам. В этом – проявление представления о том, что сущностные отношения в мире иерархичны.

Отношения Бога и человека, клира и верующих, а также между людьми в клире и среди верующих – преимущественно вертикальные. Даже среди двух священников равного ранга или двух мирян равного статуса один считается все же более близким Богу, чем другой. Эта близость может быть функциональной и даже ритуально организованной как чередование (например, когда христианские священники исповедуются друг другу, чередуя роли исповедника и кающегося). Вообще в ряде случаев иерархия священников – сложная многоуровневая система (вероятно, самые непростые встречаются в католичестве и православии).

В общем эта вертикаль общения в религиозной философии проясняется через аналогию отношения отца и ребенка в патриархальной семье, а в ряде случаев – через метафоры связей господина и раба, начальника и подчиненного, императора и подданного, кредитора и должника, пастыря и стада, и пр. Нередко при этом постулируется, что это – не просто аналогии или метафоры, но разные проявления единой структуры всего мира, имеющей место и в животном царстве («Лев – царь саванны»), и в микромире («Ядро атома подчиняет себе электроны»), и в космических масштабах («Солнце руководит Солнечной системой»). Весь мир – иерархия, пронизанная подобиями.

Такое кредо ярко проявилось еще в религиозных взглядах древности. Особенно выразительно это предстало в Древнем Китае, где конфуцианство и даосизм декларировали, что доминирование Неба над землей и поднебесной, императора – над народом и государством, отца – над женой и детьми, начальника – над подчиненными, учителя – над учениками и пр., – это воплощение общей гармонии, универсального принципа отношения между светлым началом («ян») и темным («инь»). В западных же религиях универсальность отношений иерархии обосновывается тем, что все они воспроизводят отношение Творца к сотворенному миру.

Иерархичность мира подразумевает асимметрию действий. В самом общем смысле отношение сверху проявляется в функциях руководства и попечения, а снизу – подчинения и благодарности. Руководство и попечение выражается более конкретно в приказаниях и установлении закона, испытании, наказаниях и поощрениях. Функции отношения снизу подразумевают исполнительность и внимательность, преданность и осознание своих ошибок, а также инициативность, воспевание и материальное обеспечении.

Религиозному общению свойственны в большей мере духовные проявления этих функций. Религиозные отношения сверху выражаются в откровении и поучениях, направлении (в том числе заповедями) и осуждении, благословении и даровании духовных благ (например, в христианстве – это дары пророчества, исцеления, управления, владения иностранными языками и пр.). Нижестоящие участвуют в религиозном отношении свидетельствами своей веры и упражнениями (аскезой, постом), раскаянием в своих грехах (исповедь), подвижничеством (паломничество, священная война против неверных, миссионерство и пр.). Поскольку нижестоящим свойственны большая эмоциональность и связь с материальным, то, как считается, именно это они и должны аккумулировать в религиозное отношение (в виде чувства глубокой благодарности и материальных даров).

Связь между Богом и людьми нередко мыслится в религиозной философии в виде особого договора («Завета»), предписывающего людям соблюдение особых законов (заповедей, «Закона божьего»). Известные десять заповедей (почитание только Бога, запрет изображения и напрасного произнесения

имени Бога, почитание субботы и родителей, воспрещение убийства, прелюбодеяния, воровства, лжесвидетельства на ближнего и зависти (Исх. 20: 2 – 17; Втор. 5: 6 – 21)) принимаются в том или ином виде во всех религиях Писания, но различным образом проясняются, дополняются и трансформируются.

Так, например, в иудаизме общее число доводится до 613 заповедей, в христианстве же их суть сводится всего к двум заповедям – «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию, и всем разумением твоим» и «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Мф. 22: 37 – 40) (правда, следует упомянуть, что выделяются также 9 так называемых «заповедей блаженства»). В исламе же считается, что суть заповедей – в пяти «столпах» веры (свидетельстве веры, молитве, посте, милостыне и паломничестве). Отметим тут, что в иудаизме и исламе превалирует представление, что основной мотивацией для выполнения религиозных предписаний выступает осознание долга перед Богом, тогда как в христианстве – любовь к Богу.

Несмотря на то, что Бог считается постоянно открывающимся людям в предписаниях, знамениях и чудесах, все же в религиозной философии считается, что отношение к Богу в значительной степени скрыто от несведущего взгляда. Сам человек далеко не всегда способен понять, как этот диалог осуществляется, – тот, кто считает, что его ведет рука Бога, может внезапно понять, что является лишь игрушкой в руках могущественного злого духа, а тот, кто думает, что Бог его покинул, может в действительности пребывать ближе всего к Богу. Многие люди считают себя совершенно свободными от отношения к Богу, в частности, обосновывая это аргументами «Бога нет» или «Бог не обратился еще ко мне, поэтому я никак с Ним не связан», однако в религиозной философии утверждается, что такие люди просто отворачиваются от Бога, что обречено на неудачу, поскольку Бог сотворил каждого человека, определяет его судьбу и будет судить его в конце времен.

Открытие неявного диалога с Богом для человека совпадает с включением в него и требует предварительных усилий, прежде всего очищения, поста и молитвы. Грехи, напротив, ослепляют людей и отвращают их от Бога. Поскольку в религиозной философии считается, что базовая греховность – в самом существе человека (результат грехопадения первых людей), то склонность избегать религиозного отношения для людей практически естественна и может быть преодолена она лишь духовным просвещением, то есть наставничеством религиозных авторитетов.

В коллективистских религиях то, что Бог открывается не напрямую, а через праведников и пророков, святых и священников, объясняется несовершенством большинства людей и божественной милостью (считается, что для неподготовленного человека такое открытие чревато гибелью). Отчасти

это утверждается даже в индивидуалистических трактовках: Бог открывает себя человеку первоначально через других людей, и лишь тот, кто укрепился в вере, способен самостоятельно общаться с Богом.

Праведники и пророки, святые и священники считаются в религиозной философии представителями Бога, а значит – основной импульс обнаружения этого скрытого диалога Бога и человека исходит от Бога. Волей Бога его отношение к человеку и людям может проявляться одномоментно (как чудо) или как последовательность (как некоторый духовный путь), но фактически это отношение подспудно есть всегда.

Вся религия в ее подлинности – система откровения Бога человеку с точки зрения религиозной философии. В исторической конкретике же религия включает в себя массу нерелигиозного (того, что, по сути, безразлично для отношения человека к Богу) и даже антирелигиозного (того, что отвращает людей от Бога), тогда как внерелигиозные феномены и формы зачастую содержат в себе сущностно религиозное (то есть то, что открывает человека отношению к Богу). Например, как считается в религиозной философии, бывает, что Бог открывается конкретному человеку явно через какое-то произведение искусства или через научное открытие. Иными словами, в религиозной философии считается, что исторически конкретная религия содержит в себе проявления подлинной религии, но не совпадает с ней, а подспудно эта действительная религия присутствует в тех сферах человеческой жизни, которые кажутся далекими от религии.

Это же касается и открытия Бога посредством праведников и пророков, святых и священников. Среди них есть лишь слывущие таковыми, а среди тех, кто вовсе не почитается таким, можно обнаружить настоящего представителя Бога. Иисусу приписывается даже конкретный критерий идентификации лжепророков – «по плодам их узнаете их» (Мф. 7:16). Кроме того, нужно учитывать, что иногда и «божии люди» могут отвращать от Бога, а слова простеца или даже человека, противостоящего Богу, могут чудесным образом обращать к истине (отчасти это подразумевается в «Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу» (Пс. 8:3)).

Религиозная философия утверждает, что истинное общение, основанное на духовном единстве, противостоит духовно опасным связям, инициированным греховными желаниями. Максимально негативным статусом наделяются убийство и насилие, обман и кража, сексуальная распущенность и неблагодарность к родителям. Все эти действия – разные проявления не только разрыва духовной связи с другими людьми, но и отстранения от Бога. Их причиной служат греховные стремления, в корне которых – необузданные животные стремления (в христианстве они отдельно осуждаются как гнев, алчность и зависть, похоть и пр.). Подлинное обуздание этих стремлений требует их одухотворения, переориентации на религиозные отношения (например, так ревнивец становится ревнителем веры, гнев превращается в настойчивость борьбы с грехами, а похоть – в радость духовного родства).

В религиозной философии считается, что истинное общение противостоит также и формальной светской коммуникации. «Мы должны сравнивать свою болтовню с возвышенным языком», пишет Ойген Розеншток-Хюсси, а критерием понимания является то, что возвышенный язык задается Писанием [2, с. 5]. Духовная пустота формального общения – благоприятная почва для разрастания в нем греховных стремлений, а следовательно, и перерастания в духовно опасные связи. А потому даже самая простая передача информации должна основываться на осознании глубинной связи с Богом и на объединении в религиозное сообщество.

Существенной частью такого осознания с точки зрения религиозной философии считается способность обнаруживать во всем происходящем послание Бога человеку и умение вкладывать в каждые свои слово и действие ответ на это божественное послание. Способность обнаружения в происходящем послания Бога базируется на таланте к небуквальному пониманию явлений, развиваемому в том числе посредством аллегорического толкования священных текстов. В свете этой способности весь мир предстает системой символов, постижение которых постоянно углубляется с совершенствованием религиозного опыта. Эта способность определяет и возможность задавать особое символическое значение направленности на религиозные отношения своим собственным словам и действиям, а также при необходимости объяснять это другим людям.

Вышеупомянутая способность обнаруживать диалог с Богом во всем происходящем и включаться в него считается в религиозной философии основой истинной религиозной культуры и традиции. В свою очередь религиозная культура представляется квинтэссенцией всякой действительной культуры вообще (то есть подлинного искусства, науки и философии).

Однако в религиозной культуре нередко обнаруживаются элементы, которые фальсифицируют ее, а потому требуется постоянное очищение религиозной культуры от инородных элементов. В наибольшей мере это касается элементов мифологии, среди которых есть как те, которые считаются недопустимыми (поскольку содержат в себе неверную трактовку религиозных догматов), так и те, которые признаются относительно допустимыми (образы, считающиеся в некоторых условиях полезными для религиозных представлений). Яркий пример таких элементов в православии и католичестве обнаруживают апокрифы – неканонические тексты, ряд из которых принимаются как содержащие в себе полезные для духовного просвещения неофитов легенды, а другие запрещаются и уничтожаются.

Иногда в истории религии встречаются случаи, когда отношение к тому или иному элементу культуры периодически меняется. Это, в частности, касается отношения к изображениям. В принципе в религиях Писания все изображения запрещены (вторая заповедь Торы или Пятикнижия), однако исторически различные религии колебались между более жестким следованием этому запрету и его практически полной отменой. В христианстве выразительнее всего это имело место в чередовании иконопочитания и иконоборчества в Средние века, причем следует учесть, что победившее тогда почитание икон в ряде христианских культур было снова отринуто в ходе Реформации.

Главным определителем приемлемости того или иного элемента культуры в религиозной философии считается то, каким образом он ориентирует человека – на отношение с Богом или от этого отношения. Именно такое представление, в частности, проявилось в формуле, выработанной в Средние века в отношении почитания икон – «честь воздаваемая образу переходит к первообразному, и поклоняющийся иконе, поклоняется существу изображеннаго на ней» (орфография источника сохранена) [3]. Фактически икона – средство религиозной коммуникации, и потому правильно поклоняться не ей, а посредством ее.

Важная составляющая любой культуры – язык, и религиозный язык в религиозной философии часто считается если и не напрямую священным, то приближающимся к этому статусу, поскольку именно он представляется средством общения с Богом. Этот язык является в значительной мере культовым, и его организация в религиозной философии представляется совершенно иной, чем структура современных национальных или профессиональных языков. Его ядро – священные имена и высказывания.

Имя Бога – самое главное в языке религии с точки зрения религиозной философии. Оно наделяется сверхъестественными признаками (произнесением имени Бога можно творить чудеса), а потому является запретным вне религиозного контекста. В некоторых религиях, религиозных конфессиях или течениях допускается произнесение имени Бога и в повседневности, искусстве, науки или философии, что обосновывается тем, что они в их сути не чужды религиозному отношению.

Табуированность произнесения имени Бога особенно сильна в иудаизме, где заповедь об этом («Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно») породила интересные практики замещений и написаний. Так известно написание имени Бога (оно называется Тетраграмматон, «четырехбуквие»), но считается неизвестным, как оно читается, поскольку все буквы – согласные, а правила верной огласовки именно для этого сочетания букв считаются эзотерическими (закрытыми от непосвященных). В речи имя Бога замещается именами Адонай 'Господа мои' и Элохим 'Боги', которые именами не считают-

ся, но на всякий случай приветствуется замещение и их другими эвфемизмами. И даже при написании этих заместителей рекомендуется затрудняющее их чтение сокращение (For - F-2, $Fornog_b - F-g_b$).

Другие имена религиозного языка рассматриваются в религиозной философии как важные в той мере, в какой они выражают сущности близкие Богу или, наоборот, далекие от него. Имена пророков, праведников, святых, ангелов, других духовных сущностей и связанных с ними абстрактных или конкретных предметов в правильном употреблении позволяют включиться в общение с Богом (в том числе через представляемое посредничество называемых людей или сущностей). Для нечестивых речей эти имена запрещены, поскольку считается, что в этом случае от отношения к Богу они отвращают.

Имена же грешников, нечистых духов и связанных с ними предметов по возможности исключаются вовсе (особенно для случаев, когда человек признается уязвимым для влияния называемых ими сущностей), а если допускается их произнесение, то с выраженным осуждением их (ритуальное сквернословие). Все прочие имена оцениваются уже через их отношение к священным и греховным именам.

В определенном смысле можно утверждать, что отношение имен в религиозном языке отражает религиозную картину мира. Интересные визуализации этого отношения можно увидеть в иконах. Так, например, в изображении Страшного суда и ада греховные имена и описания, их содержащие, изображаются в огне, тогда как традиционное место написания священных имен – над изображаемым, часто – на фоне небес. Видимо, даже для начертаний имен в древнейших такого рода иконах место расположения надписи считалось значимым, тем более это характерно для более поздних канонов. Место надписи в отношении изображения словно бы показывает духовный вектор - вверх (к спасению) или вниз (к гибели). Если вдуматься, то место начертания имени соотносится не только с изображенным, но имеет и некоторый собственный смысл. С точки зрения религиозной философии одни имена (не только Сатана или Каин, но также гордыня, гнев и пр.) содержат в себе порочность, поскольку простое их обдумывание – уже искушение, тогда как другие имена (как Архангел Гавриил или Авель, так и смирение, терпение и т.д.) священны, поскольку осмысленная речь с ними одухотворяет как произносящего, так и воспринимающего ее.

Нередко особое почитание священных имен и связанных с ними слов выражается в написании их с большой буквы, что хорошо видно по названиям религиозных сооружений (Досточтимая Кааба, Стена Плача, Собор Святого Павла, Папская Базилика Санта-Мария-Маджоре, Собор Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии, и пр.). Имена же грешников и нечистых духов в религиозных традициях в некоторых случаях пишутся с малень-

кой буквы, что выражает их порицание, подтверждая идею, что эти имена должны употребляться с выражением остро негативного отношения к их носителям (*camaнa/шайтан*, *люцифер* и пр.).

Кроме священных имен к ядру религиозного языка с точки зрения религиозной философии также относятся особые высказывания, то есть устойчивые формулы, выражающие то или иное обращение к Богу или к людям по поводу отношений с Богом. Основными источниками таких высказываний, которые следует повторять в соответствующих их смыслу контекстах, выступают священные писания, признанные их толкования и устное предание.

Среди них важнейшую роль играют те, что выражают основные догматы религии или непосредственно связаны с «основами веры». Некоторые такие высказывания имеют статус «речевого пароля» для опознания своих. Например, в иудаизме – это Шма ('Слушай, Израиль: Господь – Бог наш, Господь – один'), Шаббат шалом ('Мирной субботы', – это выражает соблюдение заповеди «Помни день субботний, чтобы святить его» (Исх. 20:8)), Цом каль (Легкого поста), Гмар хатима това ('Доброго вам окончательного подписания', – имеется в виду вера в то, что в Новый год («Йом кипур») на основании дел предшествующего года и покаяния человека окончательно предписывается его судьба на будущий год).

В христианстве выражения догматов систематизированы в «Символах веры», а яркими примерами важных религиозных высказываний предстают пасхальное приветствие (Христос воскрес(е) – Воистину воскрес(е)), слова благословения (Благослови Тебя Господь!, Бог благословит) и тринитарная формула (во имя (Господа) Отца и Сына и Святого Духа). В исламе важнейшие религиозные выражения – Такбир (Аллаху Акбар, то есть 'Аллах – Величайший'), Шахада ('Свидетельствую, что нет иного божества, кроме Аллаха и еще свидетельствую, что Мухаммад – посланник Аллаха') и Таслия/Салават (гоноратив Мухаммаду, 'да благословит его Аллах и приветствует', прибавляемое к произнесению его имени).

Другим чрезвычайно важным блоком религиозных выражений считаются молитвенные формулы от самых кратких (*Благословен Ты, Господи!*, *Спаси меня, Господи!* или *Прибегаю к Аллаху от проклятого шайтана*) до комбинируемых в весьма пространные последовательности в составе сложных ритуалов (например, в католическом «розарии», во всех религиях – в различных богослужениях). Различие молитв и формул, выражающих догматы, не всегда тривиально (в целом, они различаются по адресату – молитвы адресованы Богу, а догматические формулы – людям, однако догматические формулы могут также восприниматься как некоторый пароль доступа к общению с Богом). Также следует отличать важнейшие молитвы и формулы от менее значимых, но «похвальных», образующих периферию религиозной культуры.

В религиозной философии считается, что язык религии в идеале должен быть одновременно более понятен и близок народу, чем всякий иной (особенно - язык науки) и при этом быть очищен от обсценной лексики, а также в нем должны быть некоторые элементы отличия, подчеркивающие его особый статус. Часто эти элементы – архаизмы, что считается подтверждением традиции, восходящей к предкам. В результате перипетий истории и претензий на наднациональный характер нередко религиозный язык сильно обособляется в противовес быстро изменяющимся национальным языкам (долгое время иврит сохранялся в еврейских общинах Европы, латынь – в католических странах, александрийский древнегреческий - в православных общинах восточного средиземноморья; аналогично в индуистских сообществах священным статусом наделяется санскрит, а в буддизме - пали). Древность религиозного языка считается аргументом, подкрепляющим представление о его священном статусе (наиболее радикальные взгляды наблюдаются в иудаизме (древний иврит – язык, на котором общались Бог с Адамом и Евой) и в исламе (арабские письмена даны самим Аллахом, что, как считается, косвенно подтверждается тем, что их можно обнаружить в природе - в облаках, в растениях и пр.)).

Религиозным языком может также быть язык части исповедующих религию обществ. Самый яркий пример тут – арабский для всех мусульман, в том числе для тюркских, иранских и африканских народов. Особое значение арабского языка тут обосновывается тем, что именно на нем пророк Мухаммад проповедовал ислам, – читал подлинное послание Бога людям («Коран» переводится как «Чтение», арабский – «язык Корана»).

В тех случаях, когда религиозный язык – вообще особый язык (церковнославянский – для русской, сербской и некоторых иных православной церквей), религиозная философия считает эту религиозную специализацию дополнительным подтверждением того, что этот язык необходим для общения с Богом (повседневные языки дисквалифицируются как содержащие в себе много препятствий для отношений человека и Бога). При этом могут признаваться и другие специализированные языки по принципу, что Бог общается с каждым народом на том религиозном языке, который ему близок.

Множественность различных языков в религиозной философии авраамической традиции объясняется прежде всего повествованием о Вавилонском столпотворении, – «сыны человеческие» начали строить город и башню до небес, чтобы сделать себе имя, и Бог решает остановить это строительство весьма остроумным способом – «сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого» (Быт. 11: 7). Иными словами, многоязычие в общем считается средством укрощения амбиций людей на величие. При этом

религиозная философия не отрицает и изменение языков, и появление новых, однако это не считается позитивным, поскольку отдаляет людей от языка первоначального общения человека с Богом.

Отдельно стоит сказать о двух крайних позициях в отношении религиозной речи, обнаруживающихся в религиозной философии. Мистицизм трактует означающие религиозного языка как случайные и несовершенные, а потому предпочитается умолчание в пользу осмысленных чувств (или в ряде направлений особые религиозные «глоссолалии», непонятные речи, которые, например, в христианстве считаются проявлением одного из «даров Святого Духа» – «дара языков», – не только известных, но и «иных», в том числе ангельских). Рационализм, напротив, призывает заботиться об очищении означающих от посторонних коннотаций и о точности выражения божественных истин, что ограничивает эмоциональную насыщенность речи. Однако в реальном религиозном общении важны, с точки зрения религиозной философии, обе эти тенденции – и принятие несовершенства выражений, и забота об их усовершенствовании.

В последнем обстоятельстве легко усмотреть общее правило для трактовки общения и культуры в религиозной философии – следует улучшать их, одухотворяя, но при этом смиряться с их несовершенством, которое может исправить лишь Бог. Но поскольку интенция для их улучшения исходит от самого Бога, то смирение это никогда не абсолютно (в христианстве это можно передать формулой «смирение не должно перерастать в уныние»). Эти постоянные усилия людей, связанных с Богом, создают истинную солидарность общества в противовес греховной разобщенности нерелигиозной массы. Данные усилия – представление Бога в функции руководства и духе благословения, требующие от людей стремления к Богу, подчинения и благодарности. Религиозное отношение и соглашение с Богом раскрывается лишь через эти стремления, обретающие слово в речи, наполненной священными именами и религиозными формулами.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Бубер, М.* Два образа веры / М. Бубер. М. : Республика, 1995. 464 с.
- 2. Розеншток-Хюсси, O. Бог заставляет нас говорить / О. Розеншток-Хюсси. М. : Канон+, 1997. 288 с.
- 3. Каноны, или Книга правил, святых апостолов, святых соборов, вселенских и поместных, и святых отцов. Минск : Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2016. 280 с.

Поступила в редакцию 31.03.2023

Салтанович Ирина Петровна

кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры истории и социальных наук Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь irynpetuni1@gmail.com

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА – СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ: ОТ ГЛОБАЛЬНОГО К ЛОКАЛЬНОМУ

В статье переосмысливается социальная ситуация в условиях мира, все более опосредованного цифровыми технологиями, которые существенно изменились за последние 20 лет, и ключевым событием стало появление социальных сетей. Рассматриваются понятие и процесс, при которых цифровые технологии, такие как платформы социальных сетей и опосредованная коммуникация, происходящая в них, значительно изменили способы социального взаимодействия. Также одной из граней их характеристики является глокальность, подчеркивающая двойственный характер изучаемого объекта. Автор раскрывает, что социальная структура, сформированная технологическими изменениями, всегда опирается на культуру, которая позволяет их создавать и использовать.

Ключевые слова: социальные медиа; социальные сети; глокализация; цифровизация; культура.

Движение вперед связано с модернизацией, совершенствованием материалов, индустриализацией, научно-техническим прогрессом, новыми знаниями о человеке и Вселенной. Концепция развития, будучи многомерной, применима к различным областям, в том числе и к средствам массовой информации. На современную науку сильное влияние оказывает растущее число вопросов, связанных с влиянием на социальное развитие оцифрованного социума социальных сетей в различных формах, определениях и форматах.

Обмен информацией так же стар, как и история человечества и только новые технологии оцифровали и дифференцировали этот процесс. Чтобы лучше понять цифровизацию, необходимо сосредоточить внимание как на культурных изменениях, которые она привносит, так и на ее результативности – конечной точке, где находятся пользователи цифры, то есть на весь ее социокультурный аспект. «Цифровая культура в ее нынешнем специфическом виде, – определяет ее появление Ч. Гир. – является исторически обусловленным явлением, различные компоненты которого впервые возникают как реакция на потребности современного капитализма, а затем объединяются требованиями середины двадцатого века» [1, с. 14].

В статье затрагивается только одна грань этого движения, направленная на возможность представить и описать влияние социальных сетей на развитие общества в постоянно меняющемся информационном пространстве, добавив дополнительную опцию глокальности.

Многие цифровые технологии становятся неотъемлемой частью процессов, ранее не соприкасающихся с медиа. Следовательно, СМИ, коммуникация

и информация начинают играть ключевую роль в структуре и функциональной логике многих систем, которые ранее носили чисто технический, экономический или социальный характер. Поскольку большая часть «продукта» средств массовой информации производится и распространяется в цифровом виде, то, сливаясь, СМИ создают цельное цифровое медиапространство

Цифровизация влияет на медиа и коммуникацию на двух разных уровнях: она запускает фундаментальные изменения в медиасистеме и вызывает медиатизацию немедийных систем. С цифровизацией происходят изменения в медиапространтве: преобразовываются традиционно существующие СМИ и создаются новые. По словам Ч. Гира, «"цифру" можно рассматривать как маркер культуры, поскольку она охватывает как артефакты, так и системы обозначения и коммуникации, которые наиболее четко отделяют наш современный образ жизни от предыдущего» [1, с. 16].

Характеризуя цифровое общество, Б. Веллман [2] активно вводит в современный научный дискурс и расширяет понятие *глокализация* (glocalization), впервые предложенное Р. Робертсоном в 1992 г., утверждавшим, что глобализация производит не единообразие в мировой системе, как предполагалось, а различия и фрагментацию мира на множество глокальных реальностей [3]. Глокализация – одновременное проявление как универсальных, так и партикулярных тенденций в современных социальных, политических и экономических системах [4].

Глокализация играет жизненно важную роль в развитии средств массовой информации, адаптируя медиаконтент в глобальном и локальном масштабе. Это означает, что производимые СМИ глокализованные продукты (информация) по определению будут представлять максимальный интерес для конечного потребителя, поскольку глокализация делает их более близкими интересам и потребностям конкретного человека.

Термин *сеть* является отправной точкой для понимания культурных модификаций. Это один из ключевых компонентов социальных изменений, поскольку трактовка сетевого подхода заключается в том, что «новая коммуникационные технологии изменили классическое отношение между временем и пространством». Кроме того, способ изменения этого отношения подтверждается выражениями Кастельса «физическое пространство уступает место движению», Моско «захватом времени и пространства капитализмом», Гидденса «уменьшением зависимости времени-пространства», «сужением пространства-времени» Харвея и Баумана, в которых «пространство-время» воссоединились [5, с. 67].

Зная, что информация – сила, без средств распространения люди не могут использовать ее. Одним из положительных эффектов социальных медиа и является распространение информации в современном мире.

Новые медиа – концептуальный подход

Сегодня концепция новых медиа часто используется вместо понятия *мультимедиа*, которое квалифицируется как платформа, которая объединяет различные коммуникационные компоненты в сеть.

Хотя термины *социальные медиа* и *социальная сеть* кажутся взаимозаменяемыми, у них есть определенные различия. По сути социальные медиа – это платформа для распространения информации, тогда как социальные сети – площадка для общения друг с другом. Социальные медиа – это канал связи, тогда как в социальных сетях общение носит двусторонний характер.

Термин *СМИ* обычно напоминает нам о традиционных средствах массовой информации, таких как газеты, журналы и телевидение. Тем не менее, когда к нему добавляется слово *социальные*, термин приобретает совершенно другую наполненность и характеристику. Социальные медиа определяет технологический компонент, а также гибкость, когда речь идет о том, как человек потребляет, делится и сотрудничает и что потребляет. Таким образом, социальные медиа лучше всего можно описать как интернет-способ публикации или трансляции цифрового контента, с которым читатели могут в полной мере взаимодействовать.

Они помогают упростить доступ к тому, что вас интересует, что вы делаете и тому, что вам навязывают. И, опять же, контент может доставляться через личные или деловые контакты, в виде средств массовой информации или любых других сообществ или организаций, которые интересуют пользователя.

В чем же разница между социальными медиа и социальными сетями?

Она четко прослеживается. С о ц и а л ь н ы м м е д и а требуется социальная сеть именно для предоставления контента тем, кто хочет его потреблять и взаимодействовать с ним. Следовательно, ткань социальных сетей является базовой технологией человеческих связей, в то время как социальные медиа объединяют и сосредотачивают всю информацию на цифровой платформе. В выстраивании тесных связей, противоречий, универсальности и специфичности, во взаимопроникновении локального и глобального и проявляется феномен глокализации.

Социальные сети – это собирательный термин для веб-сайтов и приложений, ориентированных на общение, участие сообществ, взаимодействие, совместное использование контента и совместную работу, имеющих огромную популярность во всем мире. Мобильные приложения делают эти платформы легкодоступными. Например, наиболее популярные VK, Instagram, Twitter, Facebook, LinkedIn и др.

Оксфордский словарь [6] дает им следующее определение: сеть социальных взаимодействий и личных отношений; выделенный интернет-сайт или другое приложение, которое позволяет пользователям общаться друг с другом, размещая информацию, комментарии, сообщения, изображения и т.д.; веб-сайты и приложения, которые позволяют пользователям создавать и обмениваться контентом или участвовать в социальных сетях.

Глоссарий ИТ Gartner предлагает определение социальной сети как «Акт установления онлайновых соединений "многие ко многим" для целей обмена информацией с сетью или ее подмножествами».

Согласно М. Кастельсу, существует четыре характерные особенности влияния мультимедиа/новых медиа на социальные сети и культурные изменения. Мультимедиа:

- это общая социокультурная дифференциация, ведущая к ухудшению пользователи/аудитория/читатели;
  - увеличение социального расслоения среди пользователей;
  - объединение всех сообщений в общий когнитивный шаблон;
- ограничение большей части форм культурного самовыражения в попытке защиты всех различий в своего пространства [7, с. 495–496].

Именно такая трактовка нелинейного расширения медиа масштабов, соединение, казалось бы, несоединимого, проявление дифференциации в процессе интеграционных медиа-социо-процессов ярче всего проявляется в глокализации.

Специалисты пытаются определить точку, когда произошел взрыв в использовании сайтов социальных сетей. Мы наблюдаем ежегодное увеличение числа пользователей на 20%, и в настоящее время оно достигло 4,62 млрд, что составляет 58,4% от общей численности населения по данным Digital 2022 Global Overview Report [8].

В 2021 г. объем глобального рынка персональных компьютеров составил 348,8 млн штук, увеличившись на 14,8% в сравнении с 2020 годом. Спад, наблюдаемый в первом квартале 2022 г., ускорился во втором, вызванный продолжающейся геополитической нестабильностью. Отметим, что мировой рынок ПК вырос в 5 раз вследствие пандемии [9].

Как показывают результаты социологического исследования, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси осенью 2020 г. с целью выявления характера и направленности информационных предпочтений жителей малых городов, тенденция снижения значимости традиционных СМИ и одновременного роста статуса новых медиа становится закономерностью, в том числе и на уровне регионального медиапотребления. В частности, доля пользователей новых медиа (социальных сетей, информационных и новостных сайтов, мессенджеров) уже существенно выше, чем у традиционных [10, с. 227].

Синхронизация глокальной коммуникации в социальных сетях

Социальная сеть по своей сути глокальна – глобальное информационное пространство взаимодействия вырастает из локальных интересов, локальных единиц информации, локальных точек взаимопроникновения. Показательным примером может служить Facebook как компания с глобальными элементами [11], что означает использование его во всем мире в качестве платформы для связи любого человека с всеми. Леонард Ли также полагает, что Facebook глокализует свой контент, настройки или функции внутри приложения. Например, языковые настройки, учитывая, что язык является одним из основных элементов культуры, то есть локальное в глобальном [12]. Таким образом, Facebook как глобальная компания принимает во внимание культурный аспект. Помимо этого функция «Рядом» также является примером глокализации для привлечения пользователей из разных стран, чтобы помочь узнать о местных событиях, организациях и рекомендовать друзей, находящихся в том же регионе, а также функция «местной рекламы».

В определенном смысле все социальные сети и сервисы – это большой мегаполис, где человек всегда находится в толпе, но эта толпа равнодушна, хотя бы потому, что ожидать действенных реакций даже от круга «френдов» недальновидно: алгоритмы ранжирования новостной ленты не гарантируют показ каждого поста среднестатистического френда.

Следовательно, даже если конкретные социальные связи с конкретными людьми настолько тесны, что клиент онлайн-сервиса может рассчитывать на участие ближнего круга, технически может получиться так, что этот ближний круг будет мало осведомлен о происходящем у этого человека. Так что, обеспечив себя толпой, мы не можем гарантировать ее погруженность в наши проблемы. Если мы говорим про доцифровую среду, то количество контактов у человека могло быть значительно меньше в течение жизни – вспомним число Данбара (число Данбара – ограничение на количество постоянных социальных связей, которые человек может поддерживать, в человеческих сообществах лежит в диапазоне от 100 до 230, чаще всего условно принимается равным 150 [13]), но при этом отношения могли быть гораздо менее близкими [14].

В своей классической работе М. Грановеттер «The Strength of Weak Ties» («Сила слабых связей» (1973)), утверждал, что, хотя сильные связи (т. е. близкие отношения с друзьями и семьей) важны для эмоциональной поддержки, слабые связи (т. е. более отдаленные или случайные отношения) более ценны с точки зрения предоставления доступа к новой информации и возможностям. Теория слабых связей, возникшая как концепция в социологии, объясняющая роль более слабых социальных связей в облегчении коммуникации и обмена

информацией имеет важное значение для сайтов социальных сетей, которые могут служить мощными инструментами для создания и поддержания таких связей.

Сайты социальных сетей изменили то, как люди относятся друг к другу. Люди со всего мира могут узнать о конкретном событии, происходящем на другом конце света, нажав на кнопку. Щелчок сам по себе может не изменить мир, но если он объединится с тысячами кликов других людей, он может произвести огромный эффект.

Назовем некоторые из наиболее очевидных характеристик социальных сетей. Одним из больших недостатков является присутствие непроверенной информации. Более того, эта дезинформация распространяется молниеносно, и ее трудно контролировать. Также, предоставляя некоммерческим организациям свободную среду для самовыражения, социальные сети могут превратить любого человека в «могущественного агента». Благодаря своей способности объединять многих людей и направлять их к определенной цели, социальные сети дают возможность миллионам инициировать социальные изменения, а при умелой координации действий результат может быть непредсказуемым.

Эти факторы привели к тому, что социальные сети превратились из удобных средств для поддержания связи с друзьями и семьей в способы влияния, оказывающие реальное воздействие на общество в области политики, бизнеса, мировой культуры, образования, карьеры, инноваций и многого другого.

На примерах формирования медиареальности в контексте глокализации мы наблюдаем соединение глобального и локального, адаптацию глобальных процессов под местные условия. В. Игнатьев интерпретирует современную глокализацию как форму «соединения двух противоречивых сетевых пространств: территориально-локального и информационно-сетевого». Автор полагает, что структуру современного глобального информационного общества образует сеть «информационно-центростремительно ориентированных» локальных социокультурных комплексов. По его мнению, мы можем говорить о приходе на смену локальным обществам не единого глобального сообщества, а множества автономных сетевых социумов, возникших в «узлах» мировой коммуникации.

При рассмотрении коммуникационных технологий аргументирована целесообразность ни в коей мере не забывать о значительности и мощи их воздействия [15], поскольку способ их использования может повлиять на изменения наших коммуникативных и культурных моделей.

С методологической точки зрения способность исследователей социальных сетей делать заявления о причинно-следственных связях ограничена малым количеством экспериментальных или лонгитюдных исследований. Учитывая растущее количество социальных сетей, а также количество интер-

нет-сайтов, растущую академическую сеть, локальное, региональное и глобальное влияние социальных сетей представляет собой серьезную основу для дальнейших исследований.

Некоторые считают сайты социальных сетей связующим звеном, одним из лучших нововведений XXI в., другие опасаются негативных последствий. Нельзя отрицать тот факт, что социальные сети постоянно находятся в развитии, реально присутствуя в повседневной жизни. В будущем существует большая вероятность того, что мы будем использовать «социальный интеллект», генерируемый на основе пользовательских данных.

Кроме того, в настоящее время большие данные, искусственный интеллект, дополненная и виртуальная реальность выступают в качестве катализатора в процессе автоматизации создания искусственного интеллекта, и в ближайшие несколько лет мы сможем стать свидетелями полного «переформатирования» социальных сайтов. Не зря ведущие фигуры в области разработки технологий искусственного интеллекта, включая Илона Маска и сооснователя Apple Стива Возняка, предлагают сделать паузу в развитии технологий искусственного интеллекта до тех пор, пока не будут разработаны и применены надежные протоколы безопасности.

В будущем гиперподключенный мир будет поддерживать до 1 миллиона устройств на квадратный километр зоны покрытия, что на несколько порядков больше, чем 60 000 устройств, которые в настоящее время возможны в сетях 4G LTE. Сенсорные устройства станут вездесущими — только в этом году будут работать 20,4 млрд устройств со встроенными подключенными датчиками. В этом будущем само определение масштаба изменится — вместо миллиардов устройств мир будет поддерживать сотни миллиардов или, возможно, триллионов. Общий объем данных, произведенных за всю историю человечества, который уже удваивается каждые два года, вероятно, будет удваиваться каждые шесть месяцев. Хотя цифры впечатляют, мы еще крайне мало задумываемся о том, как будет выглядеть этот мир и каковы вероятные положительные и отрицательные последствия [16].

Социальные сети вездесущи и имеют огромный потенциал в будущем. Мы будем замечать футуристические технологические изменения на этих платформах. С ростом интенсивности международных связей и масштабов глобальных процессов расширяется и культурно-цивилизационное многообразие современного мира. Другими словами, социальная структура, сформированная технологическими изменениями, состоит из различных культурных форм. Цифровой мир пришел с межкультурной интеграцией и создал адаптационную среду. Процесс адаптации создал радикальные изменения и образ жизни, в основе которых лежат технологии. И, как утверждает Ч. Гир, конкретные элементы технологии менее важны, чем культура, которая позволяет их создавать и использовать.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Гир, Ч.* Цифровая контркультура [Электронный ресурс] / Ч. Гир. Режим доступа: http://docplayer.ru/29837976-Cifrovaya-kontrkultura-charli-gir-perevod-d-galkina.html #show full text. Дата доступа: 05.08.2021.
- 2. *Wellman*, *B*. Physical place and cyberplace: The rise of personalized networkin / B. Wellman // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. 25(2). P. 227–252.
- 3. *Robertson*, *R*. Globalization: Social Theory and Global Culture / R. Robertson // Theory, Culture & Society. SAGE Publications Ltd. 1992. 224 p.
- 4. Globalization [Electronic resource]: Britannica. Mode of access: https://www.britannica. com/topic/glocalization. Date of access: 20.11.2022.
- 5. *Chevron*, *N. T.* Global Communication / N. T. Chevron. Istanbul: Exlibris Publishing, 2014. 211 p.
- 6. Social network [Electronic resource]: Oxford dictionary Retrieved. Mode of access: http://oxforddictionaries.com/definition/english/social%2Bnetwork. Date of access: 05.02.2023.
- 7. *Кастельс*, *М*. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
- 8. Digital 2022 Global Overview Report [Electronic resource]. Mode of access: https://www.sostav.ru/publication/we-are-social-i-hootsuite-52472.html. Date of access: 06.02.2023.
- 9. Gartner [Electronic resource]. Mode of access: https://www.tadviser.ru/index.php/%D0% A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%9A%D0%BE%D0%BC%D0%BF %D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%8B_(%D0%BC%D0%B8%D1%80%D 0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA). Date of access: 06.02.2023.
- 10. *Черняк, Ю. Г.* Медиапотребление в Беларуси: региональный аспект / Ю. Г. Черняк // Социологический альманах. 2022. Вып. 13. С. 226–234.
- 11. *Francois*, *E. J.* Building global education with a local perspective: An introduction to glocal higher education [Electronic resource] / E. J. Francois. 2015. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/298864285_Building_global_education_with_a_local_perspective_An_introduction_to_glocal_higher_education. Date of access: 20.03.2023. DOI:10.1057/9781137386779.
- 12. *Leonard*, *Li*. Social media and glocalization [Electronic resource] / Li. Leonard. 2015. Mode of access: https://www.academia.edu/35252433/Social_Media_and_Glocalization. Date of access: 20.03.2023.
- 13. Число Данбара [Electronic resource] : Википедия. Mode of access: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%BE_%D0%94%D0%B0%D0%BD%D0%B1%D0%B0%D1%80%D0%B0. Date of access: 04.03.2023
- 14. *Мороз*, О. Отношения в цифровой среде [Electronic resource] / О. Мороз. 2019. Mode of access: https://postnauka.ru/longreads/102298 https://postnauka.ru/longreads/102298. Date of access: 20.11.2022
- 15. *Shhwarz*, J. A. Umwelt and Individuation: Digital Signals and Technical Being. In Digital Existence: Ontology, Ethics, and Transcendence in Digital Culture / J. A. Shhwarz. Lagerkvist, A., Ed. NY: Routledge: New York, 2019. 61 p.
- 16. *Monaco*, N. The Hyperconnected World of 2030–2040 / N. Monaco // Institute for the Future. 2020. 85 p.

Поступила в редакцию 11.04.2023

Севостьянова Надежда Григорьевна кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и социальных наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь n-sevastianova@mail.ru

«ГЛАГОЛЫ ЖИЗНИ ВЕЧНОЙ» В САМОБЫТНОЙ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

На материале русской морально-религиозной философии рассмотрены универсалии духовной культуры (светской и религиозной), аксиологическая триада «вера-надежда-любовь» в значении моральных идеалов, «глаголов жизни вечной», которые просвечивают сквозь время и выступают практическими регулятивами жизненного мира человека. Их определяющий сверхэмпирический смысл раскрывается в самобытной русской философии, а на деле постигается только с помощью духовных усилий человека.

Ключивые слова: духовная культура; универсалия культуры; христианская мораль; метафизика морали; русская философия; философия всеединства; аксиологическая триада; вера-надежда-любовь.

Любовь, вера и надежда выступают способами духовного бытия человека, в каком бы измерении, светском или религиозном, оно ни рассматривалось. Насущная потребность и цель духовного пути, знаки вечности, которые просвечивают в суетном земном времени, лучшее и непреходящее в жизни – эти ценности делают возможным сам нравственный мир личности. Ведь даже слепой знает о свете, а глухой – о звуке. «Потенция духовности присуща каждому человеку, хотя он может не сознавать своей духовности, но призвание к ней остается в каждом из нас» [1, с. 69].

Однако житейская привычка прагматического восприятия «чистого дара» любви, веры и надежды мешает их осознанию как источника нравственной жизни. Светские установки на самодостаточность личности обычно требуют любви от других, а не собственной; ценностного фундамента из веры как самоуверенности; надежды как гарантии успеха. В повседневности смешиваются любовь платоническая и похотливая, вера во что бы то ни было и религиозные верования, надежда как упование и как право личности.

Сверхэмпирический смысл веры-надежды-любви прозревает только духовное (светское и религиозное) сознание. В лучшем случае эти абсолютные моральные ценности понимают как христианские добродетели, не каждому человеку данные. Зачастую осмысление «глаголов жизни вечной» относят к области молчания ввиду их сокровенности. Однако узкий духовный смысл веры, надежды и любви, которые «для души есть якорь безопасный и крепкий» (Евр. 6, 19), всегда совпадает с переживанием духовной нищеты: чем богаче человек нравственно, тем ниже в самомнении и терпеливее в общении

с другими. Чем больше отдает, тем больше ему остается, а то и добром возвращается. Несамодостаточность воспринимается как естественное состояние жизни.

Подлинный, определяющий смысл веры, надежды и любви раскрывается не только в духовной культуре, но и в научном, философском, богословском дискурсах. Эта тема является характерной для самобытной русской философии. При этом в различных системах знаний исследователи предпосылают изучению данных универсалий культуры рассуждения об ее исторических контекстах, многомерности и противоречиях феномена человека, антиномии должного и сущего в моральном мире, которая означает недостижимость идеалов как вершин духовного пути.

Целью данной статьи выступает рассмотрение духовной сути концептов веры, надежды и любви на материале русской морально-религиозной философии, в особенности метафизики всеединства Серебряного века рубежа XIX и XX веков.

Русская философия о самоценной природе религиозной морали

Самобытной русской морально-религиозной философии более тысячи лет, и это выдвигает ее в ряд интеллектуальных феноменов мировой духовной культуры. Русская философия, в отличие от российской светской и научной философии, возникшей в XVIII в., появилась вместе с христианизацией Руси в X в. и обретением ею государственности, письменности, книжности, церковности. Иначе называется отечественным духовным любомудрием, т.е. философией, так и не достигшей профессионального, системного уровня развития ввиду ее морально-религиозного характера, и прерванной сто лет тому назад в пользу философии русского зарубежья.

Любомудрие всегда отличалось уникальными синтезами рецептивного и автохтонного знания, т.е. заимствованного и самобытного; согласованием различных эталонов осмысления религиозного и светского духовного опыта; сочетанием канонического и неканонического содержания в русле оязыченного христианства и свободомыслия; взаимодополнительностью гуманистики и апологетики, полидискурсивностью. Русская философия сращена с православием и представляет собой богословскую экзегезу (разъяснение, интерпретацию) и антроподицею (оправдание человека) [2, с. 5–6]. «Русская самобытная философия представляет собой борьбу между западноевропейским абстрактным гатіо и восточнохристианским, конкретным, богочеловеческим Логосом и является постижением иррациональных и тайных глубин космоса конкретным и живым разумом» [3, с. 73].

Процесс заимствований в русской самобытной философии, и в особенности рецепция, преемство православной веры по греко-византийскому чину ортодоксии, определил богословские контексты отечественного любомудрия.

Этот процесс всегда имел творческий характер и отличался «новомыслием». В принципе «понятие влияние может быть применимо лишь там, где имеется доля самостоятельности и оригинальности — нельзя же влиять на пустое место» [4, с. 21].

«Существенными характеристиками русской самобытной философии выступают: онтологизм как "смыслоискание", реалистичность в исследовании духовного опыта человека и общества; религиозность, соборность и метафизичность; антропологизм моральной философии; историософия, мессианство и эсхатологизм; патриотизм и идеологизм; социальность и поиск справедливости и правды; эстетизм и литературоцентризм; а также академическая форма самовыражения; эпистолярная и трактатная традиции; творческий характер заимствований идей западных мыслителей и оригинальность» [5, с. 28].

«Глаголы жизни вечной» осмыслены в русской морально-религиозной философии сквозь призму православно-христианского жизнеучения на каждом из этапов его развития — в первоначальном любомудрии Светлого века, славянофильстве и западничестве Золотого века, цельном знании и метафизике всеединства Серебряного века, философской антропологии Нового века.

Рефлексивно осмысленная в ней самоценная природа религиозной морали уникально совмещает религиозные и нравственные ценности, генерируя новое качество духовности – и/ни религию, и/ни мораль. Эта тема основательно изучена в классической философии. «Для себя самой мораль отнюдь не нуждается в религии; благодаря чистому практическому разуму она довлеет сама себе» [6, с. 78], — учил И. Кант. Тем не менее «неизбежно ведет к религии», которая есть познание всех наших обязанностей в качестве божественных заповедей, которые мы внутренне обязаны осуществлять.

В русской философии известна презумпция религиозной морали перед всеми другими формами духовности: «Существо нравственности есть само по себе одно – это целость человека» [7, с. 233–234], – утверждал В. С. Соловьев (1853–1900), основоположник философской школы метафизики всеединства и автор труда «Оправдание добра. Нравственная философия». «По существу своему нравственная философия находится в теснейшей связи с религией, а по способу познания – с теоретической философией» [7, с. 100]. Вместе с тем «при сведении существа религии к нравственности игнорируется собственная природа религии. Справедливо, что нравственность коренится в религии. Больше того, религия, которую хотят целиком свести к морали, в целостности своей находится выше морали и потому свободна от нее. Мораль не автономна, а гетерономна, ибо трансцендентна, т.е. религиозна ее санкция. Как связанная не с субстанциональностью, но модальностью человеческого существа, нравственность вообще не представляет собой вершины, ибо святость находится по ту сторону добра и зла» [8, с. 46–47], – отмечал С. Н. Булгаков, автор труда «Свет невечерний».

Богословские контексты осмысления веры, надежды и любви в русской метафизике морали

Русская морально-религиозная философия зиждется на этическом каноне христианского Священного Писания (библейские заповеди морали закона и мораль благодати) и Предания святоотеческой литературы. Эти православно-христианские заповеди, исповедующие веру, надежду и любовь, выступают подосновой самобытного русского умозрения, являются ключевыми темами русской смысложизненной метафизики морали.

Несовершенная природа человека раскрывается в ней догматически. Догмат о данности человеку образа Божьего и заданности богоподобия сообщает о сотворенности каждого человека по образу и подобию, но и том, что свободный человек в грехопадении «отпал» от Бога и получил спасающую благодать. Образ божий подарен личности и навсегда сохраняется в ней как спасительная «печать»; а подобие является заданием индивидуального преображения как цели спасения души от грехов. «Глаголы жизни вечной» освещают жизнь человека только в результате встречного личностного духовного усилия.

В русской философии Серебряного века раскрывается и монодуальный догмат о нераздельности и неслиянности Божественного и человеческого. По мысли В. С. Соловьева, человек занимает промежуточное положение между сущим абсолютным и становящимся, несмотря на то, что он «есть внутренняя форма для добра как безусловного содержания. Добро ничем не обусловлено и это составляет его чистоту, полноту и силу» [7, с. 96–97].

Человек призван идти «крестным путем» к неосуществимому идеалу обожения (Е. Н. Трубецкой). В страданиях способен к раскаянию и «живой теодицее», т.е. оправданию Бога (С. Л. Франк). Может преодолеть в любви свое греховное эмпирическое бытие (Л. П. Карсавин). Человек достоин оправдания (П. А. Флоренский) и неспособен к самоспасению (С. Н. Булгаков), но имеет дар духовной очевидности (И. А. Ильин).

В русской персоналистской философии понятие человека раскрыто Н. А. Бердяевым в аспекте ее сверхбожественного начала, несмотря на тезис о пребывании человека в трех мирах – природном, дьявольском и божественном. Л. И. Шестов рассматривает свободную личность, которая спасается «только верой». Для Н. О. Лосского человек – это действительный субстанциальный деятель, ответственно идущий от ценностей земных к абсолютным. В целом же человек неисправимо несовершенен, даже в границах праведной жизни. Поэтому важно различать человека и его поступки: любить грешника и ненавидеть грех.

Благодать и свобода также даны и заданы в стремлении каждого к вере, надежде и любви. Даровав человеку свободу, Бог воздействует на него непринуждающей силой любви и даром благодати, обретение которой предполагает со стороны человека внутреннюю духовную работу. Это один из парадоксов христианской сотериологии (учение о спасении души), подмеченный самими православными богословами: чтобы приносимый Богом дар оказался действенным, он должен уже действовать в человеке. «Небеса снижаются к земле в ответ на горние взлеты человеческого духа», — писал О. Г. Флоровский. Подлинная свобода состоит не в свободе выбора, которая мучает и порабощает, а в снискании благодати с помощью духовной силы веры, надежды и любви, которые даны изначально и поэтому преодолевают «проклятые» вопросы нравственного выбора человека. Христианская философия и русская метафизика морали рассматривают добровольность и свободу верующей воли, но не свободу выбора, которая чревата предпочтением зла и потому является одной из причин грехопадения.

«Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (1 Пет. 5, 5). Этот дар человеку непосредственно связан с благоговением (страх и мистическая любовь), благоволением (направление воли к Богу), благостью (переживание Божественного блага и добра), благочестием (дела веры) и благодарением (тачиство евхаристии). Проявлениями благости Божией в нравственной жизни человека выступают благоразумие, благородство, благодушие, благонравие, благожелательство, благоверие, благочиние, благословение, благовестие, благопристойность, благоустроение, благотворность, благообразие — блаженство. При этом следует быть готовым к любому действию благодати и «духа не угашать», «стоять в свободе».

В русской метафизике всеединства В. С. Соловьев допускает свободу человека в выборе зла, но именно это допущение ведет к антропологическому дуализму, несмотря на исходные положения о цельном духовном опыте. Е. Н. Трубецким свободное самоопределение личности рассматривается как апофатическая (отрицательная) надежда. С. Л. Франк учит о свободе как способе духовного самобытия. Л. П. Карсавин называет свободу способом совершенствования бытия. П. А. Флоренский характеризует свободу как пребывание человека в восходящей и нисходящей благодати. С. Н. Булгаков рассуждает о мистике свободного уподобления первообразу. И. А. Ильин утверждает свободу как аксиому духовной очевидности. Б. П. Вышеславцев пишет о преображении эроса как проявлении свободы человека. Н. А. Бердяев рассматривает абсолютность свободы и творчества. Полагает, что над свободой даже Бог не властен, и поэтому стихия свободы создает неразрешимые моральные проблемы. Л. И. Шестов развивает мысль о свободе как единственном способе переживания «ужасов бытия». Н. О. Лосский настаивает в теории онтологических ценностей на ключевой установке ответственности, невозможной без свободы.

Вера, надежда и любовь выступают в православной сотериологии (учение о спасении души) взаимоопределяемыми способами духовного спасения человека на пути покаяния, смирения, терпения. Они показывают, что только «чистые сердцем узрят Бога» (Мф. 5, 8), и «кому дано, с того и спросится».

Вера, запечатленная в Символе веры, – это «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1), «блаженство не видевших и уверовавших» (Ин. 20, 29). Будучи духовным даром, вера является и плодом духовной работы, событием преображения и перемены сознания, своеобразным жизненным подвигом связи с Богом вопреки «стихиям века сего». Вера без дел мертва. Живая вера всегда дополняется уверенностью, доверием и верностью. Ей противополагаются неверие, маловерие, многоверие, фанатичная слепая вера, суеверие, атеизм и пантеизм, ересь и богоотступничество.

Евангельская вера по самоназванию христоцентрична: «Я есмь путь и истина и жизнь» (Ин. 14, 6). Для нее существенно важен «свет невечерний» восьмого дня воскресения Христа, дня, который является исходом из времени и причастием вечности. Православная вера эсхатологична (учение о конечных судьбах мира и человека): она содержит постулат о неизбежности своего собственного исторического поражения, несет в себе моральную веру, затрагивающую основы и смысл бытия человека в мире.

Вера определяет надежду на то, что все совершаемое не бессмысленно. Надежда рождается из отчаяния, и ее предметом являются благодать и духовное исцеление как второе рождение. Результатом действия — успокоение в земной суете и времени, поскольку для Бога нет невозможного (Лк. 1, 37). Надежда — результат духовной работы человека: она смиренномудра и безропотна, терпелива и послушна, поскольку страдания даются во благо. В надежде много духовного такта. Если вера подобна «камню», который есть теперь и будет всегда для живущего по ее нормам человека, то надежда, напротив, всякий раз переносится на завтра и послезавтра, да и возникает тогда, когда привычный порядок вещей «дал трещину». В этом смысле надежда устремлена в будущее. Обладание ею характеризует человека, который полагается на волю Божью и пребывает «в руках Божьих», потому что «ненадеяние» на себя означает согласие с промыслом о себе.

В любви христианство усмотрело и сущность своего Бога, и главную заповедь человеку. Бог есть любовь. Она раскрывается как евангельская любовь «агапэ» и милосердное «каритас» в единстве с мудрым «филиа», чувственным «эросом» и семейной привязанностью «сторге».

Смысл божественной любви раскрыт апостолом Павлом в его Посланиях, где сказано: «А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13, 13). «Любовь непритворна», «братолюбива» и «духом пламенеет»; человек без любви ничто, «медь звенящая» (1 Кор. 13, 1–3).

Такая любовь добровольна и в самой себе имеет всю полноту жизни. Переживается как дар, при котором не просят о взаимности, а любят сами, воспринимая другого человека как брата или сестру.

Веруя, человек становится источником любви и сострадания, получает надежду на духовное преображение. Главной при этом является призывающая сила божественной любви, отмеченная страхом и трепетом. Речь идет о жертвенной, всеобъемлющей и «все покрывающей», всепрощающей любви к «ближнему» — не только к «близкому» по роду или духу, но и к врагу, обидчику. При этом заповедуется различать человека и его поступки: любить грешников, но ненавидеть грех. Любить врагов своих, не любить врагов чужих и бороться с врагами Божьими. Любить требовательной, разборчивой любовью, ясно различая добро и зло.

Проповедью любви пронизаны все евангельские тексты и святоотеческая литература. Раннехристианские мыслители открыли в ней универсальный творческий принцип вселенной, на котором основывается ее бытие. Пытаясь проникнуть в «святая святых» жизни, рассмотрели духовную любовь как способ познания первопричины в системе «истина — благо — красота — справедливость». Так, Аврелий Августин отметил, что, любя Бога, не согрешишь: «люби и делай то, что хочешь». Григорий Палама представил связь любви с добродетелями в виде образа дома, где добродетели — стены, а любовь — крыша. Как дом бесполезен без крыши, так и добродетели невозможны без любви и наоборот. От крыши нет пользы, если нет стен, на которые она опирается. Характерно, что любовь к Богу Г. Палама назвал началом добродетели, а любовь к миру — причиной зла, потому что природа человека противоречива, может быть связана с неблаговидными поступками.

Этос русской моральной философии, понимаемый как система ценностных предпочтений, «порядок любви и ненависти», определяется любовью как духовной силой, а не слабостью, в то время как ненависть является негативным посылом враждебности и злобы. В этой связи возникает одна из интеллектуальных проблем христоцентричного мировоззрения и русской метафизики морали. Запрет на убийство доведен в ней до заповеди даже не гневаться; запрет на прелюбодеяние – до невозможности его даже в мыслях; запрет на клятву – до ненужности клятв вообще; запрет на вражду – до призыва любить врагов; милосердие – до всепрощения.

Поэтому критиками христианской морали и русской философии ее «глаголы жизни вечной» вера, надежда и любовь рассматриваются как проявление бессилия: смирение как предательство и отсутствие чувства собственного достоинства; терпение и послушание как безразличие и подчинение, отказ от борьбы; прощение как отсутствие самоуважения. Но против вражды нет

лучшего средства, чем жалость и прощение. Под жалостью в русской культуре, как отмечает В. С. Соловьев, понимают любовь. Ненависть, зависть и месть контрпродуктивны, являются самоотравлением души.

В христианской любви благодать нисходит на каждого, Бог любит всех, грешников и праведников. Что касается альтруизма, то христианскую требовательную к другим людям и самому себе любовь не подменишь помощью ближнему. Невозможно положиться в спасении собственной души на другого. Так этос православия, ассимилированный самобытной русской философией, возвышает ценности «глаголов жизни вечной» над теми светскими установками, которые прагматичны и утилитарны.

Философские интерпретации веры, надежды и любви в русской метафизике морали

Классическая метафизика морали раскрывает сверхэмпирический смысл долга, веры, надежды и любви, образующих основу кантовского категорического императива. Следование ему раскрывает другого человека как цель, но не средство, вне зависимости от действительного положения вещей, от «изначально злого в человеческой природе» (И. Кант). «Божественную цель в отношении человеческого рода нельзя мыслить иначе как основанную на любви» [9, с. 890]. Трансцендентное отношение к человеческому дополняется имманентным отношением внутри человеческого, потому что воля одного ограничивает волю другого. «Любовь мы понимаем здесь не как чувство и не как симпатию... она должна мыслиться как максима благоволения (практическая), имеющая своим следствием благодеяние» [9, с. 845]. Так абсолютные ценности задают условия и способы позитивного наполнения жизненного мира человека.

Тема веры, надежды и любви всегда находилась в центре внимания самобытной русской философии, в особенности метафизики всеединства, ярко заявившей о себе на рубеже XIX–XX веков. Именно в диалоге философии и богословия обнаружился один из творческих истоков русского умозрения: сквозными линиями размышлений стали рецептированная тема соотношения разума и веры, а также автохтонная тема веры-надежды-любви как цели нравственного развития личности.

В западном благовестии проблема соотношения веры и разума, столкновения веры с рациональной критикой породила следующие варианты решения данного вопроса, который всегда высвечивает границу перехода от философии к религии и богословию и наоборот. Ортодоксальная формула «верую, ибо абсурдно» (Тертуллиан) сопровождалась догматическим «верую, чтобы разуметь» (Августин) и логическим «разумею, чтобы веровать» (Абеляр).

В русской же самобытной философии ответ на вопрос о соотношении веры и разума безальтернативен, недизъюнктивен и сводится к единой уста-

новке человеческого духа, проявлениями которого выступают сверхразумное (вера) и разумное. Точнее, признается ограниченность разума и отвергается его автономия ввиду христоцентризма разума и веры как полноты жизненных сил духа.

Общая философская интенция на выявление возможностей преобразования ума и сердца по законам веры, надежды и любви прочитывается во всех трудах представителей школы русской метафизики всеединства, основателем которой выступает В. С. Соловьев.

Смысл божественной любви показан в нравственной философии мыслителя как необходимость оправдания добра через его отождествление с верой, надеждой и любовью в духовном опыте неисправимо несовершенного человека. Смысл его жизни определяется как добро, равнозначное триединой любви. Она в свою очередь рассматривается как спасение индивидуальности через жертву эгоизма. «Совершенство добра окончательно определяется как нераздельная организация триединой любви» [7, с. 546].

При этом божественная любовь, становясь любовью нисходящею, действует на материальную природу человека, вводя ее в полноту абсолютного добра. Восходящая любовь имеет «твердые точки опоры» в натуре человека, основана на так называемых первичных данных нравственности. «Основные чувства стыда, жалости и благоговения исчерпывают область возможных нравственных отношений человека к тому, что ниже его, что равно ему и что выше его» [7, с. 130]. Социальное «уравнение в любви» связывает абсолютные ценности веры, надежды, любви с первичными данными нравственности.

Нисходящая любовь преобразует нравственные чувства в духовные переживания. «Вера вполне совпадает с тем религиозным чувством, которое найдено нами как одна из трех первичных основ нравственности (стыд)... Надежда есть то же самое основное религиозное отношение, видоизмененное представлением о будущем и чувством ожидания... Заповедь любви не связана с какою-нибудь отдельною добродетелью, а есть завершительное выражение всех основных требований нравственности в трех необходимых сферах отношений: к низшему, высшему и однородному бытию» [7, с. 192—193].

В метафизике морали Серебряного века рассмотрены единая сила веры, надежды и любви, преображающих разум (В. С. Соловьев); вера-совесть (Е. Н. Трубецкой); вера, с помощью разума дающая безгрешность (Л. П. Карсавин); интуитивная вера, преодолевающая антиномии разума (П. А. Флоренский); трансцендентная вера внутри имманентного разума (С. Н. Булгаков); разумная вера и верующий разум (И. А. Ильин); вера как воссоединение разума с духом (Н. А. Бердяев); единая вера, только вера (Л. И. Шестов); интуиция разума и веры (Н. О. Лосский).

Наиболее последовательный адепт метафизики всеединства, С. Л. Франк различает сущее и эмпирическое бытие, соборность (любовь) и обществен-

ность, и делает вывод о том, что «человек и мир по их фактическому составу, как они даны в эмпирической реальности, — не таковы, каковы они в их подлинном существе» [10, с. 326]. Духовную состоятельность человека показывает вера, для обретения которой достаточно отказаться от циничной установки и перестать отворачиваться от истины. «Вера есть не что иное, как полнота и актуальность жизненных сил духа — самосознание, углубленное до восприятия последней глубины и абсолютной основы нашей внутренней жизни» [10, с. 247]. Оправдывают веру три чувства в душе человека: трепет перед безмерностью бытия, жажда совершенствования, благоговение как «страх, преображенный любовью».

Но главное — все духовные феномены изучены как трансрациональные, «непостижимые по существу» (С. Л. Франк), что указывает на безусловное и абсолютное, непознаваемое и сверхрациональное, на «единство рациональности с иррациональностью». Духовный мир, неопределенный и неопределимый, содержит то, что «есть и не-есть», что не доказуемо, но «показуемо» в живом и эмпирически достоверном мире личности. Это возможно понимать так, что духовный человек стремится уверовать, но такая перемена мировоззрения труднодоступна. Поэтому людям остается «познавать собственное незнание», в котором божественное «просвечивает» сквозь жизненный мир и является «чистым даром». Смысл жизни выражается в ее связи с вечностью.

В философии непостижимого С. Л. Франка любовь рассматривается как самораскрытие и самооткровение от «я» к «ты», а также осознание «я есмь». Раскрывается как сила спасения, поскольку объемлет не только всех, но и все во всех, и в этом смысле завет любви является не предписанием, а помощью в необходимом раскрытии души. Мыслитель отмечает, что в переживании бессмысленности жизни присутствует момент искания смысла, а метафизическое всемогущество веры, надежды и любви лишь подтверждается в их эмпирическом бессилии.

Любовь как двуединство самоотдачи и самоутверждения исследуется в учении Л. П. Карсавина. В «конкретной метафизике» П. А. Флоренского тезис об истине задает рамочные условия понимания веры, надежды и любви. Так, «камень веры» разрушает противоречия действительности. «Метафизическая триада есть не три разных начала, а одно. Это – одна и та же духовная жизнь, но под разными углами зрения рассматриваемая. Явленная истина есть любовь» [11, с. 75].

Жертвенная любовь представляется единственным способом спасения в учении С. Н. Булгакова. Православная апологетика И. А. Ильина содержит тезы о духовной любви как очевидности. Акцентирована только одна сила, которая обеспечивает предметность всех потребностей и способностей человека: сила духовной любви. Она и составляет дело жизненного выбора, «которым стоит жить и за которое стоит умереть». Недостаток любви и эгоизм являются главным пороком, ущербом земного бытия по Н. О. Лосскому.

Таким образом, самобытная русская философия выявляет в аксиологической триаде «вера-надежда-любовь», этих «глаголах жизни вечной» сверхэмпирический смысл, метафизику православно-христианского духа. Абсолютные ценности в контексте метафизики морали выступают регулятивами бытия человека как в практическом значении, так и в теоретическом смысле. Жизненный мир человека таков потому, что есть любовь, вера и надежда. Ускользающие от философского дискурса, «глаголы жизни вечной» показывают, тем не менее, светское и религиозное содержание духовного бытия человека, высвечивают его неявные, но главные интенции. Сообщают, что важно не только надеяться на дар любви и веры, но и стараться быть достойными этой награды за духовные усилия. И не потому, что абсолютные ценности навязаны или даны извне, а потому, что мы внутренне обязаны осуществлять их.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Ильин, И. А.* Аксиомы религиозного опыта : в 2 т. / И. А. Ильин. М. : Рарогъ, 1993. Т. 1. 448 с.
- 2. *Замалеев, А. Ф.* Русская религиозная философия: XI–XX вв. / А. Ф. Замалеев. СПб., 2007. 208 с.
- 3. *Лосев, А. Ф.* Русская философия / А. Ф. Лосев // Очерки истории русской философии / А. И. Введенский [и др.]; вступ. ст. Б. В. Емельянова, К. Н. Любутина. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 592 с.
- 4. *Зеньковский, В. В.* История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. Ростов H/Д. : Феникс, 1999. Т. 1. 544 с.
- 5. *Севостьянова, Н. Г.* Русская философия: основные вехи развития / Н. Г. Севостьянова. Минск: МГЛУ, 2019. 308 с.
- 6. *Кант, И*. Религия в пределах только разума / И. Кант // Трактаты и письма. М. : Наука, 1980. С. 78–278.
- 7. *Соловьев, В. С.* Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Сочинения : в 2 т. / В. С. Соловьев; вступ. ст. А. Ф. Лосева и А. В. Гулыги. М. : Мысль, 1990. Т. 1. С. 47–580.
- 8. *Булгаков, С. Н.* Свет невечерний : созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. М. : Республика, 1994. 415 с.
- 9. Кант. М.: Мысль, 1999. 1472 с.
- 10. Франк, С. Л. Духовные основы общества / С. Л. Франк. М.: Республика, 1992. 510 с.
- 11. Φ лоренский, П. А. Столп и утверждение истины / П. А. Флоренский. Сочинения : в 2 т. М. : Правда, 1990. Т. 1 (1) 491 с.

Поступила в редакцию 03.04.2023

Степанова Татьяна Леонидовна ст. преподаватель кафедры истории и социальных наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь t.l.stepanova@gmail.com

АПОЛОГИЯ ГЕДОНИЗМА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА

В статье ставится цель показать, что гедонизм как смысложизненное основание общества потребления является логическим завершением этапа европейской истории, начатого в XIV веке. Автор показывает, что логика развития этого процесса лежит не только в плоскости экономического и политического планов, что может быть исправлено трансформациями общества именно в этих направлениях, но является логическим завершением социодинамики западной культуры. Это было показано П. Сорокиным, предсказавшим кризис всех основ западной культуры, которая, перейдя в стадию чувственной культуры, логически отрицает самое себя.

Ключевые слова: кризис системный; социодинамика; гедонизм; культура идеациональная; культура идеалистическая; культура чувственная; цивилизация.

Томительное ожидание катастрофы, сопровождавшее человечество в конце прошлого тысячелетия, объясняется довольно просто - с одной стороны, это проявление опасения магии чисел, а с другой - конец истории как завершение эпохи революций и потрясений, провозглашенный Ф. Фукуямой [1], не случился. Более того, окончание холодной войны привело к горячим войнам в Европе. Поэтому мистические ожидания конца ХХ в., когда интерес к различного рода предсказаниям, характерный для отдельных людей, превратился в общесоциальное явление, катрены Нострадамуса становились бестселлерами, обсуждались в самых серьезных аудиториях. Несомненно, что сама дата миллениума здесь не играет особенной роли, она была лишь поводом, просто общество ощущало приближение кризиса, но было не в состоянии ничего сделать, чтобы не только избежать, но хотя бы его минимизировать или отсрочить. И ожидания не обманули. 11 сентября повергло мир в шок. Финансовый кризис 2008 г. - в плохо скрываемое отчаяние. Середина 10-х гг. XXI в. порождает взаимоисключающие ожидания как того, что все благополучно заканчивается, так и того, что настоящий кризис уже на пороге. Кризис банковской системы марта 2023 г. очевидно свидетельствует в пользу второго. Но чтобы выйти из кризиса, необходимо понять его причины.

Философия XIX в. видела мир линейным – причина достаточно жестко определяла следствие, а следствие всегда имело причину, необходимо было только ее отыскать. Но уже в середине этого века позиции социального детерминизма были поколеблены. В XX же веке линейная зависимость общественных явлений и вовсе была подвергнута сомнению. Попытки объяснения

жизни социума были сделаны с позиций синергетики. В синергетическом аспекте причины современного глобального кризиса можно увидеть в нелинейности развития современного общества. Это создает множественные точки бифуркаций, порожденные интерференцией многих социокультурных процессов, приближающихся к границе самоистребления, а также в процессах, порождаемых самоорганизацией информационного общества, приведших к гибели многих параметров привычного порядка, ростом объема информации и коммуникативных связей, доходящих до режима обострения, что влечет за собой фрагментарное, клиповое восприятие действительности. Кризис самоидентификации не только личности, но и социальных групп приводит к напряженности во взаимодействиях государств, наций, конфессий, отношений человека и природы, противоречий между гуманитарной и естественнонаучной культурой. Элита глобального общества, осознанно или нет преследующая собственные интересы, все более углубляла этот кризис. Постмодерн вполне философски объясняет бессмысленность человеческой жизни, если иметь в виду тот смысл, который понимался обществом модерна как служение, предполагающее постановку цели в жизни и ее достижение, а также следование общественному идеалу. Главное, чему должен следовать человек постмодерна, - это поиску новых впечатлений, ощущений, удовольствий. Объект служения для него - он сам. Строго говоря, смысл жизни в рамках философии постмодернизма не отрицается. За отрицанием смысла скрывается давно известный гедонизм, но благодаря развитию постиндустриальных технологий предлагающий такое бесконечное количество различных опытов и совершенно невообразимых ранее качеств ощущений, что современный индивид потерялся в самоидентификации себя не только как личности, но просто как родового существа - мужчины, женщины, да и просто человека.

Это все лишь описание симптомов болезни, но не ее этиология.

Диагноз же кризиса, развернувшегося в конце XX в., был поставлен еще в первой четверти века Питиримом Сорокиным: «... все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезнейший кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая здоровая ткань... ...свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие (уходящей эпохи) и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой эпохи начинает опускаться на нас с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами» [2, с. 427].

П. Сорокин пытается определить причину того, что приведет к этому печальному результату. Он справедливо замечает, что в роли Кассандры и до него выступали многие. Мыслитель насчитывает три диагноза грозящей катастрофы. Первый сводится к попытке связать все с противостоянием различных социально-политических систем и самый кризис видит как продолжение

и обострение проблем политических и экономических. Наиболее простодушные сводят все к противостоянию личностей – хороших и плохих. Средством решения проблемы им видится изменение каким-либо образом политических условий в некотором регионе, а в некоторых случаях – уничтожение зловредной личности. Сорокин писал это в середине прошлого века. Надо заметить, что простодушные умы, поставившие этот диагноз, с тех пор не повзрослели. Уничтожение «зловредных» Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи из предполагаемого регионального кризиса создали реальный межрегиональный.

Второй диагноз поставили пессимистически настроенные философы во главе с Освальдом Шпенглером [3]. Их точка зрения сводится к тому, что всякая культура смертна. Достигнув зрелости, она с неизбежностью начинает стареть, и как итог этому – умирает. Точка наивысшего расцвета западными обществами уже пройдена и ее ожидает одно – закат. Как в отношении человека и любого другого живого существа не существует панацеи от смерти, так нет панацеи и от гибели культуры.

Ни один из предложенных диагнозов Сорокин не приемлет. Его диагноз состоит в том, что это – системный кризис. Он не сводится только к политическому и экономическому, это кризис всех общественных основ – науки, искусства, религии, права, морали. Этот кризис по сути есть ничто иное, как распад основополагающих форм культуры западного общества.

Философия истории дала много интересных взглядов на периодизацию истории и культуры. П. Сорокин внес свой вклад, и, в отличие от многих, его взгляд был действительно новым взглядом на проблему.

По мнению Сорокина всякая культура есть логическая смена этапов своего существования. Он выделяет три этапа существования любой культуры - идеациональный, идеалистический и чувственный. Отметим, что это справедливо для любой культуры, хотя П. Сорокин рассматривает эти этапы, называемые им просто культурами, на примере западного общества. Для и деациональной культуры характерна ориентация на сверхчувственный мир. Главной ценностью такой культуры является Бог. И во всех своих взаимосвязанных компонентах она выражает именно эту идею - Верую. Архитектура, скульптура, музыка, философия – все подчинено религии. Ценности простого человеческого существования являются ценностями именно тогда, когда их можно рассматривать как этап перехода к инобытию, т.е. смерти, и поэтому их крайне немного. То же, что простое человеческое существо может ценить - сытость и удобство - рассматривалась как антиценность, и стремление к ней полагалось греховным. Заметим, что большинство людей все же сытость предпочитают голоду, а комфорт - неудобству. Но люди Средневековья (по западной периодизации это скорее можно определить как Темные Века) хоть и не считали это откровенным грехом, но все же не находили нужным фокусировать свое внимание на этих сторонах бытия, если они были решены в самой минимальной степени. Как уже было отмечено, это справедливо для всех культур. И если в отношении культур, в которых религия является центральной, осевой формой, это не вызывает ни сомнения, ни удивления, то интересно, что этот период имеет место и в культурах изначально атеистических. Если мы рассмотрим советскую культуру, то и в ней отчетливо проявляется этот идеациональный этап. По сути, первые годы советской власти при очевидной невозможности реализовать мечту в ближайшем обозримом времени истинной ценностью рассматривалось будущее (как сказал один из героев М. Горького: «Наши дети будут лучше нас и жить они будут лучше»). Поэтому неудобства, тяготы, лишения – это нормальное существование, потому что главное – впереди.

Закат западной средневековой культуры означал завершение этапа культуры идеациональной. В конце XII в. (обычно окончание Темных веков связывают с именем Франциска Ассизского) в сознании людей появился зародыш совершенно нового принципа - объективная реальность и ее смысл чувственны [2, с. 430]. Если идеациональная культура единственной истинной реальностью полагала сверхчувственный мир (для Августина Блаженного истинный Град – это Град Божий), то схоластика уже позволила спор между номиналистами и реалистами, и, повернувшись к Аристотелю, признала паритет между материальным и идеальным. Но идеальное, божественное еще рассматриваются как настоящие, истинные ценности, однако эта была скорее дань уходящей идеациональной культуре. Философия постепенно сбрасывает гнет религии, и все эти переплетения старого и нового создают совершенно удивительный мир новой культуры - и деалистической. Если провести параллель между западной и советской культурой, то можно заметить, что и в ней этот этап был представлен. Когда после победы в Великой Отечественной войне страна постепенно поднялась из разрухи, и прекрасное завтра если еще и не наступило, то уже заалела его заря, именно сегодняшний день стал рассматриваться как истинная реальность, жить уже хотели не только для потомков, но и для себя. То, что в советской истории называется «оттепелью», было проявлением идеалистического этапа в развитии этой культуры. Шестидесятники не отрицали устоев, они стремились к «социализму с человеческим лицом», а по сути, им хотелось, чтобы с ними расплатились за лишения. Они были не против того, чтобы уехать в дальние степи или уйти на разведку в тайгу, но надеялись возвратиться оттуда в комфортный дом и однажды остаться в нем навсегда.

Однако ч у в с т в е н н а я культура, пробив брешь в культуре идеациональной, не завершила на этом процесс своего развития. Идеациональная культура продолжала приходить в упадок. Философия окончательно отпочковалась от теологии, смело вводя в свой лексикон понятия природа, материя,

оставляя Бога лишь там, где при помощи лишь категорий чисто философских объяснить мир не удавалось, и отводила ему лишь роль первотолчка. Если пантеизм еще довольно робко связывает природу и Бога, то Спиноза смело определяет ее как причину самой себя. В более доступных формах культуры (в частности, в искусстве) онтологические проблемы философии сводятся к пониманию того, что объективная реальность и ее смысл чувственны. Начиная с XVI в. в Европе воцарилась культура чувственная, эмпирическая, светская, принципы которой проявляются во всех ее сферах, и в конечном счете - в образе жизни и умонастроениях людей. То есть этапы развития культуры представляют собой смену смыслов и принципов - основной принцип средневековой культуры, ее главный смысл был потусторонним и религиозным, и вся культура была пронизана этой идеей. Идеалистическая культура совмещала смысл религиозный и сверхчувственный со светским и посюсторонним. Принцип же современной культуры - светский и утилитарный. К XX в. чувственная культура раскрыла все свои потенциальные возможности и все оказалось совсем не так прекрасно, как на то надеялись. Человек, сформированный этой культурой, оказался далеко не таким гармоничным и совершенным, каким он казался сам себе на заре этой культуры. Псевдорелигия, утилитарная мораль, в которой абсолютные моральные ценности расплываются, и понятия добра и зла превращаются в относительные, что по сути своей стирает между ними грань, породили индивида, для которого служение неким высоким смыслам является абсолютной бессмыслицей, он не питает никакого уважения к своим обязанностям, но высоко ценит свои права. Поиск чувственных удовольствий становится краеугольным камнем его существования. Но что может вести и контролировать поведение такого человека по отношению к другим людям? Только его желания и вожделения. И в этом стремлении к наслаждениям они теряют всякий, не только моральный, контроль, который без веры в Бога не существует – ведь когда Бога нет, то все позволено. Человек теряет то, чем чувственная культура модерна от века гордилась – здравый смысл. И что же тогда может удержать его от нарушения прав Другого, ставшего его конкурентом в борьбе за удовольствия? Как далеко сможет он зайти в нарушении этих прав? Он зайдет настолько далеко, насколько ему это позволит Другой. То есть в обществе развитой чувственной культуры главными законами являются законы физической механики - сила действия равна силе противодействия. Справедливость заменяется силой. Победитель всегда прав. Это общество программирует конфликты, и количество этих конфликтов неуклонно умножается. Но постиндустриальное западное общество - сообщество законопослушных людей. Поэтому большая его часть боится конфликтов, поэтому этот Другой, борьба с которым опасна неизвестным окончанием, да и просто отвлекает от себя, переносится в себя. Другой - это сам человек как некоторый идеал, это то предназначение, которое он подозревает в себе.

«Еще одним следствием переходных периодов является рост душевных болезней и самоубийств. В перезревшей чувственной культуре общественная жизнь становится такой сложной, борьба за чувственное счастье - такой острой, потребность в удовольствии настолько нарушает ментальное и моральное равновесие, что разум и нервная система множества людей не могут выдержать огромного напряжения, которому они подвергаются; поэтому они становятся склонными к извращениям или даже ломке личности. Будучи лишены общепринятых норм и ценностей - научных или философских, религиозных или моральных, или ценностей какого-либо другого рода - и окруженные хаосом конфликтующих норм и ценностей, эти индивиды оказываются без какого-либо авторитетного руководителя или надиндивидуального правила. В этих условиях они неминуемо становятся неустойчивыми и молятся на случайный личный опыт, мимолетные фантазии и конфликтующие чувственные импульсы. Как лишенную руля лодку, оказавшуюся в море, такого человека качает туда-сюда силою обстоятельств. У него нет стандарта, по которому можно понять, насколько последовательны его действия и к чему он стремится, он становится непоследовательным и неинтегрированным комплексом случайных идей, убеждений, эмоций и импульсов. Неизбежным следствием этого является рост дезинтеграции и дезорганизации. Ко всему этому необходимо добавить болезненный шок, который беспрерывно разрушает его разум и нервную систему среди хаотичной и жестокой борьбы, сопровождающей переходный период. Мы хорошо знаем, что необходимой предпосылкой здравого и интегрированного ума является присутствие социальной стабильности и не вызывающих сомнения общепринятых норм. Когда они начинают разрушаться, за этим обычно следует возрастание нервных срывов, и оба эти явления продолжают прогрессировать. Нервные срывы являются еще одним аспектом разрушения социокультурного порядка» [2, с. 502]. Приводя такую обширную цитату из работы Питирима Сорокина, нет необходимости говорить, что все так и есть, более того, многое обстоит еще хуже. Чем, как не массовым стремлением к извращенным удовольствиям, можно объяснить движение ЛГБТ+? Но здесь необходимо перевести взгляд в русло критики Сорокина. Главный пафос его работы состоит в том, что, полемизируя со Шпенглером, утверждавшим неизбежность смерти культуры, П. Сорокин утверждает, что главной ошибкой Шпенглера является перенесение законов животного мира на общество [2, с. 432]. Культура не может, как человек или животное, проходить стадии детства, зрелости, старости и смерти. Но что же тогда есть три культуры Сорокина, как не стадии, которые, при известном воображении можно отождествить с детством, зрелостью и старостью, правда старостью мало приглядной, однако встречающейся. Чем не портрет Карамазова-отца? Но Сорокин утверждает, что чувственная культура не погибает, а трансформируется, поскольку в ней, как ранее в идеациональной, взрастают зерна новой, идеалистической культуры, так и в культуре чувственной прорастают корни новой, и эта культура – идеациональная. Приводя примеры разложения и гибели Рима и создания на его руинах культуры христианской Европы, он делает вывод, что I-III вв. н.э. были годами переходной эпохи, и античная культура и христианская культура по сути есть одна культура, однако претерпевшая серьезную трансформацию. Вряд ли с эти можно согласиться. Ведь смерть духовного феномена предполагает исчезновение не столько материального носителя, сколько именно духовного смысла. Скачок вовсе не предполагает разрушение объекта, его деструкцию. Он предполагает отрицание того качества, которое ранее давало право на дефиницию объекта как некоторой отличной от других определенности. Оплодотворенная другой идеей, прошлая культура умирает. История полна примеров обществ, которые, дойдя до стадии разложения чувственной культуры, исчезли с исторической арены. Достаточно вспомнить Вавилон. Рим в своем разложении ему не уступал. Недаром христиане сравнивали его с вавилонской блудницей. Но так как Рим захватил те провинции, в которых родилась новая религия и зрела новая культура, люди из этих провинций неизбежно оказались в столице, и людей этих было много, то до окончательной смерти старой культуры эти культуры и религии сосуществовали. Поскольку одна из функций религии – иллюзорно-компенсаторная, то христианство оказалось очень привлекательным и для носителей старой культуры, которые не имели никакой возможности реализовать свои чувственные притязания в силу того, что это не позволял им их социальный статус. Сорокин, полемизируя со Шпенглером, утверждал, что умирают люди, но не культуры, но в случае античной и христианской культур умерла античная культура, а ее прежние носители оказались носителями новой – христианской. Поэтому, соглашаясь с П. Сорокиным относительно причин кризиса современного западного общества, отметим справедливость его критики относительно первого диагноза (особенно, если вспомнить о том, как страны были разделены на «хорошие» и «плохие», так называемую «ось зла», а гигантские средства и усилия были потрачены на то, чтобы уничтожить лидеров, не принимающих навязываемых Западом условий игры в одни ворота.

Но П. Сорокин не учел того, что агрессивность разлагающейся чувственной культуры приведет не только к войнам, но к войнам цивилизационным [4]. Приводя примеры войн в истории, он указывает на те, которые велись в ареалах одной, или сходной культур. Войны между греками и персами – это войны между носителями сходной по фазе культуры. Войны же Александра Македонского (не с персами, а в его претензии на действительное мировое господство и покорение Индии) закончились ничем. Все европейские войны Нового времени велись между христианскими государствами. Когда же война выходила за пределы культурного ареала, она заканчивалась поражением культуры, в которой преобладал чувственный компонент (за исключением

XIX и XX в., но в этих случаях побеждали не носители культуры, а военная техника). Войны же XX в. - это войны между цивилизациями, культурами. Развязываются они, несомненно, Западом, в его стремлении получить все больше средств удовлетворения своих аппетитов. Если источник необходимых Западу богатств не поддается культурному разложению и не готов, как абориген Полинезии, за зеркальце и огненную воду отдать свою землю, ему приходится обороняться всерьез. Собственно, современный кризис состоит в том, что весь мир, большая часть которого является носителем идеациональной (как исламские государства) или идеалистической (страны Юго-Восточной Азии) культуры не желает разлагаться вместе с западной чувственной культурой, хочет жить, реализовывая свои принципы и смыслы. В какой мере представители чувственной культуры, постигшие прелести постиндустриального общества и пользующиеся благами, которые представить себе не мог самый пресыщенный патриций, согласятся на равных сосуществовать с представителями культуры, для которой все это не только не является ценностью, но, напротив, есть проявление безобразия и зла – на этот вопрос вряд ли удастся кому-либо ответить. Тем более, что это просто невозможно экономически, такого потребления планета просто не выдержит.

Как это не печально, на наших глазах разворачивается новая цивилизационная война, в которой со всей очевидностью проявляется именно борьба цивилизаций, представляющих совершенно разные культурные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Фукуяма*, *Ф*. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. М. : АСТ, 2005. 592 с.
- 2. *Сорокин, П.* Кризис нашего времени/П. Сорокин//Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 425–505.
- 3. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. М.: Мысль, 1993. 663 с.
- 4. *Хантингтон*, *С*. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. М. : АСТ, 2003. 603 с.

Поступила в редакцию 05.04.2023

Усоский Владимир Николаевич доктор экономических наук, профессор кафедры экономических наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь vladimirusosky@gmail.com

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

В статье исследуются онтологические характеристики природы человека, а также критические пункты разногласий между теориями познания и методологией Постмодерна и Модерна. Доказано, что сциентистские принципы познания, применяемые философией Модерна в естественных науках и дающие значимые результаты там, где по природе вещей отсутствуют исторические изменения общества (экономики), в гуманитарных науках не действуют. Представлена постмодернистская критика парадигмы Модерна, где радикально пересматривается природа субъект-объектного отношения и способ жизнедеятельности «экономического человека», создавшего техногенную цивилизацию. Доказано, что концепция постиндустриального человека Постмодерна, теряющего качества человека-творца Модерна, приведет к исчезновению техногенной цивилизации.

Ключевые слова: механические системы периодического действия; линейное время; вневременное (механическое) равновесие; механистический детерминизм; «человек экономический»; гипотеза совершенного знания; Робинзонада; «человек-машина»; подрывные технологии; «технологическая сингулярность»; «субъективная достоверность».

23-24 ноября 2022 г. в Москве «Университетом мировых цивилизаций» и «Институтом научной информации по общественным наукам РАН» совместно было организовано проведение V Международной научно-практической конференции «Большая Евразия: национальные и цивилизационные аспекты развития и сотрудничества». Одной из актуальных тем, обсуждаемых на конференции, была проблема исследования онтологических характеристик человека (природы человека), что тесно связано с определением сущности категорий «объективное» и «субъективное». Было установлено, что корректное понимание онтологии человека строится на выявлении различий между теорией познания Модерна и Постмодерна. Фундаментальной проблемой является определение критериев разграничения объективного и субъективного, а также свойств, фиксирующих их единство. Диалектический переход этих категорий друг в друга определяется наличием свойства единства при сохранении различий между объективным и субъективным, что необходимо с целью избежать слияния различий в бессмысленное единство. Проведенное исследование позволило определить критические пункты разногласий между теориями познания и методологией Постмодерна и Модерна.

Сущность Модерна хорошо выражает термин *сциентизм* (от англ. *science* 'наука'). Это философская традиция, отвергающая природу и специфику

гуманитарного знания, и считающая, что гуманитарное знание должно строиться по канонам естественных и точных наук. Эта концепция утверждает, что образцом ясности и точности для гуманитарных исследований должны стать естественные (физика) и точные (математика) науки. Общество рассматривается сциентизмом по аналогии с физическими объектами, которые представляют собой механические системы периодического действия, не зависящие от изменений во времени. Примером могут служить механические часы, в которых все составные элементы жестко подогнаны друг под друга для того, чтобы каждый из них выполнял одну единственную жестко заданную функцию. Ни один из элементов механических часов и сами часы как единая целостная совокупность всех элементов не обладают ни одной степенью свободы. Механицисты идеалистического и материалистического направлений неверно видят в человеческом обществе аналог механических часов. Однако общество представляет собой живой и сложный человеческий организм, имеющий гигантское число степеней свободы, так как каждый человек уникален и не тождественен однородным элементам механических часов. Коммуникативное взаимодействие между людьми и их ассоциациями представляет собой сложно организованную целостность, которая определяется спонтанной непредсказуемостью их действий. По этой причине общество (экономика) не подчиняется законам функционирования механических часов.

Мировоззрение сциентизма строится на трех взаимосвязанных элементах: линейном времени, вневременном (механическом) равновесии и жестком детерминистском действии механизма. В своих работах сциентисты используют методологию классической рациональности, которая идентифицируется с вневременностью и механическим равновесием. Эти параметры хорошо идентифицирует математика и механика, которые «оккупировали» гуманитарный предмет исследования общества (экономики), редуцировав его под упрощенные представления о действительности. Математика и механика конструируют механистическую реальность, которая просчитывается, как кажется ученым этих наук, с помощью высокоточных механических и математических методов.

Илья Пригожин пишет: «Справедливо утверждение о том, что для классической науки "понятно" (intelligible) идентифицировалось с "неизменным" (immutable). По известному выражению А. Эйнштейна, время – это "иллюзия": конечной целью классической науки было описание некоего фундаментального уровня, на котором само понятие времени элиминируется» [1, с. 8]. И. Пригожин критикует сциентистское видение науки и соответственно классический тип рациональности, с помощью которого сциентизм исследует действительность: «Такое видение "науки" продолжает пропагандироваться рядом авторитетных мыслителей. Оно пронизывает многие гуманитарные науки, в которых рациональность зачастую идентифицируется с вневремен-

ностью и равновесием» [1, с. 8]. В контексте сказанного экономист В. А. Вейскопф отмечает: «Ньютонианская парадигма, лежащая в основе классической и неоклассической экономики, интерпретировала экономику в соответствии с образцами, разработанными в классической физике и механике, т.е. по аналогии с планетарной системой, машиной или часовым механизмом, другими словами, экономика рассматривалась как закрытая автономная система, управляемая эндогенными факторами, саморегулирующаяся и движущаяся к определенному, точно предсказуемому равновесию» [Там же].

Эта система взглядов справедливо критикуется как традицией гуманитарного знания, так и постмодернистами. Обе традиции видят в обществе живой и сложный организм, состоящий из взаимодействующих людей и их ассоциаций. Эти субъекты обладают множеством степеней свободы, поэтому сложный характер их коммуникаций делает нереалистичным применение вневременной модели механистического равновесия применительно к обществу (экономике). Однонаправленная «стрела линейного времени» сциентизма, нацеленная на достижение вневременного (механического) равновесия, неадекватна сложно организованной действительности общества (экономики), которое является совокупностью субъектов, подверженных спонтанной самоорганизации.

Человек сотворен Творцом как органическое живое существо, наделенное волей и разумом. Он поставлен Богом на высшее статусное место в иерархии Универсума. Механицисты пытаются принудительно навязать свою ограниченную сциентистскую методологию, представляющую собой неадекватный тип конструирования общества, в корне отрицающую традицию гуманитарного знания. Сциентизм пытается ретранслировать модель механических часов на сложно организованное общество, состоящее из личностей, обладающих волей и разумом. Поведение людей в обществе не укладывается в упрощенную схему механистического детерминизма. Поведение людей не определяется сциентисткой предсказуемостью систем с периодическим функционированием. Механизм не имеет цели в самом себе, он не обладает способностью ставить имманентные (внутриутробные) цели. Механизм нуждается во внешнем толчке для его запуска. Деизм сконструировал средствами ограниченного человеческого разума Бога-Механика, не обладающего свойствами Провиденциального Промыслителя. Бог-Механик запускает Природу-Механизм актом творения, после чего он не вмешивается как в функционирование Природы-Механизма, так и в действия человека (аналог механической машины), которые функционируют по алгоритмам объективных законов Природы и общества. Конструирование Бога-Механика деизмом порочно по своей сущности. В этой связи Джордано Бруно писал: «Человеческий разум не способен постичь актуальную бесконечность» [2, с. 128].

Сциентизму, конструирующему равновесные механические модели, противится природа человека, наделенного Богом-Творцом волей и разумом. Прокрустово ложе модели механических часов не совместимо с природой сложно организованного человеческого общества. Механицизм исключает даже потенциальную возможность волевого выбора поступков человеком на основании продуманных мыслительных актов, определяемых волей. Механицизм отрицает свободу волеизъявления личности «человека разумного». В системе механических часов отсутствует человек, наделенный свободой воли установления целей, выбора средств их достижения и получения результатов, зависящих от непредсказуемо действующего фактора времени и созвездия множества иных спонтанно действующих факторов.

В созданном человеком обществе результаты его деятельности, как правило, не соответствуют планируемым результатам. Потенциальные возможности людей к совершению действий и актуализация их усилий в экономике не совпадают. Поэтому результаты деятельности человека и создаваемых им ассоциаций подвержены постоянным спонтанным корректировкам. Человек, ставящий цель достижения планируемого результата, чаще всего, не достигает его в должной (задуманной) мере, поэтому постоянно корректирует свои действия. Этот алгоритм лежит в основании действий субъектов рынка. Гегель писал: «Во всемирной истории благодаря действию людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают» [3, с. 114–124]. Мыслитель назвал это «хитростью разума».

В этом Гегель оказался глубже и проницательнее А. Смита, строившего свои рассуждения на концепции разумного эгоизма. Поэтому он предложил механистическую трактовку согласования интересов «индивиды - общество». А. Смит дал описание деятельности работников булавочной мануфактуры, которая строилась на ручном труде и подетальной специализации работников. В мануфактуре используется минимум простых технических приспособлений. Работники, выполняя 18 операций, вели совместный процесс производства булавок, специализируясь на выполнении определенных трудовых функций. Приводится пример одной из мануфактур, в которой работало 10 человек. Разделение труда внутри мануфактуры позволило повысить производительность труда до 48 тыс. булавок в день. Ученый отметил эффективность процесса расщепления ранее единого целостного труда ремесленника на множество частичных функций, выполняемых отдельными работниками в мануфактуре [4, с. 69–70]. А. Смит писал: «Рабочий, не обученный этому производству ... едва ли может, пожалуй, при всем своем старании сделать одну булавку в день и, во всяком случае, не сделает двадцати булавок» [4, с. 69].

Ученый описал процессы разделения труда внутри мануфактуры. Однако он не мог увидеть, как действует система разделения труда в национальной экономике Великобритании по причине системной незрелости данного процесса. Он наблюдал складывающиеся сложные связи межфирменного взаимодействия, но, конечно же, не мог описать их в целостном и зрелом виде. Однако предвосхищая будущие результаты функционирования рынка, А. Смит отметил: «И поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употреблять свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, поскольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет ввиду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» (Курсив наш. – В. У.) [4, с. 442–443].

А. Смит высказал предположение, которое не смог доказать, что рынок обладает устойчивым равновесным состоянием между спросом покупателей и предложением продавцов. Ученый имплицитно выводил причину вневременного равновесия в механическом совпадении интересов покупателей и продавцов с совокупным интересом общества. Идею механического вневременного равновесия А. Смита подхватила классическая традиция политической экономии и пришла к выводу об автоматизме действия экономических законов. Постоянное повторение этого совершенно не доказанного никем тезиса о том, что в экономике якобы изначально заложено действие механизма рыночного равновесия между спросом и предложением некорректно ставит проблему и не в состоянии ее конструктивно разрешить. Бездоказательное утверждение о том, что рынок подвержен незначительным отклонениям рыночных цен от осевого (центрального) значения, привело классическую традицию к отрицанию кризисов перепроизводства. Вывод об их мнимом отсутствии сделал Ж. Б. Сэй. Причина ошибок классиков состояла в неадекватной механистической методологии.

Во-первых, классики, а затем неоклассики интерпретировали объект и предмет политической экономии неадекватно сущности гуманитарной предметности. Они свели сложно организованную целостность гуманитар-

ной предметности общества к несуществующей в действительности модели механических часов, элементы которых в принципе не обладают ни одной степенью свободы. Поэтому они представили действительность капиталистического рынка как не существующую в жизни отвлеченную механическую конструкцию, где действие времени элиминировано. Теория их вневременной механической конструкции опиралась на не подтвержденную эмпирическими фактами надуманную гипотезу статичного равновесия. Согласно этой ошибочной гипотезе, рыночные цены механически колеблются в чрезвычайно узком диапазоне, незначительно отклоняясь от своего однозначно заданного диапазона надуманного механического равновесия. Логичным выводом их безжизненной конструкции рынка было отрицание кризисов перепроизводства, что представляет собой насилие над действительностью, противоречащей фактам жизни.

Во-вторых, сциентистская традиция не имела интереса к изучению эмпирической действительности капиталистического цикла. Поэтому она старалась не замечать эмпирические факты системного перепроизводства товаров в национальных экономиках, что было прямым следствием действия кризисов перепроизводства. Неоклассики прибегали к уловкам, пытаясь выдать кризисы перепроизводства в национальных экономиках за кризис перепроизводства в отдельных отраслях экономики. Боже упаси признать периодически возникающие кризисы перепроизводства в масштабах национальных экономик, а тем более согласиться, что системные кризисы перепроизводства являются фактом международных рынков. Глубокую внутреннюю интуицию неравновесного состояния капиталистической рыночной экономики показали два оригинальных мыслителя левого направления С. де Сисмонди [5, с. 133–144] и К. Маркс.

В разделе «Кризисы как следствие накопления, не отвечающего спросу» С. де Сисмонди (1773–1842) писал: «Как сторонник абсолютной свободы обмена, Рикардо, должен был утверждать, что его система может одновременно господствовать повсюду, что производители являются не соперниками, а покупателями по отношению друг к другу. Действительно, вся его теория зиждется на том основном принципе, что нация может продавать лишь столько, сколько она покупает, что между производством и потреблением необходимо существует равновесие, что потребление возрастает вместе с производством; внешняя же торговля, по его мнению, нисколько не нарушает этого равновесия, она лишь удовлетворяет разнообразные вкусы потребителей благодаря появлению, на рынке более разнообразных, но одинаково ценных продуктов» [Там же].

В-третьих, классики и неоклассики следовали методологии рационалистической дедукции Декарта. Они не занимались исследованием эмпирической действительности, задавая экономической жизни людей отвлеченные

сциентистские схемы, построенные на механических аналогиях. По этим причинам неоклассики не смогли поставить научную проблему, зафиксировав наличие Долгой Депрессии (англ. Long Depression) 70-90-х гг. XIX века. Они просто не смогли заметить этого факта экономической жизни в международной экономике. Только перенеся нокдаун Великой Депрессии XX в. (1929–1939) неоклассики вошли в состояние вменяемости. По всем странам мира им наконец-то удалось зафиксировать характеристики гигантского спада ВВП (20–30%), высокий уровень застойной безработицы (15–25%), большую дефляцию (20–35%), распад системы золотого стандарта, крах мировой торговли и экспансию бартерных отношений на международные рынки.

Классическая теория не давала ответа на вопрос, который ей правомерно задавался критиками «слева»: «Как с позиций классической политической экономии и его смыслового ядра (закона Сэя) можно было бы корректно объяснить циклическое развитие капиталистической экономики в XIX веке?» Например, как научно проанализировать феномен Долгой депрессии XIX в., длившейся в различных странах мира с 1873 до 1896 года. Кризис потряс экономику Европы и США. До наступления глубокой и длительной депрессии 30-х г. XX в. Долгая депрессия так глубоко вошла в народную память, что справедливо была названа Великой депрессией [6]. Например, в экономике США Долгая депрессия (1873–1879) была вызвана паникой 1873 г., после чего произошел спад экономики с октября 1873 г. по март 1879 г. Правительство США только в 1879 г. смогло вернуться к системе золотого стандарта, который был свернут в 1861 г. (начало войны между Севером и Югом). Национальное бюро экономических исследований США зафиксировало в стране рецессию экономики в 65 месяцев. Этот феномен по своей длительности превышал период падения экономики (43 месяца) в 30-х гг. ХХ в. (Великая депрессия). Вместе в течение 80-х гг. XIX в. в США были зафиксированы самые высокие темпы роста экономики страны за всю ее историю [7].

Неоклассики обходили неудобные вопросы, так как их механистическая теория и методология не были «заточены» на адекватное объяснение бизнес-цикла. Такое положение продолжалось вплоть до краха мировой экономики 1929–1939 годов. Тогда наконец-то неоклассическая традиция была вынуждена начать обдумывать это явление, которое невозможно было не заметить, делая вид, что ничего в национальных экономиках и на мировом рынке не происходит.

Дж. М. Кейнс подвел закономерный итог развитию теории неоклассиков: «Наша критика общепринятой классической экономической теории заключалась не столько в отыскании логических изъянов ее анализа, сколько в установлении того факта, что ее молчаливые предпосылки редко или даже никогда не бывают убедительны и что она не может разрешить экономических проблем реальной жизни» [8, с. 346].

Классики ввели в науку понятие человек экономический (homo economicus). Это человек, рационально (ratio 'разум лат.') строящий свое поведение, исходя из цели максимизации утилитарной выгоды. Новоевропейское общество Модерна (XVII-XX вв.) построено на принципе субъект-объектного отношения, сердцевиной которого является человек-творец. Он является активным фактором развития общества, позиционирует себя в качестве титанической личности, нацеленной на преобразование природной среды в утилитарных интересах. Бурный темп развития промышленной революции в конце XVIII-XIX в. способствовал дальнейшим фундаментальным сдвигам в парадигме мышления и природе человека Нового времени. По мере разворачивания промышленного переворота стала зарождаться новая разновидность экономического человека - индустриальный человек, т.е. человек «вываренный» в фабричном котле большого города. Экономический человек, согласно представлениям классиков, является всеведущим, т.е. мир был тотально проницаем с помощью разума. Все принципиально познаваемо. а если мы что-то пока еще не знаем, то все равно рано или поздно будем знать. Теория строилась на нереалистической гипотезе совершенного знания (perfect knowledge). В рамках этого интуитивного предположения «homo economicus» представляет собой своеобразного маленького «божонка». Предполагалось то, что он способен полно, целостно и достоверно воспринимать всю необходимую экономическую информацию, а значит, принимать рациональные решения на рынке.

Англо-саксонская ветвь классической политической экономии в теории познания создала модель Робинзонаду в качестве приема методологических идеализаций. Политическая экономия изучала поведение обособленного человека в экономике, рационально строящего свою деятельность и нацеленного на преобразование Природы с помощью системы машин.

В сознании математиков и механиков человек воспринимается как механический объект или машина согласно философскому «смыслообразу», введенному в науку французским материалистом Офре Жюльена де Ламетри, автором книги «Человек-машина» (1747). Мыслитель исходил из специфического представления о природе человека, описав его через свойства просвещенной, самозаводящейся, перпендикулярно передвигающейся машины, которая напоминает часовой механизм или клавесин. Философ-материалист построил абстрактную модель «человека-машины», подчиняя ее жесткой детерминации естественной необходимости [9].

Дедуктивно-номологический принцип, используемый картезианской философией и с успехом применяемый в естественных науках, где по природе вещей отсутствуют исторические изменения общества (экономики), в гуманитарных науках не действует. Методология дедукции пассивно «опрокидывает» в будущее жестко детерминированные порядки прошлого ввиду

применения принципа обратимости времени. Антиисторические представления о предмете экономической науки вытекают из сущности дедуктивной картезианской методологии, которая не применима к сложно организованной системе общества (экономики). В сциентизме работает принцип докантовской онтологии пассивного восприятия действительности субъектом познания, который способен только слепо копировать образцы вещей. Здесь незыблем принцип: «порядки и связи идей равны порядкам и связям вещей». Это означало то, что существует необходимая причинно-следственная связь между познающим субъектом («экономическим человеком») и познаваемым объектом (рыночной экономикой).

Механистический принцип «предустановленной гармонии» мира, сформулированный Г. В. Лейбницем (1646–1716) принудительно скреплял всеведущее знание «экономического человека» («порядки и связи идей») с механизмами функционирования рыночной экономики («порядки и связи вещей»). Утопия линейного техногенного Прогресса строилась на принципе тотальной интеллектуальной познаваемости человеком мира, который представлялся как предельно рациональный, где математика и механика смогут четко алгоритмизировать. А. Эйнштейн писал: «Законы математики настолько нечетки, насколько они связаны с реальностью, и настолько четки, насколько они не связаны с ней» [10, с. 30]. Ученый глубоко понимал пределы использования математики в предметной действительности, из чего трезвомыслящие математики определяли пределы предмета, применяя реалистичную методологию, ясно понимая ограниченность методов так называемого «точного знания».

По мнению сциентистов человек напоминает ходячий по рынку калькулятор или компьютер, вычислительные мощности которого позволяют принимать единственно правильные решения в процессе взвешивания издержек и выгод. Механическому утилитарному человеку показалось, что он наделен почти божественным разумом. Из самоуверенного представления о своей интеллектуальной всесильности он начал активную экспансию по техногенному преобразованию природы и общества. Теория рациональных ожиданий утверждает, что субъекты рынка адекватно понимают то, как функционирует рыночная экономика, поэтому они могут правильно оценивать степень воздействия проводимой государством экономической политики на уровень их благосостояния. Очевидным является крайне упрощенное представление сциентизма о природе человека и об онтологических основах общества (экономики). То же относится и к методологическим инструментам сциентизма, которые он опрокидывает из механико-математической сферы на процесс познания сложноорганизованных социально-экономических объектов, забывая, что это «созвездие» взаимодействующих субъектов. Для создания адекватного образа их поведения уместно применение аналогии калейдоскопа, который наблюдатель вращает, а внутри него все переливается.

Будущие события формируются ожиданиями и предпочтениями субъектов, и оценка этих фактов динамично изменяется. План (замысел) не тождественен результату – это самоочевидная истина, однако механистическая методология картезианского редукционизма не принимает во внимание этого факта. В обществе (экономике) происходит сложное индетерминистское взаимодействие «созвездия» факторов, где еще вчера не доминантные тенденции сегодня могут стать преобладающими. Адекватная теория познания и соответствующая ей методология экономической теории восстанавливают онтологическую природу случая в системе «открытой экономики».

Мыслители Нового времени фиксировали радикальные изменения в природе человека, который теряет чувство личного греха. Христианство учит человека осознавать греховность своей природы, преодолевать грех раскаянием и покаянием, творить добрые дела. Однако процесс обмирщения новоевропейского общества настойчиво создавал негативные результаты. Распространение деизма, атеизма и материализма вело к активному процессу секуляризации природы человека. Особенно катастрофичной по своим последствиям была ситуация в индустриальных городах, где происходила деформация природы человека, который утрачивал чувство личного греха. Человек становился все более неуправляемым. «Развинченность» «экономического человека» вынуждало ученых размышлять над тем, как ограничивать это деструктивное поведение. С одной стороны, ограничителями стали выступать формализованные правовые институты государства, а с другой, – неформальные институты человеческого общества (неформальные традиции, нормы и правила).

В течение четырех веков (XVII–XX вв.) в Европе интенсивно шел процесс деформации и распада абсолютных ценностей христианства. Поэтому природа *индустриального человека*, глубоко «проросшего» в секуляризованной культуре бурно растущих городов, определялась тенденцией вырождения в эгоцентризм. Ученые, придерживающиеся парадигмы экономического либерализма, пытались сбалансировать буйную природу *«экономического человека»* посредством реализации концепции разумного эгоизма. А. Смит и И. Кант стояли у истоков решения этой противоречивой проблемы, стремясь найти баланс между чувствами, разумом и волей утилитарного человека.

Мировоззрение секуляризированного автономного человека Нового времени строилось на фундаментальной интуиции творца (активный субъект), противопоставляющего себя природному ареалу обитания, в котором он видел пассивный объект для своего манипуляционного воздействия на него. Автономный человек обладает творческими функциями, нацеливаясь на преобразование природы, общества и самого себя (самопознание). Теоретические концепции Нового времени эволюционировали из заданных априорных пред-

посылок мышления, обосновывая парадигму субъект-объектного отношения. Научные открытия продемонстрировали широкий спектр возможностей человека, который создал вторую природу – техногенную среду городской культуры, предназначенную для обслуживания потребностей жизненного уклада секуляризированного человека. ИКТ (информационно-коммуникационные технологии) стали важной частью мира техногенной культуры с 80-х гг. XX в., средоточием которой выступают гигантские мегаполисы. В них проживает самая активная часть человечества, генерирующая творческие идеи и продукты научно-технического прогресса. ИКТ являются пассивным инструментом в руках человека. ИКТ – это объект, не обладающий качествами органической жизни живого существа, неспособный сформулировать цели своего внутриутробного развития, так как этого нет по определению. ИКТ как пассивному объекту человек извне задает функции по исполнению заданий, которые построены по программно-математическим алгоритмам.

Со второй половины XX в. в развитых странах мира интенсивно росло влияние идей постмодернизма на умы и сердца людей (Р. Барт, Батай, Ж. Бодрияр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Гваттари, Лакан, Ж. Лиотар, Мерло Понти, Фуко). Фундаментальный смысл концепции Модерна отличался от парадигмы Постмодерна, радикально изменившего мировоззренческие основы бытия и мышления человека Нового времени. Тезис о «смерти Бога», провозглашенный Ф. Ницше в конце XIX в., через столетие был дополнен экзотическим тезисом Постмодерна о «смерти человека». Как будто бы из небытия возникла идея об утрате человеком своих творческих функций, которые он накопил, наращивая арсенал познания и опыта в течение четырех столетий эпохи Модерна. Соответственно на техногенную среду («вторую природу» искусственного происхождения), созданную человеком, постмодернистами вдруг ни с того, ни с сего стали переноситься функции техногенного творца. Была выдвинута гипотеза о том, что в процессе самообучения машина способна «нарастить» свой интеллектуальный потенциал, который намного превысит интеллектуальный потенциал человека. Постмодернисты предпринимают усилия по фундаментальному сдвигу смысла в парадигме Модерна, которая радикально пересматривается. Удар наносится в сердце (модели), пересматриваются перспективы природы субъект-объектного отношения Модерна, без возникновения и укоренения которого в практику деятельности людей XVII-XX вв. не произошли бы столь глобальные сдвиги в способе жизнедеятельности «экономического (индустриального) человека», создавшего техногенную цивилизацию. Становление постиндустриального человека Постмодерна, теряющего качества человека-творца Модерна, стало фактом последних 70 лет развития цивилизации.

Бодрияр Ж. утверждает, что «уже не существует ни "истории", ни "субстанции": наступила "стадия полной относительности, всеобщей подстанов-

ки, комбинаторики и симуляции"» [11, с. 52]. Идеи о распаде гуманистической традиции Модерна воплощаются в деградации морали и формировании процессе бездуховности в человеке. «Постмодернист Жорж Батай в диспуте с католическим епископом Ипполитом и философом Ж.-П. Сартром говорит об "открытости существований" индивида, в которой добро и зло неразличимы» [12, с. 166]. Происходит постепенный отход от принципов новоевропейского мышления и способов жизнедеятельности человека эпохи Модерна. Постмодернизм выдвинул спорную идею о том, что уже не человек является творцом, а создаваемая им продвинутая техника в процессе самообучения превращается в искусственный интеллект (ИИ), наделенный суперинтеллектом (образ машины «Саманта» Криса Скиннера). Постмодернисты К. Шваб, Ю. Н. Харрари, Р. Курцвейл, Г. О. Греф предполагают, что в недалеком будущем появятся подрывные технологии (disruptive technologies), которые приведут к созданию суперинтеллекта машины, возникающий из «технологической сингулярности».

По мнению постмодернистских критиков Гегеля его диалектика - это триумф духовного деспотизма. В основе методологии немецкого философа лежала секуляризированная протестантская парадигма мышления, интеллектуальная интенция которого построена на стремлении все мирское сделать святым, однако по специфическим секулярным рецептам святости. Христианство православного и католического обряда определили интенцию протестантизма как профанную «святость». Они видят в Гегеле философа, создавшего систему секуляризованного идеализма, которая лишена духовного содержания христианства. В его парадигме нет Бога-Творца и нет веры в Абсолют. Содержание абсолютной идеи Гегеля лишено религиозной природы христианства. Это не более чем отвлеченная абстракция, лишенная Божьего смысла. В основе секулярной концепции Гегеля лежит принцип протестантской профанации священного, что немецкий философ представил в качестве диалектики абстрактной абсолютной идеи. Гегель придал протестантским идеям секуляризованную форму, в которой нет Бытия и Бога-Творца, а есть абстрактный логический пантеизм. Рассудочный индивидуализм «судящей совести» протестанта предельно субъективировал онтологию этой ветви западного христианства. С. Н. Булгаков писал: «Протестантизм не имеет идеала и пути святости, без которой нет настоящей религии, как нет искусства без художественного гения» [13, с. 103].

Секуляризированные постмодернисты считают, что Гегель создал систему абстрактных понятий, которой приписал обладание самодействующим духом «абсолютной идеи», объективное действие которой может решить в мире все. Логическая идея Гегеля господствует в мире, регулируя поведение детерминистского человека, логический образ которого близок к модели «человека-машины» Ламетри и механического человека Р. Декарта.

Исчерпывается цикл действия парадигмы новоевропейской философии Модерна по поиску и обоснованию критериев «субъективной достоверности», который был определен Гегелем. Философия Постмодерна пытается заменить старые положения «субъективной достоверности» по поиску относительной истины новыми критериями постижения относительной истины при игнорировании абсолютных ценностей христианства.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Пригожин, И.* Наука, цивилизация и демократия / И. Пригожин // Философия и социология науки и техники : Ежегодник 1988–1989. М. : Наука, 1989. 328 с.
- 2. *Холл, М. Б.* Наука Ренессанса. Триумфальные открытия и достижения естествознания времен Парацельса и Галилея. 1450-1630. / М. Б. Холл. М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. 351 с.
- 3. *Гегель, Г. В. Ф.* Сочинения / Г. В. Ф. Гегель. М.–Л. : Соцэкгиз, 1935. Т. 8 : Философия истории. 470 с.
- 4. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. М. : Эксмо, 2007. 970 с.
- 5. *Сисмонди, Л.* Прудон в избранных отрывках. Мелкобуржуазная экономия и мелкобуржуазный социализм. Экономическая система социализма в ее развитии // Л. Сисмонди. М.–Л.: Государственное издательство, 1926. Вып. V.– 277 с.
- 6. Rosenberg, H. Political and Social Consequences of the Great Depression of 1873–1896 in Central Europe / H. Rosenberg // The Economic History Review. Blackwell Publishing, 1943. Vol. 13, no. 1/2. P. 58–73.
- 7. *Musson*, *A. E.* The Great Depression in Britain, 1873–1896: A Reappraisal // The Journal of Economic History. Cambridge University Press, 1959. Vol. 19, no. 2. P. 199–228.
- 8. *Кейнс, Дж. М.* Общая теория занятости, процента и денег. / Дж. М. Кейнс. М. : Гелиос APB, 1999. С. 346.
- 9. Ламетри, О. Ж. Сочинения / О. Ж. Ламетри. 2-е изд. М.: Мысль, 1983. 512 с.
- 10. *Бочарников, В. П.* Fuzzy Technology: модальность и принятие решения в маркетинговых коммуникациях / В. П. Бочарников. К.: Ника-центр, Эльга, 2002. 224 с.
- 11. *Бодрияр, Ж.* Символический обмен и смерть / Ж. Бодрияр. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
- 12. Румянцев, M. A. Религиозные основания хозяйствования / M. A. Румянцев. СПб. : Изд-во НПК «РОСТ», 2005. 308 с.
- 13. Булгаков, С. Н. Тихие думы / С. Н. Булгаков. М.: Республика, 1996. 512 с.

Поступила в редакцию 12.2023

ЭКОНОМИКА

Афанасенко Александр Васильевич кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономических наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь alex.des.lu@gmail.com

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ФРАНЧАЙЗИНГА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рассмотрены предпосылки и условия появления эффективного способа создания нового бизнеса и интенсивного метода развития существующего, в качестве которого выступает франчайзинг. Проведен анализ основных организационно-правовых и экономических особенностей франчайзинга, выявлены проблемы и определены необходимые мероприятия по развитию франчайзинга в Российской Федерации.

Ключевые слова: франчайзинг; франшиза; франчайзер; франчайзи.

В силу многообразия задач, для решения которых может быть использован франчайзинг, большинство авторов, в зависимости от целей своего исследования, сосредоточиваются на каком-либо одном аспекте франчайзинга и предлагают определение, основанное исключительно на этом аспекте (сравнительный анализ отдельных определений представлен в таблице). Такие определения, очевидно, носят частный характер и не позволяют описать все богатство отношений, возникающих между участниками договора франчайзинга.

Структурно-содержательный анализ большинства определений позволяет сделать вывод о том, что нередко франчайзинг смешивается с лицензированием (поскольку в обоих случаях речь идет о временном праве использования чужой торговой марки на определенной территории в течение оговоренного срока). Это означает, что наиболее логичным способом построения определения франчайзинга должно стать перечисление его отличительных признаков.

Учитывая что во франчайзинге присутствуют экономическая, организационная и институциональная составляющие, можно сформулировать следующее определение: франчайзинг представляет собой форму долгосрочного добровольного взаимовыгодного сотрудничества двух независимых фирм, при которой одна сторона – франчайзер – предоставляет право на использование своей интеллектуальной собственности другому предпринимателю, который обязуется вести коммерческую деятельность исключительно на основе предоставленной ему интеллектуальной собственности.

Обычно выделяют следующие виды франчайзинга: товарный, производственный и деловой (или франчайзинг бизнес-формата).

Суть товарного франчайзинга заключается в том, что франчайзер выставляет на продажу товар, произведенный им с регистрацией товарного знака. После совершения сделки франчайзи осуществляет послепродажное обслуживание продукции либо как называют по-другому «франчайзинг продукта (торгового имени)». Это франчайзинг в сфере торговли на продажу готового товара. В товарном франчайзинге франчайзером представляется производитель, реализующий готовую продукцию или полуфабрикат дилеру-франчайзи. Дилер-франчайзи занимается предпродажным и послепродажным обслуживанием клиентов, приобретающих продукцию франчайзера, и отказывается от реализации продукции, произведенной конкурентами. Выполнение данного требования (правила) является основополагающим содержанием взаимодействия партнеров – франчайзера и франчайзи-дилера.

Производственный франчайзинг представляет собой франчайзинг на производство товаров. Данный вид франчайзинга предполагает, что фирма, обладающая определенной технологией изготовления некоего продукта, продает местным или региональным производителям необходимое сырье для изготовления. Местный или региональный производитель не только производит продукцию под торговой маркой франчайзера и продает его продукцию или услуги, но и интегрируется в полный цикл хозяйственной деятельности крупной организации, тем самым соглашаясь с реализацией равных с ней условий технического процесса в части качества продукции, квалификации персонала, стандартов производства, выполнения плана продаж и так далее. Данная форма взаимодействия подразумевает тесный контакт франчайзера и франчайзи, более структурную регламентацию деятельности и высокий уровень ответственности местного (регионального) производителя. Такая разновидность франчайзинга наиболее широко представлена в производстве безалкогольных напитков.

Деловой франчайзинг чаще всего называют «франчайзинг бизнес-формата». При этом способе взаимодействия франчайзер продает лицензию частным лицам или другим юридическим лицам на право открытия магазинов или ряда магазинов, сетей быстрого питания, ресторанов для реализации продукции и услуг торговой марки франчайзера.

Следовательно, это франчайзинг на определенный вид деятельности, который предполагает интеграцию сравнительно небольшого предприятия в полный производственно-хозяйственной цикл крупной организации. В условиях делового франчайзинга франчайзи компенсирует постоянные взносы и производит отчисления в рекламный фонд, принадлежащий непосредственно франчайзеру. Примерами взаимодействия франчайзера и франчайзи могут быть: сдача франчайзером в аренду основных средств, инвестирование в бизнес франчайзи, поставка франчайзером материальных ресурсов. Наиболее ярким примером делового франчайзинга является открытие первого ресторана быстрого обслуживания McDonald's.

Ведущим основанием для другой классификации видов и форм франчайзинга Е. С. Холин считает состав франшизы (франчайзингового пакета) – комплекса исключительных прав и ресурсов, передаваемых франчайзером франчайзи [1]. По данному основанию Е. С. Холин считает возможным выделить франчайзинг бизнес-формата, предполагающий передачу франчайзером франчайзи всей разработанной и апробированной на практике системы организации и ведения бизнеса, а также ограниченный франчайзинг, в рамках которого франчайзер передает франчайзи лишь отдельные элементы данной системы.

Следует отметить, что в настоящее время в мире более распространен франчайзинг бизнес-формата – вид франчайзинга, при котором франчайзер, являющийся разработчиком отработанной успешной запатентованной модели (концепции) ведения бизнеса, предоставляет франчайзи право полностью скопировать свою бизнес-модель при создании собственного предприятия такого же профиля и осуществлении своей предпринимательской деятельности. При этом франчайзи не имеет права вносить в данную модель каких-либо изменений. В результате франчайзи полностью идентифицируется потребителями его продукции и бизнес-сообществом с франчайзером.

Существующие подходы к классификации современных видов франчайзинга отражают все разнообразные схемы организации взаимодействия франчайзеров и франчайзи, позволяет более глубоко анализировать современные проблемы развития данного социально-экономического феномена и на этой основе разрабатывать меры по их решению, предоставляет возможность как потенциальному франчайзеру, так и потенциальному франчайзи подобрать оптимальный для него вид взаимодействия [2]. Также развитие франчайзинга предопределило возникновение новых его форм, таких как франчайзинг на основе опциона, конверсионный франчайзинг, субфранчайзинг.

Мировой опыт применения франчайзинга насчитывает более 100 лет, а в Российской Федерации такой способ организации бизнеса вошел в практику лишь в 1993 году. Данные, приводимые Российской Ассоциацией Франчайзинга (РАФ), свидетельствуют о постоянном увеличении числа предприятий, использующих франшизу как средство ведения бизнеса. Однако приходится констатировать, что достоверных статистических данных о точном количестве существующих в России франшизных систем получить нельзя. Это связано с тем, что, развивая собственные франчайзинговые сети, многие компании никак не заявляют о себе, отказываясь оформлять отношения с франчайзи с помощью единого договора франчайзинга и заменяя его рядом других договоров (индивидуально разработанных для конкретной франшизной системы). Такой факт свидетельствует о немаловажном отличии российского франчайзинга от общепринятой практики. Так, по одним подсчетам число франчайзинговых компаний составляет порядка тысячи, по другим – 300–600 [3].

По оценке Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, количество реально действующих франшиз не превышает 150, из них успешны не более сорока. В Российской Федерации практически не развиты франшизы производственные и сферы услуг, несмотря на то, что производственный бизнес – наиболее стабильный, долговечный и доходный, а для того чтобы открыть предприятие по оказанию услуг, как правило, требуется на порядок меньше вложений.

Наибольшей популярностью в России пользуется товарный франчайзинг. Обычно эти франшизы стоят недорого, значительная часть инвестиций тратится на закупку товара.

Другой особенностью франчайзинга в Российской Федерации является его неравномерное распространение по территории страны. Так, есть только несколько российских регионов, где франчайзинг используется достаточно широко. Основными из них являются: г. Москва, г. Санкт-Петербург, г. Новосибирск, г. Нижний Новгород и г. Омск.

Как известно, характерными особенностями системы франчайзинга являются выплата оператором единовременного вступительного взноса франчайзеру и регулярные выплаты роялти, но ряд франчайзеров в Российской Федерации отказываются от этих принципов, считая, что отсутствие первоначального взноса является конкурентным преимуществом, привлекающим новых франчайзи особенно в период кризиса. Средний размер инвестиций на создание франчайзингового предприятия в Российской Федерации составляет 90 тыс. долл. США, а сумма регулярных выплат (роялти) варьируется в зависимости от отрасли, в которой используется франчайзинг.

При этом, в отличие от зарубежных реалий, в России франчайзеры стремятся установить в соглашении фиксированную ставку роялти, тогда как в большинстве стран роялти всегда зависят от оборота и прибыли. Наиболее сложным в организации системы франчайзинга в Российской Федерации является вопрос о возможности франчайзера регулировать ценообразование на предприятиях франчайзи и лишать оператора возможности самостоятельно устанавливать цену на реализуемую продукцию.

Согласно регламенту ЕС, принятому в 1988 г., франчайзер не имеет права навязывать компании-клиенту продажную цену, он может только ее рекомендовать, в тоже время, напротив, в условиях, сложившихся в Российской Федерации, в более чем трети анализируемых предприятий, функционирующих на основе франчайзинга, фирмы-франчайзеры устанавливают цены на реализуемые франчайзи товары или услуги. За рубежом договор франчайзинга заключается на сравнительно длительный срок, достигающий нескольких десятков лет, что лишает предпринимателя возможности попробовать организовать бизнес и, если не понравилось, прекратить работать на основе приобретенной франшизы, не понеся при этом значительных финансовых потерь.

В связи с трудностями в осуществлении долгосрочного прогнозирования в условиях российской действительности, российские предприниматели не могут позволить себе заключать договор на 15–20 лет, и срок действия договора обычно сокращается до 3 лет [4]. Это объясняется также тем, что франчайзинг в Российской Федерации используется большинством франчайзеров с тем, чтобы занять как можно большую долю рынка, а сами же франчайзи воспринимают его как возможность легкого старта и способ получить первоначальный капитал, чтобы в перспективе заняться своим, независимым бизнесом.

Ситуация, сложившаяся на российском рынке на сегодняшний день, позволяет с уверенностью говорить о том, что в данный период наблюдается ускоренный рост использования бизнес-технологий франчайзинга на отечественном рынке товаров и услуг. Большинство небольших российских предприятий при появлении зарекомендовавших себя иностранных брендов сталкиваются с необходимостью применять инновационные методы работы с целью дальнейшего развития своих бизнес-проектов [5].

Кроме того, отечественные франчайзинговые сети также выступают в качестве каналов трансфера инноваций, в которых крупная компания-франчайзер является разработчиком инноваций, а компания-франчайзи – их потребляет и внедряет. Для стабильного развития фирме-франчайзеру необходимо создать систему стандартов, отвечающую современным рыночным условиям, и организовать механизмы контроля за оказываемыми услугами.

Максимально эффективному развитию франчайзинга на рынке Российской Федерации способствует созданная инфраструктура, как обеспечивающая консультирование субъектов франчайзинга, так и осуществляющая пропаганду франчайзинга в качестве наиболее безрискового способа организации бизнеса, так как инвестировать средства в создание своего уникального бизнеса, в его продвижение, в разработку бизнес-процессов и стандартов качества очень сложно, и это требует больших временных и финансовых затрат [6].

Но несмотря на очевидные преимущества франчайзингового способа организации бизнеса, необходимо отметить, что франчайзинг в России не получил такого широкого распространения, как в Европе и не стал столь популярной формой ведения бизнеса, как в США. Это обусловлено рядом факторов, сдерживающих развитие франчайзинга в России. Они лежат в экономической сфере, связаны с низким организационно-правовым уровнем развития данной области и с социально-психологическими проблемами.

Развитие франчайзинга в Российской Федерации несильно отличается от мировых тенденций. Согласно официальной статистике РАФ (Российской ассоциации франчайзинга), ежегодный прирост в этом направлении составляет не меньше 15 %.

По состоянию на 2020 г. количество брендов, работающих по системе франчайзинга, в России составляло 1450, а количество франчайзи – 50000. По оценке РАФ, объем рынка с учетом «серых» компаний оценивается в 350–500 млн. долл. США.

Большей популярностью в Российской Федерации пользуется направление розничной торговли: на эту область приходится почти половина всего оборота франшиз. Второе место занимает бытовое обслуживание, на третьей позиции находится сфера общепита: непродовольственная розница – 43%; услуги для населения – 23%; сфера общественного питания – 14%; услуги для бизнеса – 7%; продовольственная розница – 4%; производство – 3%; СМИ, интернет – 3% и др. – 3% [7].

По данным аналитиков, в ближайшем будущем развитие франчайзинга ожидается в сферах одежды, гостиничного бизнеса, информационных технологий, спорта и здоровья, туризма. Доля организаций сферы услуг, работающих по договору франшизы, составляет около 20%, и этот показатель ежегодно растет.

В Российской Федерации информационный бизнес, несмотря на высокий спрос, мало распространен. Также есть в России хорошие перспективы у франчайзинговых компаний, реализующих услуги и товары народного потребления, а также работающих в области интернет-торговли.

Таким образом, можно сказать, что современные условия экономики в Российской Федерации, характеризующиеся кризисными явлениями и стагнацией, не являются препятствием для развития рынка франчайзинга, так как быстрый старт, готовая ниша, доступ к разработанным и апробированным методам ведения бизнеса, наработанная клиентура сводят всевозможные рыночные риски к нулю и определяют достаточно продолжительный жизненный цикл организаций, работающих на условиях франчайзинга.

Исходя из анализа развития франчайзинговых отношений в Российской Федерации, необходимо выделить следующие факторы, препятствующие его развитию, которые усугубились кризисом, охватившим российскую экономику:

- 1. Несовершенство нормативно-правовой базы регулирования франчайзинговых отношений, которое в первую очередь касается вопроса охраны интеллектуальной собственности, а также правоотношений по договору коммерческой концессии;
- 2. Проблемы с качеством сырья и системой логистики, что приводит к повышению цен на конечный продукт (особенно в пищевой промышленности), хотя уже предпринимаются попытки создать внутренний рынок поставщиков, чья продукция будет отвечать требованиям безопасности;
- 3. Отсутствие источников финансирования стартового капитала, где государство может оказать значительную поддержку путем создания специ-

ального государственного органа, разработки программы развития франчайзинга, предоставления налоговых льгот и стимулов, внедрения специальных банковских продуктов с пониженными процентными ставками.

4. Слабый интерес иностранных франчайзеров, в том числе из западноевропейских стран в связи с низкой покупательной способностью населения по сравнению с развитыми странами, что выражается в рентабельности франчайзингового бизнеса.

Основные проблемы франчайзинга в Российской Федерации в настоящее время концентрируются в области права. Потому что франчайзинг как система отношений основан на системе договорных отношений и должен быть подкреплен серьезной правовой базой.

В современной правовой системе франчайзинг в Российской Федерации должен основываться на сложном договоре, основанном на ряде статей Гражданского кодекса Российской Федерации и правовых актов, т. е. на правовых схемах. Все это затрудняет использование франчайзинга в отечественной экономике.

Кроме того, существуют следующие проблемы:

- 1. Практическое отсутствие в Российской Федерации известных брендов и товарных знаков, привлекающих потенциальных потребителей, и создание таких брендов требует высоких затрат, что снижает эффективность франчайзинговых систем;
- 2. Повышенные расходы франчайзи, для которых очень важны лицензионные и единовременные платежи, а также платежи в централизованный рекламный фонд;
- 3. Обязательное соблюдение внешних форм и правил эксплуатации (униформа, интерьер и т.д.).

Существуют также социально-психологические проблемы франчайзинга, основными из которых являются отсутствие национального опыта в собственно франчайзинге и боязнь предпринимателей-потенциальных франчайзеров потерпеть неудачу во франчайзинговой системе в целом. Эту проблему можно решить только путем тщательного сбора и обобщения отечественного опыта франчайзинга как в отечественной, так и в зарубежной системе, как успешного, так и неудачного.

Еще одной очень важной социально-психологической проблемой франчайзинга является страх предпринимателей - потенциальных франчайзеров, поскольку вступление во франчайзинговую систему требует от франчайзи, чтобы франчайзи работал в соответствии со стандартами, сформулированными франчайзером. В то же время, работа по крупной франчайзинговой системе дает получателю франшизы опыт, который, за редким исключением, не может быть получен самостоятельно, и этот опыт компенсирует все остальные потери.

Большинство проблем франчайзинга связано с плохой подготовкой предпринимателей, которые могли бы выступать в качестве организаторов франчайзинговых систем и работать в этих системах как франчайзи.

Решение этих проблем достаточно простое: необходимо создать образовательную систему, которая бы значительно расширила подготовку отечественных предпринимателей по франчайзингу.

Эта система должна иметь два направления:

- Широкое продвижение франчайзинга как экономического инструмента;
- В узком смысле, предоставление адресных консультаций участникам франчайзинговой системы (франчайзеру и получателю франшизы) по конкретным экономическим проблемам франчайзинга.

Эти две области должны дополнять друг друга.

Широкое образовательное направление в области франчайзинга может быть построено на базе системы учебных центров, которые должны быть расположены по всей территории Российской Федерации. В этих центрах будут проходить обучение как потенциальные франчайзеры, так и потенциальные франчайзеры. Кроме того, на начальном этапе развития франчайзинговой системы, франчайзеры могут использовать эти центры для целевого обучения франчайзи и их сотрудников. Узкая область связана с развитием консалтинга в управлении вопросами франчайзинга.

С точки зрения организации, обучение и консультации могут проводиться в центрах обучения и консалтинга под эгидой ассоциаций консультантов или под эгидой ассоциаций предпринимателей.

Таким образом, возможностей для развития франчайзинга в России достаточно много, но для реализации этих возможностей должны быть созданы определенные условия.

Самое главное, необходима законодательная инициатива для разработки закона о франчайзинге и внесения соответствующих поправок в соответствующие законы и подзаконные акты. Необходимо также включить систему развития франчайзинга в государственную программу поддержки малого бизнеса. Очень важно создать систему налоговых стимулов для франчайзи, особенно на начальном этапе развития франчайзинговой системы.

Однако следует учитывать, что важнейшей экономической проблемой франчайзинга в Российской Федерации является нестабильность. Последнее десятилетие, в котором началось ускоренное развитие франчайзинга в Российской Федерации, характеризуется нестабильностью экономики и изменением экономической политики страны. Это приводит к таким же резким колебаниям спроса на все виды товаров, снижению платежеспособности, регулярному перераспределению активов, что не может не сказываться на малом и сред-

нем бизнесе. Учитывая, что бизнес большинства франчайзинговых компаний находится в стадии становления и не успел закрепиться, эти тенденции значительно снижают эффективность франчайзинговых систем.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Исследование рынка франчайзинга [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://franchisespace.ru/stati/issledovanie-rynka-franchajzinga. Дата доступа: 21.02.2023.
- 2. *Казачкова*, *М. Е.* Франчайзинг: проблемы и перспективы развития в России [Электронный ресурс] / М. Е. Казачкова // Студенческий научный форум: материалы XII междунар. студ. науч. конф. Режим доступа: https://scienceforum.ru/2020/article/2018020214. Дата доступа: 21.02.2023.
- 3. *Колесова*, *А*. *А*. Развитие российского франчайзинга в сфере информационных технологий [Электронный ресурс] / А. А. Колесова. Режим доступа: https://franchisespace.ru/stati/issledovanie-rynka-franchajzinga. Дата доступа: 24.02.2023.
- 4. *Рязанов, А. А.* Современные виды франчайзинга / А. А. Рязанов. 2019. С. 89–96.
- 5. *Сайбель, Н. Ю.* Особенности развития франчайзинга в России / Н. Ю. Сайбель, П. И. Моисеева // Молодой ученый. 2016. № 28 (132). С. 534–536.
- 6. *Сембиева, Л. М.* Франчайзинг как один из путей развития малого и среднего бизнеса / Л. М. Сембиева // Финансы и кредит. 2016. С. 50–55.
- 7. *Холин, Е. С.* Франчайзинг: концепция формирования системы, тенденции развития в условиях кризиса / Е. С. Холин // Российское пред-во. 2015. С. 3–5.

Поступила в редакцию 15.03.2023

Иванова Елена Николаевна кандидат экономических наук, доцент кафедры экономических наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь lenamslu@gmail.com

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ СТАТИСТИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследованы международные стандарты в статистике инноваций. Рассматриваются основные термины и определения, характеризующие инновационную деятельность предприятий, используемые в международной практике (Руководство Осло). Проведен анализ организации статистического наблюдения инновационной деятельности в России.

Ключевые слова: инновации; статистика; международные стандарты; инновационная деятельность; статистическое наблюдение; Россия.

В настоящее время экономика приобретает инновационные черты, связанные с использованием результатов научной и научно-технической деятельности. Инновации становятся той материальной основой, которая позволяет повысить эффективность производства, качество и конкурентоспособность продукции.

Разработка государственной инновационной политики требует формирования адекватной информационной базы, отражающей состояние инновационных процессов в различных сферах экономики.

Рост ресурсов, выделяемых странами на инновационную деятельность, потребовал организации работ по сбору и анализу соответствующей статистической информации. В свою очередь, возникла необходимость ликвидации национальных различий при статистическом наблюдении за инновационной деятельностью в процессе интеграции мирового хозяйства, развития экономического и научно-технического сотрудничества индустриальных государств.

Основной целью разработки международных стандартов является обеспечение единого подхода к системе организации статистического наблюдения, а также сопоставимости национальных статистических показателей. Работы по формированию статистики инноваций велись в рамках Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Активную роль в совершенствовании статистики инноваций играет и Евростат (Статистическая служба Европейского союза).

ОЭСР и Евростатом разрабатываются рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям (Руководство Осло), которые содержат указания по сбору и интерпретации индикаторов инноваций с учетом возможности межстрановых сравнений. В целом Руководство Осло признано в качестве международного стандарта в области статистики инноваций.

Международная статистика инноваций развивается довольно динамично. Постоянно совершенствуются методологические и методические подходы, уточняются определения рассматриваемых понятий и их измерители, модифицируются используемые показатели и вводятся новые. На сегодняшний день подготовлены четыре редакции Руководства Осло [1, с. 34].

Первая версия, изданная в 1992 г., стала обобщением опыта, полученного при проведении серии экспериментальных единовременных обследований инноваций в период с 1980 по 1990 год. На начальных этапах развития статистики инноваций наблюдение охватывало только технологические инновации (продуктовые и процессные) в обрабатывающей промышленности. Во вторую редакцию, созданную в 1997 г., были включены дополнительно вопросы проведения обследований инноваций в сфере услуг, рассмотрена возможность более полного охвата организаций. Третье издание Руководства Осло, подготовленное в 2005 г. [2], расширило рамки статистического изучения инновационной деятельности.

Статистическое обследование инноваций предлагается проводить в организациях предпринимательского сектора, включая добывающие и обрабатывающие производства, сферу услуг. В качестве объекта статистического исследования выступают четыре типа инноваций: продуктовые, процессные, организационные и маркетинговые. Наряду с определениями различных типов инноваций в Руководстве Осло представлены методические пояснения по их разграничению.

В разделе Руководства Осло, посвященном измерению инновационной деятельности, рассматриваются показатели затрат на технологические, организационные и маркетинговые инновации. Для сбора статистических данных об инновационной деятельности предлагаются следующие подходы к группировке затрат на инновации: по видам инновационной деятельности; по видам затрат (текущие и капитальные); по источникам финансирования.

Развитие теории инноваций и накопление практического опыта статистических исследований привели к необходимости очередного пересмотра международных стандартов в данной сфере. В 2018 г. ОЭСР совместно с Евростатом разработали новую редакцию Руководства Осло, в которой уточняются и дополняются методологические положения и практические рекомендации по статистическому измерению инновационных процессов в экономике [1; 3].

Руководство Осло 2018 состоит из трех взаимосвязанных частей, обеспечивающих общее представление об инновациях, принципах их измерения, методах сбора данных и призвано обеспечить:

• формирование общих определений и подходов к оценке инновационной деятельности, применимых ко всем секторам экономики;

- международную сопоставимость методологии исследования;
- отражение изменений и новых возможностей в цифровой экономике посредством измерения инноваций в цифровых продуктах, платформах и возможностях передачи данных;
- отражение меняющихся моделей инновационной деятельности, в том числе связанных с открытыми инновациями и глобальными инновационными системами;
- использование накопленных знаний и опыта для решения задач количественного измерения ресурсов и результатов инновационной деятельности, определения степени новизны инноваций и охвата новых видов инновационной деятельности;
- содействие сбору данных по инновационным и не инновационным организациям, отражающих инвестиции в интеллектуальный капитал, внутренние и внешние условия для инноваций, в целях анализа движущих сил и факторов, способствующих инновациям;
- возможность широкого обсуждения методологических подходов, а также результатов наблюдения для повышения качества, своевременности и международной сопоставимости данных.

Важнейшим нововведением Руководства Осло является изменение состава исследуемых инноваций, повлекшее корректировки в определении основных понятий. Сокращение исследуемых типов инноваций произошло с четырех (продуктовые, процессные, организационные и маркетинговые) до двух (продуктовые и процессные).

Определение понятия *инновация* упрощено по сравнению с принятым в предыдущей редакции Руководства Осло и представляет собой внедренный на рынке новый или усовершенствованный продукт (товар, услуга), значительно отличающийся от продукта, производившегося ранее. А также внедренный в практику новый или усовершенствованный бизнес-процесс, значительно отличающийся от соответствующего бизнес-процесса, используемого ранее. Данное определение является единым для всех секторов экономики.

Продуктовая инновация рассматривается как внедренный на рынке новый или усовершенствованный продукт (товар, услуга), значительно отличающийся от продукта, производившегося ранее. Продуктовые инновации должны обеспечивать значительное усовершенствование одной или нескольких характеристик или технических спецификаций товара или услуги. Это подразумевает добавление новых функций и усовершенствований в уже существующие функциональные характеристики продукции, к которым относятся качество, надежность, долговечность, экономичность при использовании, доступность, удобство в эксплуатации. Дополнительной характеристикой продуктовой инновации становится дизайн продукта и связанные с ним нововведения, которые ранее считались частью маркетинговых инноваций.

Процессная инновация – это внедренный в практику новый или усовершенствованный бизнес-процесс, связанный с методами производства товаров и услуг, логистики, маркетинга, обработки и передачи информации, администрирования и управления, практикой деловых отношений и внешних связей, и значительно отличающийся от соответствующего бизнес-процесса, используемого ранее. Выделяются семь типов процессных инноваций, которые определяются как новые или значительно усовершенствованные:

- технологические методы производства и разработки товаров и услуг;
- методы логистики, поставок и распределения сырья, материалов, комплектующих, товаров и услуг;
  - методы обработки и передачи информации, общие для организации;
  - методы практики деловых отношений и внешних связей;
- методы ведения бизнеса, корпоративного управления, бухгалтерского и финансового учета;
  - методы управления трудовыми ресурсами;
- маркетинговые методы продвижения, представления и ценообразования товаров.

В новой редакции Руководства Осло расширен состав признаков инновационной активности и к категории инновационно-активных относятся организации, которые соответствуют одному или нескольким из приведенных ниже критериев:

- наличие в отчетном периоде затрат на выполнение одного или нескольких видов инновационной деятельности;
- выполнение научных исследований и разработок, включая прикладные и поисковые научные исследования, экспериментальные разработки для достижения практических целей и решения конкретных задач при создании новых технологий, товаров, выполнении работ, оказании услуг;
- отгрузка в отчетном периоде инновационной продукции (товаров, работ, услуг) собственного производства.

Обратимся к анализу организации статистического наблюдения инновационной деятельности в Российской Федерации. Статистика инноваций в России ведется по 3 формам: 4-инновация «Сведения об инновационной деятельности организации» (годовая), 2-МП инновация «Сведения об инновационной деятельности малого предприятия» (один раз в два года) и 1-технология «Сведения о разработке и использовании передовых производственных технологий» (годовая) [4; 5].

Основной формой статистической отчетности организаций по инновационной деятельности является **4-инновация** «Сведения об инновационной деятельности организаций». По ней ведется сбор информации об инновационной активности организации; объеме инновационной продукции (услуг); факторах, препятствующих инновациям; затратах на инновации по видам

деятельности и источникам финансирования; результатах инновационной деятельности; наличии кооперационных связей; патентовании и других методах защиты изобретений и научно-технических разработок; количестве приобретенных и переданных новых технологий (технических достижений) и программных средств, а также об организационно-управленческих изменениях. В форме 4-инновация представлены разделы, изучающие совместные проекты, экологические инновации, приобретение (передачу) новых технологий (технических достижений), программных средств.

В статистике инноваций важным объектом изучения является технологический обмен, охватывающий сделки по приобретению и передаче научно-технических знаний и опыта для оказания научно-технических услуг, применения технологических процессов, выпуска продукции. Российская статистика учитывает количество приобретенных и переданных технологий (с выделением компании-партнера из стран СНГ или дальнего зарубежья) по следующим формам приобретения (передачи): права на патенты, лицензии на использование изобретений, промышленных образцов, полезных моделей; результаты исследований и разработок; ноу-хау, соглашения на передачу технологий; покупка (продажа) оборудования; целенаправленный прием (переход) на работу квалифицированных специалистов.

В состав обследуемых формой 4-инновация организаций входят юридические лица, осуществляющие экономическую деятельность в сфере промышленного производства, сельского хозяйства, строительства и услуг.

В контексте расширения охвата наблюдаемых видов экономической деятельности и обогащения информационной базы для анализа развития экономики одним из существенных нововведений последних лет стало формирование методологических подходов к измерению инноваций в сельском хозяйстве. Основные проблемы были обусловлены большой спецификой самой отрасли, где процесс производства неразрывно связан с естественным развитием живых организмов – растений и животных. Инновационные процессы в сельском хозяйстве затрагивают не только технологические, но и биологические изменения в продукции и производственных процессах. В этой связи в 2016 г. форма 4-инновация была существенно доработана с учетом особенностей отрасли сельского хозяйства.

Роль малых инновационных предприятий в инновационном развитии страны оценивается на основе данных формы федерального статистического наблюдения 2-МП инновация «Сведения об инновационной деятельности малого предприятия», проводимого в России один раз в два года. Она представляет собой сокращенную версию базовой формы 4-инновация.

В большей степени форма **2-МП инновация** сконцентрирована на вопросах, касающихся различной характеристики затрат малых предприятий

на осуществление инноваций – затраты на продуктовые и процессные инновации по видам инновационной деятельности (исследования и разработки новых продуктов, услуг и методов их производства; приобретение машин, оборудования, прочих основных средств, связанных с инновационной деятельностью; маркетинг и создание бренда) и по источниками финансирования. Также в рамках обследования определяется стоимость произведенной инновационной продукции, в которой выделяется вновь внедренная и усовершенствованная, с выделением продукции новой для рынка сбыта предприятия и новой для мирового рынка.

Форма **1-технология** содержит сведения о создании и использовании передовых производственных технологий. В разделе, посвященном разработке технологий, приводятся данные о наименовании технологий, их назначении, степени новизны (новые для России и принципиально новые).

Раздел, раскрывающий использование технологий, включает сведения о количестве применяемых технологий по годам внедрения и о числе используемых в них патентов. Статистическое наблюдение основано на классификации производственных технологий по группам в соответствии с их назначением (проектирование и инжиниринг; производство, обработка и сборка; автоматизированная транспортировка материалов и деталей, а также осуществление автоматизированных погрузочно-разгрузочных операций; аппаратура автоматизированного наблюдения и/или контроля; связь и управление; производственная информационная система; интегрированное управление и контроль), что позволяет получить детальное представление о степени применения различных их видов, достигнутом технологическом уровне предприятий и отраслей промышленности. Ведется также учет использования запатентованных изобретений для разработки каждой из перечисленных передовых производственных технологий.

В целом формирование современной российской статистики инноваций осуществляется таким образом, чтобы обеспечить адекватное отражение специфики отечественной экономики и особенностей организации статистики в стране, достигая при этом максимального соответствия стандартизированным рекомендациям международных организаций. Действующий в России инструментарий обследования инновационной деятельности позволяет получать статистические данные о развитии инновационных процессов в организациях промышленного производства, отраслях сферы услуг, строительстве, сельском хозяйстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кузнецова, И. А.* Развитие методологии статистического измерения инновационной деятельности в условиях реформирования международных стандартов / И. А. Кузнецова, С. Ю. Фридлянова // Вопросы статистики. – 2020. – Т. 27, № 1. – С. 29–52.

- 2. Руководство Осло. Рекомендации по сбору и анализу данных по инновациям (третье издание). Совместная публикация ОЭСР и Евростата. М.: ЦИСН, 2006. 192 с.
- 3. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. 4th ed. Paris/Eurostat: OECD Publishing, 2018. 258 p.
- 4. Официальная статистика. Наука, инновации и технологии [Электронный ресурс] : Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/ Дата доступа: 22.02.2023.
- 5. *Пашинцева*, *Н. И*. Информационный справочник: источники и показатели, характеризующие деятельность организаций сферы науки / Н. И. Пашинцева. М.: ИПРАН РАН, 2022. 897 с.

Поступила в редакцию 16.03.2023

Подгайский Александр Леонидович кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономических наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь padgaiski@rambler.ru

ПУТИ АДАПТАЦИИ КРУПНОГО КОРПОРАТИВНОГО БИЗНЕСА К УСЛОВИЯМ ГЛОБАЛЬНОЙ ГИПЕРКОНКУРЕНЦИИ

В статье рассмотрены основные аспекты адаптации крупного корпоративного бизнеса к условиям глобальной гиперконкуренции путем нарастающей сетизации деятельности. Показано, что наибольшие преимущества в сфере глобального соперничества корпораций получили те, которые смогли наиболее полно использовать сетевые эффекты. Сделан вывод о том, что степень освоения и использования сетевых эффектов во многом определяет успешность бизнеса в современных условиях, рост доходности и капитализации компаний, перемещение капитала между различными сферами экономики и изменение расстановки сил на глобальных рынках.

Ключевые слова: гиперконкуренция; сетевые эффекты; компании-информационные платформы; рыночная власть; глобальная инновационная конкурентоспособность.

Процессы глобализации и интернационализации экономической жизни затрагивают самые различные аспекты функционирования мировой экономики, национальных хозяйств, отраслей и предприятий. Глубокие изменение произошли в характере соперничества фирм, что отразилось на условиях деятельности и развития экономических субъектов разного уровня, в том числе, транснациональных корпораций. Крупный транснациональный бизнес, тяготеющий к активному воздействию на внешнюю бизнес-среду с целью формирования стабильно-благоприятных условий своего функционирования, вынужден адаптироваться к реалиям гиперконкуренции.

Новое качество конкурентного взаимодействия проявляется в глобализации соперничества в сфере предложения и гомогенизации спроса (унификации потребностей), поляризации рынков, размыванию отраслевых границ и диверсификации деятельности компаний. Существенными факторами изменения характера конкуренции являются нарастающая технизация бизнес-процессов на основе использования информационно-коммуникационных технологий и тенденция к дерегулированию рынков, что связано с глобализацией бизнес-среды и смещением центра экономической активности в новые, менее регулируемые, сферы бизнеса. Для гиперконкуренции характерны чрезвычайно широкий круг сфер соперничества (издержки, качество, доступ к ресурсам, «ноу-хау» и др.), быстрое изменение расстановки сил на рынках в связи с появлением новых «игроков», слияниям и поглощениям компаний. Важной чертой гиперконкуренции является повышение агрессивности конкурентов, использующих весь спектр методов конкурентной борьбы [1].

Крупные транснациональные корпорации с разным успехом адаптируются к новым условиям конкуренции. Это обусловлено характером их деятельности, особенностями организационной структуры, отраслевой спецификой и, в конечном счете, различными основами лидирующих позиций на глобальных рынках. В одних сферах крупный транснациональный бизнес проявляет относительную консервативность, сохраняя традиционные основы своего лидерства, в других – приобретает качественно новые конкурентные преимущества, которые придают чрезвычайный динамизм развитию рынков и реструктуризации соответствующих сфер бизнеса.

Так, конкурентоспособность ресурсодобывающих корпораций по прежнему базируется на доступе к природным ресурсам, агрессивном инвестировании, технологическом монополизме и тесном взаимодействии с государственными структурами. Широкая география деятельности, использование эффекта масштаба, ограниченный доступ к защищенным патентами технологиям, слияния и стратегические соглашения с другими участниками рынка, наличие глобальных клиентов и политический лоббизм позволяют таким корпорациям удерживать лидирующие позиции, сохраняя традиционную вертикально-иерархичную организационную структуры. Эти традиционные подходы к конкурентной борьбе позволяют им сохранять ведущие позиции мировых рейтингах, успешно минимизировать издержки и максимизировать прибыль в масштабах глобальной экономики. Вместе с тем деятельность таких корпораций зависима от мирохозяйственной конъюнктуры, политики крупнейших государств и геополитических конфликтов, и, как следствие, высокой волатильности цен на свою продукцию.

Другие компании меняют традиционные принципы организации и функционирования бизнеса. Речь идет о нарастающей сетизации крупных бизнес-структур, повышающей их гибкость, адаптивность к нестабильной внешней среде и способность к рекомбинации. Дополнение вертикальных организационных структур горизонтальной сетевой структурой, в которой множество бизнес-единиц взаимодействует на договорной, а не на властно-административной, основе позволяет эффективно комбинировать любые ресурсы, расположенные в различных точках мира, подключать разнообразных производителей, находить заказчиков.

При этом степень сетизации и сферы соответствующих трансформаций бизнес-структур имеют существенные различия от сферы бизнеса. Например, корпорации — ведущие производители бытовой техники, сохраняя вертикальную иерархическую структуру и осуществляя гибкие формы экспансии на основе франчайзинга, активно сетизируются в сферах снабженческо-закупочной деятельности; производственного, бухгалтерского и кадрового аутсорсинга; ритейла. Это обеспечивает гибкое взаимодействие корпораций с огромным количеством мелких и средних предприятий, научно-исследовательских

институтов, частных лиц и их неформальных групп, находящихся в любой точке мира. Широкие возможности для таких корпораций открывает сетевой ритейл, позволяющий изменять номенклатуру продукции с учетом особенностей региональных рынков и предпочтений потребителей. Посредством в этой составляющей бизнес-цепи, в первую очередь, формируются банки персональных данных, позволяющих гибко реагировать на изменение спроса.

Огромное значение подобные формы организации бизнеса имеют для высокотехнологичных корпораций с ярко выраженной инновационной направленностью деятельности и рынков, где инновационный характер конкуренции вынуждает компании мобилизовать все ресурсы для обеспечения технологического лидерства. Так, ведущие производители микрочипов — компании США, Тайваня и Ю. Кореи — по характеристикам продуктов устойчиво опережают китайских производителей на 5–8 лет и считают такой отрыв вполне достаточным для сохранения лидирующих позиций. В условиях чрезвычайно быстрого прогресса технологий и обновления продукции это означает опережение конкурентов на 1–2 поколения продуктов.

Технологический монополизм таких компаний определяется тем, что они сосредоточили в своих руках проектирование самых передовых чипов и разработку соответствующего программного обеспечения (главным образом США). Кроме того, компании – ведущие производители микрочипов – наряду с нидерландской ASML являются основными производителями сложнейшего оборудования, необходимого для их производства. Это позволяет ведущим компаниям сохранять свои позиции. Вместе с тем условия достаточно «плотного» соперничества, преследование лидеров китайскими производителями микрочипов, усилия Китая по созданию собственного оборудования для их производства, вынуждают лидирующие компании использовать сетевые принципы взаимодействия в производственной, финансовой, закупочной, маркетинговой и иной деятельности организации.

Однако особую роль в данном соперничестве играют возможности глобальной сетевой концентрации информационных ресурсов; доступ к банкам научно-технической информации, сосредоточенной в ведущих странах мира; огромные инвестиции в научные исследования и разработки; контроль над рынком технологий путем покупки патентов и лицензий; глобальный рекрутинг научно-технических кадров на основе передовых НR-технологий. Это позволяет высокотехнологичным транснациональным корпорациям сосредоточить огромные массивы прав интеллектуальной собственности и получать преимущества от использования интеллектуальных ресурсов, как наиболее воспроизводимых и прирастаемых. Все эти направления деятельности высокотехнологичных корпораций подчинены не только целям создания уникальных инновационных продуктов, но и охранения своих лидирующих позиций на мировом рынке.

В целом наибольшие преимущества в сфере глобального соперничества корпораций получили те, которые максимально адаптировались к реалиям информационной экономики и смогли наиболее полно использовать сетевые эффекты. Это понятие введено в научный оборот Т. Вейлом, который занимался проблемами распространения телефонных услуг. Суть его заключается в том, при достижении определенного числа пользователей продукта (их критической массы) полезный эффект полученных пользователем растет, опережая динамику затрат на его производство и стоимость для потребителя. Это позволило утверждать, что в информационной экономике на смену закона убывающей отдачи приходит закон возрастающей отдачи, предполагающий перманентное повышение эффективности использования ресурсов под влиянием информационно-коммуникационных технологий [2].

Сетевые эффекты позволяют компаниям снижать трансакционные издержки благодаря быстрой аутентификации (определению подлинности пользователя сети), получению информации о его репутации, чрезвычайно легкому и быстрому информационному обмену и др. Легкость контактов позволяет оперативно заключать соглашения и осуществлять сделки [3]. В настоящее время выделяют несколько типов сетевых эффектов: прямые, косвенные, двухсторонние.

Прямой сетевой эффект возникает, когда подключение к сети новых пользователей и рост потребления продукта повышает его ценность для каждого участника сети (мобильная связь). В свою очередь, косвенные сетевые эффекты обусловлены тем, что с ростом привлекательности продукта и числа пользователей сети к его производству и предложению присоединяются другие разработчики, обеспечивающие создание сопутствующих продуктов и услуг. Это повышает ценность основного продукта благодаря расширению функционала, улучшению сервисного обслуживания, унификации комплектующих и т.д. В то же время рост ценности основного продукта позволяет им аккумулировать ценность и повышать доходность сопутствующих продуктов. Примером такого взаимодействия является подключение к процессу создания приложений на основе операционных систем (iOS, Android) многочисленных сторонних разработчиков. Разновидность косвенных эффектов представляют собой двусторонние сетевые эффекты, которые проще всего объясняются на примере компании Uber. Крупнейший агрегатор службы такси, возникший на основе соответствующего мобильного приложения демонстрирует бизнес модель нового типа, в рамках которой расширение числа пользователей такси не сопровождается усилением конкуренции между ними и ростом цены услуги. Оно вызывает увеличение числа водителей, что воздействует на цену в сторону понижения [4].

Полнота освоения и использования сетевых эффектов во многом определяет успешность бизнеса в современных условиях, рост доходности и капитализации компаний, перемещение капитала между различными сферами

экономики и изменение расстановки сил на глобальных рынках. Возможности использования сетевых эффектов, в свою очередь, предопределяются принципиальной перестройкой бизнес-моделей, реорганизацией их на сетевых началах.

Особую роль этом деле играют цифровые платформы, представляющие ядро цифровой инфраструктуры современного бизнеса. С организационно-экономической точки зрения они представляют собой институциональные формы организации многосторонних рынков, на которых на основе информационно-коммуникационных технологий посредник-модератор опосредует взаимодействие спроса и предложения различных групп участников данного рынка [5, с. 52, 53].

Бизнес компаний-цифровых платформ не ограничивается, как правило, процессами организации купли-продажи на определенном рынке, но распространяется на смежные сферы – обеспечение сопутствующих компонент (продуктов, услуг), инфраструктуры рынка и др. Основные и очевидные источники доходов таких компаний связаны с платой за доступ и платой за дополнительные услуги (приобретение функций премиальной группы) [5, с. 57].

Однако функция агрегатора, диверсификация деятельности и оказываемых продуктов (услуг) дает возможность не только повышать их качество, но и сосредоточить огромные массивы персональных данных. Возможности их монетизации, получения разнообразных экономических выгод на основе их использования. Именно доступ и возможность распоряжаться потенциально неограниченными информационными ресурсами – ресурсами, которые юридически не принадлежат компании – обусловлена главным образом рыночная власть компании-платформы, ее возможность доминировать либо участвовать в доминировании на рынке.

Благодаря сетевым эффектам компании имеют устойчивую защищенность от конкуренции, приближающаяся к монополии. Так, успех Google трудно повторить, поскольку пользователям нет смысла переходить на другие продукты. У такого лидера возникают дополнительные преимущества в виде эффекта масштаба и преимущества бренда. Экспансия информационной платформы позволяет одновременно снижать издержки на «производство» продукта (услуги) и повышать его ценность для пользователя. Известная информационная платформа – это всегда известный бренд, придающий потребляемому продукту дополнительную ценность, обусловленную рациональными и эмоциональными преимуществами, получаемыми пользователями. Сетевые эффекты обеспечивают возрастающую маржинальность продаж продуктов (услуг), т.е. постоянное увеличение доли маржи в выручке от их продажи [4].

Использование сетевых эффектов и эффекта масштаба, концентрация огромных массивов персональных данных, возможности постоянного расширения сферы деятельности являются основой инновационного потенциала и

глобальной инновационной конкурентоспособности компаний-информационных платформ. Они обладают преимуществами в организационной гибкости и скорости освоения новых сервисных, маркетинговых, финансовых ниш. Такие компании являются более клиентоориентированными в силу эффективной онлайн-коммуникации субъектов рынка, омниканальности коммуникаций, сетевого характера взаимодействия.

Компании-платформы обеспечивают потребителям огромное разнообразие продуктов (услуг), позволяющих удовлетворить самый широкий спектр потребностей клиента, то есть отвечать требованиям индивидуализации спроса. Они располагают практически неограниченным потенциалом развития, который обусловлен не столько искусственной целенаправленной модернизацией бизнес-структуры, сколько природой саморазвивающейся организации, обеспечивающей постоянные инновации в управлении. Но главное, на наш взгляд, преимущество компаний-информационных платформ заключается в том, что, преобразуя основные экономические институты общества, и сами формируют наиболее адекватную институциональную среду своей деятельности. Так, при нарастании конкуренции на поле их деятельности и дестабилизации рынков в связи с появлением новых «игроков» появляется феномен сотрудничества конкурентов (кооперативная конкуренция). Такое сотрудничество позволяют компаниям получать большие выгоды от расширения рынков и роста значения данной области бизнеса, чем от достижения частных успехов во взаимной конкуренции.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Браун, М.* Гиперконкуренция: характерные особенности, движущие силы и управление [Электронный ресурс]/ М. Браун // Менеджмент и маркетинг. Режим доступа: http://vasilievaa.narod.ru/20_3_98.htm. Дата доступа: 30.11.2021.
- 2. Дятлов, С. А. Теоретические подходы к оценке сетевых эффектов [Электронный ресурс]/С. А. Дятлов// Современные технологии управления. № 4 (76). 01.04.2017. Режим доступа: https://sovman.ru/article/7601/. Дата доступа: 30.11.2021.
- 3. *Абрамов, В. Е.* Международный опыт развития цифровой экономики, структурный анализ функциональных аспектов [Электронный ресурс] / В. Е. Абрамов, К. А. Юкласов // Технологии цифровой экономики. Режим доступа: https://journals.eco-vector.com/2073-909/article/download/56526. Дата доступа: 30.11.2022.
- 4. Пилька, М. Что такое сетевой эффект и зачем о нем знать малому бизнесу [Электронный ресурс] / М. Пилька / Записки маркетолога. 22.12.2020. Режим доступа: https://quokka.media/zapiski-marketologa/chto-takoe-setevoj-ehffekt-i-zachem-o-nem-znat-malomu-biznesu/?ysclid=lbgxhfznlz143358144. Дата доступа: 22.11.2022.
- 5. *Рыжкова, М. В.* Концептуализация феномена «цифровая платформа» : рынок или бизнес / М. В. Рыжкова // Вестн. Том. гос. ун-та. Экономика. 2019. № 2. С. 48–66.

Поступила в редакцию 31.03.2023

Русак Анна Николаевна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономических наук Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь economymslu@gmail.com

ВЛИЯНИЕ МАРКЕТИНГА СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА НА ТРАНСФОРМАЦИЮ СТРАТЕГИИ КОМПАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ИННОВАЦИОННОЙ БИЗНЕС-СРЕДЕ

В статье рассматриваются особенности влияния маркетинга социальных медиа на изменение стратегических инициатив компаний. Акцентируется внимание на значимости отдельных инструментов социальных медиа. Проанализирована специфика внедрения социальных медиа в коммуникационные стратегии компаний.

Ключевые слова: маркетинг социальных медиа; коммуникационные стратегии; бизнес-среда.

Анализ деятельности ведущих компаний из разных стран свидетельствует, что в условиях глобальной конкуренции определяющим аспектом является инновационная деятельность компании на всех уровнях. Инновации в системе маркетинговых коммуникаций в последнее время преобразовываются в один из базовых факторов сохранения успешных позиций компании на рынке в контексте многоаспектного характера гиперконкуренции. Значимую роль при выходе компании на новые целевые рынки занимает маркетинг в социальных медиа. Актуальность исследования заключается в том, что все чаще присутствие компании на платформах социальных медиа рассматривается как один из главных критериев интернационализации компании в современной глобальной информационно-инновационной экономике.

Анализируя деятельность компаний крупного и малого бизнеса в онлайн-пространстве невозможно абстрагироваться от мировой практики использования маркетинга социальных медиа в формировании коммуникационных стратегий. Маркетинг социальных медиа представляет собой деятельность всех участников открытого взаимодействия, направленную на развитие новых форм коммуникации в медиапространстве.

Изучая опыт построения маркетинга социальных медиа в современных компаниях следует признать, что особенностью инновационной модели развития является эффективное управление деловой репутацией, включающее превалирование нематериальных активов компании над материальными. Ведущие компании не только больше инвестируют в нематериальные активы, но и используют их таким образом, чтобы развивать новые возможности [1]. На рынках с высокой конкуренцией структура самих ИКТ технологий может быть скопирована, ускоряется имитация инноваций. Такая тенденция

вызывает необходимость развития маркетинговых нематериальных активов (капитала бренда), которые приобретают все большее значение для компаний в информационном пространстве [1].

На основе анализа статистических данных, был сделан вывод о предпочтениях и лояльности пользователей к использованию платформ социальных медиа. Опубликованные Global Overviev Report статистические данные за 2022 г. свидетельствуют, что изменяются предпочтения пользователей к различным сервисам социальных медиа; значительно увеличивается стоимость рекламы на платформах социальных сетей; растет количество зарегистрированных пользователей; возрастает роль мобильного маркетинга; происходит рост социальной коммерции [2]. По состоянию на январь 2022 г. в мире общее количество пользователей социальных медиа составляло 4,623 млрд., в январе 2021 г. – 4,199 млрд., в январе 2020 г. – 3,709 млрд. За десять лет число пользователей социальных медиа выросло в 3,1 раза (в январе 2012 г. – 1,482 млрд.) [2].

Переосмысливается значимость отдельных инструментов социальных медиа. Это подтверждается рядом исследований:

- 1) Время, проводимое пользователями в интернете увеличивается. В соответствии с отчетом Digital 2022, время, проводимое пользователями в интернете: ЮАР 10:46 ч./день; РФ 7:50 ч./день; Индия 7:19 ч./день; США 7:05 ч./день; Италия 6:09 ч./день; Бельгия 5:45 ч./день; Франция 5:34 ч./день; Германия 5:22 ч./день; Китай 5:15 ч./день; Япония 4:26 ч./день [2];
- 2) Время, проводимое пользователями в социальных медиа также не снижается (в среднем 02:29 ч. в I кв. 2022 г.; 02:24 ч. в I кв. 2021 г.) [3];
- 3) Трансформируются роли ведущих социальных платформ (каждая из платформ занимает исключительно разные сферы в жизни людей) [3];
- 4) Изменяются мотивы использования платформ и сервисов, перераспределяются предпочтения пользователей к платформам. Например, лидером по количеству загрузок мобильных приложений в 2021 г. стало приложение TikTok. Так, количество времени, которое средний пользователь тратит на TikTok, за первый квартал 2022 г., более чем на 20% выше, чем в целом за 2021 г. [3];
- 5) Популярность сервисов социальных медиа среди пользователей не уменьшается (TikTok 23,6 ч./месяц; YouTube 23,2 ч./месяц). По последним опубликованным данным, TikTok демонстрирует значительный рост охвата рекламы [3].

Компании реагируют на изменения в поведении потребителей, делая социальные медиа влиятельным маркетинговым каналом и неотъемлемым компонентом своих маркетинговых планов [4]. В целом, можно отметить, что темп роста использования инструментов социальных медиа в маркетин-

говой деятельности компаний увеличивается, что позволяет говорить о положительной динамике в области признания потребителями такого способа продвижения бренда.

Сегментирование аудитории платформ социальных медиа и использование различных каналов коммуникации позволяют изменять стратегию контент-маркетинга в зависимости от предпочтений пользователей конкретной платформы. Результаты комплексного исследования по изучению предпочтений интернет-пользователей свидетельствуют, что 27 % из них (в возрасте от 16 до 64 лет) узнают о новых брендах через рекламу на платформах социальных медиа [2]. Исследования показывают, что деятельность брендов в социальных медиа имеет значительное влияние на всех стадиях цикла совершения покупки.

В разных странах популярность отдельных платформ социальных медиа, а также их структура различаются. Из опыта Китая наиболее интересным представляется практика компаний по ведению аккаунтов в локальных социальных медиа. Компании Китая используют национальные программы и приложения (WeChat (Weixin), Sina Weibo, Douyin, Kuaishou, Youku и другие), которые стали качественными аналогами западных социальных сетей. Локальные социальные медиа имеют высокий спрос и популярность, что подтверждается значительным количеством пользователей. Самая многофункциональная платформа в Китае - Weixin (в 2012 г. переименована в WeChat для международной аудитории). По состоянию на сентябрь 2022 г. на платформе WeChat были зарегистрированы 1,31 млрд. активных пользователей. Поэтому, компании, которые выходят на китайский рынок, должны быть представлены в WeChat [7]. Это повышает вовлеченность клиентов, позволяет делиться контентом, повышать имидж бренда. Распространенный способ продвижения продукции в Китае, который компании используют при формировании конкурентных стратегий - привлечение лидеров ключевых мнений (KOLs, Key Opinion Leaders). KOLs помогают распространять информацию о товарах и услугах компаний посредством своих аккаунтов. Китайские компании достаточно большое внимание уделяют стратегиям в социальных медиа. Критерием доверия потребителей становится онлайн-репутация компании, а одним из инструментов формирования репутации становится инновационная направленность социальных медиа [7].

Согласно исследованиям, проведенным среди компаний США [8]:

- 91 % руководителей бизнес-структур ожидают, что бюджет их компании на маркетинг в социальных медиа будет увеличиваться;
- 78 % потребителей совершают покупку у бренда после положительного опыта в социальных сетях;

– 62% потребителей считают, что бренды добьются успеха в долгосрочной перспективе только в том случае, если они будут представлены онлайн.

Необходимо отметить, что при всем разнообразии инструментов и сервисов, в центре внимания исследователей также находятся некоторые негативные последствия и результаты маркетинговой деятельности в социальных медиа: увеличение издержек, негативно влияющих на долгосрочные планы компании; неверно выбранная онлайн-стратегия [5]. Еще один тревожный вывод заключается в том, что часть пользователей чувствуют влияние прямой рекламы в корпоративных аккаунтах бренда. Так, крупнейшие бренды сегмента люкс пытаются переосмыслить и перестроить сам формат коммуникации с клиентами, стремясь снизить негативное влияние социальных медиа на их эксклюзивность. Эксперименты с уходом из социальных медиа позволяют повысить воспринимаемую покупателями эксклюзивность премиальных брендов.

Таким образом, необходимо использовать те сервисы и инструменты, которые подходят для конкретного бренда. В большинстве случаев, маркетинговая деятельность в социальных медиа является обязательным условием ведения бизнеса и взаимодействия с потребителями.

Выявлены различия в отношении к социальным медиа в зависимости от размера и типа компании. Компании сектора B2B, как правило, считают социальные медиа менее эффективными в качестве единственного маркетингового канала для построения взаимоотношений, чем другие модели коммуникации [5]. Однако, такие мотивы, как предполагаемая экономическая выгода, возможность контроля, простота использования побуждают предприятия использовать инструменты маркетинга социальных медиа [5].

Выявлена и проанализирована специфика внедрения социальных медиа в коммуникационные стратегии компании:

- 1. Интеграция в повседневные сферы жизни инструментов социальных медиа позволяет компаниям взаимодействовать с клиентами, а также клиентами делиться друг с другом потребительским опытом. В результате снижаются коммуникационные барьеры посредством повышения уровня доверия к каналу коммуникации.
- 2. Общение для поддержания интереса аудитории, оперативное реагирование на запросы. Это дает возможность создать активную пользовательскую базу, изменять общественный дискурс из-за большого охвата аудитории. Перед организациями стоят задачи по разработке стратегии в отношении социальных медиа в условиях новой реальности усиления власти в руках потребителей [4].

- 3. Минимизация расходов по ведению аккаунтов посредством бесплатных сервисов социальных медиа. Компании, использующие традиционные маркетинговые инструменты, вкладывают значительные средства на поиск своих целевых рынков и их исследование. Специфическая черта социальных медиа предоставить за достаточно короткий срок и без больших затрат данные о пользователях (их мнениях и предпочтениях), о конкурентах в отрасли.
- 4. Сочетание характерных черт социальной и маркетинговой коммуникации. Снижение популярности традиционных коммуникационных каналов обязало компании искать передовые методы использования цифровых и социальных медиа-маркетинговых стратегий для сохранения и увеличения доли рынка [4].
- 5. Возможность проведения анализа тенденций и прогнозирования будущих событий относительно конкурентоспособности компании (использование различных инструментов для сбора и анализа данных из социальных медиа и управление многоканальной коммуникацией).

Следует выделить ряд особенностей, характеризующих влияние маркетинга социальных медиа на трансформацию конкурентных стратегий компаний [4]:

- Возможность построения сильного бренда в онлайн медиапространстве, повышение лояльности к бренду (формирование капитала бренда). Большинство потребителей основываются на отзывах в социальных медиа, что делает онлайн коммуникацию важной частью создания положительной репутации бренда.
- Значительные возможности за счет снижения затрат (социальные медиа позволяют компаниям достигать своих маркетинговых целей при относительно низких затратах).
- Улучшение существующих продуктов и услуг, их дифференциация (возможность получения оперативной обратной связи о продукте или услугах, внесения исправлений согласно предпочтениям потенциальных клиентов и инновациям в сфере деятельности компании).
- Создание сообществ потенциальных клиентов, как доминирующего способа взаимодействия [6].
- Создание новой формы открытого взаимодействия (общение с другими потребителями о своем опыте и контакте с компаниями; взаимодействие с партнерами, поставщиками, дистрибьюторами и другими заинтересованными сторонами). Предоставляются также многочисленные возможности для укрепления и расширения взаимодействия сотрудников.

Исследования компаний сосредотачиваются на изменениях потребительского поведения и взаимодействии с клиентами через онлайн коммуникацию. Резюмируя вышеизложенное, следует отметить, что недооценка значимости

медиапространства не позволит компаниям своевременно адаптировать стратегию к запросам аудитории.

Таким образом, изменения в способах формирования и реализации конкурентных стратегий, особенно проявляющихся в сфере информационных технологий, вызывают необходимость пересмотра подходов к коммуникационной деятельности компании как на начальных уровнях развития компаний, так и на и на последующих этапах. Со стороны доминирующих компаний очевидна тенденция развития маркетинговых нематериальных активов. Соотношение сил в современной глобальной информационно-инновационной экономике по ряду показателей использования онлайн технологий меняется в пользу компаний, эффективно осуществляющих маркетинг социальных медиа. В контексте многоаспектного характера гиперконкуренции, инновационная направленность социальных медиа оценивается компаниями как один из факторов изменения способов коммуникации, повышения доверия потребителей, формирования репутации.

В условиях конкуренции со стороны производителей, комплексный маркетинг в социальных медиа, стал по ряду позиций решающим. Выделены особенности маркетинга социальных медиа, характеризующие изменение стратегии компании: возможность построения сильного бренда в информационном пространстве; сочетание характерных черт социальной и маркетинговой коммуникации; снижение коммуникационных барьеров при взаимодействии с потребителем; персонализация; создание сообществ потенциальных клиентов. На основе анализа и систематизации мирового опыта, определено, что инструменты социальных медиа позволяют проводить анализ тенденций и прогнозировать будущие события относительно конкурентоспособности компании для принятия управленческих решений.

Интеграция социальных медиа в маркетинговую деятельность обеспечит компании определенную конкурентную рыночную позицию в условиях динамичной внешней среды, постоянно оказывающей влияние на изменение рынков товаров и услуг.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Getting tangible about intangibles: The future of growth and productivity? [Electronic resource] // McKinsey & Company. Mode of access: https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/getting-tangible-about-intangibles-the-future-of-growth-and-productivity. Date of access: 17.01.2023.
- 2. Digital 2022: Global Overview Report [Electronic resource] // Datareportal. Mode of access: https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report. Date of access: 15.02.2023.
- 3. Looking ahead: key digital themes for 2023 [Electronic resource] // Datareportal. Mode of access: https://datareportal.com/reports/looking-ahead-to-what-2023-holds. Date of access: 12.01.2023.

- 4. *Dwivedi*, Y. K. Setting the future of digital and social media marketing research: Perspectives and research propositions [Electronic resource] / Y. K. Dwivedi, E. Ismagilova, L. Hughes / International Journal of Information Management. 2021. Vol 59. Mode of access: http://https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0268401220308082. Date of access: 22.01.2023.
- 5. *Ritz, W.*, Digital marketing adoption and success for small businesses [Electronic resource] / W. Ritz, M. Wolf, S. McQuitty / Journal of Research in Interactive Marketing. 2019. Vol. 13. Mode of access: http:// https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/ JRIM-04-2018-0062/full/html. Date of access: 01.02.2023.
- 6. *Wuta, T. M.* The Impact of Social Media on International Marketing Strategies [Electronic resource] / T. M. Wuta / International Journal of Innovation, Creativity and Change. 2021. Vol. 15. Mode of access: http:// https://www.ijicc.net/images/Vol_15/Iss_7/15770_Ming_2021_E1 R.pdf. Date of access: 03.02.2023.
- 7. Number of monthly active WeChat users [Electronic resource] // Statista. Mode of access: https://www.statista.com/statistics/255778/number-of-active-wechat-messenger-accounts/#statisticContainer. Date of access: 17.02.2023.
- 8. The State of Social Media: After a Year of Transformation, Executives Are All-In on Social [Electronic resource] // SproutSocial. Mode of access: https:// https://sproutsocial.com/insights/data/social-media-future-of-business-intelligence/. Date of access: 15.02.2023.

Поступила в редакцию 06.03.2023

Усоский Владимир Николаевич доктор экономических наук, профессор кафедры экономических наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь vladimirusosky@gmail.com

ПОСТМОДЕРНИЗМ И ЭКОНОМИКА

В статье исследуется трактовка сущности категории «подрывные инновации» с позиций теории Модерна и философии Постмодерна. Доказано, что методология постмодернизма исключает адекватное толкование термина «подрывные инновации» ввиду отрицания феномена «поддерживающих инноваций». Определено содержание термина «подрывных инновации», который толкуется постмодернистами неадекватно, что превращает его в «симулякр», выводит за пределы экономических явлений и приводит к выводам, которые исключают функционирование двухуровневой банковской системы и создание кредитных денег банками.

Ключевые слова: банки как финансовые посредники; онлайн-банки; подрывные инновации; поддерживающие инновации; криптовалюты; блокчейн; кредитные деньги банков; финтех-продукты; технологическая сингулярность; концепция «семантического банка» Криса Скиннера.

Ведущими субъектами финансового посредничества в рыночной экономике являются онлайн-банки. Эти пионеры цифровых инноваций создали сектор финтех технологий (FinTech), став законодателями мод в цифровом бизнесе. На финансовом рынке выделяют две различные категории FinTech продуктов (финтех-продуктов). Одни из них используются субъектами финансового посредничества, которые включены в двухуровневую банковскую систему. Вместе с тем существует другая категория финтех-продуктов, которые специально разрабатываются криптоэнтузиастами в целях функционирования принципиально иного типа субъектов «новой будущей экономики» (майнеры, «семантический банк»). Эта категория субъектов цифровой сферы создана людьми, которые исходят из традиции постмодернистского футуризма. Его представители предлагают специфические решения, которые нацелены на радикальный взлом природы банковской системы в условиях цифровой революции. Их дальний прицел установлен на то, чтобы создать условия для становления субъектов «будущей (новой) экономики». Инструментом взлома банковской системы постмодернисты видят в ИКТ (информационно-коммуникативных технологиях). Идеи постмодернистского футуризма прямо затрагивают интересы деятельности коммерческих банков, субъектов формирующих денежно-кредитные институты финансового посредничества. Постмодернисты предлагают пересмотреть статус и роль банков в экономической системе и финансовом рынке в сторону понижения. Предлагают они также изменить место и роль человека в обществе (экономике).

Инновации, вызываемые ИКТ, генерируются с помощью организационно-управленческой структуры онлайн-банка, который является продуктом совместной деятельности банкиров. Собственники и менеджеры банка, создающие организационно-управленческие структуры онлайн-банка, выполняют ведущую роль в формировании бизнес-модели, ориентированной на ведение прямых дистанционных продаж на финансовом рынке. В инновационном процессе определяющую роль играют пассионарии онлайн-бизнеса, такие как Ричард Фейербанк и Найджел Моррис – создатели банка монолайнера Саріtal Опе (США) в 1988 г., Олег Тиньков, выпестовавший онлайн-банк «Тинькофф Банк». Они готовы в буквальном смысле сгореть в пламени рыночных рисков.

Взаимосвязь между человеком и ИКТ вписывается в природу чисто технического отношения. В нем человек доминирует над ИКТ, которые являются пассивным (объектным) элементом производительных сил. Созданная онлайн-банками система прямых дистанционных продаж банковских продуктов физическим лицам – есть функциональное следствие и техническое продолжение действия организационно-управленческой структуры онлайн-банка.

Предположение о том, что активным ведущим фактором парного отношения «человек – ИКТ» являются ИКТ, а не человек, создающий организационно-управленческую структуру онлайн-банка, является фундаментальной интуицией сциентистской утопии «технологического детерминизма» эпохи Постмодерна. Эта футуристическая гипотеза резко понижает статус человека-творца относительно создаваемой им техники, лишая его воли и сознания. Человек-творец редуцируется к пассивному объекту, манипулируемому будущим сверхинтеллектом машины. Личность видится постмодернистами объектным элементом производительных сил. В мировоззрении человека Постмодерна возникает диаметрально противоположная по смыслу фундаментальная интуиция, отрицающая сущность парадигмы Модерна. По мановению мысли футуристов человек и техника поменялись местами в статусе и функциональной роли в обществе (экономике).

С XVII века ученые новой Европы радикально переосмыслили мировоззренческие представления о природе человека, сложившиеся в эпоху античности и Средних веков. Философы Нового времени отвергли духовные основы веры в Абсолют и абсолютные ценности, на которых базировалась религиозная вера и фундаментальные установки мышления людей традиционного аграрного общества. Философы античности и богословы Средневековья исходили из парадигмы о пассивном статусе и роли человека в Универсуме. Человек до эпохи Модерна являлся коллективистским человеком, включенным в солидарные структуры, построенные на принципе священной иерар-

хии. Он был включен в систему абсолютных надиндивидуальных ценностей общества, которые выражали внечеловеческую объективную реальность, воплощенную в Вечности мироздания.

Мыслители античности трактовали природу человека как эманацию божественного эфира, созданную безличным Абсолютом, растворенным в Универсуме. В языческой системе мировоззренческих координат субъектом был безличный природный Абсолют. Христианские богословы и философы понимали природу человека как следствие акта творения Абсолютной Личностью Творца из ничего Универсума и самого человека, который был сотворен по образу и подобию Божьему. Христианство придавало человеку высокий статус в иерархии Природы, который в замысле Промыслителя был результатом творения мироздания Универсума.

С второй трети XIX века и до середины XX века мы наблюдаем постепенный отход от принципов новоевропейского мышления, практики жизни и деятельности человека эпохи Модерна. Постмодернизм выдвинул спорную идею о том, что уже не человек является творцом, а создаваемая им продвинутая техника в процессе самообучения превращается в искусственный интеллект (ИИ), наделенный суперинтеллектом (образ машины «Саманта» Криса Скиннера, т.е. «семантический банк»). Постмодернисты (Клаус Шваб, Юваль Ной Харрари, Р. Курцвейл, Г. О. Греф) строят свои предположения на том, что в недалеком будущем появление «подрывных технологий» (disruptive technologies) приведет к возникновению суперинтеллекта машины, который станет активным субъектом «экспоненциального взрыва бытия». В дальнейшем все пойдет по сценарию фильма «Матрица». Под «подрывными инновациями» постмодернисты понимают потенциальную возможность «экспоненциального взрыва бытия», ведущего к изменению природы человека, который лишается практически всего, что он приобрел в эпоху Модерна. Постмодерн лишает человека статуса активного творца, который преобразует самого себя, внешнюю природную среду своего обитания, а также общества. Действует человек в рамках парадигмы техногенного Прогресса.

Традиционно мыслящие ученые, остающиеся в рамках фундаментальных интуиций Модерна, не выходят за пределы его мировозренческой системы координат. Они понимают под *«подрывными инновациями»*, нечто совершенно другое, нежели футуристы Постмодерна. Например, изобретение телефона, который заменил телеграф; создание пароходов, которые вытеснили парусные корабли. Примерами современных инноваций, которые привели к структурным отраслевым сдвигам в экономике являются полупроводники, заменившие электровакуумные (ламповые) приборы; цифровые камеры «выбившие» с рынка пленочные; электронная почта, потеснившая систему традиционной почтовой рассылки. Признано организацией НАТО по вопро-

сам науки и технологий (STO), что «подрывные инновации» до 2040 г. – это искусственный интеллект (ИИ), большие данные, биосенсорика, квантовые технологии.

Массовое применение «подрывных технологий» в прорывных отраслях экономики оказывает воздействие на изменения относительных ценностей хозяйственных благ на рынке. Критическая масса изменений приводит к взлому отраслей рыночной экономики, что свидетельствует о действии механизмов научно-технического прогресса. Однако здесь возникает очень тонкая грань, где ясно виден смысл различий, которые отделяет естественную традицию Модерна от футуристической традиции Постмодерна.

Постмодернисты считают с точностью наоборот, что появление «подрывных технологий» (disruptive technologies) запускает процесс диффузии продвинутых технологий (IT), которые порождают радикальные изменения природы человека, природы микроэкономики фирмы и банка, сущности рыночной макросистемы и двухуровневой банковской системы. Все институты традиционной рыночной экономики исчезают, так как вместо каналов денежно-кредитного обращения возникают криптовалюты и P2P отношения, которые замещают «выбракованные» криптоэнтузиастами устаревшие банки, т.е. создателей дремучих «нечестных» кредитных денег. В круговерти производимых майнерами криптовалют в итоге их совместных усилий возникает «семантический банк» («Саманта» Криса Скиннера).

Термин «подрывные инновации» трактуется учеными Модерна и постмодерна совершенно по-разному. Традиционалист эпохи Модерна Клейтон Кристенсен разработал теорию «подрывных инноваций» [1]. Клейтон М. Кристенсен пишет: «Прорывные инновации происходят, когда предприниматель или технолог выясняют, как преодолеть компромисс, беря больше от одного и не требуя, чтобы мы принимали меньше от другого. Часто преодоление компромисса инициирует свержение парадигмы. Одна из основных причин того, почему прорывные инновации настолько искусно свергают парадигмы (и отраслевых лидеров), - статичность поддерживающих инноваций. Они извлекают лучшее из компромиссов, с которыми имели дело прежде. Инновации, с точки зрения прорывного инноватора, первоначально принимают установленные компромиссы в старой парадигме. Но они видят, что траектория технологического совершенствования быстрее, нежели то, что могут использовать клиенты. Поскольку эффективность технологических шагов переходит от понятия "недостаточно хорошо" к понятию "более чем достаточно", компромиссы уничтожаются. Пересечение траекторий в теории прорыва динамически высвобождает ограничения, которые создают компромиссы. Траектория, которая становится прорывной, всегда начинается среди нетребовательных клиентов в нижней части секторов» [2, с. 21].

Клейтон М. Кристенсен вычленил из эмпирической действительности феномен «поддерживающих инноваций», определил содержание термина, описал механизм его действия, который нацелен на улучшение продукта в рамках заданного качества. Таким образом, ключевые характеристики продукта, который продается на «высоком» сегменте рынка, остается в рамках заданного качества продукта, созданного «подрывными инновациями». На «высоком» сегменте массового рынка фирма продолжает продавать очень качественные продукты, которые нуждаются в определенных доработках, что не затрагивает его базовых свойств, что свидетельствуют об удовлетворенности покупателей продуктом. «Поддерживающие инновации» – это такой тип инноваций, который не ведет к фундаментальным сдвигам, изменяющим природу продукта, а поддерживает его нормальное функционирование в рамках достигнутого качества. Никаких радикальных сдвигов при использовании «поддерживающих инноваций», не происходит. Да, к ним никто и не стремиться на стабильно развивающемся сегменте «высокого» рынка.

Футурологи постмодернизма трактуют термин *«подрывные инновации»* предельно широко, вследствие чего они отрицают действующий механизм *«поддерживающих инноваций»*, которые используют фирмы, внедрившие *«подрывные инновации»* для обслуживания клиентов массового рынка.

Футурологи постмодернизма уверены, что интеллект человека окажется не способным в будущем сравняться с гигантской мощью суперинтеллекта машины по глубине и интенсивности постижения креативной технологической реальности. Возможности действий суперинтеллекта машины при воплощении в жизнь «ее идей» превышают слабые возможности человека. Постмодернисты говорят об «идеях» суперинтеллекта машины как будто бы речь идет об одушевленном человеке со сверхсознанием. Соответственно, сфера жизнедеятельности человека, креативный потенциал его функциональных возможностей и творческая природа деятельности сужаются до более низких мыслительных способностей по сравнению с суперинтеллектом машины.

Постмодерн радикально пересматривает традиционные представления Модерна о природе человека, общества, экономики, денежно-кредитной и финансовой сферах жизнедеятельности человека. Однако гипотеза постмодернизма о том, что в недалеком будущем произойдет «экспоненциальный взрыв бытия» и суперинтеллект машины в результате самообучения превысит возможности интеллекта человека, не имеет условий для своего эмпирического подтверждения. Какие бы то ни были теоретические доказательства и логические обоснования, которые приняты в рамках современной научной традиции, в постмодернистском футуризме отсутствуют. Мы имеем дело с рождением классического техногенного мифа постмодернизма. Точнее говоря, перед нами квазирелигиозное мировоззрение, созданное секуляризированной светской утопией футуризма, оторвавшейся от жизненной почвы.

По мнению сторонников постмодернизма уже не техника представляет собой пассивный объект, а человек станет в будущем пассивным объектом. Посредством машинного самообучения интеллект машины превращается в сверхинтеллект машины, которая приобретает функции творца, а человек творческие функции потеряет. Происходит парадоксальный с точки зрения человека Модерна парадигмальный сдвиг смыслов и создается футуристическое мировоззрение Постмодерна. Несколько упрощая, скажем, что согласно базовой интуиции, лежащей в основе футуризма, получается так, что там, где раньше у человека были ноги, то там в недалеком будущем появится голова, а там, где была голова, вырастут ноги. Эта гипотеза утверждает, что форма жизнедеятельности человека, его способ мышления, мировоззрение и статус в обществе радикально изменяются. Происходит радикальная трансформация экономической деятельности человека, постмодернистская переполюсовка сущностей, которая затрагивает банковскую сферу, природу финансовых рынков, систему денежно-кредитных отношений рыночной экономики капитализма.

Приведем отрывок текста, в котором Крис Скиннер пытается найти точные формулировки для того, чтобы представить радикальные изменения сущности товарно-денежных отношений и финансов, теории ценности и банков: «Я начал писать эту книгу, назвав ее ValueWeb, но у меня были сомнения относительно подзаголовка. Сначала я использовал фразу: "Как интернет меняет то, что представляет для нас ценность в торговле, финансах, жизни и отношениях". Затем я решил, что подзаголовок скорее должен быть таким: "Как мобильный интернет меняет то, что представляет для нас ценность в торговле, финансах, жизни и отношениях". И тут я понял, что это не отображает сути происходящего, и поменял подзаголовок: "Как финтех, биткоин, блокчейн и мобильный интернет меняют все, что мы ценим". Но в конце я увидел, что в книге больше говорится о процессе вытеснения финтехом традиционных финансов (выделено мною - У. В. Н.), поэтому в качестве окончательного варианта выбрал следующий подзаголовок: "Как финтех-компании используют технологию блокчейна и мобильные технологии для создания интернета ценностей"» [3, с. 255].

Субстанциальный сдвиг смыслов в мировоззренческой парадигме Постмодерна тесно связан с более узким аспектом, который мы анализируем, выясняя трактовку футуристической традицией сущности банковской системы, закономерностей функционирования финансовых рынков и роли банка как института финансового посредничества. По мнению Криса Скиннера, через 20-30 лет произойдут кардинальные изменения в этой сфере, а также осуществится радикальная трансформация природы человека. Он предполагает, что в результате этих изменений появится такая инновационная структура буду-

щего как «семантический банк». Он будет работать в одноранговых пиринговых сетях (P2P), используя инструменты криптовалютного финтеха, который обслуживается инфраструктурой системы блокчейн.

Крис Скиннер считает, что вместо ныне существующей рыночной экономики с двухуровневой банковской системой, базирующейся на фидуциарной эмиссии Центрального банка и выпуске коммерческими банками кредитных денег для финансирования рыночных бизнес-проектов клиентов банков, возникнет некая новая футуристическая *краудэкономика* (crowd – monna, экономика monnы). Это будет «сетевая экономика» будущего, в которой вместо кредитных денег и банков появятся «семантические банки», имеющие открытый исходный код API (Application Programming Interface) и использующие криптовалюты в системе блокчейн.

Операционная система (OC) Android компании Google была создана на базе открытой ОС Linux, что позволило начисто «переиграть» на рынке Ios iPhone Apple. Она «впервые вышла в свет на смартфоне фирмы HTC в 2008 г., в 2010 г. имела менее 5 % мирового рынка ОС для смартфонов, в третьем квартале 2016 г. - 88 % рынка» [4, с. 27]. ОС Android позволила компании Google реализовать инновационный принцип «открытости по умолчанию». Через краудсорсинг (crawdsoursing) Google привлек к работе на себя множество талантов, создав им стимулы «через магазин приложений Playmarket (по типу Appstore в Apple), обеспечив необходимыми инструментами API и SDK» [4, с. 27]. Продвинутая технология АРІ кардинально меняет рутинный порядок ведения бизнеса. Принцип «открытости по умолчанию» вынуждает банк неуклонно углублять цифровизацию своей деятельности. Банк вынужден открываться внешнему миру, несмотря на традицию скрывать секреты. Принципы «открытой разработки» (open development) и «программного обеспечения как услуги» (software-as-a-service, SaaS-решения) требуют от банков внесения радикальных корректив в их деятельность. Использование прикладных программных интерфейсов позволяет получать эффективные технологии через открытую платформу банка, экономя деньги на исследования и разработки новых технологий. Необходимость адаптации к системе АРІ для банков самоочевидна.

Однако вернемся к «семантическому банку», использующему криптовалюты в системе блокчейн, которая является базовым элементом инфраструктуры одноранговых пиринговых сетей (P2P). Блокчейн необходим для обеспечения переводов криптовалют при наступлении эпохи технологической сингулярности. Блокчейн, криптовалюты и одноранговые пиринговые сети (P2P) – это взаимосвязанные структурообразующие элементы гипотезы технологической сингулярности. «Сингулярность» означает «особость, необычность, единичность». В точных науках используется термин «математическая сингулярность», определяемая как точка, в которой математическая функция

принимает бесконечное значение или имеет какие-либо иные нерегулярности поведения. «Впервые концепцию технологической сингулярности представил профессор математики и писатель-фантаст Верно Виндж на симпозиуме VISION-21 в 1993 году: "Сингулярность – это точка, в которой наши старые модели придется отбросить, где воцарится новая реальность. Когда прогресс будет направляться интеллектом, превосходящим человеческий, он станет куда стремительнее. Фактически, нет оснований полагать, что прогресс не станет плодить все более разумные сущности и все более быстрыми темпами. Такое событие аннулирует за ненадобностью весь свод человеческих законов, возможно, в мгновение ока. Неуправляемая цепная реакция начнет развиваться по экспоненте безо всякой надежды на восстановление контроля над ситуацией. Изменения, на которые, как считалось, потребуется "тысячи веков" (если они вообще произойдут), скорее всего, случаться в ближайшие сто лет"» [5].

Сущность сингулярности заключается в возможности мгновенного «интеллектуального взрыва», которое приводит к «взрыву Бытия» и переходу от одного качества вещей (минимум значений) к принципиально иному их состоянию (максимум значений). При этом радикально изменяется сущность общества, природа всех его элементов, структура и характер их взаимосвязей между собой. Феномен сингулярности сравним по своей природе с процессом мгновенного творения Богом мира из ничего.

По мнению Криса Скиннера, функционирующий в режиме глубокого машинного самообучения суперинтеллект в купе с Big Data позволит создать «семантический банк», наделенный сознанием суперинтеллекта машины. Мыслитель считает, что процесс совершенствования подходов к анализу Big Data посредством ИИ и глубокого машинного самообучения позволит создать в обществе некую «семантическую паутину» будущего. Дадим слово Крису Скиннеру: «Когда я пытаюсь заглянуть в будущее и представить, каким станет интернет 20 лет спустя, перед моими глазами туман; ясно лишь, что у интернета появится сознание. Оно будет повсеместным и станет всем управлять. Роботы-андроиды будут оснащены суперинтеллектом и внешне походить на людей, да и сами люди частично роботизируются (выделено мною – У. В. Н.). Некоторые называют эту систему семантической паутиной и уже много лет прогнозируют ее появление. Термин "семантическая паутина" предложил Тим Бернерс-Ли еще в 2001 году в статье, опубликованной в Scientific American совместно с Джеймсом Хендлером и Орой Лассила. Они определили ее так: "Семантическая сеть позволит машинам понимать семантику документов и данных, но не письменную и устную речь человека".

С тех пор этим термином именуют этап развития интернета, когда тот «проснется» – станет вездесущим и обретет сознание, научится понимать смысл размещенной в Сети информации. Название может быть любым, но

совершенно очевидно, что к 2030-м годам Всемирная паутина охватит всю нашу планету и наполнится умными устройствами, торгующими в этой Сети. Интеллект роботов будет не хуже, а то и гораздо лучше человеческого. Космический туризм станет обычным делом, а самыми востребованными навыками будут творческие и исследовательские способности, а не талант биржевого маклера и продавца» [6, с. 59].

Построение «семантической паутины» будущего будет осуществляться за счет активного процесса конструирования суперинтеллектом машины новой реальности интернет-пространства с помощью программно-математических алгоритмов. Крис Скиннер утверждает, что на определенном этапе развития продвинутых ИКТ путем последовательной эволюции зарождающихся социальных сетей (Web 2.0.) возникнет сначала интернет ценности (Web 3.0.), затем интернет вещей (Web 4.0.) и, наконец, интернет-жизни (Web 5.0). Последовательное развитие технологических поколений интернета, приведет к тому, что произойдет возникновение суперинтеллекта машины, которая получит власть над человеком. Соответственно, наступит эпоха доминирования техногенных факторов, отрицающих природу человека-творца, на чем как на базовом принципе бытия и мышления построена эпоха Модерна.

Крис Скиннер пишет в главе «"Происхождение денег – это часть нашего ДНК". В большинстве научно-фантастических фильмов деньги отсутствуют. Голливудское видение будущего исключает потребность в наличных деньгах; я уже писал в своем блоге о взглядах на деньги Джина Родденберри в статье "Звездный путь: деньги – это ужасная вещь". Родденберри считает, что, когда мы начнем осваивать космическое пространство, деньги исчезнут, а поскольку сейчас мы отправляем ракеты на Плутон, его видение становится реальностью. Тем не менее, деньги не исчезли из жизни общества совсем. Они просто изменили свою форму, приняв цифровой вид. Однако новая, цифровая, форма денег – это не просто криптовалюта.

Криптовалюта может выступать в качестве механизма обмена ценностями между машинами, но именно чипы внутри этих машин будут играть роль наших кошельков. По мере формирования Web 3.0 мы переходим к межмашинной коммерции, и вести ее можно в четко организованной системе ценностей (выделено мною – УВН). Мое видение этой системы сводится к следующему: в каждой машине или, если хотите, ориентированной на выполнение коммерческих операций вещи, будет элемент интеллекта, чип. У каждого такого чипа будет владелец, коим в большинстве случаев будем мы с вами, а наши вещи станут частью структуры нашей цифровой идентичности. Поэтому у меня есть ряд вещей, зарегистрированных как моя собственность в общем интернет-реестре. Это мой автомобиль, холодильник, телевизор, входная дверь, система отопления, несколько часов, туфли и пиджаки. Внутри всех этих вещей есть чипы, наделяющие их интеллектом. Моей системой отопле-

ния можно управлять с помощью часов, мой телевизор заказывает развлечения, а холодильник – продукты, а мой автомобиль по мере необходимости сам ездит на автозаправочную станцию.

Для этого все перечисленные устройства зарегистрированы как мои. Они прикреплены ко мне через мою цифровую идентичность, которая внесена в заслуживающий доверия общий реестр в интернете вещей. Если мой автомобиль будет слишком часто заправляться, а холодильник – заказывать продукты на сумму больше тысячи долларов, я получу оповещение о необходимости биометрического подтверждения» [3, с. 27].

Необходимо отметить, что деньги и банк мыслитель-футуролог трактует неадекватно их сущности. Для него банковская деятельность (он называет ее банкингом), а также деньги – это просто информация (данные). Крис Скиннер пишет: «Я назвал эту книгу "Цифровой банк" (Digital Bank). Очень хотелось назвать "Битва за данные" (Data Wars), но это книга о банковской деятельности. И все-таки название "Битва за данные" имело бы больше смысла, поскольку эта книга - о битве за будущее банковской деятельности, которое напрямую связано с обработкой данных. Фактически банковское дело уже связано с этим, просто не все банки это осознали. Мне это кажется даже немного удивительным: ведь страсти вокруг банковских данных кипят уже более 30 лет. Около 30 лет назад некий дальновидный СЕО одного из банков сформулировал то, о чем мы все тогда догадывались, но не многие решались произнести: "Банкинг - это всего лишь байты и биты". Эту фразу приписывают Джону Риду, тогдашнему СЕО и председателю совета директоров Citibank. На протяжении последующих 30 лет мы все наблюдали, как смысл этой фразы становился все более отчетливым. [7, с. 11].

К сожалению, Крис Скиннер путает материальную (бумага) и виртуальную формы (цифра) с экономическим содержанием денег. Сущность кредитных денег заключается в том, что это двустороннее безусловное требование-обязательство банка: безусловное требование к заемщикам и безусловное обязательство перед кредиторами и вкладчиками банка. Он пишет: «Я рассказывал об основных типах денег, которые использовались на этапах революций в истории человечества, а именно: бартер; монеты; ценные бумаги; микрочипы (выделено мною - УВН). Каков может быть пятый элемент в этом списке? Сегодня, на заре существования интернета вещей (ІоТ) и на этапе зарождения интернета ценностей (Internet of Values), можно ли представить будущее, не ограниченное ближайшим десятилетним циклом?» [6, с. 38]. При определении сущности денег ученый использует ложный критерий, по которому к деньгам по его логике, кроме микрочипов надо было бы отнести еще и банковские пластиковые карточки, которые деньгами не являются, так как это технический инструмент доступа клиента к банковскому счету. Крис Скиннер смешивает сущность денег с их носителями (внешними формами).

В связи с применяемой Крисом Скиннером методологией он постоянно смешивает понятия, вольно толкуя термины, имеющие совершенно противоположное содержание. Поэтому не удивительно, что деньги он путает с криптовалютами, а в банке видит чисто информационную систему обмена ценностями (благами), сделки с которыми будут совершать машины. Для этой цели и создана технологическая система блокчейн, которая необходима для автоматической регистрации сделок между роботами. Это очень смелое заявление!

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Клейтон, М. Кристенсен*. Дилемма инноватора. Как из-за новых технологий погибают сильные компании / М. Клейтон Кристенсен. М.: Альпина Паблишер, 2015. 239 с.
- 2. *Хорн, М.* Смешанное обучение. Использование прорывных инноваций для улучшения школьного образования / М. Хорн, Х. Стейкер; предисл. Клейтона М. Кристенсена. Сан-Франциско: Ван Монтгомери-стрит, 1, офис 1200, Калифорния. 343 с.
- 3. *Скиннер, К.* ValueWeb. Как финтех-компании используют блокчейн и мобильные технологии для создания интернета ценностей / К. Скиннер. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 416 с.
- 4. *Конотапов, С. Н.* Анализ бизнес-моделей на основе платформ / С. Н. Конотапов, Н. В. Салиенко // Научный журнал НИУ ИТМО. Сер. : Экономика и экологический менеджмент. 2018. № 1. С. 21–32.
- 5. Технологическая сингулярность вероятный путь развития нашего будущего [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://monocler.ru/tehnologicheskaya-singulyarnost. Дата доступа: 9.02.2016.
- 6. *Скиннер, К.* Человек цифровой. Четвертая революция в истории человечества / К. Скиннер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 304 с.
- 7. *Скиннер, К.* Цифровой банк: как создать цифровой банк или стать им / К. Скиннер. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 320 с.

Поступила в редакцию 12.04.2023

политология

Бобрович Вячеслав Иванович кандидат философских наук, доцент кафедры истории и социальных наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь vbobrovichmglu1960@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ: «ЧЕСТЬ И ЛИЧНОЕ ДОСТОИНСТВО»

В статье анализируется значение, которое имеет чувство личного достоинства для формирования и функционирования правовой и политической культуры в демократическом обществе. Способность граждан понимать и осознавать свою значимость, нетерпимость к насилию и высокая самооценка рассматриваются как слагаемые одной из важнейших гражданских компетенций, способствующих их становлению в качестве полноправных субъектов социальных, политических, экономических и правовых отношений, позволяющих успешно адаптироваться в демократической политической системе. Подробно исследуется процесс гуманизации отношений человека с обществом и государством в истории западной цивилизации. Анализируются особенности данного процесса в советское время и влияние, которое оказала на него традиционная белорусская культура.

Ключевые слова: гражданин; гражданственность; гражданское образование; права человека; личное достоинство; самооценка; правовое государство; эмансипация.

Понимание чести в современном обществе связано с осознанием и переживанием человеком своей значимости в глазах других людей, с созданием и сохранением морального престижа человека. Под достоинством подразумевается самоуважение личности, осознание своей ценности, ощущение и переживание собственной значимости как таковой.

Присущее современному человеку чувство личного достоинства гарантировано государственной конституцией и опирается на осознание человеком своих неотъемлемых прав и свобод, на возможность обустраивать частную и общественную жизнь исходя из своих экономических и политических интересов. Современное общество способствует формированию высокой личностной самооценки, позволяющей человеку ощущать себя полноправным гражданином демократического государства, оказывающим влияние на принятие политических решений. Материальную основу такой самооценки составляет экономическая самостоятельность, подкрепленная правовой защитой частной собственности и свободы предпринимательства. Доминирующая

¹ Следует подчеркнуть, что современное представление о собственности значительно шире, чем это было в прошлом. Помимо каких-то материальных ценностей она включает в себя все, что принадлежит человеку, – его знания, таланты, идеи.

в условиях рыночной экономики нацеленность человека на успех требует от него таких качеств, как уверенность в себе, способность преодолевать трудности, настойчиво добиваться поставленной цели.

В традиционном обществе честь и личное достоинство связывалось с принадлежностью человека к определенным классам и сословиям. Чаще всего оно приписывалось представителям потомственной аристократии, получающей звания и титулы по наследству. С приходом Нового времени это качество стало достоянием широких масс, что нашло свое выражение в таких понятиях, как «купеческое слово», «офицерская честь», «рабочая гордость». В них отражались групповые (корпоративные) представления о приличиях, гордости за свою работу, высокая самооценка.

Правовое государство позволяет человеку, независимо от его социального статуса и материального положения, сохранять и защищать свою честь и достоинство в судебном порядке. Однако это не значит, что сама по себе высокая самооценка присуща человеку от рождения. Как и другие качества демократической гражданственности, она требует специального «взращивания» в ходе планомерного образовательного и воспитательного процесса.

В свое время значимую роль в повышении самооценки западного человека сыграли традиции правового сознания. Уже в Средневековье отношения между сюзереном и вассалом строились на договорных началах, согласно которым тот и другой обладали определенными правами и обязанностями. Это обстоятельство наделяло их взаимной ответственностью и делало взаимоотношения более предсказуемыми. Начиная с эпохи Возрождения, в общественном сознании утверждаются идеи автономии личности и «свободы воли». В трактовке И. Канта они обусловлены правом человека на самостоятельные решения во всех сферах его жизни и предполагают готовность государства относиться к нему как к «совершеннолетнему», ответственному за свои действия, субъекту.

В ходе исторического развития в европейской цивилизации происходит постепенное и последовательное освобождение (эмансипация) человека в различных аспектах. К середине XIX века в большинстве государств мира уже покончено с рабством и крепостничеством. В XX – окончательно утверждается идея недопустимости работорговли и расовой дискриминации. Результатом политической эмансипации становится равенство политических прав, дающее широкие возможности для участия граждан в делах государства. В процессе экономической эмансипации было покончено с грабительским характером наемного труда, расширилась и укрепилась сфера предпринимательства и свободных профессий. Социальная эмансипация значительно расширила возможности социальной (вертикальной и горизонтальной) мобильности, что позволило человеку по своему усмотрению менять социальный статус, получать качественное образование и выбирать профессию. Благодаря усили-

ям гражданского общества в центр внимания мировой общественности были поставлены и во многом успешно решены проблемы гендерного равенства, семейного насилия, охраны материнства и детства.

На ситуацию в постсоветских государствах значительное влияние оказал опыт советского прошлого. Социалистический эксперимент двойственным образом сказался на самооценке советских людей. С одной стороны, он значительно повысил их классовое самосознание, вдохновляя на строительство «нового», «самого справедливого в истории человечества» общества и государства. Советские труженики были преисполнены чувством гордости за «великие планы и свершения» страны Советов, за проведенные в короткие сроки индустриализацию и культурную революцию, победу в Великой Отечественной войне, освоение целины и покорение космоса.

С другой стороны, заслуги и инициатива отдельного человека в этом процессе сильно принижались господствовавшей в стране марксистско-ленинской идеологией. Главная роль в ней отводилась революционным массам, возглавляемым коммунистической партией. Отдельная личность, низведенная до роли «винтика» в большом механизме, растворялась в государственных планах и достижениях. Успехи в строительстве коммунизма трактовались исключительно как результат коллективного труда.

У советского человека не было сфер, где он мог бы проявлять самостоятельность, спрятаться от государственной опеки и контроля. При отсутствии гарантий частной собственности не могло быть развитого частного сектора, свободных профессий, независимых от государства общественных организаций. Советский человек должен был испытывать чувство постоянной благодарности за все общественные достижения кому-то, стоящему «наверху», главе государства, партии или правительству.

За годы советской власти большинство белорусов радикально улучшило условия своей жизни, переехав из деревни в быстро растущие города. Там они получили высококвалифицированную работу на промышленных предприятиях, стали жить в благоустроенных квартирах, пользоваться развитой городской инфраструктурой. При этом роль сельских жителей в строительстве социализма постоянно принижалась. Ведущую роль в развитии экономики, согласно марксистскому учению, играл более «сознательный и организованный» рабочий класс.

Коллективная память белорусов до сих пор хранит воспоминания об ужасах военного времени, голоде, политических репрессиях. В стране отсутствует традиция предъявления высоких требований к тем, кто обладает властью и авторитетом. Низкая самооценка старшего поколения во многом обусловлена характером унаследованных из прошлого и господствовавших в патриархальной семье отношений. До сих пор можно встретить довольно

типичную для белорусской семьи картину, когда вышедшие на пенсию родители помогают повзрослевшим детям и внукам. Они не умеют и не желают «жить для себя», считая это чем-то предосудительным.

Воспитание высокой самооценки и выраженного чувства личного достоинства напрямую связано с нетерпимостью к насилию, в какой бы форме оно
не проявлялось, – в отношениях с начальником, в этнической (расовой, религиозной или гендерной) дискриминации, в антиобщественном поведении.
Граждан демократического государства с детства учат противостоять любым
проявлениям произвола. Образовательные и воспитательные технологии ориентированы на то, чтобы воспитывать не «забитых», послушных исполнителей, а свободных, уверенных в себе граждан. Поведение суверенного гражданина отвечает требованиям «золотой середины». Такой человек не терпит
насилия по отношению к себе и не проявляет его по отношению к другим.
Это находит свое проявление в различных формах гражданской смелости и
солидарности. Такая позиция вполне прагматична. Помогая другому, человек
рассчитывает на то, что в подобной ситуации помогут и ему.

Не стоит забывать, что государство является организацией, призванной обеспечить законность и порядок, а значит, не может обходиться без законного принуждения. Особенность демократического государства заключается в том, что источником такого принуждения считается народ и его представители. Демократия допускает применение насилия лишь в качестве ответной и превентивной меры по отношению к уголовным преступникам, террористам, злостным нарушителям законов.

Постепенное уменьшение насилия в человеческих взаимоотношениях является мировой тенденцией. С развитием общества сокращается объем допускаемого насилия в семье, государстве, международных отношениях. В патриархальном обществе глава семейства мог жестоко наказывать своих домочадцев, не опасаясь общественного осуждения. В обучении и воспитании подрастающего поколения доминировали методы «кнута» и «пряника», а практика физических наказаний в школе, даже в развитых странах Европы, существовала вплоть до XX века.

В юридической практике дознаний долгое время в порядке вещей было применение пыток и публичных казней. Политическая власть в государстве опиралась преимущественно на силу и жестоко подавляла проявления всякого инакомыслия. Международные отношения представляли собой арену борьбы разнонаправленных интересов, где сильный господствовал над слабым или же брал его под свое покровительство.

В современном мире ситуация с применением насилия радикально изменилась. Политическое руководство государств все чаще ориентируется на методы убеждения, а не принуждения, так что у граждан формируется убежденность о том, что они выполняют предписания власти по собствен-

ной воле. Современное общество постоянно расширяет понимание того, что считать насилием и как с ним бороться. Помимо прямого насилия все чаще говорится о недопустимости насилия косвенного, которое может проявляться путем создания особых, причиняющих боль и страдания, условий. Наряду с физическим воздействием, публичному осуждению подвержены любые формы психического, морального, экономического и даже интеллектуального давления.

В работе Стивена Пинкера «Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше» анализируются данные, документирующие снижение уровня насилия в мире во времени и географии. Они рисуют картину массового снижения насилия всех форм, от войны до улучшения обращения с детьми, что проявлялось в постепенной отмене рабства, дуэлей, судебных пыток, убийств, садистских наказаний и жестокого обращения с животными, в появлении организованных форм пацифизма. Пинкер подчеркивает роль в этом процессе государства, торговли, грамотности и коммуникации. Большой объем данных (и их статистический анализ) позволил ему сделать вывод о том, что настоящее время является самым мирным в истории человеческого рода [1].

Демократическое общество значительно расширяет возможности правовой защиты от насилия. Ограничению самых разных форм скрытого и явного насилия в обществе способствовало развернувшееся в XX веке в странах Запада движение в защиту гражданских прав. Оно позволило исключить либо значительно ограничить дискриминацию по признаку пола, этнической и расовой принадлежности, религиозным убеждениям, сексуальной ориентации. В правоохранительной практике правовых государств все большее значение приобретает предупреждение насилия в отношении женщин. Законы о правах ребенка призваны защитить детей от насилия в семье и школе [2].

Далеко не всякое насилие связано с нарушением законов и подлежит судебному разбирательству. Во многих случаях общество обходится различными формами морального воздействия. Чаще всего это касается политиков либо публичных личностей, которые нарушают общепринятые ценностные установки или нормы поведения. Подобного рода практика в США и Европе получила название «культура отмены» («cancel culture»). Этот термин обозначает современную форму остракизма, при которой человек или определенная группа подвергаются осуждению в социальных или профессиональных сообществах как в онлайн-среде, так и в реальном мире. По этой причине современному человеку приходится быть предельно внимательным в своих словах и поступках, чтобы ненароком не сделать чего-то такого, что может быть истолковано как оскорбление чести и достоинства других людей.

Восприятие насилия в белорусском обществе в значительной степени обусловлено советским прошлым и влиянием традиционной культуры. В крестьянской общине насилие было обычным делом и применялось в качестве

распространенного наказания в отношении взрослых и детей. В случае нарушения дисциплины солдаты (вчерашние крестьяне) «прогонялись» сквозь строй, терпели рукоприкладство старших по званию. В сознании крестьянина власть прочно ассоциировалась с силой и принуждением. По приказу барина или урядника в деревне часто наказывали плетьми, батогами, просто кулаком.

Для крестьянской семьи насилие было привычным методом «воспитания» младших. Наказывали прутом, ремнем, пугой, а то и просто большой ложкой, если речь шла о нарушениях дисциплины за столом. В больших семьях широко бытовало прямое и непрямое насилие, связанное с неравным распределением «ролей» в домашнем хозяйстве. Мужья учили «уму разуму» жен, примаки и невестки, будучи пришедшими «со стороны», становились предметом постоянных придирок и унижений. Бедная, стесненная сельская жизнь делала людей озлобленными и завистливыми по отношению к соседям [3].

В «Воспоминаниях» В. Ластовского содержится описание типичного поведения белорусских крестьян, обусловленного их образом жизни. Открытых и разговорчивых людей любили, но не уважали. Больше ценились такие качества характера, как скрытность и хитрость. В повседневных взаимных отношениях крестьяне всячески скрывали свое благополучие, предпочитая постоянно жаловаться на трудности («прибедняться»). По словам автора, это было обусловлено многолетней крепостной неволей и непосильными поборами [4].

Высокая самооценка человека в значительной степени зависит от признания его заслуг перед обществом. Каждый человек хочет ощущать себя частицей чего-то более и значимого, чем он сам. Это может быть производственный коллектив, религиозная община, школа или клуб по интересам. В них формируется чувство «мы», благодаря которому человек не чувствует себя одиноким и способен формулировать цели, имеющие общественную значимость. Получая общественное признание, человек получает стимул для самореализации и плодотворной творческой деятельности.

Ничто так не укрепляет личную самооценку и чувство личного достоинства, как высокое вознаграждение за труд. Достойная оплата возвышает человека в глазах окружающих и, как следствие, в своих собственных. В развитых странах Европы высокий доход наемных рабочих стал результатом многолетней борьбы профсоюзов и социал-демократических партий. В итоге на место угнетенного и обездоленного рабочего пришел обеспеченный и уверенный в себе средний класс. Доля зарплаты в стоимости произведенного продукта позволила большинству населения обеспечить высокий уровень благосостояния.

Помимо *объективных* факторов на самооценку человека влияют и факторы *субъективные*, отражающие его собственное отношение к себе. Обще-

ственное признание еще не гарантирует высокой самооценки, особенно если человек предъявляет к себе завышенные требования. В числе факторов, способных снижать личностную самооценку, следует назвать бешеный ритм современной жизни. Под его воздействием человек стремится «не отстать» от других, быть всегда «на уровне». Предъявляя высокие требования к профессиональной компетентности, общество постоянно напоминает о жестокой конкуренции. В таких условиях особое значение приобретает целенаправленное укрепление и повышение личной самооценки путем различных форм психологической саморегуляции.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Пинкер, С. Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше = Steven Pinker. The Better Angels of Our Nature: Why Violence Has Declined / С. Пинкер; пер. с англ. Г. Бородиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 952 с.
- 2. Власова, О. В. Формирование представлений о чести и достоинстве личности в истории развития общества: эволюционно-правовое измерение [Электронный ресурс] / О. В. Власова // Вестник ПАГС. 2011. № 44. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-predstavleniy-o-chesti-i-dostoinstve-lichnosti-v-istorii-razvitiya-obschestva-evolyutsionno-pravovoe-izmerenie/viewer. Дата доступа: 10.03.2023.
- 3. *Носевич, В.* Традиционная белорусская деревня в европейской перспективе / В. Л. Носевич. Минск : Технология, 2004. 350 с.
- 4. *Ластоўскі, В.* Выбраныя творы / В. Ю. Ластоўскі. Мінск : Міжнар. фонд «Бел. Кнігазбор», 1997. 510 с.

Поступила в редакцию 31.03.2023

Ковалёва Ирина Валерьевна кандидат политических наук, доцент кафедры истории и социальных наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь iryna-kavaliova@yandex.by

МОДЕЛИ ПЕНСИОННЫХ СИСТЕМ

В статье представлено теоретическое понимание пенсионной системы как элемента социальной политики государства. Раскрывается содержание понятия «пенсионная система», анализируются различные модели пенсионных систем и способы их построения в разных странах. Отмечается, что выбор той или иной модели обусловлен как объективно складывающимися экономическими условиями, так и преобладающими в обществе ценностными установками, проявляющимися в общем типе государственной модели.

Ключевые слова: пенсионное обеспечение; социальная политика; социальная защита; пенсионная система; распределительная модель; накопительная модель; комбинированная модель; социальное государство.

Тенденции общественного развития в XXI веке выдвинули в первоочередные задачи социально-экономической политики государств пенсионное обеспечение граждан. Неблагоприятные условия, складывающиеся в демографической сфере (устойчивое снижение соотношения между работающим и неработающим населением как по причине роста продолжительности жизни, так и по причине снижения рождаемости) и в сфере государственных финансов, вынуждают совершенствовать пенсионные системы. В Республике Беларусь также в полной мере ощущается подобная необходимость, что и обусловливает актуальность поиска эффективной модели пенсионной системы.

Под пенсионной системой в современной научной литературе понимается совокупность правовых, экономических и иных институтов, а также законодательных актов и норм, позволяющих предоставлять гражданам материальную поддержку в пожилом возрасте, при полной или частичной потере трудоспособности, при потере кормильца и в иных случаях [1]. Пенсионная система включает пенсионное обеспечение в узком смысле слова, предоставляемое за счет средств государственного бюджета или государственных внебюджетных фондов, и пенсионное страхование, осуществляемое в различных комбинированных сочетаниях гражданами, предприятиями-нанимателями и государством.

Ключевыми показателями эффективности пенсионной системы считаются коэффициент замещения (отношение размера пенсии при первоначальном назначении к средней зарплате в год выхода на пенсию) и продолжительность жизни после выхода на пенсию. Глобальный пенсионный индекс, разработанный и публикуемый компаниями Natixis Investment Managers и CoreData Research, анализирует и ранжирует 18 целевых индикаторов, сгруппированных

в четыре тематических субиндекса, охватывающих четыре важных аспекта благосостояния людей в пожилом возрасте: индекс здоровья, индекс материального благополучия, финансы в пенсионном индексе, индекс качества жизни. Итогом выступает составной индекс благосостояния, измеряемый в процентах от максимально доступного в мире. Республика Беларусь пока не включена в данный рейтинг, но в сопоставлении с присутствующими в нем соседними странами (Россия, Литва, Латвия) можно полагать, что в случае включения индекс составил бы около 50% при 83% у лидирующей Исландии [2].

Комплексный подход, в соответствии с которым при анализе положения пенсионеров учитываются не только непосредственно экономические показатели (размер пенсии), но и состояние здоровья, условия проживания и вовлеченность в социальную жизнь, отражает взаимосвязь различных направлений социальной политики. Так, Всемирный банк при разработке концепции пенсионных реформ устанавливает в качестве ориентиров 5 уровней/опор социальной защиты пенсионеров, при этом непосредственно пенсионных обеспечения и страхования касаются только три из них [3].

Базовая нулевая опора нацелена на обеспечение минимальной защиты, не привязана к участию получающих ее граждан в формировании каких-либо фондов, а ее условия, размер и формы зависят от финансовых возможностей государственного бюджета. Право граждан на социальное обеспечение в соответствии со структурой и возможностями государства зафиксировано в статье 22 Всеобщей декларации прав человека ООН. В Беларуси данному понятию соответствует социальная пенсия, которой охвачены как группы населения, утратившие способность работать (инвалидность, потеря кормильца), так и достигшие установленного возраста (пенсионного плюс 2 года), но не выработавшие необходимый трудовой стаж. Последняя группа получает пенсию в размере 50% бюджета прожиточного минимума. Еще одна не связанная с пенсионными взносами опора включает программы медицинской помощи и социального жилья. К примеру, в Германии суммарный размер выплат на помощь по возрасту превышает размер пенсионных выплат [4, с. 156].

Остальные три уровня/опоры связаны с пенсионными выплатами:

- первая опора является обязательной и в определенной степени зависит от дохода в период трудовой деятельности (необходимый минимальный стаж отчислений и коэффициент, увязывающий размер пенсии с доходом), хотя в своих базовых чертах соответствует солидарной системе;
- вторая также является обязательной, но представляет собой план индивидуальных взносов и пенсионных выплат, соответствующий накопительной системе;
- третья опора основана на добровольных индивидуальных сбережениях [3].

Пенсионные системы могут быть классифицированы по нескольким критериям. Так, по степени участия государства в финансировании выделяют *государственную*, *частную* и *смешанную*, хотя первые две в чистом виде стали уделом прошлого.

Исторически пенсионные кассы изначально были частными (исключая военнослужащих, получивших привилегию пожизненного содержания еще в XVII веке) и финансировались либо взносами рабочих, либо самими владельцами предприятий. Так, в 1872 году на заводе Сименса и Хальске была основана касса пенсионов для неспособных к дальнейшему труду или для родственников умершего рабочего, причем капитал в сумме 60 000 талеров был пожертвован в кассу владельцами, а управлялась касса представителями служащих и рабочих фабрики. В Австро-Венгрии Закон 1859 года обязывал предпринимателей учредить кассу либо присоединиться к существующей в случаях большого количества рабочих или высокой опасности работ [5].

Государственная система берет свое начало в 1889 году в Пруссии, когда по инициативе Отто фон Бисмарка была введена общенациональная система, и вскоре данную инициативу подхватили другие развитые страны. В СССР подобная система сложилась только к 1964 году, когда принцип пенсионного обеспечения был распространен и на колхозников.

Большинство современных систем представляют смешанный тип, к которому также можно отнести и белорусскую, хотя существующие частные пенсионные схемы занимают ничтожно малую долю.

По принципу финансирования выделяют распределительную, накопительную и комбинированную модели пенсионных систем. Распределительная модель предполагает, что текущие пенсионные выплаты финансируются за счет текущих налогов/взносов в обязательные фонды работающих сограждан, потому такая модель называется еще солидарной, подчеркивая межпоколенческую солидарность, или моделью Бисмарка. Механизм накопительной модели предусматривает формирование в инвестиционном пенсионном фонде (частном или государственном) пенсионного капитала из отчислений работников и заработанных с их помощью инвестиционных доходов. Наконец, возможна комбинированная модель, сочетающая оба подхода.

Каждая из моделей имеет преимущества и недостатки. Распределительная модель основана на принципе ответственности текущего работающего поколения перед старшим поколением – и основной ее недостаток кроется в зависимости от демографических изменений. При снижении доли работающего населения и пропорционального повышения доли пенсионеров финансовая нагрузка на бюджет требует либо повышения налогов, либо повышения пенсионного возраста, либо сокращения размера пенсий. По этой причине величина пенсионных выплат в подобной модели, как правило, невелика, а постулируемая цель – защита пенсионеров от бедности. Кроме того, риски

могут быть связаны с общим состоянием государственных финансов. Плюсом модели является отсутствие риска инфляционного обесценения пенсий благодаря одномоментности сбора взносов и выплат.

Подобный риск обесценения пенсионных отчислений присущ накопительной модели. Ее основа - страховые взносы участников на протяжении периода их трудовой активности. Конкретная форма организации уплаты взносов может отличаться - это могут быть индивидуальные счета, но зачастую происходит аккумулирование средств в централизованном фонде с последующим инвестированием в различные финансовые инструменты. Модель может предусматривать участие во взносах не только работников, но и работодателей; пенсионные фонды могут быть государственными и частными, действовать в условиях монополии и конкуренции. Очевидно, что такая модель требует развитости фондового рынка, но и ее эффективность зависит от качества управления рисками, связанными с изменчивостью конъюнктуры рынка и волатильностью цен финансовых инструментов. Вместе с тем накопительная модель подвержена риску демографических изменений только в контексте увеличения продолжительности жизни. Система позволяет участникам обеспечить себе более высокий и дифференцированный доход в пожилом возрасте, что и является целью системы. Модель реализуется во многих странах, одним из ярких примеров ее успешности является Швеция.

Таким образом, сформированные мировым опытом модели отличаются по целям, способам финансирования, степени личного участия работников в формировании пенсий, типу рисков и проявляются в социальном аспекте. Распределительная обеспечивает невысокий стабильный недифференцированный уровень, но не требует активного участия со стороны граждан; накопительная дифференцирует пенсии. Очевидно, что система, построенная на комбинировании двух моделей, позволит использовать их сильные стороны и минимизировать негативные, потому тенденция развитых стран – построение смешанной системы.

Примером реализации комбинированной системы является Швейцарская конфедерация. Комплекс законов о пенсионном обеспечении базируется на следующих принципах: всеобщности участия в системе, обеспечения прожиточного минимума, многообразия и дифференциации. Пенсия состоит из трех уровней. Первый основан на обязательных взносах граждан, работодателей и государства и обеспечивает 40–50 % замещения пенсией заработной платы. Более высокой степени замещения – до 80 % – позволяет достичь второй уровень, который тоже является обязательным для граждан с годовым доходом выше 21 060 франков. Оплату взносов производят наниматели. Начисление пенсии на этом уровне построено на двух показателях – доходе и трудовом стаже. Базовый пенсионный возраст установлен на уровне 64 и 65 лет для женщин и мужчин соответственно, при выходе на пенсию

на 1–2 года раньше размер пенсии сокращается на 6,8 %, за более поздний выход (до 5 лет) – увеличивается на 9 % за первый год и 7 % за последующие. Наконец, добровольные сбережения являются основой третьего уровня.

Современные вызовы, с которыми столкнулись государства, потребовали реформирования пенсионных систем, и в поисках соответствующей общей социально-экономической модели возникли идеи новых пенсионных моделей, характеризующихся полным отказом государства от обязательств и ставящие под сомнение само понятие социального государства:

- династическая, основанная на межпоколенческих трансферах внутри семьи;
- «жизненного цикла», соответствующая третьему, исключительно добровольному, уровню [6].

Еще одна классификация пенсионных моделей носит эмпирический характер и базируется на общей типологии государств, в которой выделяют либеральные, корпоративистские и социал-демократические. В соответствии с этим существуют 4 типа пенсионных систем: корпоративистская с преобладанием государственной распределительной модели и высоким коэффициентом замещения, т.е. соотношением пенсии к зарплате (Германия, Франция, Австрия, Швейцария); либеральная со средним коэффициентом замещения государственных пенсий и более развитым по сравнению с корпоративистскими странами негосударственным пенсионным обеспечением (США, Великобритания, Канада); модель умеренных пенсий, сочетающая невысокую государственную пенсию и неразвитое негосударственное пенсионное обеспечение (Бельгия, Чехия), модель обязательных частных пенсий с обязательной накопительной моделью и значительной ролью негосударственного пенсионного обеспечения (Швеция, Дания, Нидерланды).

Выбор направления реформирования пенсионной системы Республики Беларусь требует анализа не только объективных демографических и макроэкономических условий, но и соответствия той или иной модели ожиданиям большинства населения. С одной стороны, модель социально ориентированного государства логично сочетается с сохранением солидарной пенсионной модели, тем более, что применяемая градация пенсий на основании увязки их размера с доходом/уплачивавшимися взносами соответствует принципу справедливости. В аналогичном направлении воздействует требование наличия определенного трудового стажа и периода, в течение которого уплачивались взносы в Фонд социальной защиты населения. С другой стороны, критическое соотношение работающих к пенсионерам (около 1,7:1) обусловило принятие непопулярных мер – повышения пенсионного возраста и ограничения размера пенсии. В сложившихся условиях правительство инициирует развитие добровольных схем пенсионных накоплений, что встречает определенную поддержку общества, поскольку накопительная система не просто позволяет

сформировать к пенсионному возрасту достаточный для сохранения привычного уровня дохода портфель финансовых активов, но как раз сбережения и обеспечивают в общественном масштабе рост национального капитала и производительности. Расширение накопительной части пенсий будет также стимулировать рост финансовой и политической грамотности населения по мере осознания гражданами значимости решений в области экономической политики для их личного благосостояния. При этом сохранение в качестве базовой солидарной модели позволит не утратить статус социального государства и обеспечит выполнение государством «контракта с обществом».

Таким образом, современные модели пенсионных систем базируются на комбинировании распределительной солидарной межпоколенческой модели с накопительной. Каждая из них подвержена различным рискам: распределительная – демографическому, накопительная – риску сохранности накоплений. В сегодняшних условиях накопительные модели оказались более устойчивыми с точки зрения обеспеченности обязательств активами, но вместе с тем солидарная модель предоставляет каждому человеку определенные гарантии, снижая социальную напряженность. В условиях трансформации пенсионной системы Беларуси следует тщательно выбирать степень использования каждого из подходов.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Куликова, Е. И.* Направления развития пенсионных систем: предпосылки и тенденции / Е. И. Куликова // Сибирская финансовая школа. 2021. № 2. С. 83–86.
- 2. Goodsell, D. It'll take a miracle. The search for retirement security in an insecure world [Электронный ресурс] / D. Goodsell. Режим доступа: https://www.im.natixis.com/us/resources/2021-global-retirement-index-full-report. Дата доступа: 10.03.2023.
- 3. *Симченко, Э. Е.* Национальные пенсионные системы: типология и подходы к реформированию / Э. Е. Симченко, Ю. А. Шабаль // Весці БДПУ. Сер. 2. 2019. № 1. С. 73–78.
- 4. *Кавалёў, А. В.* Эканоміка Германіі / А. В. Кавалёў. Мінск : Выд. Зміцер Колас, 2022. 240 с.
- 5. Иностранное фабричное законодательство / под ред. В.А. Гольцева. М., 1880. Вып. 2. 159 с.
- 6. *Барышева*, Г. А. Современные модели пенсионной системы: достоинства и недостатки / Г. А. Барышева, В. Ю. Бабышев // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 53–56.

Поступила в редакцию 31.03.2023

Наумова Виктория Викторовна ст. преподаватель кафедры истории и социальных наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь umka 1967@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИЗЪЯТИЯ ИМУЩЕСТВА В ЦЕЛЯХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В данной статье рассматриваются вопросы, связанные с правовым регулированием изъятия имущества со стороны государства в целях национальной безопасности. Автор анализирует дефиницию «недружественные действия» и выявляет проблемы, связанные с механизмом реализации изъятия имущества.

Ключевые слова: санкции; национальная безопасность; недружественные действия; ответные меры; изъятие имущества.

В современном мире в эпоху глобализации и открытости стран резко возросла конкуренция между ними, осуществляется передел сфер влияния, перераспределение капитала и финансовых потоков. Нормы международного права девальвируются и зачастую подменяются международными «правилами», когда главными центрами принятия решений оказываются надгосударственные и транснациональные акторы. Выработанная десятилетиями после Второй мировой войны конструкция взаимодействия в XXI в. оказалась неустойчивой, в связи с чем любое суверенное государство стремится обеспечить свою национальную безопасность, в том числе территориальную целостность, право на благоприятную окружающую среду, жизнь, здоровье и материальное благосостояние граждан.

Санкционная политика отдельных субъектов международного права как инструмент внешней политики, дискриминация со стороны международных союзов и организаций, проводимые в отношении Республики Беларусь, были резко активизированы в последние несколько лет и тем самым поставили вопрос об ответных мерах, в том числе экономического характера. В связи с этим рассматриваемая статья представляется актуальной.

Указ Президента Республики Беларусь № 575 «Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь» от 09.11.2010 г. явился фундаментальной основой для формулирования национальных интересов, путей и алгоритмов их осуществления, предотвращения угроз, развития законодательства в указанной сфере отношений, «...разработки документов стратегического планирования...» [1]. В рассматриваемом нормативном правовом акте под национальной безопасностью понимается состояние защищенности от внутренних и внешних угроз в экономической, политической, демографической, научно-технологической, информационной, военной, экологической и социальной сферах.

Следует отметить, что на законодательном уровне санкции могут применяться Советом безопасности ООН в рамках Устава (например, блокировка активов, запрет на перемещение и поставки оружия и пр.), Европейским союзом (блокировка активов иностранного государства, его субъектов, в том числе Национального банка; запрет на въезд, денежные переводы и импорт товаров и пр.), государствами единолично (например, в США это определено в десяти законах, например, в Законе о торговле с враждебными государствами от 1917 г., где установлены заморозка активов, запрет на въезд, ограничение резидентам данной страны заключать экономические соглашения с отдельными нерезидентами; запрет экспорта высокотехнологичных товаров и пр.) [2; 3; 4].

По форме реализации санкции дифференцируются по группам:

- 1) полностью блокирующие все торговые и финансовые операции с отдельными государствами;
- 2) секторальные, относящиеся к отдельным отраслям экономики, группам субъектов;
  - 3) адресные, ограничивающие действия лиц или организаций.

Закон Республики Беларусь от 03.01.2023 г. № 240-3 «Об изъятии имущества» (далее - «Закон № 240-3») был принят в качестве «...неотложного и эффективного реагирования на существующие угрозы национальным интересам Республики Беларусь в режиме специальных ограничительных мер...» [5]. В данном нормативном правовом акте вводится дефиниция «изъятие объектов права собственности» по мотивам общественной необходимости в пользу государства. В контексте данного документа изъятие будет правомерным в случае введения против Республики Беларусь незаконных недружественных действий, в том числе и санкций. Как отмечает в своем исследовании А. В. Зеньков, изъятие может осуществляться в формах экспроприации, национализации или реквизиции [6, с. 1]. С нашей точки зрения, следует отграничивать процедуру изъятия от указанных действий. В развитие Закона № 240-3 в отдельные национальные нормативные правовые акты были внесены изменения и дополнения: 1) в статью 236 Гражданского кодекса Республики Беларусь - подпункт «принудительное изъятие в иных случаях, предусмотренных законом» [7]; 2) в статью 2 Закона Республики от 13 июля 2012 г. № 419-3 «О государственных закупках товаров (работ, услуг) - об исключении из сферы действия отношений в области государственных закупок, «...связанных с принудительным изъятием имущества в целях обеспечения национальной безопасности Республики Беларусь...» [8];

В Законе № 240-3, в частности, как и в целом в законодательстве Республики Беларусь, четко не сформулировано понятие «недружественные действия», например, в Указе Президента Республики Беларусь № 137 от 07.04.2022 г. «Об исполнительных документах» также делается ссылка на данную катего-

рию [9]. Не определено это и в современных словарях международного права, где устанавливается лишь дефиниция «недружественный акт» – «...злоупотребление государством своим внутренним правом, ... отказ удовлетворить обоснованные требования другого государства... Не всегда является нарушением международных обязательств, противоречит принципу взаимности и служит основанием для применения к злоупотребляющему своим правом государству соразмерных ответных мер...» [10, с. 239; 11, с. 264]. С. А. Углов, например, в своем исследовании определяет данную формулировку как «... угроза территориальной целостности России, либо действия по дестабилизации экономической или политической деятельности в Российской Федерации...» [12, с. 564].

Нами предлагается в связи с указанными обстоятельствами под недружественными действиями понимать определенные дискриминационные меры одного государства (группы государств) против другого государства (группы стран), не основанные на нарушении последним(ми) норм международного публичного и международного частного права.

Анализ Закона № 240-3 позволил установить следующее постулаты:

- 1) изъятие имущества должно применяться лишь как ответная мера;
- 2) последствия ограничительных мер со стороны нашего государства должны носить паритетный характер;
- 3) решение суда об изъятии материальных объектов в обязательном порядке является открытым для заинтересованных субъектов;
- 4) должно осуществляться эффективное и незамедлительное реагирование на возникающие угрозы [5].

Если говорить о доктрине российского международного права, то, как справедливо отмечают Р. С. Галиев и В. С. Новикова, в ситуации, когда к государству-ответчику потерпевшее государство от незаконных действий первого применяет меры воздействия, используют термин «контрмеры» [13, с. 30–43].

Закон № 240-З возлагает на Правительство Республики Беларусь право принимать решения об ответных мерах. В частности, следует акцентировать внимание на Постановлении Совета Министров Республики Беларусь от 06.04.2022 г. № 209 «О перечне иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц» [14]. Согласно данному документу в рассматриваемый список входят, например, Австралийский Союз, государства – члены Европейского союза, Канада, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Соединенные Штаты Америки и др., однако география стран может быть расширена. Закон № 240-З распространяется на физических и юридических лиц из перечня недружественных стран, а также субъектов, находящихся под их контролем независимо от места ведения предпринимательской деятельности.

Инициировать процесс по таким делам возложено на Государственный комитет по имуществу, который обращается в экономический суд г. Минска с заявлением об изъятии объектов права собственности. Срок рассмотрения – в течение месяца со дня возбуждения делопроизводства [5]. В данном случае Закон № 240-3 делает отсылку к Хозяйственному процессуальному кодексу Республики Беларусь, в частности, к статьям 159 и 160, которые регламентируют правила составления искового заявления. В нем, например, необходимо указать перечень предлагаемых к изъятию объектов права собственности и определить субъекта – потенциального получателя, а также какие действия следует выполнить с целью обеспечения иска (например, «…наложение ареста на денежные счета в кредитно-финансовых организациях…» и пр. [15].

На законодательном уровне установлено, что при изъятии объектов «... вопрос о компенсации (возмещении) их стоимости решается с учетом применения компенсации (возмещения) при совершении в отношении Республики Беларусь, ее юридических и (или) физических лиц недружественных действий» [5]. Изъятое имущество впоследствии передается в собственность государства. Анализ судебной практики экономического суда г. Минска показал, что по состоянию на 30.01.2023 г. не было принято к производству ни одного аналогичного дела [16].

Таким образом, нормативное закрепление института изъятия имущества в Республике Беларусь не противоречит действующему законодательству и вписывается в Концепцию национальной безопасности нашей страны. Следует, однако, отметить, что:

- 1) нормативная правовая база в данной сфере требует дальнейшего совершенствования и развития;
  - 2) действия со стороны государства нуждаются в комплексном подходе;
- 3) следует на законодательном уровне четко определить содержание понятия «недружественные действия»;
- 4) по многим позициям реакция на недружественные действия со стороны Республики Беларусь должна быть симметричной;
- 5) назрела необходимость в обсуждении и согласовании данного вопроса в рамках отдельных международных организаций (например, ЕАЭС), а также между отдельными странами.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 нояб. 2010 г., № 575 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2010. № 276. 1/12080.
- 2. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] : [заключен в г. Сан-Франциско 26.06.1945 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.

- 3. Договор о функционировании Европейского союза [Электронный ресурс] : [заключен в г. Рим 25.03.1957 г.] // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
- 4. *Морозов, В.* Санкции ведущих стран мира [Электронный ресурс] / В. Морозов // Российский Совет по международным делам. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/sanctions. Дата доступа: 15.02.2023.
- 5. Об изъятии имущества [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 3 янв. 2023 г. № 240-3 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
- 6. *Зеньков, А. В.* Экспроприация в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Зеньков ; БГУ. Минск, 2015. 25 с.
- 7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 7 дек. 1998 г., ; № 218-3: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 03.01.2023 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
- 8. О государственных закупках товаров (работ, услуг) [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 13 июля 2012 г. № 419-3 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
- 9. Об исполнительных документах [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 7 апр. 2022 г. № 137 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
- 10. Словарь международного права / Дипломат. академия МИД России ; отв. ред. С. А. Егоров. - 3-е изд. перераб. и доп. - М. : Статут, 2014. - 495 с.
- 11. *Макушев, П. В.* Международное право : словарь-справочник : учеб. пособие / П. В. Макушев, А. В. Хридочкин. М. : Прометей, 2017. 567 с.
- 12. Углов, С. А. Национализация собственности недружественных стран как ответ на санкции против Российской Федерации / С. А. Углов // Вопр. Российской юстиции. 2022. № 21. С. 562–570.
- 13. *Галиев, Р. С.* Международно-правовая оценка применения государствами односторонних принудительных мер экономического характера/Р. С. Галиев, В. С. Новикова// Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы 12-й междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2014. Ч. 2.
- 14. О перечне иностранных государств, совершающих недружественные действия в отношении белорусских юридических и (или) физических лиц [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Республики Беларусь, 6 апр. 2022 г., № 209 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь. Минск, 2023.
- 15. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 15 дек. 1998 г., № 210-3: принят Палатой представителей 11 нояб. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 26 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 27.052021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. Минск, 2023.
- 16. Судебная практика экономических судов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://court.gov.by/ru/ekonomicheskij/sud/goroda/minska/sudebnaya/praktika/. Дата доступа: 30.01.2023.

Усоский Владимир Николаевич

доктор экономических наук, профессор кафедры экономических наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь vladimirusosky@gmail.com

ПОЛИТИКА МЕРКАНТИЛИЗМА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА АНГЛИИ XVII–XIX BEKOB

В статье исследовано содержание государственной политики меркантилизма в Англии, проводимой на доиндустриальной стадии развития торгового капитализма. Политика меркантилизма способствовала формированию клановой олигархии, которая с помощью государственной поддержки искусственно выращивала привилегированные торговые, производственные и банковские монополии. Определено, что ввиду своей неэффективности меркантилизм утратил возможности своего роста при переходе к стадии индустриального капитализма.

Ключевые слова: доиндустриальная стадии развития торгового капитализма; клановая олигархия; привилегированные торговые, производственные и банковские монополии эпохи меркантилизма; сращивание интересов государственной бюрократии и частного бизнеса.

В доиндустриальную эпоху торгового капитализма (XV-XVIII вв.) происходило становление национальных государств Западной Европы, которые проводили политику меркантилизма. *Меркантилизм* – это система воспроизводства частного капитала, опирающегося на масштабные меры государственной поддержки с целью развития монопольных структур в сферах производства, торговли товарами и банковского дела. Целью заинтересованных субъектов (дворянства, купечества, банкиров), стремящихся «откусить» от политики меркантилизма вкусный кусочек, было создание институтов *клановой олигархии*, которая формирует искусственно выращиваемую среду привилегированных торговых, производственных и банковских монополий. В период первоначального капиталистического накопления (XV-XVIII вв.) осуществлялся процесс интенсивного сращивания интересов государственных деятелей – должностных лиц правительства, членов парламента, представителей судейского корпуса – с бизнесменами.

Целью проведения политики меркантилизма было достижение положительного сальдо платежного баланса страны и как следствие накопление драгоценных металлов (золота, серебра) у субъектов экономики страны. Однако достижение положительного сальдо платежного баланса не является единственным сущностным критерием политики меркантилизма. Самодовлеющей целью меркантилизма в производственной сфере стало проведение политики протекционизма для стимулирования развития национальных мануфактур с помощью высоких (запретительных) импортных таможенных пошлин. Французское правительство поддерживало национальные мануфактуры по производству гобеленов, карет, огнестрельного оружия и боеприпасов.

Государственная политика меркантилизма - это стратегия агрессивного импортозамещения. В стране должно производиться максимальное количество товаров собственными силами без привлечения иностранных ресурсов или с их покупкой на минимальные суммы. Например, морские державы Англия и Голландия были вынуждены закупать в громадных объемах дефицитные ресурсы для строительства морских судов - строевого мачтового леса, льна и конопли для производства пеньки (грубое лубяное волокно, полученное из стеблей конопли), канатов, веревок, гарпунных линей для охоты на китов. Следствием проведения политики импортозамещения стали высокие затраты на производство продукции при не полном учете или даже игнорировании выгод общественного разделения труда. Политика меркантилизма объективно вела к невысокой конкурентоспособности товаров на международных рынках, так как игнорировались выгоды, которые получали мануфактуры, если бы они адекватно включались в систему международного разделения труда, где критерием эффективности является соотношение цена/качество. Для того, чтобы компенсировать низкое качество продукции монополистов, государство ставило их в привилегированное положение по отношению к покупателям продукции на внутреннем рынке страны. Государство принуждало покупателей брать некачественную продукцию монополистов, гарантируя им сбыт на контролируемых рынках, и таким образом сознательно наносило ущерб покупателям, гарантируя каналы сбыта некачественной продукции.

Во-первых, страдало население колоний и метрополии, на внутренние рынки которых гарантированно сбывалась некачественная продукция. Во-вторых, ведомство армии и флота получало по каналам гарантированного снабжения большие объемы разнообразных товаров – продовольствие, обувь, обмундирование, амуницию, стрелковое оружие, пушки, морские суда. Подобная практика гарантированного сбыта сопровождалась тотальной коррупцией. Петр I сформулировал и неуклонно проводил политику меркантилизма, чему следовали все российские самодержцы. Поэтому в военном ведомстве Российской империи поставки не всегда качественной продукции достигли значительных масштабов в XVIII–XIX веках. Хотя протекционизм формально являлся средством, а не целью проведения политики меркантилизма, однако по причине неэффективной деятельности привилегированных мануфактур средство самопроизвольно стало превращаться в самодовлеющую цель. Произошла системная инверсия ввиду переполюсовки сущностей.

Становление централизованных западноевропейских государств способствовало формированию расширяющихся национальных рынков. Великие географические открытия XV–XVII вв. создали условия для роста международного рынка с увеличивающимися объемами торговых и денежных оборотов. Морские пути связали континенты вокруг экономики Европы в единое целое.

Меркантилизм – это политика государства, создающая своеобразные «искусственные костыли для инвалида», который не способен действовать на

рынке самостоятельно без государственной поддержки. Власть предоставляет в экономике страны эксклюзивные привилегии для искусственно выращенных производственных, торговых и банковских монополий. Монопольные бизнес-структуры строятся на системе прямых контактов бизнеса с государственными деятелями, которых они стремятся экономически заинтересовать в получении доходов от деятельности монопольных корпоративных структур, спаянных совместными интересами. Необходимо отметить, что государственная бюрократия как слой подготовленных профессионалов начала складываться только в XVIII-XIX веках. Этот процесс стал осмысляться философией эпохи Просвещения, сформулировавшей идею о создании «регулярного государства», основой которого выступал слой специально подготовленных государством профессиональных чиновников, служивших в государственном аппарате. В XV-XVII веках в странах, проводивших политику меркантилизма, ничего подобного не было. Здесь шло нащупывание проблем государственного управления через осознание их остроты путем накопления опыта проб и ошибок.

Корпоративные интересы частного капитала, стремящегося получить устойчивые источники доходов на внутренних рынках метрополии и колоний, использовали эксклюзивную поддержку определенных государственных деятелей. Они оказались заинтересованы в росте бизнеса, что влияло на работу органов власти. Меркантилизм приводит к формированию мощной тенденции к коррупции в органах власти ввиду сложившихся тесных взаимосвязей между представителями государства и частного капитала. Капиталисты стремятся напрямую заинтересовать представителей власти в прогрессе их совместных бизнес-интересов. Это ведет к негативной тенденции сращивания обоюдных интересов представителей государства и частного бизнеса. В ряде случаев очень трудно отделить интересы представителей государства от интересов частных капиталистов, так как их роли становятся так близки, что они меняются местами, становясь субститутами. В ряде случаев они сливаются в единое целое посредством браков и формирования семейных кланов. Частный капиталист и представитель государства становятся неразличимы, что создает деструктивные тенденции в обществе (экономике).

Государственные мужи оказывают помощь капиталистам в получении коммерческой выгоды и ставятся ими в зависимость от успехов частных корпораций. Поэтому они активно патронируют деятельность частного бизнеса, предоставляя от лица государства новые эксклюзивные привилегии в сферах производства, торговли и банковского дела. Создается деструктивная система государственно-частного партнерства, несущая прямую угрозу интересам общества, субъекты которого не получают доступа к эксклюзивным привилегиям, а, наоборот, в качестве потребителей обираются монополистами. Государство не выполняет автономных функций по защите интересов ущемленных

субъектов общества. Оно оказывается не способным сбалансировать противоположные интересы субъектов в сложно организованном обществе ввиду разделения субъектов на две неравноценные группы. С одной стороны, это небольшая группа субъектов, обладающих привилегиями, полученными от государства, с другой – гигантское число всех прочих субъектов, не имеющих никаких привилегий, а потому находящихся на дне общества. Невысокие доходы бедных членов общества, превращенных в пассивный объект манипулирования на внутреннем рынке имперской страны (метрополии и колонии), – это основа эксклюзивной поддержки государством богатых и знатных.

Складывается причудливая конфигурация корыстных интересов частного капитала и представителей государства. В системе государственной власти формируется специфическое бизнес-партнерство чиновников и частных капиталистов. Последние создали изощренные механизмы воздействия на поведение государственных мужей. Обе стороны участвуют в совместном разделе и присвоении экономических выгод от предоставленных государством привилегий. Этот тип функционирования государственных институтов вкупе с частным бизнесом наносит ущерб интересам общества, а также субъектов, отключаемых от привилегий, которые щедро предоставляет государство бизнес-элите. Противоречивое развитие меркантилистской системы поставило в повестку дня проблему эффективного отграничения функций политической власти, которая отождествляется с государством, от функций экономической системы. Политика и экономика как две ключевые сферы общественной жизни должны быть четко обособлены друг от друга и разграничены посредством правовых институтов судебной власти. Впервые в истории человеческой цивилизации эта проблема была поставлена отцами-основателями США и решена в практической плоскости в созданной ими американской конституции.

Если брать экономический аспект проблемы, то от ученых потребовалось в корректной научной форме определить сущность понятия «саморегулирующийся рынок» и создать функциональный механизм практического воплощения в жизнь верного определения. Проблема «саморегулирующегося рынка» превратилась в первоочередной вопрос экономической теории и социально-экономической практики жизни Европы. От его разрешения зависела социально-экономическая эффективность развития европейских стран в XIX-XX веках, так как накопление противоречий меркантилистской системы в странах Западной Европы в XV-XVIII веках привело к их конфликтному развитию. Меркантилизм уперся в границы своих возможностей, так как он эримо продемонстрировал свою крайнюю неэффективность как метод государственного регулирования экономики. Карл Поланьи писал: «Саморегулирующийся рынок, как минимум, требует институционального обособления экономической и политической сфер общественной жизни. С точки зрения анализа общества как целого, это требование на деле есть не что иное, как

переформулирование определения саморегулирующегося рынка. Конечно, можно утверждать, что разделение этих сфер имеет место во всех типах общества и во все времена, однако такое утверждение было бы логически ошибочным. Действительно, ни одно общество не может обойтись без какой-нибудь системы, обеспечивающей порядок в сфере производства и распределения благ. Однако это еще не означает, что во всяком обществе существуют самостоятельные экономические институты, независимые от институтов социальных: экономический порядок обычно является функцией от социального, причем второй обеспечивает первый. Ни при родовом, ни при феодальном, ни при меркантилистском хозяйственном строе независимая экономическая система попросту не существовала. Общество XIX в., в котором экономическая деятельность была впервые обособлена и увязана с явно выраженными экономическими мотивами, стало, по существу, исключением» [1, с. 13].

Причины существования системы меркантилизма глубоко укоренены в привилегированной поддержке государством системы воспроизводства корпоративных интересов частных субъектов крупного бизнеса в сфере производства, торговли и банковского дела. Государство, поддерживающее частные интересы капиталистов, проводит политику протекционизма в сфере микроэкономических интересов привилегированных корпораций. Система меркантилизма строится на реализации экономических интересов определенных групп государственных деятелей (члены правящей династии, члены правительства, депутаты парламента, судьи, прокуроры), получающих экономические выгоды от функционирования субъектов частного бизнеса. Представители государства активно поддерживают интересы частного бизнеса, так как они часто совпадают, становясь неразличимыми.

В конце 1600 г. английская королева Елизавета I учредила «Ост-Индскую компанию», которая называлась «Компания купцов Лондона, торгующая в Ост-Индиях». Фирма создала в парламенте группу лоббистского давления для реализации своих бизнес-интересов. В 1609 г. английский король Яков I подписывает хартию, которая предоставляет бессрочные монопольные права этой компании. В 1698 г. была создана еще одна «Английская компания, торгующая с Ост-Индиями». В 1708 г. обе фирмы осуществили слияние, создав единую компанию «Объединенная компания купцов Англии, торгующих с Ост-Индиями». Для того, чтобы правительство пролонгировало ей торговые привилегии, новая компания передала коронному казначейству 3 млн 200 тыс. фунтов стерлингов. До 1766 г. корона дважды продлевала привилегии компании в 1712 г. и 1730 г. В 1742 г. они были пролонгированы английским правительством, которое получило от нее заем 1 млн фунтов стерлингов до 1783 г. [2].

В XV-XVIII веках в странах Западной Европы активно развивалось ремесленное производство в рамках цеховой системы городов, создавались мануфактуры. Эти корпоративные структуры обслуживали систему торгового капитализма. Предпосылки для индустриального переворота в экономике были

заложены в Англии в третьей четверти XVIII века. В странах Западной Европы в XV-XVI веках происходили фундаментальные изменения в духовной жизни людей, что выразилось в трансформации христианского миросозерцания западных христиан. В XVI веке протестантизм раскалывает католический мир. Он начал вести против католицизма ожесточенную борьбу в богословской сфере, а также предпринял гигантские усилия по практическому воплощению в жизнь нового западноевропейского христианского идеала. Н. Н. Яковлев пишет о идеях секты пуритан: «Круглоголовые пуритане, приступившие под водительством О. Кромвеля к развернутому строительству града господнего на земле» [3, с. 6]. Идея «построения Царства Божия на земле» стимулирует мощный интеллектуальный сдвиг Запада в сторону интенсивной секуляризации духовного мира человека. Вслед за протестантизмом формируется светская (арелигиозная) система деизма, не предполагающая молитвенного обращения человека к Богу-Творцу. Для потребностей своей светской философии деисты придумали существование Бога-Механика, который творит Вселенную и человека и, не обладая Промыслительной силой Бога-Творца, заводит Мироздание своим механическим ключом как некие «Большие Часы». На базе либеральной версии протестантизма и деизма формируется арелигиозная этика автономного человека.

В Англии протестанты совершили революцию (1639–1660), которая была отмечена свержением власти короля Англии, Шотландии и Ирландии Карла I Стюарта (1600–1649), помазанного на царство архиепископом Кентерберийским англиканской церкви. Король был казнен по приговору суда парламента. Сам факт помазания на царство означал признание особы короля священной. Впервые в истории Англия приобретает опыт свержения народными массами богоданной системы священной королевской политической власти. Революция явилась следствием антагонистических противоречий. Возглавляли ее представители образованных классов общества, которые руководили взломом священной монархической власти англиканского короля. Для того, чтобы остановить скатывание Англии к хаосу, к чему вели дело радикальные секты протестантов, была установлена диктатура генерала О. Кромвеля (1599–1658).

В Англии происходила радикальная трансформация структуры социально-экономических отношений, что проявилось в становлении рынков труда, земли, денег и капитала. В XVIII веке в стране активный слой предпринимателей в стремлении к сверхприбыли начал выносить на рынок эффективные инновационные решения. Р. Аркрайт (1732–1792) организовал процесс текстильного производства, соединив воедино дешевый труд наемных работников и создаваемые инноваторами станки, прибавив к данным факторам производства источники энергии и сырье (хлопок). Было создано промышленное производство пряжи. Большой вклад в процесс индустриализации производства внес изобретатель прядильной машины периодического действия мьюл-дженни С. Кромптон (1753–1827).

Однако вернемся к меркантилизму. Система мирового общественного разделения труда развивалась в условиях дележа мира между великими державами. Их соперничество представляло собой длительные войны за захват новых территорий для их тотальной эксплуатации, вывоза природных ресурсов и рабов. 9(19) октября 1651 г. вождь английской революции лорд-генерал О. Кромвель издал «Навигационный акт», который действовал до 1849 г. и был отменен только в 1854 г. Согласно документу английские корабли получили исключительное право ввозить в Англию товары неевропейских стран и производить каботажное плавание. В 1660 г. акт был распространен на вывоз товаров из Англии в колонии. Геополитические интересы Англии столкнулись с голландскими интересами, что привело к четырем ожесточенным войнам за господство на морских путях и в колониях (первая англо-голландская война, 1652–1654; вторая англо-голландская война, 1665–1667; третья англо-голландская война, 1672-1674; четвертая англо-голландская война, 1780-1784). В результате этих войн Голландия была сильно ослаблена. В XIX веке страна потеряла статус великой морской державы, а ее военная сила была сведена до уровня второстепенной державы Европы. Однако Голландия продолжала оставаться крупным торговым и банковским центром мира

Отношение метрополий европейских стран к своим колониям носило откровенный субъект-объектный характер, что приводило к росту напряженности, которая скользила в сторону враждебности. Политика меркантилизма применялась государством для создания национальных мануфактур за счет эксплуатации внешних ресурсов, в-первую очередь, колониальных. Корпорации из метрополий, находящиеся под «покровами» государственной политики меркантилизма, стремились навязать свои узко понимаемые цели и интересы колонистам, к которым они относились достаточно бесцеремонно. Цели корпораций, которые представляли интересы метрополии империи, состояли в том, чтобы предельно удешевить поставки ресурсов и готовой продукции из колоний. Колонистам запрещалось самостоятельно производить и продавать продукцию собственного производства иностранцам. Самостоятельная экономическая деятельность колонистов находилась под жестким контролем. Они имели право заключать контракты только с монопольными компаниями Англии. Находившиеся под «крылом» государства монопольные мануфактуры производили, а торговые компании продавали колонистам товары низкого качества по высоким ценам, чтобы компенсировать свои издержки.

Производственные и торговые монополии контролировали несколько групп коммерсантов, имеющих тесный контакт с представителями государства. Первую группу составляло так называемое «новое» дворянство, выросшее в эпоху Реформации. Ее вожди (М. Лютер, У. Цвингли, Ж. Кальвин) выступили с инициативой секуляризации католических орденов со всем их движимым и недвижимым имуществом, а также земель, принадлежащих

католическим монастырям. На изъятии и перепродаже церковного имущества «новое» дворянство сделало большие состояния. Из этой среды вышел и будущий вождь английской революции О. Кромвель. Второй весьма значимой лоббистской группой были депутаты английского парламента, которые также активно участвовали в грабеже имущества католической церкви. В третью группу входили ростовщики, занимавшиеся банковскими операциями. Среди них выделялось привилегированное партнерство богатых банкиров (Governor and Company of the Bank of England), которое передало свой капитал в 1,2 млн фунтов стерлингов в кредит государству под 8% годовых в обмен на облигации государственного займа. Банку Англии удалось «выбить» у правительства право на эмиссию банкнот – кредитного инструмента, выпущенного под учет коммерческих векселей фирм, а не как результат вкладных операций вкладчиков (схема Паттерсона). Четвертую группу бизнесменов составляли негоцианты, торговавшие колониальным товаром (шерсть, шелк, золото, серебро, медь, опиум, ткани).

В Англии сформировалась система олигархического капитализма, которая через парламент и правительственные структуры могла оказывать значимое давление на королевскую власть. В обществе, представляющем собой сложное созвездие интересов разнообразных субъектов экономики, давление крупного корпоративного бизнеса на государственную власть становилось нетерпимым. Государство не обладало опытом исполнения функций автономного нейтрального арбитра, который должен стоять над схваткой противостоящих друг другу политических и социальных сил. В обществе накапливались противоречия, выражавшиеся в нарушении баланса интересов между олигархическими структурами крупного бизнеса и некорпорированными субъектами экономики, не имеющими доступа к привилегиям, которые раздавало государство. Государство, призванное по идее выполнять функции нейтрального арбитра, сглаживающего объективно возникающие конфликты между противоположными интересами субъектов экономики, имеющих разный ранг и статус, в течение многих столетий продолжало откровенно играть на одной из сторон - богатых и знатных. Граница между экономической и политической системами совершенно отсутствовала. Это привело к системной коррупции в органах государственной власти, чьи представители наперегонки, расталкивая локтями друг друга, помогали создавать эксклюзивные сегменты привилегированных рынков для своих бизнес-партнеров, которым служили как своим патронам, забывая об автономных целях и интересах государства, которое должно защищать интересы общества в целом, а не только группы привилегированных субъектов.

Представители государства поддерживали исключительность положения производственных, торговых и банковских монополий на эксклюзивных сегментах рынков, которые они тщательно охраняли от частных конкурентов.

Примерами реализации государственной политики меркантилизма является функционирование Вест-Индских и Ост-Индских компаний, образованных в Испании, Португалии, Голландии, Англии, Франции.

В XVII веке британская Ост-Индская компания создала свой флот, а в XVIII веке собственную армию, которая под командованием генерала Р. Клайва в битве при Плесси в 1757 г. разгромила индийцев и захватила навабство Бенгалия. 80% армии этой частной компании комплектовалось из сипаев (воинов), куда набирались представители индийских высших каст. Их службу англичане хорошо оплачивали по сравнению с уровнем воинского довольствия индийцев, которые служили в армиях местных князей. В конце XVIII века армия Ост-Индской компании состояла из 70 тыс. человек, в начале XIX века - 158 тыс., в 1850-е гг. - 300 тыс. человек [2]. После захвата Бенгалии британская Ост-Индская компания увеличила вдвое сборы рентного налога с индийцев, изъятие которого было отдано на откуп служащим компании, их местным агентам (баньянам), а также индийским ростовщикам (шроффам). Компания запретила индийским купцам заниматься внешней торговлей. На территории Бенгалии были созданы внутренние таможни, а также монополизирована внутренняя торговля. Сотни тысяч бенгальских ремесленников были прикреплены к факториям компании, куда они должны были сдавать свою продукцию по низким фиксированным ценам [4]. В 1762 г. Р. Клайв и другие высшие сотрудники компании учредили общество, которое монополизировало торговлю солью, бентелем и табаком в Бенгалии, Бехари и Ориссе. Индийских производителей англичане вынудили сдавать продукцию учрежденной компании по принудительно низким ценам. Индийцы были обязаны содержать «субсидиарное войско» компании и обслуживать кабальные займы, которые им навязывали завоеватели. Грабеж покоренных территорий привел к массовому голоду (1769–1773), во время которого погибло от 1/4 до 1/3 населения (7–10 млн человек). Политика компании привела к разорению ранее цветущего центра индийского текстильного производства Бенгалии. Индийский историк Сушил Чаудхури считает, что компания целенаправленно проводила политику по уничтожению растениеводческой отрасли Бенгалии для того, чтобы освободить место для выращивания на экспорт опийного мака, что сократило производство продовольствия. Англичане запрещали индийцам сеять рис и накапливать зерновые культуры в страховых резервных фондах, заставляли выращивать индиго на экспорт, что способствовало возникновению голода [5].

Компания тратила значительные средства для завоевания и удержания индийских территорий, пытаясь компенсировать расходы нещадным грабежом местного населения. В итоге хищнической политики, проводимой компанией, ее траты значительно превысили доходы, изымаемые с территории Бенгалии. Деструктивная деятельность британской Ост-Индской компании

привела к обнищанию индийцев, массовому голоду, гибели людей и бегству населения в соседние регионы. В свою очередь компания оказалась на грани банкротства [6]. Чтобы избежать банкротства, Совет директоров попросил финансовой помощи у парламента страны. В 1773 г. компания получила больше автономии в торговых операциях в Индии и начала торговлю с Америкой, что неожиданно привело к «Бостонскому чаепитию». В декабре 1773 г. члены тайной организации в английских колониях в Северной Америке, загримировавшись под индейцев, надев их одежду, проникли на английские корабли в Бостонском порту и выбросили в море 342 ящика с чаем незадачливой компании грабителей Бенгалии, решившей поправить свои темные дела за счет европейских колонистов из штата Массачусетс.

В 40-х гг. XIX века, не имея достаточно средств для покупки чая в Китае, компания начала выращивать в Индии опиум для его нелегального экспорта в Китай. Экспансия компании с целью создания в Китае контрабандного рынка опиума, запрещенного императорскими декретами, натолкнулось на противодействие империи Цин, которая была вынуждена отвечать Великобритании, начавшей первую опиумную войну (1840-1842). Ввиду своей технологической отсталости китайские вооруженные силы были разгромлены британцами и империи Цин был навязан невыгодный Нанкинский договор, в соответствии с которым индийский опиум мог легально экспортироваться в Китай через морские порты. Вторую опиумную войну (1856–1860) Великобритания вела в союзе с Францией против империи Цин. Война закончилась военным разгромом китайских и маньчжуро-монгольских войск. Были подписаны Пекинские договора с победителями, которые получили широкие права для торговли в Китае. Проникновение опиума в Китай увеличилось. Россия, воспользовавшись тяжелым положением Китая, оказала ему военную помощь в обмен на территориальные уступки Уссурийского края. Это было закреплено Россией в навязанных Китаю неравноправном Айгунском (1858) и Пекинском (1860) договорах.

Время монопольной компании подходило к концу. Парламент Англии принял «Акт о лучшем управлении Индией», согласно которому компания с 2.08.1858 г. перестала быть военно-политическим агентом британской короны и была вынуждена передать ей все свои административные функции по прямому управлению Индией. Армия компании была переведена на коронную службу. Статус компании был понижен до торговой фирмы, а 1.01.1874 г. она была ликвидирована. В 1876 г. королева Виктория была провозглашена императрицей Индии.

Подведем итог деятельности компании, о результатах работы которой высказались Дж. Р. Сили, Дж. А. Крэмб: «... пока Индия находилась в руках тех, главной целью которых была торговля, – торговля была ничтожна; она сделалась значительной, а потом и громадной тогда, когда Индией стали управ-

лять ради нее самой и когда всякие торговые соображения были оставлены. Это показалось парадоксом, если бы, упуская из виду торговые соображения, Англия не уничтожила вместе с тем монополию. Нет ничего удивительного в том, что монопольная компания, даже имея торговлю своею главной целью, вела ее плохо; нет ничего удивительного и в том, что немедленно по удалении стеснений возникает обширная торговля» [7, с. 286]. Умерла допотопная организация доиндустриальной капиталистической экономики эпохи торгового капитализма. Была потеснена в политической сфере клановая олигархия, которая вредила интересам субъектов развивающихся конкурентных рынков, где действовали конкурентные фирмы как принципиально иной тип микроэкономической структуры. Умер допотопный и отсталый бюрократический институт, на совести которого военный конфликт с 13-ю колониями Северной Америки и две опиумные войны Великобритании с Китаем. Умерла империя торговых монополий в рамках Британской империи. Завершился процесс отъема британской короной торговых, административных и военных привилегий. Воспользовавшись очередным конфликтом с индийцами, поднявшими восстание в 1858 г., в которое компания втянула британское государство, прекратила существование эта отжившая свой век допотопная организация эпохи торгового капитализма.

ЛИТЕРАТУРА

- 1. Поланьи, К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги / К. Поланьи // THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем: Альманах. Весна 1993. – М.: НАЧАЛА-ПРЕСС, 1993. – Т. 1, вып. 2. – 242 с.
- 2. «Целый субконтинент стал жертвой насилия»: Какую роль сыграла Британская Ост-Индская компания в мировой истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://russian-rt-com.turbopages.org/turbo/russian.rt.com/s/science/article/541812-istoriya-ost-indskaya-kompaniya. Дата доступа: 2.08.2018.
- 3. *Яковлев, Н. Н.* Вашингтон. Преступившие грань / Н. Н. Яковлев // Избранные произведения. М.: Молодая гвардия, 1989. 606 [2] с.
- 4. Как строился западный капитализм: голод в Британской Индии [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://yandex.by/turbo/tyurin.livejournal.com/s/23801. html?lite=1. Дата доступа: 14.02.2011.
- 5. *Chaudhury, S.* From Prosperity to Decline: Eighteenth Century Bengal / S. Chaudhury. Manohar Publishers and Distributors, 1999.
- 6. *Антонова, К. А.* История Индии / К. А. Антонова, Г. М. Бонгард-Левин, Г. Г. Котовский. М.: 1979. С. 283.
- 7. *Сили, Дж. Р.* Британская империя / Дж. Р. Сили, Дж. А. Крэмб. М. : Изд-во «Эксмо», 2004. 448 с.

Дата поступления 12.04.2023

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Новікаў Сяргей Яўгеньевіч

кандыдат гістарычных навук, заг. кафедры гісторыі і сацыяльных навук Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт Мінск, Беларусь siarhnovikau@gmail.com

XXI МІЖНАРОДНАЯ НАВУКОВАЯ КАНФЕРЭНЦЫЯ "БЕЛАРУСЬ І ГЕРМАНІЯ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ" У МДЛУ

1 красавіка 2022 г. у Мінскім дзяржаўным лінгвістычным універсітэце кафедрай гісторыі, сусветнай культуры і турызму і цэнтрам ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі праведзена ХХІ міжнародная навуковая канферэнцыя "Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць", прысвечаная 77-годдзю Перамогі Савецкага Саюза над нацысцкай Германіяй. У канферэнцыі прынялі ўдзел даследчыкі з розных архіўных, навуковых, навучальных і музейных устаноў Беларусі, Казахстана і Расіі.

З прывітальным словам да ўдзельнікаў канферэнцыі звярнулася сустаршыня аргкамітэта канферэнцыі прарэктар па навуковай рабоце доктар філалагічных навук Л. А. Тарасевіч, якая перадала гасцям і ўсім прысутным даследчыкам сардэчныя прывітанні ад рэктара ўніверсітэта Н. Я. Лапцевай, а таксама пажаданні далейшага захавання дыялогавай пляцоўкі з мэтай фарміравання аб'ектыўных адносін да гістарычнага мінулага, умацавання адзінства беларускага народа ў Год гістарычнай памяці. Ад сябе Л. А. Тарасевіч пажадала поспехаў удзельнікам канферэнцыі і пры гэтым звярнула ўвагу на тое, што новыя ідэі і высновы, да якіх удасца прыйсці ў выніку абмеркавання пастаўленых праблемных і дыскусійных пытанняў, не застануцца толькі ў сферы акадэмічнай навукі, а паўплываюць на вырашэнне надзённых задач у нашым грамадстве, асабліва ў справе ваенна-патрыятычнага выхавання і прафесійнай падрыхтоўкі студэнцкай моладзі.

Праца канферэнцыі ладзілася ў фармаце трох пленарных пасяджэнняў: 1) Беларусь у пачатку Вялікай Айчыннай вайны: дакументальны нарматыў і даследчыцкія падыходы (вядучыя У. К. Коршук і А. М. Літвін); 2) Вялікая Айчынная вайна: людзі – падзеі – факты (вядучыя У. В. Здановіч, С. В. Кулінок); 3) Беларусь і Германія: вякі гісторыі, развіцця і супрацоўніцтва (вядучыя А. М. Кушнярэвіч, І. Р. Углік).

У ходзе першага пасяджэння "Беларусь у пачатку Вялікай Айчыннай вайны: дакументальны нарматыў і даследчыцкія падыходы" былі заслуханы навуковыя даклады гісторыкаў з Расіі і Беларусі: Ю. З. Кантар (Санкт-Пецярбург), Б. М. Кавалёва (Санкт-Пецярбург), І. Д. Папова (Архангельск), А. М. Літвіна (Мінск), С. Я. Новікава (Мінск).

Намеснік дырэктара па знешніх і грамадскіх сувязях Санкт-Пецяр-бургскага Інстытута гісторыі Расійскай акадэміі навук (РАН) прафесар Ю. З. Кантар выступіла з тэмай "Да дарогі жыцця: шлях ленінградцаў да Ладагі (зіма 1941–1942)", у якой раскрыла малавядомыя старонкі эвакуацыі на самым першым адрэзку, пачынаючы ад гарадской кватэры ленінградцаў да Фінляндскага вакзала, і адтуль да станцыі Барысава Грыва, размешчанай на беразе возера, дзе праходзіла пагрузка на "палутаркі". Даклад падрыхтаваны на малавядомых матэрыялах архіва Упраўлення ФСБ па СПб. і Ленінградскай вобласці, аддзела рукапісаў Расійскай нацыянальнай бібліятэкі. Даследчыца паставіла задачу, што гісторыкам неабходна будзе хоць прыкладна вызначыць агульную лічбу беззваротных страт ленінградцаў у час эвакуацыі – на шляху да Дарогі жыцця, падчас перапраў цераз Ладагу, а таксама ў ходзе іншых, часам вельмі працяглых вандраванняў да месца прызначэння.

Вядучы навуковы супрацоўнік Санкт-Пецярбургскага Інстытута гісторыі РАН прафесар Б. М. Кавалёў агучыў вынікі даследавання добра вядомай для навуковай грамадскасці тэмы "Блакітныя саюзнікі Гітлера: пешшу цераз Беларусь у Расію". Прафесійны ваенны гісторык адзначыў важнасць працягу вывучэння гэтай тэмы па той прычыне, што ў замежнай гістарыяграфіі з'яўляюцца новыя працы, у першую чаргу іспанскіх даследчыкаў, якія выяўляюць новыя аспекты паходу на ўсход Блакітнай іспанскай дывізіі, якая на шляху ў раён Ноўгарада прайшла цераз паўночную тэрыторыю Беларусі. Таму вывучэнне гэтай адметнай для беларускага чытача тэмы мае пэўную перспектыву.

Дацэнт кафедры ўсеагульнай гісторыі Паўночнага (Арктычнага) федэральнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава (Архангельск) І. Д. Папоў выступіў з тэмай "Адносіны Баварыі да прыняцца Асноўнага закона ФРГ". Расійскі гісторык раскрыў пазіцыю, якую займалі кіруючыя колы адной з адміністрацыйных адзінак пасляваеннай Германіі – Зямлі Баварыя ў дачыненні да важнай палітычнай акцыі ў ФРГ – прыняцця Асноўнага закона. Як паказаў даследчык, у вырашэнні гэтай складанай задачы былі зацікаўлены розныя сілы, якія намагаліся з улікам сваіх інтарэсаў паўплываць на асобныя палажэнні Канстытуцыі ФРГ.

Загадчык кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна прафесар У. В. Здановіч прадставіў удзельнікам канферэнцыі вынікі вывучэння тэмы "Баявыя дзеянні летам 1941 г. на тэрыторыі Беларусі: тэрміналагічны аспект". Гісторык прыйшоў да высновы, што адсутнасць адзінага і адназначнага адказу на пытанне аб існаванні ў Савецкім Саюзе напярэдадні вайны абарончага плана не дае падставы прыняць за канчатковы варыянт тэрмін "Абарончая аперацыя на Беларусі 1941 г.", праведзеная ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны войскамі Заходняга фронту на тэрыторыі Беларускай ССР у перыяд з 22 чэрвеня па 9 ліпеня 1941 г.

Загадчык цэнтра ваеннай гісторыі Інстытута гісторыі НАН Беларусі прафесар А. М. Літвін пазнаёміў з вынікамі даследавання тэмы "Да 80-годдзя падзеі: першы правал Мінскага гарадскога падпольнага камітэта (сакавік – красавік 1942 г.)", якая па цяперашні час прыцягвае ўвагу беларускіх гісторыкаў у сувязі з пэўнай фальсіфікацыяй гэтага пытання ў савецкі час. Адной з прычын такой сітуацыі з'яўлялася абвінавачанне ў супрацоўніцтве і здрадзе асобных удзельнікаў падпольнай барацьбы ў Мінску, якое было вылучана ў першыя пасляваенныя гады ў дачыненні да сапраўдных барацьбітоў за вызваленне беларускай сталіцы ў гады германскай акупацыі.

Загадчык кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта дацэнт С. Я. Новікаў упершыню пазнаёміў навуковую грамадскасць з вынікамі вывучэння тэмы "Генацыд беларускага народа ў нямецкіх трафейных дакументах (на матэрыялах калекцыі НАРБ «Александрыйскія мікрафільмы»)". Аўтар прыйшоў да высновы, што даследаванне малавядомых дакументальных крыніц, выяўленых сярод матэрыялаў нямецкай трафейнай калекцыі, сведчыць аб значных маштабах вынішчэння мясцовага грамадзянскага насельніцтва, у тым ліку яўрэяў, былых савецкіх ваеннапалонных у ходзе правядзення 54 карных аперацый на тэрыторыі Беларусі ў 1942–1943 гг.

3 кароткімі паведамленнямі выступілі: дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму С. Р. Лютко ("Аператыўнае абсталяванне тэрыторыі Мінскай вобласці да пачатку Вялікай Айчыннай вайны"); старшы навуковы супрацоўнік цэнтра ваеннай гісторыі Інстытута гісторыі НАН Беларусі Д. Г. Кіенка ("Партызанскія аэрадромы ў Беларусі (1941–1944): каменданты, падрыхтоўка пляцовак і практыка іх выкарыстання"); прафесар кафедры ваеннай стратэгіі факультэта Генштаба Узброеных Сіл УА "Ваенная акадэмія Рэспублікі Беларусь" В. І. Шацько, дацэнт кафедры дзяржаўнага і ваеннага кіраўніцтва Генштаба Узброеных Сіл УА "Ваенная акадэмія Рэспублікі Беларусь" В. Б. Васілеўскі, слухач кафедры дзяржаўнага і ваеннага кіраўніцтва Генштаба Узброеных Сіл УА "Ваенная акадэмія Рэспублікі Беларусь" А. М. Лаўрэнюк ("Праблемы мабілізацыі ў СССР і шляхі іх вырашэння ў пачатку Вялікай Айчыннай вайны"); загадчык кафедры гісторыі і турызму Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта А. І. Корсак ("Месцы знішчэння (пахавання) цыганскага насельніцтва перыяду германскай акупацыі 1941–1944 гг. на тэрыторыі Беларусі"); дацэнт кафедры крыніцазнаўства гістарычнага факультэта БДУ К. І. Козак ("Халакост на тэрыторыі Беларусі: тэрытарыяльныя вайсковыя і цывільныя аспекты і формы вырашэння яўрэйскага пытання ў 1941–1942 гг."); супрацоўнік навукова-даследчай групы вайсковай гісторыі і археалогіі Беларусі "Рубон" В. Ю. Неліхаў ("Партызанская барацьба ў заходніх абласцях БССР у успамінах В. І. Рыгіна"); загадчык кафедры гісторыі, методыкі выкладання гісторыі і грамадазнаўства Арэнбургскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта Р. Р. Хісамутдзінава ("Параненая Беларусь у франтавой паэзіі Юліі Друнінай"); дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму А. Г. Цымбал ("Фінансавыя аспекты нацысцкай аграрнай палітыкі ў акупаванай Беларусі (1941–1944) у святле трафейных дакументаў НАРБ").

На другім пленарным пасяджэнні прагучалі даклады К. К. Абдрахманавай (Караганда), У. К. Вазнясенскага (Мінск), С. В. Кулінка (Мінск), А. А. Крыварота (Мінск).

Прафесар кафедры археалогіі, этналогіі і айчыннай гісторыі гістарычнага факультэта Карагандзінскага ўніверсітэта імя Е. А. Букетава К. К. Абдрахманава выступіла з дакладам "Жанчыны Казахстана ў партызанскім руху на тэрыторыі Беларусі ў гады Вялікай Айчыннай вайны", у якім на прыкладзе асобных лёсаў удзельніц партызанскай барацьбы ў Беларусі паказала, што жанчыны розных узростаў неслі каласальную ношу ў час вайны, нараўне з мужчынамі ахвяравалі сабой, праяўлялі і мужнасць і сілу духу.

Архівіст 1-й катэгорыі аддзела публікацый НАРБ У. К. Вазнясенскі ўпершыню прадставіў рэзультаты даследавання тэмы "Баі ў асіповіцкіх лясах 14–17 ліпеня 1941 года: першая антыпартызанская аперацыя вермахта на Усходнім фронце", да якіх прыйшоў у выніку вывучэння малавядомых нямецкіх дакументаў, выяўленых у фондах Цэнтральнага архіва Міністэрства абароны Расійскай Федэрацыі, Нацыянальнай архіўнай асацыяцыі ЗША і Федэральнага ваеннага архіва Германіі. На падставе ўнікальных даных аўтар упершыню прыходзіць да высновы аб тым, што менавіта пад Мінскам у ліпені 1941 г. завяршыліся першыя буйнамаштабныя баі, у якіх нямецкае камандаванне ацаніла свайго праціўніка на прыкладзе буйной канцэнтрацыі нерэгулярных фарміраванняў — рассеяных чырвонаармейцаў і партызан. Менавіта ў гэтых баях складваліся прыкметы, характэрныя для наступных антыпартызанскіх аперацый, калі апошнія баі прыгранічнай абароны станавіліся першымі баямі новага партызанскага этапу вайны.

Загадчык аддзела публікацый НАРБ кандыдат гістарычных навук С. В. Кулінок выступіў з дакладам "Нямецкія разведвальна-дыверсійныя вучэбныя цэнтры ў месцах прымусовага ўтрымання грамадзянскага насельніцтва на тэрыторыі Беларусі (1942–1944)". Даследчык адзначыў, што такімі месцамі на акупаванай тэрыторыі часта з'яўляліся гета, турмы, лагеры ля пярэдняга краю нямецкай абароны, лагеры для грамадзянскага насельніцтва, працоўныя, рабочыя, перасыльныя лагеры, зборныя пункты для адпраўкі мірнага насельніцтва на прымусовыя работы ў Германію.

Вядучы навуковы супрацоўнік цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі кандыдат гістарычных навук А. А. Крыварот пазнаёміў удзельнікаў канферэнцыі з вынікамі, якія даследчык атрымаў пры вывучэнні тэмы "Удзел славакаў і чэхаў у падпольным і партызанскім

руху на тэрыторыі Беларусі: праблема даследавання". Адной з высноў, зробленых аўтарам, з'яўляецца патрэба ў больш шырокім выкарыстанні і звароце да замежных архіўных матэрыялаў, а таксама прац славацкіх і чэшскіх даследчыкаў, што дазволіць атрымаць дадатковыя, у гэтым выпадку незаменныя звесткі аб раскрыцці ролі замежных грамадзян у еўрапейскім супраціўленні на тэрыторыі Беларусі.

У паведамленнях, заслуханых на другім пленарным пасяджэнні, звярталася ўвага на новыя дакументальныя знаходкі, гістарыяграфічныя факты і даследчыцкія ацэнкі, у тым ліку па некаторых старонках гісторыі і асабістых біяграфій людзей у гады Вялікай Айчыннай вайны. Так, прагучалі паведамленні па наступнай тэматыцы: «Эпітафіі на надмагільных помніках як крыніца ўдакладнення даных аб ахвярах Вялікай Айчыннай вайны» (Д. В. Брыштан), «Віртуальная экскурсія для мультыперспектыўнага вывучэння месца памяці ў Малым Трасцянцы» (А. Я. Далгоўскі), «Пачатковы перыяд Вялікай Айчыннай вайны ў перапісцы кіраўнікоў СССР і Вялікабрытаніі» (І. А. Літвіноўскі, Ю. І. Літвіноўская), «Супрацоўніцтва дзяржаў – удзельнікаў СНД па ўвекавечанні памяці аб Вялікай Айчыннай вайне» (М. В. Стралец, С. А. Пцічкіна).

У ходзе трэцяга пленарнага пасяджэння былі заслуханы наступныя даклады. Прафесар кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму А. М. Кушнярэвіч выступіў на тэму "Роля германскіх уплываў і твораў у развіцці архітэктуры і горадабудаўніцтва Гародні (ХІІ–ХVІІ стст.)", падкрэсліўшы, што германскія культурныя ўплывы адыгрывалі значную ролю ў развіцці архітэктуры і горадабудаўніцтва Гародні на працягу шматлікіх стагоддзяў, якія і сёння ў многім працягваюць вызначаць мастацкае аблічча і турыстычную прывабнасць Гародні.

Дацэнт кафедры культуралогіі Інстытута сучасных ведаў імя А. М. Шырокава кандыдат гістарычных навук І. Р. Вуглік прапанаваў удзельнікам канферэнцыі тэму "Германскія элементы ў культуры старажытнай Беларусі: аналагі, уплывы". Аўтар прыйшоў да важнай высновы, што агульныя рысы беларускай і германскай культур абумоўлены старажытнай індаеўрапейскай спадчынай, непасрэднымі кантактамі з варагамі (нарманамі), а таксама апасродкаваным перайменаваннем асобных рыс матэрыяльнай і духоўнай культур.

Вядучы навуковы супрацоўнік цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі кандыдат гістарычных навук М. М. Смальянінаў звярнуўся да эгадакументаў цераз тэму "Пісьмы салдат Заходняга фронту як крыніца па вывучэнні маральна-баявога становішча рускай арміі ў 1917 г.". Даследчык адзначае, што выяўленыя эгадакументы садзейнічаюць найбольш глыбокаму, поўнаму і блізкаму да ісціны вывучэнню маральнага і бытавога становішча расійскіх войск Заходняга фронту, дазваляюць раскрыць "знутры" трансфармацыі настрояў салдат на фронце і паказаць залежнасць ад ваенных падзей унутрыпалітычнага і сацыяльна-эканамічнага жыцця ў краіне.

Намеснік дырэктара па ідэалагічнай, выхаваўчай рабоце і сацыяльных пытаннях Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь дацэнт А. Г. Дашкевіч прадставіла вынікі даследавання па тэме "Баранавіцкі край у гады польска-савецкай вайны (1919–1921)". У якасці высновы прагучала тэза пра тое, што пасля заключэння Рыжскага мірнага дагавора 18 сакавіка 1921 г. тэрыторыя Заходняй Беларусі афіцыйна адышла да Польшчы, а Баранавіцкі край застаўся ў Навагрудскім ваяводстве, на абшарах якога амаль 20 гадоў адкрыта праводзілася каланізатарская і асіміляцыйная палітыка.

Вынікі сваіх даследаванняў прадставілі дацэнт кафедры эканамічных навук МДЛУ І. С. Благуш ("Стратэгічныя рызыкі і магчымасці для індустрыяльнай эканомікі ва ўмовах цэнавага энергетычнага шоку: урокі Германіі"); дацэнт кафедры гісторыі Расіі БДУ В. В. Брыгадзіна ("Нарматыўна-прававыя асновы рэгламентацыі працоўнай дзейнасці савецкага насельніцтва (1920-1930)"); дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму МДЛУ І. В. Грабянчук ("Педагагічная адукацыя ў горадзе Бабруйску ў пасляваенны перыяд (1944–1954)"); загадчык кафедры педагогікі і псіхалогіі Магілёўскага дзяржаўнага абласнога інстытута развіцця адукацыі П. А. Канцавы ("Выпрацоўка міжнародна-прававога рашэння па пытанні аб атрыманні рэпарацый з Германіі і яе сатэлітаў у гады Другой сусветнай вайны"); навуковы супрацоўнік цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі С. А. Ісакаў ("Узаемаадносіны Ober-Ost і польскага кіраўніцтва ў пытанні эвакуацыі нямецкіх войскаў (студзень - красавік 1919 г.)"); з паведамленнем "Ад Германіі да Эфіопіі: аб працы выпускнікоў і выкладчыкаў МДПІЗМ у якасці ваенных перакладчыкаў (1950-1990)" выступіла старшы навуковы супрацоўнік цэнтра ваеннай гісторыі Беларусі Інстытута гісторыі НАН Беларусі А. У. Кузняцова-Ціманава; дацэнт кафедры гісторыі, сусветнай культуры і турызму МДЛУ А. Г. Цымбал пазнаёміў з тэмай "Гісторыя Беларусі XX ст. у адлюстраванні гістарыяграфіі Польскай Народнай Рэспублікі".

У заключнай частцы канферэнцыі былі падведзены яе вынікі. Удзельнікі адзначылі, што адметнай традыцыяй з'яўляецца рэгулярнае выданне зборніка матэрыялаў міжнароднай навуковай канферэнцыі «Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць».

Поступила в редакцию 27.03.2023

Усоский Владимир Николаевич доктор экономических наук, профессор кафедры экономических наук

Минский государственный лингвистический университет Минск, Беларусь vladimirusosky@gmail.com

ПОСТМОДЕРНИЗМ, СОФИСТИКА И ЗАКОНОСООБРАЗНОСТЬ

В статье исследовано влияние теории познания механистического сциентизма Модерна и субъективного волюнтаризма Постмодерна на определение природы человека. Выявлены критические пункты разногласий в этих направлениях мысли, отделенных друг от друга разными теориями познания. Представлены результаты сравнительного анализа системы категорий сциентизма и постмодернизма. Установлены различия сущности категорий «субъективное – объективное», которые лежат в основе логики и методологии познания философии Модерна и Постмодерна. Доказано, что использование футуристического подхода, который укореняется в теории познания постмодернизма, является методологически не корректным, так как ведет к подмене понятий и смешиванию смыслов противоположных экономических отношений.

Ключевые слова: Модерн; Постмодерн; теория познания; правила логики; методология науки; субъективное; объективное; софистика; комментарии; симулякр; ризома; законосообразное; двухуровневая банковская система; блокчейн; криптовалюты; «экономический человек».

В исследовании выявлены значимые различия между сущностными характеристиками человека, которые по-разному понимаются Модерном и Постмодерном. В статье приводится аргументация того, что использование постмодернистской традицией теории познания футуризма является методологически не корректным, так как ведет, во-первых, к отрицанию императивной необходимости исследования причинно-следственных связей, которые подменяются бессодержательным словом комментарии, ставшим столь популярным. Популярность этого слова тем выше в околонаучных кругах, чем ниже требования к императивной строгости научных доказательств и убедительности аргументации, представленных оппоненту. Во-вторых, в процессе анализа предмета исследования постмодернизм допускает подмену понятий, что ведет к смешиванию смыслов диаметрально противоположных экономических отношений (кредитные деньги и криптовалюты, коммерческий банк и майнеры).

Постмодернизм заявил о себе во весь голос с середины XX века. Он радикально изменил мировоззренческие основы бытия и мышления человека, воспитанного в традиции Нового времени с XVII века. Новейшее время, которое исследователи отсчитывают с середины XIX века, породило в Европе «революцию масс», запустившую с последней четверти XVIII века процесс анархического бурления народов, пробудившихся и вышедших на аван-

сцену истории. Точками отсчета стали Война за независимость (1776–1783) в Северной Америке и Великая французская буржуазная революция (1789-1799). С последней четверти XVIII века начался длительный период войн и революций на американском и европейском континентах. Хосе Ортега-и-Гассет стал автором удачного термина, с помощью которого учеными с высокой степенью точности была определена сущность «революции масс». Она заключается в смене элит и фундаментальных устоев монархической государственности в эпоху позднего феодализма. Общественные структуры Европы оказались подвержены клокочущему процессу радикальных изменений. Дворянство и духовенство, являвшиеся в течение по меньшей мере тысячелетия двумя сословными устоями, скреплявшими фундамент монархической государственности, в течение XIX века утратили свои прежние статусные позиции. Будучи феодальными сословиями, дворянство и духовенство подверглись процессу значительного духовного и социально-экономического перерождения, что привело к безвозвратной потере ими власти. Поэтому они не смогли удерживать свои некогда прочные ментальные, социально-экономические и политические позиции в феодальном обществе, которое претерпело гигантскую системную и структурную трансформацию под воздействием процессов модернизации. Промышленная революция поставила крест на истории традиционной монархической иерархии, освященной авторитетом христианской церкви. Течение исторического времени продемонстрировало то, что цемент феодальной иерархии оказался не прочным. Это неизбежно привело к формообразованию модернистских элит Новейшего времени. Они были выдвинуты народными массами в процессе исторического пробуждения к социально-экономическому и политическому творчеству.

В мировоззренческой сфере происходили судьбоносные изменения. Сначала Ф. Ницше потряс обывателей своим тезисом о «смерти Бога», что стало объективным следствием экспансии нигилизма и атеизма в ментальной атмосфере XIX века. Эти радикальные идеи пронизывали умонастроение европейского обывателя, которого Ф. Ницше обозначил как «усредненного среднестатистического человека», проросшего на почве Новейшего времени Европы. Нигилизм и атеизм стали устойчивыми идейными настроениями эпохи «революции масс», которая исторически неотвратимо наступила.

Убийственность для души человека тезиса о «смерти Бога» стала следствием внутриутробного генетического развития новоевропейской философии и проявилась в обосновании нигилизма и атеизма западными радикальными мыслителями. Два с половиной века этот тезис подспудно прорабатывался в трудах философии деизма, исповедовавшей механистическую традицию мышления. Отход от христианского мировоззрения, интенсивно происходивший в XVII–XIX веках, ментально был обоснован светскими школами новоевропейской философии.

Век спустя после рокового выстрела Ф. Ницше («смерть Бога») философы постмодернизма (Р. Барт, Ж. Батай, Ж. Бодрияр, Ж. Делез, Ж. Деррида, Ф. Гваттари, Лакан, Ж. Лиотар, М. Понти, М. П. Фуко) стали обосновывать тезис о «смерти человека» [1, с. 114–124]. Вот и наступил час человека, который вырос в атмосфере радикальных нигилистических умонастроений. Не все ведь ему одному говорить о «смерти Бога». Свой радикальный тезис постмодернисты выразили в формулировке утраты человеком творческих функций в обществе (экономике).

Философия и политическая экономия Нового времени в XVII–XIX веках переосмысливали фундаментальные основы о пассивном статусе человека в обществе (экономике) в эпоху античности и Средние века. Пассивный статус человека являлся фундаментальной аксиомой античной и средневековой традиции мышления. Постмодернизм знаменует собой своеобразную идеологическую реставрацию идей далекого прошлого, в частности, философии софистов.

Философы и экономисты эпохи Модерна (XVII–XX вв.) видели в человеке глубоко укорененное активное творческое начало, действующее на рациональных принципах. Они доказывали, что человек преобразует внешнюю среду и самого себя посредством постижения тайн рационального устройства Вселенной. Главным подспорьем для человека эпохи Модерна выступает объективная наука, с помощью которой он постигает объективные истины, изучая причинно-следственные связи в природе, обществе и экономике. Человек эпохи Модерна в своей жизни использует объективное научное знание для достижения значимых практических результатов, преобразуя ее на рациональных принципах.

Философия постмодернизма принципиально отрицает активную роль человека в обществе (экономике). Она исключает существование причинно-следственных связей между людьми, а соответственно закономерностей развития общества и экономики. Распространение постмодернистских представлений в современном обществе дало отмашку длящемуся во времени процессу деформации многовековой научной традиции новоевропейской науки (XVII-XX вв.). Постмодернисты поставили под сомнение систему объективного экономического знания и фундаментальные принципы его построения. Это неизбежно запустило процесс девальвации системы объективных категорий экономической науки. В частности, в околонаучных кругах стало активно использоваться сомнительное слово комментарии, содержание которого исключает императивное требование к произносящему это слово, так как последний не в состоянии приводить строгие научные доказательства своему оппоненту в дискуссии. Комментатор имплицитно предполагает, что

может использовать в научной дискуссии облегченный вариант бездоказательных высказываний и поверхностных замечаний. При этом он начинает настойчиво претендовать на право не предоставлять на суд научной общественности систему аргументов, построенных на разработанных наукой объективных инструментах познания истины, и требует для себя особых прав на произвольное комментирование. Обессмысливание причинно-следственных связей и отношений посредством использования неимперативного (произвольного) инструментария комментариев, на «продвинутом» постмодернистском Западе происходит уже около семи десятков лет. Мы, как это принято, отстаем от «передового» постмодернистского Запада.

На наших глазах в постсоветской науке после 1991 г. в течение 30 лет стала совершаться бессмысленная подмена понятий, которая ставит под сомнение объективные научные доказательства, базирующиеся на выявлении учеными сущностных причинно-следственных связей между людьми в обществе и экономике. Деформация смысла привела к трагической подмене законосообразных причинно-следственных связей в обществе (экономике) сомнительным словом комментарии, которое означает использование поверхностных суждений и безответственных замечаний.

Объективная наука противостоит постмодернизму. Доказательства, построенные на вычленении объективных причинно-следственных связей и отношений, не должны подменяться произвольным и поверхностным околонаучным словом комментарии, которое не несет в себе научного содержания. Оно представляет собой субъективистское ответвление того, что постмодернисты заложили в термины симулякр и ризома. Раскрытие содержания этих понятий чрезвычайно важно для понимания деформаций, происходящих в логике и методологии научных исследований. Слова комментарии, ризома и симулякр исключают систему доказательных научных утверждений, на создание которых «произвольные комментаторы» не способны. Причина состоит в том, что этот набор слов пришел в науку из субъективистской философии. Все неизбежные последствия, которые идут за их постоянным употреблением, ведут к подмене фундаментальных основ теории познания, логики и методологии объективной науки.

В соответствии со своими имманентными установками теории познания постмодернисты выдвинули концепцию симулякра (семиотический знак, термин ввел Ж. Батай). Идея симулякра позволяет виртуализировать бытие, интерпретировав его как иллюзорность, которая не имеет объективных основ иерархического существования в обществе (экономике). На общественной иерархии центрируется система объективных межсубъектных отношений, строящихся на принципе законосообразности, которая положена в основание

теории познания европейской наукой эпохи Модерна (XVII–XX вв.). Стремясь заместить систему объективного знания, постмодернисты выдвинули концепцию случайного набора симулякров, объединяемых принципом «ризома» (от франц. слова *rhizome* 'корневище').

Термин ризома был введен в философию постмодернистами Ж. Делезом и Ф. Гваттари. Его авторы ставили перед собой цель обосновать «номадологический» подход (от номад 'кочевник'), построенный на принципиально иной методологии нежели философия Модерна, базирующаяся на линейном видении мира, жесткой иерархической структуре общества, государства и культуры, которая ментально сформирована на принципах системы бинарных оппозиций. Философы постмодернизма поставили под сомнение систему механистического детерминизма Модерна, в основе которого лежала метафора генерала [2].

Фундаментальную роль в «номадологии» играет принцип «ризома». Философы постмодернизма отмечали появление в западных обществах своеобразной «племенной психологии», представленной маргинальными группами битников, хиппи, панков, создававших свои внутренние ритуалы и символику. Они формировали своеобразные субкультуры, которые противопоставляли традициям общества Модерна. Ж. Делез считал, что маргинальные субкультуры, построенные по анархическому принципу, близки по своему духу «племенам» кочевников (по Н. Гумилеву, кочевым народам «Великой степи»), которые во время своего переселения неоднократно бросали вызов народам оседлых цивилизаций. Современная цивилизация, по мнению Ж. Делеза, построена на традиции Модерна, что способствовало созданию тоталитарного государства и культуры, которые организованы на репрессивных основаниях.

Ризома – это «розетка», «сеть». Эти понятия являются метафорами, которые используются постмодернизмом с целью определения сущности сетевых структур, объединяющих множество нелинейных связей. Ризома является антиподом иерархии. Понятие используется для отрицания линейных структур бытия и мышления Универсума Модерна [3]. Слово ризома взято из ботаники. Ботаники идентифицируют горизонтальный ползучий корнеподобный подземный стебель, из которого образуются новые побеги и корни [4]. Примерами могут служить сложные по своей запутанности корневые системы растений (имбирь, различные грибницы), не имеющих единого «ствола». По мнению Ж. Делеза и Ф. Гваттари, у ризомы человек не найдет ни начала, ни конца, ни центра, ни центрирующего принципа, ни единого кода, ни генетической оси.

Содержание этого термина диаметрально противоположно понятию «корень дерева», лежащего в основании интеллектуальной интуиции ан-

тичной философии и средневекового богословия, а также светской философии Нового времени. Корень дерева - это стержень древовидной структуры. Он уходит глубоко в землю, создавая центрирующую часть древесной структуры, которую крепит и удерживает под своим корневым воздействием. Понятие, построенное на интеллектуальной интуиции корня дерева, сформировало базис классического мышления западноевропейской объективистской традиции. В то время как ризома - это структура, начисто лишенная генетических основ своего существования, так как в ней полностью отсутствует корень смыслового центра. Так же, как кочевники, ризома распространяет сферу своего воздействия на внешнюю среду, разрастаясь вширь, расползаясь в пространстве, неуклонно осуществляя экспансию на новые территории. Корень – это символ оседлой культуры хлебопашцев. Ризома – это своеобразное «перекати поле», символ кочевых племен, занимающихся скотоводством, привыкших мобильно перемещаться по «Великой степи», громя древние оседлые цивилизации. Постмодернисты противопоставляют кочевников государству и репрессивной культуре, которую оно создало. Для постмодернистов – это структуры-антиподы, исключающие друг друга, так как в отличие от государства, которое разделяет пространство, кочевники, наоборот, разделяются в открытом и неограниченном пространстве [3].

Номадизм построен на идее сборки человека и лошади в «желающую машину», которая в дальнейшем вместе с другими единичностями собирается в орду – «желающую мегамашину» [5].

Европейская наука Модерна строится на едином смысловом центре (субстанция, сущность, закон, закономерность, Логос), который скрепляет целостность бытия. Ризома - это базовая категория постмодернизма, означающая возможность самопроизвольно и спонтанно плодить саморазмножающийся пучок произвольных значений, лишенных единого смыслового центра. Постмодернист Ф. Гваттари пророчествовал: «Мир потерял свой стержень (Логос)». С точки зрения глубинных интенций своей философии Постмодерн отрицает объективную необходимость построения иерархии общества. Это неизбежно отражается на своеобразии его теории познания. Для Постмодерна модернистская конструкция механистического общества, базирующаяся на линейном представлении о сущности времени и порядке его протекания, не допустима. Философия Постмодерна исключает императивную необходимость применения: 1) категории иерархии общества (экономики); 2) логической последовательности рассуждений, которые строят люди в соответствии с порядком и правилами аристотелевской формальной логики. Глубинные интенции Модерна олицетворяет утопия механистического техногенного Прогресса, которую критикует философия Постмодерна.

Концепция «экономического человека» (homo economicus), т.е. рационального (*ratio* лат. 'разум') существа, строящего свое поведение, исходя из

утилитарной цели получения максимальной выгоды, была сформулирована классической традицией политической экономии в XVII–XVIII веках. Модернизуемая экономика Англии задала бурный темп развития промышленной революции. Индустриализация взломала устои традиционного аграрного общества Европы и Северной Америки, «вытянув» его за волосы в индустриальную эпоху XIX века. Промышленный переворот способствовал фундаментальным сдвигам в природе «экономического человека», превратив его в «индустриального человека», «выварив» его в фабричном котле. Промышленный переворот привел к радикальной смене парадигмы мышления «индустриального человека». Классическое англо-саксонское направление в политической экономии использовало Робинзонаду как прием методологических идеализаций. Политическая экономия изучала поведение обособленного человека в экономике, рационально строящего свою деятельность и стремящегося получить утилитарную выгоду.

Механистическое представление философии Модерна о природе человека вынуждало ограничивать поведение «экономического человека», с одной стороны, интересами государства, с другой – институтами человеческого общества (неформальными традициями, нормами, правилами, формальными законами правовой системы). Проблема заключалась в том, что природа «экономического человека» была беременна тенденцией к эгоцентризму. Либерализм пытался сбалансировать буйную природу «экономического человека», однако это ему удавалось сделать не вполне успешно.

Постмодерн развивает модернистскую идею «экономического человека», доводя ее до абсурда. Антропологической основой протестантского капитализма являлся трудоголик протестантской эпохи, аскет в потреблении, который в целях максимально возможного сбережения средств стремился к возможно большему накоплению для инвестирования. После Второй мировой войны воочию стал проявлять свой лик «Нарцисс - человек потребляющий» [6, с. 174]. «"Нарцисс" как доминирующий психотип эпохи Постмодерна лишен любви и привязанности к окружающему миру, объектом его устремлений являются исключительно капризы собственной индивидуальности. А это приводит к гипертрофии абстрактных рыночных принципов в современной глобальной экономике, к подавлению ранее исключительно значимого типа хозяина-труженика во имя удобства и выгоды "человека экономического". Безразличие постмодерна к любому ценностному контексту образует идейную среду для доминирования "экономического человека". Критерии рыночной целерациональности и утилитаризма становятся массовыми стереотипами поведения людей» [6, с. 174].

Тенденции развития общества потребительского нарциссизма привели к формированию системы гламурного капитализма (глэм-капитализма, glam). Последний трансформирует гламур как эстетическое состояние стиля

человека, тщательно следящего за своей внешностью и одеждой, из специфического стиля жизни в универсальную логику создания потребительских ценностей и тип соревновательных отношений между людьми [7]. Тенденция к виртуализации жизни человека проявляется в процессе симуляции (манипулировании образами) с помощью цифровых технологий. Например, в экономике наряду с производственными мощностями фирм используется бренд, который является термином, выражающим своеобразный виртуальный актив фирмы.

Эрих Фромм в книге «Социалистический гуманизм» (1965) употребил термин Home consumens («человек потребляющий», от лат. *consume* 'потреблять, тратить, уничтожать, вести к исчезновению'). Он писал: «Ноте consumens – это человек, главной целью которого является не владение вещами, а потребление все большего и большего и, таким образом, компенсация его внутренней пустоты, пассивности, одиночества и тревоги» [8, с. 214].

«Человек потребляющий» (Я или Home consumens) нацелен на максимизацию размера своего личного потребления. Эту интенцию своего поведения он стремится закрепить за собой как естественное право человека. Я представляет собой сгусток телесной энергии, которая эмоционально окрашена комплексом психологических свойств человека. Я позиционирует себя в качестве автономной личности, глухо замкнутой внутри своей уникальной единичности, которая им пестуется. Я пребывает в своем единственном существовании в пределах субъективно ощущаемого и эмоционально окрашенного пространства и времени. Подобные ментальные и психологические установки человека в ясной форме выразил Макс Штирнер (1806–1856), ставший одним из творцов философии индивидуалистического анархизма (эгоцентризма и нигилизма) [9]. Первоначальный вариант названия книги у М. Штирнера был «Я». Первая часть книги начинается введением, которое озаглавлено: «Ничто – вот на чем я построил свое дело» [9].

Я живет в своем существовании, которое окрашено субъективным ощущением течения времени, что представлено совокупностью множества сиюминутных состояний человека. Множество эгоцентричных Я стремятся зарезервировать за собой универсальное право на выражение уникальности субъективной человеческой единичности. Если же общество в целом санкционирует эгоцентрикам реализацию их желаний в универсальное право, то тогда оно направляет свой путь к замкнутости в потоке текущего времени, субъективно переживаемого эксцентрически настроенными личностями. Подобная массовая модель поведения эксцентричных личностей ведет к тому, что жизнь общества неуклонно теряет историческую динамику развития, соразмерного Вечности Бытия. Если все люди вдруг подумают, что пришло время жить исключительно для своего сиюминутного удовольствия, то это означает, что они придут к выводу о том, что им следует прекратить жить

после утраты сиюминутного удовольствия и наступления ощущения неудовольствия. Если же, не дай Бог, наступят страдания для множества эксцентриков, то это будет означать начало конца истории для общества в целом. Тогда жизнь человека превращается в нечто похожее на то, что представляет собой «бег белки в колесе». Куда бежит белка? В никуда. По глухо замкнутому кругу дурной бесконечности. Христиане укоряли язычников: «По кругу бродят нечестивцы».

Цель постмодернизма заключается в деконструкции сложившихся конструкций общества, выстроенного из принципа иерархии. Постмодернисты считают, что процесс деструкции не должен заканчиваться ничем конструктивным. Мишель Фуко утверждал, что деконструкция имеет не только философское, но и политическое значение, например, деконструкция идеи человека. Дело в том, что постмодернисты занимаются не только отвлеченным философствованием, но также ведут мировоззренческую борьбу за свои политические интересы. Идеи постмодернистов близки по смыслу философии софистов. Например, Фрасимах (459–399 гг. до н.э.), персонаж диалога Платона «Государство», отстаивал тезис об относительности истины и справедливости.

Софистика построена на принципе подмены понятий (софист за деньги обучает ученика тому, чтобы тот мог быть убедительным в споре), а также на гиперболизации языковых средств выражения мыслей. А. Ф. Лосев пишет: «... софисты придавали особенное значение человеческому слову. Можно сказать, что они создали какой-то небывалый в Греции культ слова и тем самым небывалое превознесение риторики, использующей слово для разных жизненных целей. ... Горгий замечательно пишет в своей "Похвале Елене" (В 11): "Слово есть великий властелин, который, обладая весьма малым и совершенно незаметным телом, совершает чудеснейшие дела. Ибо оно может и страх изгнать, и печаль уничтожить, и радость вселить, и сострадание пробудить"» [10, с. 29].

Имя софиста Фрасимаха означает «агрессивный воин». В спорах он агрессивно защищал несправедливость. Приведем два его высказывания: «Ты утверждаешь, что пригодное сильнейшему – это и есть справедливое (338 с.)» [11, с. 106]. «Так вот, я и говорю, почтеннейший Сократ: во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что пригодно существующей власти. А ведь она – сила, вот и выходит, если кто правильно рассуждает, что справедливость – везде одно и то же: то, что пригодно для сильнейшего (339b.)» [11, с. 107].

Софистика стала кладовой идей для постмодернизма, где подмена понятий является одним из методологических устоев понятийного аппарата обеих традиций – древней и новой. Субъективизм широко употребляемого слова-паразита комментарии почерпнут постмодернистами из арсенала софи-

стики. А. Ф. Лосев отмечает: «Субъективизм софистов, говоря вообще, не может быть оспариваем: что кажется одному, то и существует (Протагор А 13). За это постоянное стремление софистов превращать явно слабейший аргумент в сильнейший жестоко порицает Протагора Аристотель (Протагор А 21). Горгий вообще брался любую вещь восхвалять и ниспровергать независимо от объективных свойств (Горгий А 25); и на этом основании он считал, что "искусство убеждать [людей] много выше всех искусств, так как оно делает всех своими рабами по доброй воле, а не по принуждению, так что "оратор может говорить 'обо всех вещах самым лучшим образом' (А 26)"» [10, с. 19].

В экономической науке, в теории познания, логике и методологии науки слова комментарии не было. Со времен публикаций классиками экономической науки У. Петти, А. Смитом, Д. Рикардо, К. Марксом, Е. Бем-Баверком своих систематических трудов заложена прочная традиция совершенно иного рода, основанная на принципах объективности, детерминизма. Классики экономической науки научили нас представлять на транспарентный суд научного сообщества продуманные научные аргументы и объективные доказательства. Научная традиция, выработанная европейской наукой Нового времени (XVII-XX вв.), базируется на логике и методологии научного поиска истины. Это означает, что от ученого требуется строить свои научные исследования, используя систему доказательных утверждений, носящих объективный характер. Ученый-экономист осуществляет теоретический поиск, изучая эмпирическую действительность. Он стремится вычленить из нее причинно-следственные связи между явлениями и процессами в экономике, которые отличаются такими научными признаками, как объективность, необходимость, существенность, устойчивость и регулярность повторения.

В основании европейской науки лежит принцип научной законосообразности, в соответствии с которым ученые исходят из общепризнанной фундаментальной установки. Такие термины, как закон и закономерность, адекватно выражают объективные причинно-следственные связи, которые ученый вычленил в процессе научного анализа эмпирической действительности. Европейская наука Нового времени с XVII века не употребляет слово комментарии, которые было бы позволительно давать в произвольной форме, так как это сомнительное словосочетание является антиподом ее базовым принципам теории познания, логики и методологии.

Требования научной методологии экономической науки, построенной в рамках объективной традиции мышления, исключают употребление сомнительного слова комментарии. Субъективисты это слово настойчиво применяют, и оно по своей популярности конкурирует со словом игрок. Последнему дается очень широкое толкование, которое выходит за объективное содержание понятия, которое используется наукой. Игрок – это человек, который совершает действия, несущие в себе не дозируемые им риски, которые он не

в состоянии проконтролировать. Использование слова *комментарии* требует ответа на закономерный вопрос: «Каково научное содержание слова *комментарии*?».

ЛИТЕРАТУРА

- 1. *Семенко, В. П.* На обрыве времен. Есть ли будущее у христианской цивилизации? / В. П. Семенко. М. : Домострой, 2010. 336 с.
- 2. *Грицанов, А. А.* Постмодернизм : энциклопедия / А. А. Грицанов, М. А. Можейко. Минск : Интерпрессервис, 2001. 1040 с.
- 3. *Делез, Ж.* Трактат о номадологии / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Национальный курс. 2005. № 2 (92). С. 183–187.
- 4. Подземное видоизменение побегов, их строение, разнообразие, биологическое значение, отличительные особенности [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://nauka.club/biologiya/vidoizmeneniya-pobegov.html. Дата доступа: 23.10.2018.
- 5. *Борисов, С. Н.* Сетевая парадигма в номадологии Ж. Делеза / С. Н. Борисов, М. А. Игнатов, В. П. Римский / Культурная жизнь Юга России. 2017. № 3 (66). С. 14–16.
- 6. *Румянцев, М. А.* Религиозные основания хозяйствования / М. А. Румянцев. СПб. : Изд-во НПК «Рост», 2005. 308 с.
- 7. *Иванов, Д. В.* Глэм-капитализм: общество потребления в XXI в. / Д. В. Иванов. СПб. ; 2008.
- 8. *Фромм, Э.* Применение гуманистического психоанализа к теории Маркса / Э. Фромма // Социалистический гуманизм : междунар. симпозиум. Garden City, NY : Doubleday, 1965. C. 214.
- 9. *Штирнер, М.* Единственный и его собственность / М. Штирнер. Харьков : Основа, 1994. 560 с.
- 10. *Лосев, А. Ф.* История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. М.: Искусство, 1969. Т. 2. 715 с.
- 11. *Платон*. Сочинения : в 3 т. / Платон; пер. с древнегреч. под общ. ред. А. Ф. Лосева и Ф. М. Асмуса. М. : Мысль, 1971. Т. 3, ч. 1. 688 с.

Поступила в редакцию 12.04.2023

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Новікаў Сяргей Яўгеньевіч кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры гісторыі і сацыяльных навук

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт Мінск, Беларусь siarhnovikau@gmail.com

УВЕКАВЕЧВАННЕ ПАМЯЦІ ПРА ШОА Ў МІНСКУ І МАЛЫМ ТРАСЦЯНЦЫ

Pohl, G. Nikto ne zabyt, nishto ne zabyto? Memorialisierungen der Erinnerung an die Shoa in Minsk und Maly Trascjanec. Masterarbeit zur Erlangung des Akademischen Grades Master of Arts (M.A.) / Gundula Pohl. – Potsdam: Universität Potsdam, 2020. – 115 S.

Магістарская работа Гундулы Поль (Gundula Pohl) была не толькі бліскуча абаронена на філасофскім факультэце Інстытута славістыкі ў канцы снежня 2020 г., але і узнагароджана першай прэміяй Патсдамскага ўніверсітэта па выніках конкурсу на лепшае даследаванне сярод работ такога кшталту.

Даследаванне прысвечанае важным аспектам гісторыі мемарыялізацыі трагедыі яўрэйскага народа на прыкладзе месцаў ушанавання памяці ў Мінску і Малым Трасцянцы. Скрупулёзны аналіз грамадскага і дзяржаўнага наратываў, якія складаліся ў пасляваенны перыяд і асабліва на цяперашнім этапе развіцця суверэннай Рэспублікі Беларусь, практычна ўпершыню апынуўся ў фокусе спецыяльнага навуковага даследавання, часткова вядомага беларускім гісторыкам дзякуючы публікацыям аўтара¹.

Даследчыца праз сваю навуковую працу² знаёміць нямецкага чытача з аўтарскім падыходам да вывучэння вынікаў мемарыялізацыі, якая датычылася адной з малавядомых у савецкай гістарыяграфіі тэмы знішчэння яўрэяў у горадзе Мінску і яго ваколіцах у гады нацысцкай акупацыі сталіцы Беларускай ССР. У выніку Г. Поль удалося разгарнуць паказ розных аспектаў савецкага і сучаснага працэсаў мемарыялізацыі трагедыі яўрэйскага народа

 $^{^1}$ *Поль,* Γ . Мыслить в национальных категориях: "Массив имен" как мемориал "Австрийским жертвам Холокоста" / Γ . Поль // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 3 крас. 2020 / Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-т ; рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2021. – Вып. 19. – С. 55–65;

 $[\]Pi$ оль, Γ . Малый Тростенец в измерении научного анализа / Γ . Поль // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 2 крас. 2021 / Мінск. дзярж. лінгвіст. ун-т ; рэдкал.: А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: МДЛУ, 2022. – Вып. 20. – С. 30–34.

² *Pohl, G.* Nikto ne zabyt, nishto ne zabyto? Memorialisierungen der Erinnerung an die Shoa in Minsk und Maly Trascjanec. Masterarbeit zur Erlangung des Akademischen Grades Master of Arts (M. A.) / Gundula Pohl. – Potsdam: Universität Potsdam, 2020. – 115 S.

на беларускай зямлі ў дачыненні як да мясцовых, так і еўрапейскіх яўрэяў, прывезеных для мэтавага знішчэння ў Мінску і яго ваколіцах. Адметнай рысай магістарскага даследавання можна вызначыць успрыманне аўтарам існуючых на месцах знішчэння помнікаў скрозь прастору рэпрэзентацыі, а таксама ў адпаведнасці з катэгорыямі фарміравання месца памяці (S. 4). Аўтар спрабуе практычна ўпершыню правесці навуковае асэнсаванне даследчыцкай праблематыкі, а таксама ўбачыць помнікі манументальнага мастацтва ва ўсёй іх шматмернасці, то бок прадставіць перад наведвальнікам якасна новы ўзровень аналізу мінулага з улікам захавання рэальнага гістарычнага кантэксту. У сваю чаргу аўтару гэтых радкоў хацелася б звярнуць увагу чытача на тое, што гэтая праца, выкананая на нямецкай мове, арыентаваная пакуль выключна на нямецкамоўную чытацкую аўдыторыю, хаця яе выкарыстанне будзе надзвычай карысным для беларускіх музейных работнікаў, студэнтаў і школьнікаў, асабліва спецыялістаў у сферы ваеннага турызму Беларусі, не кажучы пра яе бясспрэчную незаменнасць для прафесійных гісторыкаў Вялікай Айчыннай вайны.

Зацікаўлены беларускі чытач можа выказаць пытанне адносна аўтарскай тэзы "аб незаменнасці" даследавання Г. Поль для сучаснай айчыннай гістарыяграфіі, асабліва крыніцазнаўства. Падставай для пастаноўкі такога пытання можна лічыць дакументальныя напрацоўкі і навуковыя працы, падрыхтаваныя у апошнія гады беларускімі архівістамі, гісторыкамі, даследчыкамі ў дачыненні да месцаў памяці пра яўрэяў у Мінску¹ і Трасцянцы²,

 $^{^1}$ Judenfrei! Свободно от евреев: История минского гетто в документах / автор-сост. Р. А. Черноглазова. – Минск : Асобны Дах, 1999. – 432 с.

² Тростенец / сост. С. В. Жумарь, Р. А. Черноглазова. – Минск: ГК «Полиграфоформление», 2003. – 103 с.; Лагерь смерти Тростенец. Документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]; под ред. Г. Д. Кнатько. – Минск: НАРБ, 2003. – 292 с.; Тростенец: трагедия народов Европы, память в Беларуси: документы и материалы / сост. В. И. Адамушко [и др.]; редкол.: В. В. Андриевич (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Беларус. Энцыпл. Імя П. Броўкі, 2016. – 520 с.

Яцкевіч, Н. А. Трагедыя народаў Еўропы = Тростенец. Трагедия народов Европы = Trastsianets. The tragedy of the peoples of Europe / Н. А. Яцкевіч, М. Г. Нікіцін. – Минск : Беларуская Энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2018. – 128 с.

Кошман, В. Да пытання аб ідэнтыфікацыі ахвяр лагера Малы Трасцянец (па матэрыялах археалагічных даследаванняў) / В. Кошман // Беларускі гістарычны часопіс. – 2020. – № 5. – С. 4–11.

Кошман, В. И. Фалеристический материал с места массового уничтожения населения в урочище Благовщина (Малый Тростенец) в 1942–1943 гг. / В. И. Кошман // Весці НАН Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2021. – Т. 66. – № 4. – С. 432–442.

Новікаў, С. Я. Мінскае гета і Малы Трасцянец: новае даследаванне / С. Я. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 3. – С. 25–34.

Новікаў, С. Урочышча Благаўшчына – месца масавага знішчэння людзей на тэрыторыі Беларусі / С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2013. – № 10. – С. 27–34.

Новікаў, С. Ліквідацыя слядоў масавых нацысцкіх злачынстваў у Беларусі ў 1943–1944 гг.: да пытання аб дзейнасці «зондэркаманды 1005-Цэнтр» / С. Новікаў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2019. – № 5. – С. 3–13.

Новікаў, С. Праблематыка нацысцкага генацыду ў раёне вёскі Малы Трасцянец у 1942–1944 гадаў у святле найноўшых і ранейшых даследаванняў // С. Новікаў / Przeglad Srodkowo-Wschodni. – 2019. – Nr. 4. – P. 523–556;

Новікаў, С. Аб'ектыўнае канструяванне мінулага – бясспрэчная аксіёма гістарычнай навукі / С. Новікаў // Беларуская думка. – 2022. – № 11. – С. 81–89.

а таксама нямецкімі гісторыкамі¹. Аднак ні адна са згаданых работ не разглядала месцы памяці ў Мінску і Трасцянцы ў ракурсе, вызначаным нямецкай даследчыцай.

Рэцэнзуемая праца прысвечана надзвычай актуальнай па цяперашні дзень праблематыцы – праблемам мемарыялізацыі гістарычных падзей, якія ў савецкі час практычна заставалася па-за ўвагай афіцыйнай гістарыяграфіі². Таму не з'яўляецца выпадковым, што ў даследаванні Г. Поль праводзіць навуковы аналіз вынікаў мемарыялізацыі аб'ектаў памяці ў Мінску і Малым Трасцянцы, звязаных з трагедыяй яўрэйскага насельніцтва Беларусі, а таксама Аўстрыі, Германіі, Чэхіі. Імпануе навуковая пазіцыя нямецкай даследчыцы, якая ставіць перад сабой вельмі адказныя задачы па максімальна поўным аналізе гістарычнага мінулага з мэтай рэканструявання фактычных падзей, звязаных з захаваннем памяці ў такіх "месцах памяці", як Мінскае гета (S. 23) і Малы Трасцянец (S. 45).

Адразу ж заўважым, што ў сваім даследаванні нямецкі аўтар выкарыстоўвае ў якасці абагульненай назвы геаграфічны тэрмін, то бок назву вёскі Малы Трасцянец, побач з якім цягам 1942–1944 гг. знаходзіўся лагер прымусовага ўтрымання вязняў і іх выкарыстання ў якасці працоўнай сілы, тады як у афіцыйных дакументах Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі, якая працавала на месцах масавага знішчэння людзей у раёне вёскі Малы Трасцянец, ужываюцца асобныя назвы, сярод якіх: урочышча Благаўшчына як месца масавых расстрэлаў каля вёскі Вялікі Трасцянец, урочышча Шашкоўка як месца масавага знішчэння і спальвання людзей, а таксама сам лагер, які знаходзіўся побач з вёскай Малы Трасцянец. Інакш кажучы, пад назвай "Трасцянец" у сучаснай беларускай гістарыяграфіі замацаваны ўсе

¹ *Kohl, P.* Das Vernichtungslager Trostenez. Augenzeugenberichte und Dokumente / P. Kohl. – Dortmund: IBB GmbH, 2003. – 111 S.

Hoffmann, J. "Das kann man nicht erzählen". "Aktion 1005". Wie die Nazis die Spuren ihrer Massenmorde in Osteuropa beseitigen / J. Hoffmann. – Hamburg; Fulda: Fuldaer Verlagsanstalt, 2008. – 432 S.

Ewe, G. Maly Trostinez heute begegnen / G. Ewe // Im Schatten von Auschwitz. Spurensuche in Polen, Belarus und der Ukraine: Begegnen, Erinnern, Lehren / Hrsg. von Martin Langebach und Hanna Liever. – Bonn: BPB; 2017. – S. 332–349.

Rentrop, P. Tatorte der "Endlösung". Das Ghetto Minsk und die Vernichtungsstätte von Maly Trostinez / P. Rentrop. – Berlin : Metropol, 2011. – 256 S.

Rentrop-Koch, P. Maly Trostinez – ein Landgut als Vernichtungsstätte / P. Rentrop-Koch // Im Schatten von Auschwitz. Spurensuche in Polen, Belarus und der Ukraine: Begegnen, Erinnern, Lehren / Hrsg. von Martin Langebach und Hanna Liever. – Bonn: BPB, 2017. – S. 152–169.

Янеке, К. Официальные германо-белорусские отношения 1990 – 2019 гг. в зеркале развития места памяти «Тростенец» / К. Янеке // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць : матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 5 крас. 2019 / Мин. дзярж. лінгвіст. ун-т ; рэдкал. : А. А. Каваленя (адк. рэд.), С. Я. Новікаў (нам. адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : МДЛУ, 2022. – Вып. 18. – С. 4–13.

² *Раманоўскі, В. П.* Трасцянецкі лагер смерці / В. П. Раманоўкі // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941 − 1945 : Энцыкл. / Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) і інш. − Мінск : БелСЭ, 1990. − С. 590.

пералічаныя вышэй месцы масавага знішчэння, а не адно з іх – каля вёскі Малы Трасцянец. Таму аўтар рэцэнзуемай працы, на наш погляд, прытрымліваецца падыходу, уведзенаму у дачыненні да гэтага месца знішчэння яшчэ ў канцы нулявых гадоў П. Рэнтрап¹, тады як урочышча Благаўшчына, па меркаванні яе самой, з'яўлялася "да восені 1943 г. цэнтральным месцам знішчэння мінскага СД" (S. 576). Гэта азначае, што Г. Поль праз гэтую назву значна звужае прадмет свайго даследавання, лакалізуючы яго толькі вёскай Малы Трасцянец. Насамрэч, у магістарскай працы разгледжаны ўсе гістарычныя "месцы памяці" – каля Вялікага і Малога Трасцянца (S. 45–50), урочышча Шашкоўка (S. 50–64) і ўрочышча Благаўшчына (S. 65–75).

Аналіз магістарскай працы Г. Поль паказвае, што ў нямецкай гістарыяграфіі на цяперашні час з'явілася спецыяльнае даследаванне па культуры памяці ў Беларусі. Гэта азначае, што беларускай навуковай грамадскасці, турыстычным фірмам, музейным супрацоўнікам Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны, а таксама школьным экскурсаводам ў музейнай экспазіцыі "Трасцянец" у сярэдняй школе вёскі Вялікі Трасцянец пасля выхаду ў свет новай працы на тэму ўшанавання памяці аб трагедыі яўрэяў у Мінску і яго ваколіцах неабходна выкарыстаць новыя ацэнкі на гістарычныя падзеі ў сучаснай беларускай гістарычнай навуцы, вучэбнай і выхаваўчай працы, экскурсійнай практыцы, грамадскім і дзяржаўным дыскурсах.

Даследаванне ўключае шэсць частак: уводзіны (S. 1–10), частку 2 "Памяць пра вайну і Шоа ў Беларусі" (S. 11–18), частку 3 "Аналітычныя рамкі і мемарыял" (S. 19–22), частку 4 "Аналіз месцаў памяці" (S. 23–75), заключэнне (S. 76–85) і бібліяграфію (S. 86–98), а таксама дадаткі (S. 99–108). Апроч таго, структуру складаюць сузмесце, пералік фота і спіс табліц, прынятыя скарачэнні. Базу крыніц для даследавання тэмы складаюць апублікаваныя дакументы рознага паходжання, а таксама інтэрв'ю і стрымлайн-экскурсіі, у тым ліку віртуальны ўдзел Г. Поль у 4-гадзіннай экскурсіі аўтара гэтых радкоў па тэрыторыі Мемарыяльнага комплексу Трасцянец.

Разгляд навуковай распрацоўкі гэтай тэмы нямецкімі і беларускімі гісторыкамі прыводзіць даследчыцу да высновы аб тым, што ў распачатай ў першыя гады пасля вызвалення беларускай тэрыторыі працы партыйных і дзяржаўных органаў у Беларускай ССР па ўвекавечанні знамянальных месцаў і падзей, звязаных з Вялікай Айчыннай вайной, памяць пра Шоа ці катастрофу яўрэяў так і не заняла свайго належнага месца, пра што сведчылі вынікі гэтай дзейнасці на прыкладзе Мінскага гета і Малога Трасцянца як месцаў Катастрофы. Аўтар прыходзіць да высновы, што гэтая тэма доўгі час ігнаравалася (S. 2). Са спасылкай на два новых нямецкіх даследаванні, прысвечаных культуры памяці ў Беларусі, у тым ліку Малому Трасцянцу,

¹ *Rentrop, P.* Maly Trostinez / P. Rentrop // Der Ort des Terrors. Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager. In 10 Bände. Bd. 9. – München: C. H. Beck, 2009. – S. 573–587.

аўтар канстатуе, што да гэтага часу ў беларускай і замежнай гістарыяграфіі адсутнічае праца пра архітэктурную забудову у Мемарыяльнага комплекса Трасцянец, адкрытага летам 2015 г. (S. 7).

У другой частцы ўводзін Г. Поль раскрывае гістарычны кантэкст гэтых месцаў дзеянняў (S. 7–10). Яна акцэнтуе ўвагу на дакладных звестках, датычных Мінскага гета і Малога Трасцянца. З апорай на дакументальныя звесткі ў працы паказана агульна колькасць ахвяр, якія загінулі на месцах масавага знішчэння яўрэяў Мінскага гета на тэрыторыі самога гета, у раёне цагельнага завода ў Тучынцы, у час пагрому на пурым 2 сакавіка 1942 г., а таксама ва ўрочышчы Благаўшчына на працягу часу з лета 1941 г. па кастрычнік 1943 г., у тым ліку 6937 яўрэяў, дэпартаваных з Гамбурга, Дюсельдорфа, Франкфурта-на-Майне, Берліна, Брно, Брэмена і Вены. Такую ж карціну даследчыца малюе ў дачыненні да Малога Трасцянца, да якога прыводзіць звесткі Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі, паводле якой агульная колькасць ахвяр, забітых у гэтым раёне, вагалася ад 206,5 тыс. да 546 тыс. тады як нямецкія даследчыкі па грубых падліках дапускаюць забойства каля 60 тыс. чалавек (S. 10).

У трэцяй главе магістр вызначае рамкі аналізу для паказу канкрэтных аб'ектаў памяці на прыкладзе Мінскага гета і Малога Трасцянца. Для нагляднага прадстаўлення кожнага з іх аўтар прапануе табліцу 2 "Дэфініцыі прасторы памяці" (S. 20). З яе вынікае, што даследчыца вылучае асобныя прасторы памяці – Мінскае гета і Малы Трасцянец; канкрэтызуе месцы памяці, якімі ў першым выпадку з'яўляюцца яма, дзе адбыўся расстрэл на яўрэйскае свята пурыму 2 сакавіка 1942 г., былыя яўрэйскія могілкі на тэрыторыі гета, помнікі на Юбілейнай плошчы і ў Тучынцы. У другім выпадку месцамі памяці з'яўляюцца помнікі савецкага часу, аб'екты мемарыялізацыі ў ходзе правядзення будаўнічых работ у час першай чаргі і ў час другой чаргі. У якасці вынікаў мемарыялізацыі аўтар называе на Яме - чорны пасляваенны абеліск, 27 безыменных фігур, знак міноры, алея праведнікаў; на месцы яўрэйскіх могілак – пантэон памяці аб нямецкіх, аўстрыйскіх і чэшскіх яўрэях, разбіты ачаг, надмагільныя камяні; на Юбілейнай плошчы - памятны камень; у Тучынцы - памятны камень. На прыкладзе Малога Трасцянца гэты аналіз зводзіцца да наступнага. Аб мемарыялізацыі савецкіх часоў нагадваюць два памятныя камяні і абеліск памяці калы вёскі Вялікі Трасцянец; першая чарга будаўнічых работ пакінула наступныя аб'екты – шлях памяці, врана памяці, масіў імёнаў і аб'ект у Шашкоўцы; будаўнічыя работы ў час другой чаргі пакінулі лес памяці, шлях смерці і ямы-магілы.

У аснову аналізу нямецкі аўтар паклала мадэль па адаптацыі прасторы французскім сацыёлагам А. Лефеврам: прастора, якую пазнаюць; прастора, якую ўяўляюць; прастора, якую перажываюць (S. 22). Пры дапамозе канкрэтных катэгорый аналізу можна вывучыць тры аспекты памяці: фізічны, дыскурсіўны, сацыяльны. Выкарыстанне такіх метадалагічных падыходаў дало аўтару магчымасць прыйсці да важнай высновы аб тым, што адапта-

ваная да жыцця мадэль А. Лефевра дазваляе ўбачыць любы помнік у яго шматмернасці і прасторы. Вылучэнне асобных аспектаў паказвае падабенства ці адрозненні ад іншых помнікаў (S. 22).

У чацвёртай частцы "Аналіз месцаў памяці" (S. 23–75) прадстаўлены вынікі навуковага даследавання на прыкладзе 7 аб'ектаў памяці, пачынаючы ад прасторы памяці "Яма" да прасторы памяці "Малы Трасцянец".

У першым выпадку праведзены аналіз гісторыі ўзнікнення і форм захавання памяці на прыкладзе Ямы, яўрэйскіх могілак, памятнага каменя на Юбілейнай плошчы і памятнага каменя ў Тучынцы. Заўважым, што кожнае з названых месцаў замацавана на фота, сабраных у спецыяльным дадатку з 20 фотаздымкаў.

У працы даследчыца паказвае гістарычнае значэнне месца знішчэння яўрэяў Мінскага гета на пурым 2 сакавіка 1942 г. у кантэксце культуры памяці яўрэйскага народа, адзначае той факт, што Яма на цяперашні час стала сімвалам для ахвяр Мінскага гета ў гады нацысцкай акупацыі (S. 29). Асаблівае значэнне гэтаму месцу было нададзена ў 1946 г., калі на месцы трагедыі быў усталяваны першы ў СССР помнік загінуўшым у гады вайны яўрэям. Ад сябе дададзім, што аўтарамі былі беларускі яўрэйскі паэт Хаім Мальційскі і добра вядомы ў пасляваенным горадзе каменацёс Мордух Спрышэн. Помнік быў выкананы на ідыш і рускай мовах. Іх эстафету па мемарыялізацыі працягнуць амаль праз паўстагоддзя бліскучы беларускі архітэктар Леанід Левін і ізраільскі скульптар Эльза Полак, якія разам з беларускім скульптарам Аляксандрам Фінскім стварылі скульптурную кампазіцыю "Апошні шлях" у Мемарыяле ахвярам Халакосту "Яма". Менавіта тут, як адзначае Г. Поль, Кіраўнік рэспублікі А. Р. Лукашэнка ў сваёй прамове з нагоды 65-х угодкаў ліквідацыі Мінскага гета ў кастрычніку 2008 г. выказаў думку аб неабходнасці захавання памяці аб гэтай трагедыі і стварэнні ў Трасцянцы "велічнага мемарыялу памяці еўрапейскага значэння" (S. 30, 51).

Другім месцам памяці, які даследуе нямецкі гісторык, з'яўляюцца былыя яўрэйскія могілкі – цяперашні яўрэйскі парк памяці (S. 33–41). Г. Поль прасочвае гісторыю гэтага памятнага месца. Гэта трэцяе месца пахаванняў у Мінску сярэдзіны XIX ст., якое праіснавала фактычна да канца Вялікай Айчыннай вайны. У пачатку 1990-х гг. тут было створана месца памяці пра дэпартаваных з Аўстрыі, Германіі і Чэхаславакіі яўрэяў, забітых да канца германскай акупацыі ў Мінску і каля вёскі Малы Трасцянец. Пантэон памяці быў завершаны ўстаноўкай у 2015 г. памятнага камня з Чэхіі, тым самым было скончана стварэнне месца памяці (S. 34). Другім элементам мемарыялізацыі, як яго называе даследчыца, з'яўляецца "Разбураны ачаг" ці "Стол і стул", створаны па эскізах Л. Левіна і М. Петруля,

 $^{^1}$ *Герстен, Б. И.* Память народа. Хроника Минского гетто / Б. И. Герстен, В. В. Болкун. – Минск : Народная асвета, 2022. – С. 97–99 .

і адкрыты ў кастрычніку 2008 г. на 65-я ўгодкі ліквідацыі Мінскага гета. Трэцім элементам месца памяці ў працы прыведзены надмагільныя камяні, сабраныя ў яўрэйскім парку памяці. Г. Поль адзначае, што гэтыя аб'екты былі вернутыя ў культуру памяці дзякуючы выключана грамадскім намаганням яўрэйскай абшчыны, якія былі падтрыманы гарадскім кіраўніцтвам (S. 35). Важным фактам даследавання з'яўляецца табліца 4, якая адлюстроўвае храналогію падзей па мемарыялізацыі памяці аб дэпартацыі еўрапейскіх яўрэяў у Мінск у канцы 1941 года.

Завяршаюць гэтую частку даследавання матэрыялы аб помніках на Юбілейнай плошчы ў Мінску і каля былой вёскі Тучынка, дзе перад вайной знаходзіліся два цагельных заводы. На першым месцы памяці мемарыялізавана трагедыя Мінскага гета, дзе ў гады нацысцкай акупацыі загінула каля 100 тыс. чалавек. Частка з іх у ходзе пагромаў была забіта за 7 км ад Мінска, каля былых ям, дзе здабывалася гліна для вытворчасці цэглы. Як адзначае аўтар, у раёне вёскі Тучынка было забіта каля 14 тыс. чалавек, пра што на сённяшні дзень сведчаць памятныя надпісы на чатырох мовах – англійскай, беларускай, рускай і ідыш. Іх стваральнікам з'яўляўся Л. Левін разам з іншымі архітэктарамі і скульптарамі (S. 44).

У другой частцы раздзела размова ідзе пра прастору памяці пад назвай Малы Трасцянец (S. 45–75). У ёй прадстаўлены вынікі мемарыялізацыі ў савецкі час, калі каля вёсак Вялікі і Малы Трасцянец былі адкрыты памятныя месцы: першае з іх абеліск каля вёскі Вялікі Трасцянец, дзе памятны надпіс утрымлівае звесткі пра 201 500 ахвяр, мірных грамадзян, партызан і савецкіх ваеннапалонных, забітых нямецка-фашысцкімі захопнікамі ў 1941–1944 гг. (S. 47). У параўнанні з двума помнікамі, адзін з якіх быў пастаўлены каля вёскі Малы Трасцянец у 1965 г. і рэканструяваны у 2015 г., а другі – ва ўрочышчы Шашкоўка ў 1966 г., на іх адсутнічаюць дакладныя звесткі аб колькасці ахвяр. Гэты аспект адзначае нямецкая даследчыца ў сваёй працы (S. 47) і падкрэслівае, што кожны помнік знаходзіцца на гістарычным месцы, інакш кажучы, фарміруе адэкватнае ўспрыманне месца памяці, чаго нельга сказаць пра абеліск каля вёскі Вялікі Трасцянец. У сувязі з узвядзеннем Мемарыяльнага комплексу Трасцянец гэты помнік згубіў свае значэнне (S. 49).

Рашэнне аб стварэнні мемарыяльнага комплексу ў Трасцянцы, як адзначае ў даследаванні Г. Поль, было прынята на дзяржаўным узроўні яшчэ ў чэрвені 1994 года. У пачатку нулявых гадоў і цягам першага дзесяцігоддзя былі праведзены конкурсы па мемарыялізацыі трагедыі ў раёне вёскі Малы Трасцянец. Вынікам апошняга з іх, заключны этап якога адбыўся вясной 2010 г., з'явілася скульптурная кампазіцыя "Брама памяці" архітэктара К. Касцючэнка. Даследчыца адзначае, што закладка памятнай капсулы з нагоды пачатку будаўнічых работ у рамках першай чаргі мемарыялізацыі ў Трасцянцы адбылася з удзелам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнкі 8 чэрвеня

2014 г. недалёка ад вёскі Малы Трасцянец побач з тэрыторыяй былога працоўнага лагера. Праз год, 22 чэрвеня 2015 г., з удзелам кіраўніка дзяржавы, замежных гасцей і шырокай грамадскасці адбылося адкрыццё першай чаргі Мемарыяльнага комплексу Трасцянец (S. 52). Адкрыццё незавершанага будаўніцтва першай чаргі мемарыяльнага комплексу каля вёскі Малы Трасцянец з'явілася для кіраўніцтва дзяржавы добрай паставай для заявы, што дзякуючы гэтаму Беларусь з'явілася на "карце еўрапейскага турыстычнага маршруту па гісторыі Халакосту" (S. 65). Пры гэтым аўтар даследавання звяртае ўвагу, што ў ходзе мемарыялізацыі трагічных падзей ваеннай гісторыі была захавана савецкая парадыгма па фарміраванні месца памяці, на якім цалкам адсутнічаюць элементы яўрэйскай гісторыі і культуры, але пры гэтым дамінуючай прыкметай становіцца не савецкая, а беларуская традыцыя ўшанавання памяці пра трагічныя старонкі ваеннага мінулага (S. 65).

Заключным элементам гэтай часткі з'яўляецца аналіз новага помніка "Масіў імёнаў", канцэпцыя якога была прадстаўлена беларускай грамадскасці ў лютым 2019 г. у ўстанове вышэйшай адукацыі "Беларуская дзяржаўная акадэмія мастацтваў" (у рукапісу Г. Поль памылкова прыводзіцца дата 22 лютага 2009 г. – С. Н.). Сутнасцю новага мемарыяла з'яўляліся 10 асобных памятных камянёў вышынёй каля 3 метраў і шырынёй каля 1 метра, на якіх у сярэдняй частцы прыведзена каля 1 тыс. імёнаў, якія ўвасабляюць у сабе індывідуальную, але не асабістую памяць пра аўстрыйскіх ахвяр Шоа ў Беларусі. Нагадаем, што размова ідзе пра 13 500 яўрэяў, вывезеных у Мінскі раён і ў раён Трасцянца толькі з адной мэтай – іх расстрэлу. На думку аўстрыйскага архітэктара і скульптара Даніэля Занвальда, на гэтым месцы павінен быць пастаўлены помнік, які нагадваў бы пра трагедыю яўрэяў, і яны больш не заставаліся бы безыменнымі ахвярамі Халакосту, надалей пазбаўленымі забыцця (S. 65). У гэтым кантэксце на вышэйзгаданай канферэнцыі беларускі архітэктар Г. Левіна, якая пасля смерці бацькі працягвае яго справу па мемарыялізацыі Шоа ў Мінску і Трасцянцы, прапанавала побач з гэтым помнікам паставіць помнік "Масіў невядомых імёнаў" тым, хто да гэтага часу застаецца невядомым, але забітым у гады нацысцкай акупацыі. Аднак гэтая ідэя, як піша магістрант, не знайшла падтрымкі з аўстрыйскага боку.

У заключнай частцы чацвёртага раздзела Г. Поль распавядае пра другую чаргу будаўніцтва Мемарыяльнага комплексу Трасцянец ў раёне ўрочышча Благаўшчына (S. 65–75). Як адзначае аўтар, у канцы 1950-х гг. тут пачалася не мемарыялізацыя, а занядбанне гэтага месца трагедыі, дзе паводле даных Надзвычайнай дзяржаўнай камісіі было забіта 150 тыс. чалавек. Побач з гэтым месцам пачалі ствараць гарадскую звалку. Таму не дзіўна, што толькі ў 2002 г. па ініцыятыве яўрэйскай абшчыны быў усталяваны невялікі помнік побач з месцам масавага знішчэння ў 1941–1943 гадах. Другім важным аб'ектам памяці ў гэтым месцы памяці з 2010 г. становіцца лясны масіў, які быў выкарыстаны прадстаўнікамі аўстрыйскай грамадскай ініцыятывы

ІМ-МЕ МАLVINA (на нямецкай мове гэтае скарачэнне азначае 'ініцыятыва Мальвіна'. Так звалі бабулю В. Бартон – арганізатара гэтага пачынання, памятаць Малы Трасцянец. – С. Н.) для ўшанавання памяці, калі штогод у невялікім сасновым ляску каля месцаў расстрэльных ям на дрэвах вывешваліся жоўтыя ламініраваныя лісты памерам А4 з імёнамі тых, каго вывезлі з Вены толькі з адзінай мэтай – іх забойства як яўрэяў. Апроч таго, распачалася грамадская дзейнасць па стварэнні мемарыяла аўстрыйскім яўрэям, які быў адкрыты у рамках агульнай канцэпцыі мемарыяла не ва ўрочышчы Благаўшчына, то бок на месцы расстрэлаў 13 500 аўстрыйскіх яўрэяў, а каля працоўнага лагера побач з вёскай Малы Трасцянец, пра што ў тэксце ішла гаворка вышэй.

Аналізуючы аб'єкты другой чаргі будаўнічых работ у раёне ўрочышча Шашкоўка, аўтар спыняецца на галоўнай з іх, паводле афіцыйнай канцэпцыі яна называецца "Дарога смерці". Да яе ў гарызантальнай плоскасці прымыкаюць лясны масіў з жоўтымі таблічкамі і гістарычнае месца расстрэлаў. Магістр адзначае, што такое спалучэнне вылучае другую чаргу, паколькі ў ходзе будаўніцтва першай чаргі галоўнай дамінантай там з'яўлялася Брама памяці, хоць і ў аб'єктах другой чаргі назіраецца пэўная перавага вагонаў і тэмы дэпартацыі яўрэяў з Еўропы ў раён Трасцянца, якой з вясны 1942 г. становіцца цэнтральным месцам знішчэння яўрэяў на тэрыторыі Беларусі. У выніку аналізу прасторавых і функцыянальных месцаў памяці нямецкая даследчыца канстатуе, што адсутнасць запланаваных скульптурных элементаў на "плошчы парадоксаў", а таксама імянных спісаў з дэпартаванымі яўрэямі ў вагонах, стварыла падставы для ўзнікнення прабелаў у культуры памяці на канкрэтных месцах памяці (S. 75).

У заключэнні Г. Поль падводзіць вынікі даследавання і адзначае, што з пачатку нулявых гадоў у фокусе сучаснага грамадскага дыскурсу ў Беларусі стала знаходзіцца тэматыка Шоа, у значнай ступені мемарыялізаваная сродкамі манументальнага мастацтва ў Мінску і Малым Трасцянцы (S. 78). У якасці навуковых высноў даследчыца прыходзіць да наступных тэзісаў: 1) помнікі ахвярам Шоа ствараліся ў першую чаргу дзякуючы грамадскім ініцыятывам. На фоне таго, што дзяржаўныя інстытуцыі надавалі гэтаму свае тлумачэнне, сродкамі мемарыялізацыі грамадскім акторам ўдавалася захаваць асобныя элементы людскіх успамінаў (S. 78); 2) хоць у працэсе фарміравання месцаў памяці і стварэння архітэктурных манументаў відавочна з аднаго боку прысутнічалі мультынацыянальныя сувязі і агульныя дзеянні, з другога боку станавіліся вызначальнымі катэгорыі нацыянальнай памяці і памкненні да захавання ўласных месцаў памяці (S. 80); 3) памяць пра Шоа выкарыстоўвалася як сродак палітычнага ўзаемадзеяння і як крытэрый для дасягнення пэўных мэтаў з боку беларускай дзяржавы (S. 82).

Апроч гэтых тэзісаў Г. Поль выказвае слушныя думкі адносна працягу навуковых дыскусій у дачыненні да мемарыялізацыі памяці аб Шоа ў

Мінску і Малым Трасцянцы. Пры гэтым важна звяртаць увагу з аднаго боку на архітэктурную эстэтыку помнікаў на месцах памяці, а з другога – на выкарыстанне розных сродкаў, у тым ліку правядзенне віртуальных экскурсій турыстычнымі фірмамі і Музеем гісторыі Вялікай Айчыннай вайны. Пры даследаванні варта не пакідаць без увагі адну з цэнтральных фігур – Л. М. Левіна, дзякуючы якому быў істотна зменены ландшафт памяці ў Беларусі ўвогуле і ў дачыненні да захавання гісторыі Шоа ў прыватнасці. Вузлавым элементам такой працы можа заставацца Гістарычная майстэрня імя Леаніда Левіна ў Мінску, якая за 20 гадоў свайго існавання вельмі шмат зрабіла на ніве мемарыялізацыі памяці пра Шоа ў Мінску і Трасцянцы.

Такім чынам, з'яўленне нямецкамоўнага даследавання ставіць на парадак дня беларускай гістарычнай навукі і музейнай практыкі прынцыпова важныя пытанні, якія ў сувязі 80-мі ўгодкамі ліквідацыі Мінскага гета і слядоў злачынстваў па масавым знішчэнні грамадзянскага насельніцтва, у тым ліку яўрэяў з Аўстрыі, Германіі і Чэхаславакіі, партызан і падпольшчыкаў Мінска і навакольных населеных пунктаў, а таксама савецкіх ваеннапалонных ва ўрочышчы Благаўшчына набываюць асаблівае гучанне. Галоўны адказ на іх будзе заключацца ў тым, якім чынам і ў якой ступені замежная навуковая распрацоўка стане фактам айчыннай, у першую чаргу беларускай гістарыяграфіі, знойдзе адлюстраванне ў канцэпцыі экспазіцыі Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчыннай вайны і будзе выкарыстоўвацца ў індывідуальных тэкстах экскурсій для турыстаў з еўрапейскіх краін.

Ад сябе хацелася б працягнуць пералік першачарговых задач па ўшанаванні памяці трагедыі беларускага народа, як пра гэта сведчыць рэканструкцыя Мемарыяльнага комплексу Хатынь у сувязі з 80-годдзем гістарычнай трагедыі¹. У дачыненні да мемарыялізацыі месцаў памяці ў раёне вёсак Вялікі і Малы Трасцянец было б вельмі пажадана, каб у рэшце рэшт завяршыліся будаўнічыя работы адпаведна распачатай у сярэдзіне 2010-х гг. рэканструкцыі аб'ектаў першай чаргі ва ўрочышчы Шашкоўка, а таксама былі праведзены работы па інсталяцыі кожнага з запланаваных элементаў "Апошняга шляху" ва ўрочышчы Благаўшчына. Не менш важная задача стаіць і перад беларускай гістарычнай навукай, каб не знікаў інтарэс да гістарычных падзей у раёне Трасцянца, а таксама каб навуковая грамадскасць як мага хутчэй атрымала спецыяльнае навуковае даследаванне на гэту важную тэму ваеннай гісторыі і культуры памяці ў Беларусі.

Поступила в редакцию 27.03.2023

 $^{^1}$ Выступление Президента Беларуси Александра Лукашенко на памятном мероприятии, приуроченном к 80-летней годовщине хатынской трагедии // СБ. Беларусь сегодня. – 2023. – 23 марта. – С. 2.

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

Новікаў Сяргей Яўгеньевіч кандыдат гістарычных навук, загадчык кафедры гісторыі і сацыяльных навук

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт Мінск, Беларусь siarhnovikau@gmail.com

ПАДРЫХТОЎЧЫ ФАКУЛЬТЭТ ДЛЯ ЗАМЕЖНЫХ ГРАМАДЗЯН МІНСКАГА ІНЯЗА: ДА 45-ГОДДЗЯ ЎЗНІКНЕННЯ¹

У навуковым нарысе аўтар даследуе адну з самых унікальных старонак гісторыі Мінскага іняза (цяперашняга МДЛУ) – першае дзесяцігоддзе працы факультэта рускай мовы для замежных грамадзян, які знаходзіцца напярэдадні свайго 45-гадовага юбілею. За амаль паўстагоддзя прафесійнай дзейнасці выкладчыкі рускай мовы і літаратуры, гісторыі і геаграфіі падрыхтавалі сотні слухачоў – будучых студэнтаў устаноў вышэйшай адукацыі ў БССР і за яе межамі. Гэтыя дасягненні ў жыцці прафесарска-выкладчыцкага калектыву кафедры рускай мовы для замежных грамадзян і іншых кафедраў інстытута былі трывала звязаны з імёнамі першых дэканаў факультэта – У. І. Базарава, А. М. Шаранды, С. А. Шашковай, Е. Ц. Пятрушэнка.

Ключавыя словы: 45-гадовы юбілей; Мінскі іняз; падрыхтоўчы факультэт для замежных грамадзян; кафедра рускай мовы для замежных грамадзян; замежныя слухачы.

Падрыхтоўчае аддзяленне для замежных грамадзян у Мінскім інязе было створана 17 кастрычніка 1979 года. Першыя 50 слухачоў, залічаныя для навучання рускай мове, з'яўляліся стыпендыятамі грамадскіх арганізацый і дзяржаўных праграм з розных краін Азіі і Афрыкі (Амана – 1, Анголы – 2, Ганы – 4, Гвінеі-Бісаў – 5, Іарданіі – 10, Ірака – 1, ЙАР – 1, Кеніі – 1, Лівана – 1, Малі – 6, Сенегала – 1, Сірыі – 3, Судана – 1, Эфіопіі – 2) [1, Арк. 38].

Кафедра рускай мовы для замежных грамадзян пачала дзейнасць з верасня 1980 года. Яе першым загадчыкам з'яўляўся кандыдат педагагічных навук, дацэнт М. П. Кавалёў. У склад кафедры ўвайшлі 5 выкладчыкаў падрыхтоўчага аддзялення (С. А. Балонава, У. Г. Галаўша, М. П. Кавалёў, М. М. Севасцьянава, Я. Ф. Трысветва), 11 выкладчыкаў, пераведзеных з іншых кафедраў інстытута (Л. Г. Бучынская, С. Б. Варашылава, А. М. Гуртоўцава, Л. Г. Кандзялінскі, А. І. Кліменка, З. Ф. Корнева, Р. М. Ляхновіч, У. М. Пратасеня, Л. А. Рагоўская, А. М. Сенькевіч, С. Р. Чаркесава) і 4 новыя выкладчыкі – Л. В. Базарава,

 $^{^1}$ Аўтар выказвае шчырую падзяку работніку дэканата факультэта рускай мовы для замежных грамадзян МДЛУ А. Л. Цехановіч за інфармацыйную падтрымку.

У. Б. Журавель, Л. І. Маскалева, В. А. Сяргееў. У ліпені 1981 г. прайшлі па конкурсу яшчэ 3 выкладчыкі: 2 выкладчыкі рускай мовы – У. У. Гурыновіч, І. І. Зябліцаў і 1 выкладчык эканамічнай геаграфіі – А. У. Чыж. У выніку вучэбны, вучэбна-метадычны, навуковы і выхаваўчы працэс на факультэце забяспечвалі 23 выкладчыкі, з якіх 1 – кандыдат навук, 7 – старшыя выкладчыкі і 15 – выкладчыкі. Выкладанне гісторыі СССР забяспечвалі 2 выкладчыкі з кафедры гісторыі КПСС (С. П. Кубека, С. Я. Новікаў) [2, Арк. 73].

Вучэбна-метадычную працу ў 1980/81 вучэбным годзе, калі на падрыхтоўчым факультэце ў 16 групах навучалася 109 студэнтаў з 35 краін свету, забяспечвалі дзве метадычныя секцыі: першая займалася арганізацыяй працы, накіраванай на фарміраванне ў студэнтаў моўных навыкаў і ўменняў на аснове лексіка-граматычнага матэрыялу падручніка, а таксама тэкстаў, распрацовак, лабараторных прац, падрыхтаваных выкладчыкамі кафедры (галоўным чынам на матэрыяле актуальных тэм паўсядзённага жыцця); другая займалася распрацоўкай методыкі фарміравання моўных навыкаў і ўменняў на матэрыяле гісторыі СССР, рускай і савецкай літаратуры, эканамічнай геаграфіі СССР [2, Арк. 60].

Значную ўвагу выкладчыкі надавалі самастойнай працы студэнтаў, якая разглядалася ў якасці аднаго з важных аспектаў адаптацыі замежных грамадзян да навучання ў інстытуце і савецкай краіне. Праводзіліся меры, якія садзейнічалі правільнаму планаванню працоўнага часу студэнтаў, захаванню працоўнай дысцыпліны і рацыяналізацыі прыёмаў вучэбнай працы. У час уводнафанетычнага курса арганізоўвалася дзяжурства і кансультацыі выкладчыкаў у зале праслухоўвання, вызначаўся аб'ём хатніх заданняў па рускай мове, гісторыі СССР, рускай і савецкай літаратуры, эканамічнай геаграфіі СССР. Студэнты забяспечваліся раздатачнымі вучэбнымі матэрыяламі па згаданых прадметах, размножанымі на рататары інстытута, вучэбнымі дапаможнікамі, неабходнымі для самастойнай працы. Значнае месца ў навучальным працэсе займала індывідуальная праца са студэнтамі, якая праводзілася ў форме дадатковых заняткаў, у выкананні рознага роду індывідуальных заданняў павышанай цяжкасці, накіраваных на іх пераадоленне, працы па інтарэсах і г.д. Кантроль за самастойнай працай ажыццяўляўся як на аўдыторных занятках, так і ў пазааўдыторны час [2, Арк. 64].

Кафедра з самага пачатку сваёй дзейнасці прытрымлівалася пазіцыі аб пэўнай адтэрміноўцы моманту ўключэння студэнтаў у навукова-даследчую работу па прычыне іх моўнай негатоўнасці да такога віду дзейнасці. Пры гэтым кафедра кіравалася падыходам, калі студэнтаў неабходна як мага раней прыцягваць да вучэбна-даследчай працы, паколькі такая праца ў значнай ступені садзейнічае падрыхтоўцы, асабліва філолагаў, да будучага навучання ў іншых ВНУ Савецкага Саюза. Такую выснову кіраўніцтва кафедры рабіла

са спасылкай на багаты назапашаны досвед падрыхтоўчага факультэта Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя М. В. Ламаносава і неабходнасці мэтанакіраванага абавязковага правядзення такой працы [2, Арк. 65].

Важным доказам гэтаму можна назваць дзяржбюджэтную навуковадаследчую тэму "Распрацоўка інтэнсіўных метадаў навучання рускай мовы як замежнай на падрыхтоўчым факультэце для замежных студэнтаў (гуманітарны цыкл)", зацверджаную пратаколам пасяджэння кафедры рускай мовы для замежных грамадзян № 1 ад 29 верасня 1980 года. Былі вызначаны рамкі выканання тэмы: з 1 студзеня 1981 г. да 31 снежня 1983 года. Навуковым кіраўніком прызначаўся кандыдат педагагічных навук М. П. Кавалёў. У пералік адказных выканаўцаў тэмы ўваходзілі два старшыя выкладчыкі – У. Г. Галайша, Р. М. Ляхновіч і 4 выкладчыкі – Л. І. Маскалёва, А. М. Сенькевіч, В. А. Сяргееў, Я. Ф. Трысветава [3, Арк. 1]. Калі ў пачатку выканаўцамі тэмы з'яўляліся 7 выкладчыкаў, дык праз тры гады іх колькасць павялічылася больш чым утрая. У "Акце аб прыёмцы навукова-даследчай работы" ад 13 студзеня 1984 г. адзначалася, што за гэтыя тры гады былі створаны дапаможнікі: Я. Ф. Трысветава, І. І. Зябліцаў, М. П. Кавалёў "Вучэбны дапаможнік па рускай мове для студэнтаў-замежнікаў падрыхтоўчага факультэта (гуманітарны профіль)"; М. П. Кавалёў, С. П. Кубека, А. М. Сенькевіч, Л. А. Рагоўская "Вучэбны дапаможнік па рускай мове для замежных студэнтаў падрыхтоўчага факультэта (на тэкстах па гісторыі СССР)"; Я. Ф. Трысветава "Дапаможнік па практычнай граматыцы рускай мовы падрыхтоўчага факультэта"; А. У. Чыж, П. В. Сарока, Я. Ф. Трысветава, І. І. Зябліцаў "Кніга для чытання па эканамічнай геаграфіі СССР для студэнтаў-замежнікаў падрыхтоўчага факультэта"; У. У. Гурыновіч, У. Б. Журавель, Л. Р. Захарэвіч, М. П. Кавалёў, Л. А. Рагоўская, В. А. Сяргееў "Дапаможнік па ўвядзенні ў спецыяльнасць для студэнтаў-замежнікаў падрыхтоўчага факультэта гуманітарнага профілю"; Р. М. Ляхновіч, У. Г. Галайша "Дапаможнік па навучанні аўдзіраванню"; М. М. Севасцьянава, Л. І. Маскалёва "Дапаможнік па рускай мове на тэкстах рускай мовы і савецкай літаратуры". Як адзначана ў заключным "Акце аб прыёмцы...", распрацаваныя методыкі і дапаможнікі былі ўкаранены ў вучэбны працэс на падрыхтоўчым факультэце ў 1982-1984 гг. [4, Арк. 85–86].

Высокі ўзровень выкладання на факультэце дасягаўся шляхам не толькі актыўнага ўдзелу ў навукова-даследчай працы, але і дзякуючы планаваму павышэнню кваліфікацыі і бесперапыннаму комплекснаму ўдасканальванню прафесійнага ўзроўню прафесарска-выкладчыцкага складу кафедры. Так, у 1984/85 навучальным годзе 2 выкладчыкі (У. У. Гурыновіч, І. І. Зябліцаў) закончылі завочнае аддзяленне філалагічнага факультэта Мінскага дзяржаў-

нага педінстытута імя А. М. Горкага; 4 выкладчыкі (А. М. Сенькевіч, Л. А. Рагаўская, Я. Ф. Трысветава, С. Р. Чаркесава) завочна навучаліся на 4 курсе філфака гэтага ж інстытута; 2 выкладчыкі (А. І. Канькоў, А. С. Шлык) толькі пачыналі навучанне на 2 курсе МДПІ імя А. М. Горкага [5, Арк. 35].

З першых гадоў дзейнасці на факультэце вялася мэтанакіраваная праца па падрыхтоўцы спецыялістаў вышэйшай кваліфікацыі, то бок кандыдатаў і дактароў навук. Так, у дакладзе аб выніках дзейнасці факультэта за першыя пяць гадоў адзначалася, што толькі некалькі чалавек (У. У. Гурыновіч, С. М. Лабаценка, С. Я. Новікаў, С. П. Кубека) працуюць над кандыдацкімі дысертацыямі, у той час як на кафедры рускай мовы для замежных грамадзян існуе значны рэзерв маладых і перспектыўных выкладчыкаў. Пры гэтым сам дэкан дэманстраваў яскравы прыклад навуковай дзейнасці – у лютым 1985 г. прадставіў на абмеркаванне доктарскую дысертацыю на саісканне вучонай ступені доктара філалагічных навук. Тэма даследавання гучала наступным чынам: "Параўнальная тыпалогія катэгорыі прыназоўніка (на матэрыяле нямецкай, рускай і беларускай моў)" [6, Арк. 37].

У справаздачы аб працы падрыхтоўчага факультэта для замежных грамадзян за першыя 5 гадоў адзначалася, што за перыяд з кастрычніка 1979 г. па кастрычнік 1984 г. моўную і гуманітарную падрыхтоўку на факультэце атрымалі і працягваюць навучанне ў ВНУ СССР 540 выпускнікоў факультэта з 66 краін свету. Статыстычныя даныя па гадах паказваюць, што колькасць слухачоў факультэта вырасла з 47 у першы год, да 136 праз пяць гадоў. Найбольш буйныя кантынгенты выпускнікоў падрыхтаваны з наступных краін: з В'етнама – 113 чалавек, з Лаоса – 36, Емена – 33, Мадагаскара – 33, Афгагістана - 32, Кіпра - 27, Эфіопіі - 22, Малі - 22, Марока - 20. На новы 1984/85 навучальны год на факультэце займалася 155 чалавек. Найбольш шматлікімі кантынгентамі з'яўляліся: Афганістан – 20 чалавек, Вьетнам – 16, Лаос – 14, КНДР – 10, Марока – 10, Эфіопія – 7, Тайланд – 7, Сірыя – 7, Чад – 6. Усяго зарэгістравана 18 зямляцтваў і арганізацый. На наступны навучальны год гэта колькасць вырасла да 21 зямляцтва і арганізацый з такіх краін свету, як Афганістан (4), В'етнам (15), Гвінея-Бісаў (3), Замбія (3), Індыя (6), ЙАР (3), НДРЙ (8), Кенія (4), Калумбія (3), Конга (3), Лаос (11), Ліван (3), Малі (9), Марока (5), Палесціна (5), Перу (3), Руанда (4), Сірыя (12), Судан (4), Шры-Ланка (3), Эфіопія (3), якія аб'ядноўвалі 119 студэнтаў. За кожным зямляцтвам ці арганізацыяй замежных навучэнцаў быў замацаваны куратар [7, Арк. 58]. Праз два гады колькасць замежных студэнтаў дасягнула рэкорднай лічбы -180 чалавек, якія прыбылі ў мінскі іняз з 51 краіны свету [8, Арк. 28].

Як адзначалася ў справаздачы дэкана факультэта А. М. Шаранды, нават за 5 гадоў адбыліся істотныя змены ў кадравым складзе. Калі пачыналі працу на падрыхтоўчым аддзяленні 8 выкладчыкаў, дык праз 5 гадоў іх колькасць на кафедры рускай мовы вырасла да 35 выкладчыкаў рускай мовы і літаратуры,

гісторыі СССР і эканамічнай геаграфіі СССР. Галоўнымі напрамкамі працы ПВС заставаліся: 1) навучанне замежных студэнтаў рускай мове і асновам агульнаадукацыйных дысцыплін; 2) знаёмства з савецкай рэчаіснасцю і далучэнне да савецкага вобраза жыцця і мыслення [9, Арк. 1].

У пераліку напрамкаў дзейнасці выкладчыкаў кафедры таксама пад пільнай увагай знаходзілася палітыка-выхаваўчая праца выкладчыкаў са слухачамі падрыхтоўчага факультэта. Літаральна з першых гадоў для замежных студэнтаў арганізоўваліся шматлікія мерапрыемствы культурнага кшталту, напрыклад: наведванне Брэсцкай крэпасці, Валгаграда, Мемарыяльнага комплексу Хатынь, Кургана Славы, Гатава; ускладанне вянкоў да помніка загінулым воінам; наведванне Беларускага дзяржаўнага музея гісторыі Вялікай Айчынай вайны, музея Чырвонасцяжнай беларускай ваеннай акругі; удзел у сустрэчах з удзельнікамі баёў за Малую Зямлю Я. Р. Карташовым, ветэранам 513-й дывізіі прафесарам П. І. Копаневым. У інтэрнаце праводзіліся тэматычныя вечарыны: "Лірыка ваенных гадоў", "Песні пратэсту ў барацьбе за мір", арганізаваўся прагляд кінафільмаў і наведванне экспазіцыі карцін М. Савіцкага "Лічбы на сэрцы". Апроч таго, для слухачоў факультэта былі праведзены бяседы "Беларусь партызанская", "Гэта не павінна паўтарыцца", "Да Дня Савецкай Арміі і Ваенна-марскога флоту", а таксама абмеркаванне фільмаў на героіка-патрыятычную тэму ў рамках прагляду фільмаў гарадскога кіналекторыя. Замежныя студэнты наведалі Музей І з'езда РСДРП, Палац піянераў, станцыю юных натуралістаў, сярэднія школы і дзіцячыя сады, выстаўку ВДНГ БССР, маторны, трактары і гадзіннікавы заводы, паліграфічны і камвольны камбінаты, хлебазавод № 5, вытворчае аб'яданне імя Крупскай, калгас "Рассвет" імя К. П. Арлоўскага, саўгас "Светлы шлях" Маладзечанскага раёна і інш. Вялікая праца куратарамі груп і куратарамі зямляцтваў праводзілася на факультэце па інтэрнацыянальным выхаванні замежных студэнтаў. Яны ўдзельнічалі ў святочных дэманстрацыях 7 лістапада і 1 Мая, рэгулярна наведвалі тэатры Мінска, філармонію, цырк, Палац спорту і інш. У пераліку турыстычных аб'ектаў для наведвання замежнымі навучэнцамі з цягам часу з'явіліся экспазіцыі розных музеяў, у тым ліку ў Вязынцы (радзіма Я. Купалы), Міры, Нясвіжы, Адлеры, Кіеве, Маскве, Ленінградзе, Рызе [2, Арк. 69–71; 10, Арк. 8].

Замежныя студэнты з вялікім інтарэсам знаёміліся з сістэмай народнай адукацыі ў СССР, рэформай сярэдняй школы ў БССР, удзельнічалі ў святкаванні Дня ведаў, бяседах у групах, лекцыі "Навука і адукацыя ў СССР", прымалі удзел у вечарах інтэрнацыянальнай дружбы, экскурсіях ў піянерскія лагеры. Цікава праходзілі пасяджэнні клубаў па інтарэсах: клуба рускай мовы (адк. М. М. Севасцьянава), клуба "Па краінах і кантынентах" (адк. А. У. Чыж), клуба музычнай культуры (адк. С. А. Балонава), дыскусійнага

клуба (адк. С. Я. Новікаў). На факультэце праводзілася вялікая работа па эстэтычным выхаванні студэнтаў. Былі арганізаваны экскурсіі ў Мастацкі музей БССР, Палац мастацтваў, наведванне ўніверсітэта музычнай культуры. Так, толькі ў 1985/86 навучальным годзе 86 студэнтаў факультэта ўдзельнічалі ў кружках мастацкай самадзейнасці (адк. Л. В. Крамко, Т. Б. Мілякова). Самадзейныя артысты прымалі ўдзел у шматлікіх інстытуцкіх і гарадскіх вечарах і канцэртах, выступалі ў саўгасах і калгасах, школах, у МТЦ "Юнацтва". Рэгулярна праводзіліся на факультэце вечары нацыянальнага строя і конкурсы нацыянальных блюд, а таксама канцэрт самадзейнай творчасці студэнтаў падрыхтоўчага факультэта, прысвечаны 1 мая. Па развіцці мастацкай самадзейнасці факультэт заняў трэцяе месца сярод пераможцаў на гарадскім фестывалі мастацкай творчасці замежных студэнтаў [7, Арк. 62].

У другім семестры 1985/86 навучальнага года кафедра вялікую ўвагу надавала прапагандзе матэрыялаў XXVII з'езда КПСС. Быў распрацаваны план першачарговых мерапрыемстваў па тлумачэнні і вывучэнні матэрыялаў як на вучэбных занятках, так і ў пазааўдыторны час. Выкладчыкамі былі падрыхтаваны метадычныя распрацоўкі і лабараторныя працы па Палітычным дакладзе ЦК КПСС XXVII з'езду Камуністычнай партыі Савецкага Саюза. Матэрыялы "Асноўныя напрамкі эканамічнага і сацыяльнага развіцця СССР на 1986–1990 гг." вывучаліся на занятках па навуковым стылі (складзены 4 метадычныя распрацоўкі). Студэнты былі забяспечаны літаратурай АПН па XXVII з'езду КПСС на замежных мовах. На кафедры быў створаны куток вывучэння матэрыялаў, у кабінеце рускай мовы аформлены стэнд па матэрыялах XXVII з'езда КПСС [7, Арк. 60].

Матэрыялы XXVII з'езда КПСС займалі цэнтральнае месца ў праграме па гісторыі СССР і эканамічнай геаграфіі СССР. Для замежных студэнтаў быў падрыхтаваны спецкурс па гісторыі СССР "Актуальныя пытанні ўнутранай і знешняй палітыкі КПСС і савецкай дзяржавы". У пазааўдыторнай палітыкавыхаваўчай працы выкарыстоўваліся розныя формы прапаганды матэрыялаў XXVII з'езда КПСС: адзіныя палітдні, палітінфармацыі ў групах, семінары палітычнай вучобы для лідараў секцый зямляцтваў і маладзёжных арганізацый, вечары-сустрэчы замежных навучэнцаў з дэлегатамі з'езда, пасяджэнні дыскусійнага клуба, вечары пытанняў і адказаў і інш. На факультэце былі аформлены некалькі стэндаў па матэрыялах XXVII з'езда КПСС, прызнаныя лепшымі ў інстытуце і Партызанскім раёне г. Мінска [7, Арк. 61].

Важнае месца займала спартыўна-масавая праца сярод замежных студэнтаў. Па нядзелях працаваў клуб выхаднога дня, у рамках якога праводзіліся розныя спартыўныя мерапрыемствы: спаборніцтвы па футболу, валейболу, тэнісу, лыжах, шахматна-шашачныя турніры, крос (адк. П. В. Сарока). Замежныя студэнты факультэта прымалі актыўны ўдзел у гарадскіх спартакіядах па розных відах спорту.

Так, шматгадовая практыка работы калектыву выкладчыкаў і куратараў на факультэце пацвярджала правільнасць адбудовы вучэбна-выхаваўчага працэсу цераз наступныя формы прыцягнення замежных грамадзян да паўсядзённага жыцця ў інстытуце: 1) правядзенне дыспутаў, вечароў пытанняў і адказаў, канферэнцый па актуальных праблемах сучаснасці; 2) выкарыстанне інфармацыйнай праграмы тэлеперадач "Час" у вучэбным працэсе і пазааўдыторнай працы; 3) аператыўнае інфармаванне замежных студэнтаў аб палітычных падзеях у свеце і на іх малой радзіме; 4) выкарыстанне нагляднай агітацыі (стэнды, насценныя газеты, плакаты, палітычная літаратура і інш.); 5) выяўленне светапоглядных пазіцый студэнтаў пры правядзенні з імі індывідуальнай працы, у працэсе правядзення лекцый, бясед, сустрэч "За круглым сталом", а таксама ў працэсе камунікацыі замежных студэнтаў з савецкімі студэнтамі-актывістамі [7, Арк. 63].

У 1989/90 навучальным годзе на факультэце працягвала працу школа маладога выкладчыка, дзейнасць якой забяспечвалі 6 вопытных настаўнікаў - С. Б. Варашылава, У. Г. Галайша, Р. М. Ляхновіч, Т. Б. Мілякова, А. М. Сенькевіч, С. Р. Чаркесава. Яны перадавалі багаты практычны досвед маладым выкладчыкам, у тым ліку: С. П. Барадзіну, А. П. Качаргіну, А. У. Жосу, Г. Ф. Пастушонак, А. І. Новікавай, Л. У. Тамковіч, Н. З. Нарвойш, Н. М. Кабянковай. Практыкавалася ўзаеманаведванне і абмеркаванне заняткаў настаўнікамі і маладымі выкладчыкамі, а таксама заняткаў іншых вопытных калег, у першую чаргу тых выкладчыкаў, хто праходзіў па конкурсу. У час працы школы маладыя выкладчыкі атрымлівалі рабочыя кансультацыі ад настаўнікаў па складанні планаў і правядзенні заняткаў, ладзілі сумесныя выніковыя заняткі па тэмах з аб'яднаннем вучэбных груп студэнтаў, сумесныя пазааўдыторныя мерапрыемствы з выкарыстаннем новых матэрыялаў у вучэбным працэсе. Маладымі выкладчыкамі вывучалася актуальная навукова-метадычная літаратура, рыхтаваліся вучэбныя матэрыялы, метадычныя распрацоўкі, нагляднасць. Яны ўдзельнічалі ў вучэбнаметадычнай працы і ў распрацоўцы навукова-даследчай тэмы "Навучанне размоўнай дзейнасці студэнтаў-замежнікаў падфака з улікам асаблівасцей роднай мовы", выконвалі грамадскія даручэнні, павышалі свой ідэйнапалітычны ўзровень у тэарэтычным семінары "Ленінская ідэйная спадчына і рэвалюцыйная перабудова" [11, Арк. 88–89].

10-гадовы юбілей калектыў кафедры рускай мовы падрыхтоўчага факультэта для замежных грамадзян сустракаў высокімі паказчыкамі і дасягненнямі ў вучэбна-метадычнай, навукова-даследчай і выхаваўчай працы са студэнтамі. У параўнанні з першым наборам, у 1989/90 навучальным годзе колькасць студэнтаў складала 169 чалавек, якія прадстаўлялі 51 краіну свету. З іх былі сфарміраваны 22 вучэбныя групы да здачы дзяржаўных экзаменаў

па 5 вучэбных прадметах – руская мова (пісьмова), руская мова (вусна), гісторыя СССР, эканамічная геаграфія СССР, руская і савецкая літаратура. Вучэбны працэс забяспечвалі 44 выкладчыкі, у тым ліку: 3 кандыдаты навук, дацэнты, 1 кандыдат навук, 7 старшых выкладчыкаў, 33 выкладчыкі і асістэнты, а таксама 5 супрацоўнікаў дэканата [11, Арк. 96].

Значны ўклад у паспяховае выкананне задач заключанага года 12-й пяцігодкі на кафедры рускай мовы падрыхтоўчага факультэта для замежных грамадзян забяспечваў калектыў выкладчыкаў на чале з кандыдатам філалагічных навук, дацэнтам З. М. Залуцкай у складзе к.ф.н. дацэнта А. В. Шыдлоўскага, старшых выкладчыкаў С. Б. Варашылавай, Р. М. Ляхновіч, Р. Ш. Арасланавай, А. М. Гуртоўцавай, В. С. Чуевай, У. Р. Галайшы, Г. І. Кліменкі, выкладчыкаў А. М. Сенькевіч, Л. В. Базаравай, С. А. Балонавай, У. У. Гурыновіча, Л. Р. Захаркевіч, І. І. Зябліцава, Л. В. Крэмко, Л. І. Маскалёвай, У. М. Пратасені, Л. А. Рагоўскай, П. В. Сарокі, М. М. Севасцьянавай, С. А. Крапіўнай, Я. Ф. Трысветавай, С. Р. Чаркавасай, А. У. Чыжа, А. С. Шлыка, Т. Б. Мясляковай, З. М. Палішчук, Г. К. Бандарэвіча, Л. Я. Васенковай, М. М. Федаровіча, А. П. Качаргіна, С. П. Кубекі, к.г.н. І. А. Захарчанкі, Ю. А. Абдурахманава, І. П. Сардэчнай, Л. П. Ермалаевай, С. С. Сарвілінай, А. І. Новікавай, Г. Ф. Пастушонак, Н. М. Кабенковай, Н. З. Нарвойша, О. А. Жоса. Першы загадчык кафедры к.ф.н., дацэнт М. П. Кавалёў у гэты час знаходзіўся ў замежнай камандзіроўцы [11, Арк. 73–74].

Такім чынам, першае дзесяцігоддзе свайго існавання калектывам выкладчыкаў кафедры і супрацоўнікаў дэканата, якія забяспечвалі арганізаваную прыёмку кантынгенту навучэнцаў, разам з адміністрацыяй факультэта і інстытута была ўпісана ўнікальная старонка гісторыі ў летапіс Мінскага іняза. Напярэдадні 45-годдзя гэтага факультэта могуць звярнуцца да багатага вопыту, атрыманага супрацоўнікамі дэканата і выкладчыкамі кафедры рускай мовы падрыхтоўчага факультэта для замежных грамадзян Мінскага іняза.

Аўтару гэтых радкоў пашчасціла ведаць асабіста кожнага кіраўніка, выкладчыка і супрацоўніка факультэта, спрычыніцца да шматлікіх пачынанняў, дасягненняў і інавацый у розных сферах жыцця факультэта і кафедры рускай мовы для замежных грамадзян, працуючы на факультэце выкладчыкам гісторыі СССР з 1 верасня 1980 па 1 верасня 1987 г.

ЛІТАРАТУРА

- 1. Отчет о работе института в 1979–1980 учебном году году // НАРБ. Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 984.
- 2. Отчет о работе кафедры русского языка подготовительного факультета для иностранных граждан за 1980/81 учебный год // НАРБ. Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 1039.
- 3. Отчет о работе подготовительного факультета для иностранных граждан за 1980/81 учебный год // НАРБ. Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 1185.

- 4. Акт о приемке научно-исследовательской работы «Разработка интенсивных методов обучения русскому языку как иностранному на подготовительном факультете для иностранных учащихся (гуманитарный цикл)» // НАРБ. Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 1186.
- 5. Отчет об учебной и политико-воспитательной работе подготовительного факультета для иностранных граждан МГПИИЯ за 1984/85 учебный год // НАРБ. Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 1273.
- 6. Протокол совместного заседания кафедры русского языка подготовительного факультета для иностранных граждан и кафедры теории и практики перевода (немецкий язык) МГПИИЯ от 27 февраля 1985 г. // НАРБ. Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 1289.
- 7. Отчет о работе кафедры русского языка подготовительного факультета для иностранных граждан МГППИЯ за 1985/86 учебный год // НАРБ. Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 1344.
- 8. Отчет о работе кафедры русского языка подготовительного факультета для иностранных граждан МГППИЯ в 1987–1988 учебном году // НАРБ. Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 1457.
- 9. Отчет о работе подготовительного факультета для иностранных граждан МГПИИЯ за пять лет его существования (1979–1984 гг.) // НАРБ. Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 1181.
- 10. Протокол заседания деканата подготовительного факультета для иностранных граждан МГПИИЯ от 24 декабря 1987 г. // НАРБ. Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 1457.
- 11. Отчет о работе кафедры русского языка подготовительного факультета для иностранных граждан МГППИЯ в 1989–1990 учебном году // НАРБ. Ф. 1154. Воп. 1. Спр. 1622.

Поступила в редакцию 27.03.2023

Кузнецова-Тимонова Александра Владимировна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра военной истории Беларуси Институт истории НАН Беларуси Минск, Беларусь aldona.smith@yandex.by

О РАБОТЕ ВЫПУСКНИКОВ И ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ МГЛУ НА «ФРОНТАХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1960–1980-е гг.)

В статье рассматриваются отдельные страницы истории Минского государственного педагогического института иностранных языков (далее – МГПИИЯ): 1) рекомендации студентов и преподавателей к выезду за рубеж для работы в качестве переводчиков и учителей русского языка; развитие новых языковых направлений в институте; 2) специальная подготовка переводчиков и основные географические направления работы выпускников; 3) военная подготовка студентов, работа выпускников института в качестве военных переводчиков, в том числе сопряженная с участием в боевых действий на территории иностранных государств; 4) память об участии выпускников института в военных конфликтах 2-й половины XX в., перспективы развития этого направления.

Ключевые слова: институт иностранных языков; переводчики; локальные военные конфликты; «холодная» война; военные переводчики; мемуары.

Исследование истории Беларуси 2-й половины XX в. в контексте советской истории периода «холодной войны» приводит нас к рассмотрению феномена массового изучения иностранных языков, подготовки учителей и переводчиков, а также массового командирования студентов и преподавателей языковых вузов для работы в страны Азии и Африки в процессе обретения ими независимости. И вместе с тем к не менее уникальному феномену массового направления студентов-лингвистов на службу в ряды Советской Армии именно в качестве переводчиков.

Военные переводчики в СССР официально появились 21.05.1929 г.: этим днем датирован приказ № 125 И. Уншлихта (заместителя Наркома по военным и морским делам) об установлении соответствующего «звания для начсостава Рабоче-Крестьянской Красной Армии». Массовая их подготовка началась в годы Великой Отечественной войны в Военном институте иностранных языков (ВИИЯ; сейчас Военный университет МО РФ), и к 1970-м гг. число изучаемых в этом институте языков достигло 40 [1]. Во 2-й половине 1940-х гг. институты иностранных языков начали открываться в разных городах СССР. Среди преподавателей военных кафедр в этих институтах было немало выпускников ВИИЯ, в том числе – имевших боевой опыт на территории иностранных государств.

Первое организационное собрание партийного актива МГПИИЯ состоялось 8 сентября 1948 года. И уже тогда, несмотря на обозначение в приоритете

работы вуза подготовки учителей иностранных языков (75 из 150 студентов первого набора были приняты на факультет английского языка (ФАЯ), 45 и 30 – соответственно немецкого (ФНЯ) и французского (ФФЯ)), было сразу подчеркнуто стратегическое направление по воспитанию «специалистов, в совершенстве владеющих иностранным языком, переводчиков». К концу первого учебного года было сформулировано требование увеличить количество мужчин в наборе «в целях обороны» [2, с. 65].

В 1952 г. в институте появился испанский язык: сначала в лице одного преподавателя (которого почему-то прикрепили к кафедре английской филологии), потом отдельной кафедры в составе ФФЯ, и позже – самостоятельного факультета (ФИЯ). Одним из первых преподавателей языка был испанец Х. Флорес-Фернандес, участник гражданской войны в Испании 1936–1939 гг., позже нашедший убежище в СССР. Наладить качественное преподавание испанского языка было непросто: долгие годы он не преподавался в советских вузах, все преподаватели не имели практического педагогического опыта – соответственно, обмениваться методиками было не с кем, эта проблема отмечалась еще в 1964 г. [3, л. 102]. Однако в будущем для студентов МГПИИЯ именно французский и испанский языки стали «билетом» в зону боевых действий – как государственные языки бывших колоний (и родственные им), отстаивавших в ту эпоху свою независимость и ставших ареной масштабных гражданских военных конфликтов.

Тогда же осенью 1952 г. вместе с инициативой организовать для студентов стрелковые кружки прозвучало предложение об организации первых кружков военного перевода: по одному на факультетах английского и французского языков, и двух – немецкого. Востребованность «военного» немецкого языка была обусловлена наличием советских войск в Германии (ГСВГ) и Австрии.

В 1962 г. среди приоритетов руководство института обозначило изучение восточных языков (что так и не было реализовано в интересующий нас период) и подготовку большого количества специалистов, хорошо знающих иностранные языки – с целью оказания технической и экономической помощи «странам, которые вышли и выйдут из-под ига капитализма» [2, с. 66]. Еще с 1956 г. СССР начал оказывать отдельным колониям европейских стран экономическую и военную помощь в борьбе за независимость. Во многих случаях СССР рассматривал эти страны как потенциальных партнеров в экономических вопросах: в том числе с этой целью велись топографические и геологоразведочные работы [4, с. 8]. Для организации успешной коммуникации с представителями принимающей стороны также требовались переводчики.

С каждым годом ужесточались требования к абитуриентам. От простого приоритета представителям восточных областей БССР и мужчинам в мае

1949 г., выпускникам сельских школ в 1957 г. к началу 1960-х добавились диагностирование при поступлении способностей к изучению языков, предложение о приеме устных экзаменов фонетистами, оценка грамотности устной речи, интонирования и умения анализировать текст на родном языке.

В 1958 г. была озвучена студенческая инициатива о введении второго иностранного языка в качестве дополнительной специальности. В частности, студенты факультета немецкого языка пожаловались, что хотели бы иметь в качестве второй специальности английский язык, а им выделяют только несколько мест и к тому же заставляют тянуть жребий. Эта инициатива была удовлетворена в 1959/1960 учебном году. Причем по утверждению преподавателя А. Сорокина, опыт с изучением 2-го иностранного языка в качестве дополнительной специальности был только в МГПИИЯ, чем и были обусловлены проблемы с учебным планом: примеры отсутствовали [2, с. 66].

Расширение военного сотрудничества СССР с бывшими европейскими колониями в Азии и Африке способствовало еще большей активизации подготовки именно военных переводчиков не только в профильном ВИИЯ, но и во всех языковых вузах СССР. Успешная коммуникация предполагает знание языка и реалий принимающей стороны, потому военных советников и специалистов должны были сопровождать переводчики [5, с. 13]. В декабре 1963 г. руководство института фиксировало масштабное увеличение числа студентов во всех институтах иностранных языков СССР: в самом МГПИИЯ число студентов и преподавателей увеличивалось на треть ежегодно.

Вопрос об открытии в МГПИИЯ специального факультета переводчиков (ФП) был поднят руководством института в ноябре 1962 г.: было принято решениеосоответствующемходатайствепередорганамиКПБиМинистерством высшего образования СССР. К тому моменту студенты и преподаватели уже на протяжении 4 лет (с 1958 г.) выезжали на краткосрочные (1–3 мес.) стажировки в страны изучаемого языка: сначала в ГДР и Бельгию (в последнюю - в т.ч. для работы переводчиками на Всемирной выставке в Брюсселе), чуть позже в Великобританию, США, ФРГ, со 2-й половины 1960-х гг. - на Кубу. Кроме того, с ноября 1960 г. на каждом заседании партбюро МГПИИЯ утверждались характеристики лиц, рекомендованных к дальнейшему рассмотрению для работы за пределами СССР. Впервые перспектива преподавания русского языка выпускниками МГПИИЯ на территории иностранных государств местным гражданам была озвучена в ноябре 1962 г. [6, л. 52]. Тогда же зафиксирован и первый именной список студентов (в основном студенток), рекомендованных для работы в конкретной стране – Индонезии (до того страна не указывалась) [7, л. 148].

С этого момента практически в каждом протоколе заседаний партбюро МГПИИЯ 1960-х – 1970-х гг. обозначены перечни фамилий студентов 4–5 курсов, рекомендованных для работы в качестве переводчиков (в том числе

в «качестве членов семьи») в следующих странах Азии и Африки: Индия (62), Бирма (6), Мали (10), Пакистан (12; только мужчины, 2 женщины – члены семей), Камбоджа (13), Алжир (222), Сирия (13), Египет (101), Эфиопия (2), Гвинея (47), Афганистан (4), Куба (51), Танзания (5), Марокко (6), Вьетнам (6), Турция (11), Камерун (1), Иран (69), Судан (2), Конго (3), Нигерия (7), Сомали (5), Уганда (3), Лаос (2), Гана (1), Мали (24), Ирак (9), Ливия (3), Замбия (3), Чили (4) (Подсчитано нами. - А. К.-Т.). 42 выпускника и преподавателя института были рекомендованы для выезда за границу в качестве преподавателей русского языка (вплоть до декана факультета испанского языка Е. И. Маслыко в октябре 1974 г.) в Индию, Вьетнам, Камбоджу, Гвинею, Непал, Пакистан, Судан, Бирму, Индонезию, Афганистан либо просто «в одну из освободившихся стран» (Подсчитано нами. - А. К.-Т.). Выявлены два случая рекомендации сотрудников института для выезда за границу в качестве преподавателей английского языка: ассистента кафедры английского языка Нины Зинкевич – во Вьетнам [8, л. 94], преподавателя А. С. Качук – в Бирму [3, л. 11]. Примечателен пример первой рекомендации преподавателя в качестве эксперта ЮНЕСКО: М. А. Хозяев был направлен в Нигерию экспертом по народному образованию [9, л. 83]. Заведующий кафедрой русского языка Н. П. Ковалев в июне 1985 г. был рекомендован для выезда в Сирию на 2-3 года для работы в качестве заведующего кафедрой русского языка Дамасского университета [10, л. 148].

Днем открытия военно-переводческого направления в МГПИИЯ можно считать 11 июня 1964 г., когда была рекомендована первая группа выпускников факультетов английского и немецкого языков (6 человек), «призываемых в Советскую Армию для работы в качестве военных переводчиков» [3, л. 106]. Один из них – выпускник 5 курса ФНЯ Михаил Атрашкевич – впоследствии стал кадровым военным, в звании майора преподавал на военной кафедре МГПИИЯ, а до начала преподавательской деятельности служил в качестве переводчика-референта групп советских военных специалистов в Ираке (1967 г.), Египте (1967–1975 гг.), Шри-Ланке (1980 г.), Эфиопии (1982–1985 гг.), был награжден медалью «За боевые заслуги» [11, с. 34]. В период службы в Египте М. А. Атрашкевич был переводчиком одного из будущих президентов этой страны Хосни Мубарака, который в те годы служил командиром авиационного колледжа [12, с. 209].

Заседанием бюро от 23.12.1965 г. была рекомендована группа (число и фамилии не указаны) «студентов, отъезжающих в Алжир по линии Министерства обороны СССР» [13, л. 76]. К тому моменту регулярные советские воинские части, выполнявшие саперные работы по разминированию территории Алжира в октябре 1962 – июне 1965 гг. (по оценкам очевидцев, французские саперные батальоны на границе Алжира с Марокко и Тунисом оборудовали полосу заграждений, состоящих из многих рядов колючей про-

волоки, с установленными на каждом километре в полосе 3–10 км до 20 тыс. мин) [4, с. 28], уже покинули эту страну, однако советские военные и гражданские специалисты (и военные советники) находились там до конца 1980-х годов 5.05.1968 г. отмечена первая рекомендация группы студентов для работы переводчиками по линии Министерства обороны СССР с семьями (жены-однокурсницы рекомендованы в этом же списке «в качестве члена семьи»), из которых точно установлено участие в военном конфликте Василия Анофренко: по сведениям, полученным от дочери Н. В. Анофренко, в 1969–1971 гг. он в качестве переводчика служил в Египте в период боевых действий [14, с. 197].

Сходный для всех студентов-лингвистов гражданских вузов путь «в долгосрочную командировку по линии Министерства обороны СССР в качестве офицера-переводчика» подробно описал в своих воспоминаниях выпускник МГИМО Б. Щербаков: 1) собеседование с руководством военной кафедры вуза; 2) заполнение подробных соответствующих анкет, составление заявлений; 3) получение характеристик-рекомендаций первичных комсомольских и партийных ячеек группы; 4) утверждение характеристики на заседании бюро ВЛКСМ факультета; 5) утверждение характеристики заседанием бюро первичной организации КПБ факультета; 6) утверждение характеристики заседанием комитета ВЛКСМ вуза; 7) утверждение характеристики заседанием парткома вуза; 8) детальный анализ физического состояния кандидата на выезд для получения допуска для работы «в странах с жарким и засушливым климатом»; 9) утверждение характеристики выездной комиссией ЦК ВЛКСМ; 10) утверждение характеристики комиссией ЦК КПСС; 11) утверждение кандидатуры переводчика на конкретное языковое направление в 10-м Главном управлении Генерального штаба Министерства обороны СССР; 12) окончательное утверждение кандидатуры выездной комиссии Генерального штаба МО СССР [15, с. 18-20]. Этот путь мог растягиваться на несколько лет: уже утвержденный для работы по линии МО СССР выпускник мог быть распределен сначала по основной специальности (учитель иностранного языка, переводчик и т.д.), и лишь спустя несколько лет вызван в 10-е главное управление Генерального Штаба МО СССР (10 ГУ ГШ) и направлен для работы в состав советской военной миссии на территорию иностранного государства. Чаще случалось иначе: к окончанию учебы выпускники распределялись в штат МО СССР.

Своеобразный «массовый призыв» выпускников гражданских вузов в армию для выезда за границу в качестве переводчиков начался в середине 1970-х годов. Именно тогда феноменом ВИИЯ стали 10-месячные ускоренные курсы иностранных языков (их выбор зависел от приоритетности направлений военного сотрудничества): арабского, кхмерского, испанского (с конца 1960-х гг.), португальского и персидского (1976 г.), дари (1977 г.), пушту (1985 г.). Такие курсы действовали в ВИИЯ до 1989 г. [1].

Официально первая группа советских военных специалистов прибыла в Анголу 16.11.1975 г., в Мозамбик – в начале 1976 года. По воспоминаниям бывшего военного переводчика, выпускника ВИИЯ А. Григоровича, входившего в «ангольскую» группу, подготовка шла с начала 1975 г., поскольку по мере обретения португальскими колониями независимости уже было понятно, что туда поедут советские военные специалисты, и «приоритет при распределении на португальский язык отдавался тем, у кого уже был реальный боевой опыт – там намечались новые "горячие точки"» [16, с. 90]. Такого опыта у гражданских студентов не было. Однако довольно многим довелось его получить.

В течение 1977 г. для службы в армии за пределами СССР в качестве переводчиков было рекомендовано 124 студента разных факультетов МГПИИЯ. Один из них, выпускник ФНЯ Валентин Нисуло, связал свою жизнь со службой в Советской Армии: в 1978–1984 гг. он служил в ГСВГ, пройдя путь от переводчика-корректора до редактора-инструктора редакции спецпропаганды при политуправлении, а в 1986 г. проходил боевую стажировку в Афганистане в должности старшего инструктора спецпропаганды политотдела 40-й армии; в отставку вышел в звании полковника [14, с. 198]. Выпускники ФИЯ Сергей Баягин и Александр Шлык были направлены военными переводчиками в Анголу с необходимостью ускоренного изучения португальского языка.

Из воспоминаний С. П. Баягина: «В 1979 г. я окончил МГПИИЯ по специальности "учитель испанского и английского языков". Полтора года проработал в сельской школе. Летом 1980 г. вызвали на медкомиссию и собеседование в Гродненский облвоенкомат, потом в ГУК Советской Армии в Москве. Там сообщили, что пошлют на Кубу в качестве военного переводчика. У нас в институте была военная кафедра, у меня было звание лейтенанта запаса. Я работал в школе, ждал вызова. В конце декабря 1980 г. меня вызвали в Москву, и выяснив, что я холост, переориентировали на Анголе, объяснив, что португальский и испанский родственны, и особых проблем не будет» [16, с. 132].

Как вспоминает А. С. Шлык, «Я окончил испанский факультет с дипломом преподавателя испанского и английского языков. Распределение происходило через Министерство обороны. На военной кафедре предложили: поедешь служить переводчиком на два года, лейтенантом? Я согласился» [16, с. 137].

На долгие годы именно Ангола стала местом службы многих выпускников языковых вузов: переводчиков и учителей не только португальского, но и испанского языков. По свидетельству пресс-секретаря Российской общественной организации «Союз ветеранов Анголы» С. А. Коломнина, «для исполнения "интернационального долга" у СССР, казалось, было все: опыт военного строительства (правда, впоследствии выяснилось не во всем

пригодный для маленьких национальных армий, ведущих партизанскую войну в условиях жарких и влажных тропиков), подготовленные военные кадры, современная боевая техника и вооружение. Не хватало только переводчиков. И их стали ускоренно готовить, призывать из запаса, брали даже испанистов, благо испанский и португальский языки достаточно близки и, владея одним, при желании можно быстро выучить другой» [5, с. 35]. Вторым распространенным направлением стала Эфиопия.

В 1978 г. для службы в армии было рекомендовано 26 выпускников МГПИИЯ (списки составлены в этот раз по языкам, а не по факультетам). В 1979 г. – 27; в 1980 г. – 20; в 1981 г. – 34; в 1982 г. – 36 (выпускник ФП А. Ю. Дагель служил военным переводчиков в Эфиопии в 1987–1989 гг.); в 1983 г. – 57; в 1984 г. – 40 (выпускники ФП А. И. Хованский и И. Л. Ковалевич служили военными переводчиками в Анголе; выпускник П. В. Васильев в Анголе, Эфиопии, Ираке, позже являлся участником миротворческих миссий ООН); в 1985 г. – 47 (выпускники ФП О. А. Грицук, А. А. Хаткевич, С. П. Ерошов служили военными переводчиками в Анголе; лейтенант Олег Грицук принимал участие в боевых действиях под Куито-Куанавале в 1987-1988 гг., награжден кубинской медалью «За оборону Куито-Куанавале»); в 1986 г. – 19; в 1987 г. – 11, большинство из которых были направлены в Германию (Подсчитано нами. - А. К.-Т.) [14, с. 199]. Более поздние системные сведения пока отсутствуют, однако личные воспоминания выпускников МГПИИЯ позволяют утверждать, что рекомендации для выезда за рубеж по линии Министерства обороны СССР давались и в 1988-1989 гг.: зимой 1988 г. был распределен для службы «в штате Министерства обороны СССР» выпускник ФП В. Хальпуков, позже направленный служить в Анголу в качестве военного переводчика [17, с. 16].

Судьбу отдельных выпускников МГПИИЯ можно буквально проследить по характеристикам, выданным партбюро института в разные годы. Например, Михаил Гриднев впервые был рекомендован «для переводческой работы» студентом 4 курса в 1973 г. – а спустя 11 лет уже преподавателем военной кафедры «для работы в одну из развивающихся стран с семьей сроком на 3 года» [14, с. 196]. Выпускник ФП Лобко-Лобановский (имя не обозначено) был рекомендован для службы в армии в качестве переводчика без указания страны в декабре 1977 г. – а в июне 1979 г. была утверждена характеристика его жены для выезда за границу по месту службы мужа уже с указанием места назначения – Уганды [18, л. 163].

Среди преподавателей военной кафедры МГПИИЯ были профессиональные военные переводчики – выпускники как ВИИЯ, так и собственно МГПИИЯ, имевшие практику службы в армии в самых разных странах мира. Некоторые из них начали работу в институте, уже имея за плечами

поездки в «горячие точки». Уроженец Слуцкого района Минской области капитан Сергей Гуревский, один из первых выпускников ускоренных курсов португальского языка ВИИЯ, до поступления на работу в МГПИИЯ в сентябре 1986 г. (работал до 2002 г.) выезжал в командировку в Анголу в качестве переводчика-референта в 1977–1979 гг., а в 1983–1986 гг. – в Мозамбик [19, с. 74]. Другие выезжали в долгосрочные командировки (2–3 года), в том числе в воюющие страны, будучи преподавателями военной кафедры МГПИИЯ. Протоколом от 5.04.1978 г. были утверждены 5 кандидатур для выезда за границу в качестве военных переводчиков, среди которых - преподаватель Юрий Мальков: впоследствии он был направлен на Кубу в качестве старшего переводчика испанского языка центрального политуправления РВС (Революционных Вооруженных Сил) Кубы, а до того служил в ГСВГ в качестве диктора-переводчика редакции спецпропаганды политуправления. Преподаватель военной кафедры подполковник Александр Ваньшин был утвержден протоколом заседания партбюро МГПИИЯ от 25.06.1985 г. для работы за границей и направлен в Бенин старшим референтом группы СВС, где служил до середины 1988 г. [14, с. 196] Преподаватель военной кафедры подполковник Константин Хомяков (уроженец г. Крупки Минской области; выпускник ВИИЯ) в общей сложности 11 лет провел в Египте. Сначала в качестве старшего переводчика Александрийской военно-морской базы (1969–1972 гг.); позже был включен в состав первой группы советских военных наблюдателей ООН на Синае, где прошел путь до старшего группы советских военных наблюдателей на Ближнем Востоке (1974-1977 гг.) до заместителя начальника группы военных наблюдателей ООН в Египте (1981-1984 гг.). Был награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом «За службу Родине 3-й степени», медалью ООН «На службе мира» [19, с. 261].

В протоколе от 21.02.1980 г. упомянуты преподаватели военной кафедры В. А. Белюкин и В. Ю. Чернов. Подполковник Виктор Белюкин, будучи выпускником ВИИЯ, в 1980–1983 гг. служил в Мозамбике (именно туда он поехал согласно указанной рекомендации), а в 1986–1989 гг. – в Анголе в качестве старшего переводчика-референта. Под его началом служили в Анголе его же студенты С. Демидчик (выпуск 1982 г.), О. Грицук, А. Штукин, А. Хаткевич и т.д. [14, с. 197]. И все подчиненные сохранили теплые воспоминания о старшем референте, его отеческом отношении к молодым переводчикам. С. П. Демидчик вспоминал: «Пошел докладываться старшему референту. Захожу – и остолбеневаю: сидит мой бывший преподаватель по военной кафедре. Когда у нас преподавал, был майором, а в Луанде – уже подполковником. Виктор Александрович Белюкин! Это он меня из Куито-Куанавале вытянул (зона активных боевых действий на юге Анголы. – А. К.-Т.). Я никого не знал, ни о чем не просил, а он меня оттуда отозвал... Он же снова мне помог: благодаря ему я прилетел в Союз чуть раньше, чем

вышли мои два года. Он мне посоветовал: ты два раза болел малярией, уезжай, пока здоров, и в Министерстве обороны так и говори: отправили назад, потому что здоровье испортилось» [16, с. 182, 189]. Выпускник ВИИЯ И. А. Ждаркин писал в своей книге: «Я ношу медаль "За боевые заслуги" благодаря Виктору Александровичу Белюкину. Он не только мне, но и другим тоже помог, тем, кому до этого "зарезали" награждения» [20, с. 113].

Исследование боевых страниц истории сугубо, казалось бы, мирного гуманитарного вуза остается актуальным и важным и поныне. Военные и политические противостояния и союзы выходят на новый глобальный уровень, и работа переводчиков остается ключевой в обеспечении правильной коммуникации сторон, союзников и противников. Изучение работы переводчиков «в поле» «холодной войны» в историческом аспекте возвращает нам имена неизвестных героев и позволяет выбирать правильные примеры, точки соприкосновения истории нашей страны с историей обретения независимости стран Азии и Африки, которые органично вписываются, в том числе, и в процесс выстраивания внешней политики Республики Беларусь.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- 1. *Курапова, Е.* Составляющие профессии военного переводчика [Электронный ресурс] / Е. Курапова // Союз ветеранов ВИИЯ. Режим доступа: http://www.vkimo.com/node/1867. Дата доступа: 01.03.2016.
- 2. Кузнецова-Тимонова, А. В. Выпускники и преподаватели Минского государственного лингвистического университета в войнах и военных конфликтах 1950–1991 гг. (по материалам Национального архива Республики Беларусь) // Вестн. Полоцк. гос. ун-та. Сер. А. Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 64–68.
- 3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 1154, оп. 2, д. 38.
- 4. *Окороков, А. В.* Советский Союз и войны в Африке / А. В. Окороков. М. : Вече, 2018. 320 с.
- 5. *Коломнин, С. А.* Русский спецназ в Африке / С. А. Коломнин. М. : Яуза, 2005. 230 с.
- 6. НАРБ. Ф. 1154, оп. 2, д. 33.
- 7. НАРБ. Ф. 1154, оп. 2, д. 34.
- 8. НАРБ. Ф. 1154, оп. 2, д. 56.
- 9. НАРБ. Ф. 1154, оп. 2, д. 36
- 10. НАРБ. Ф. 1154, оп. 2, д. 97.
- 11. Кто есть кто в Республике Беларусь. Защитник родной страны : в 3 т. / под ред В. А. Сероштана. Минск : Энциклопедикс 2007. Т. 3. 402 с.
- 12. *Павлов, В. В.* Немеркнущая слава воинов-интернационалистов / В. В. Павлов, В. П. Павлов. Минск : Беларуская навука, 2020. 389 с.
- 13. НАРБ. ф. 1154, оп. 2, д. 40.
- 14. *Кузнецова-Тимонова, А. В.* От германии до Эфиопии: работа выпускников и преподавателей МГЛУ в качестве военных переводчиков (1960-е 1980-е гг.) // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 1.04.2022. Вып. 21; рэдкал. А. А. Каваленя [і інш.]. Мінск: МДЛУ, 2022. С. 193–201.

- 15. *Щербаков, Б.* В/ч 44708. Миссия Йемен / Б. Щербаков. М. : Альпина нон-фикшн, 2009. 192 с.
- 16. *Кузнецова-Тимонова, А. В.* Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе (1975–1992) / А. В. Кузнецова-Тимонова. Минск : Беларуская навука, 2017. 354 с.
- 17. *Хальпуков, В.* Ангола СССР: дружба и забвение / В. Хальпуков. М. : Интернациональный союз писателей, 2020. 152 с.
- 18. НАРБ. Ф. 1154, оп. 2, д. 69.
- 19. Кто есть кто в Республике Беларусь. Защитники родной страны : в 3 т. / под ред. В. А. Сероштана. Минск : Энциклопедикс, 2005. Т. 2. 2005. 369 с.
- 20. *Ждаркин И. А.* «Такого не было даже в Афгане...» Воспоминания участника войны в Анголе (1986–1988) / И. А. Ждаркин. М.: Memories, 2008.

Поступила в редакцию 22.05.2023

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 3 История, философия, социология, экономика, культурология, политология

 $N_{2} 22 / 2023$

Ответственный за выпуск А. Л. Подгайский

Редакторы: *В. М. Василевская, Л. А. Каштанова* ст. корректор *С. О. Иванова*

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 14.06.2023. Формат $60\times84^{-1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура РТ Astra Serif. Ризография. Усл. печ. л. 15,35. Уч.-изд. л. 17,58. Тираж 100 экз. Заказ 27.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 10.07.2020 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.